

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Асланян Руслан Георгиевич

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА**

**5.1.4 – уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

**Научный консультант:
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,
профессор В.П. Коняхин**

**Краснодар
2023**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Историко-правовой анализ формирования и развития Особенной части российского уголовного права.....	27
§ 1. Теоретико-методологические основы историко-правового анализа системы Особенной части уголовного права.....	27
§ 2. Становление и структурное обособление Особенной части российского уголовного права в период X – начала XX века.....	52
§ 3. Развитие Особенной части российского уголовного права в XX столетии.....	81
Глава 2. Источники Особенной части российского уголовного права.....	116
§ 1. Теоретико-методологические основы исследования источников Особенной части уголовного права.....	116
§ 2. Источники формирования Особенной части российского уголовного права.....	146
§ 3. Источники выражения Особенной части российского уголовного права.....	178
Глава 3. Нормативное предписание как исходный структурный элемент Особенной части российского уголовного права.....	215
§ 1. Теоретико-методологические основы исследования уголовно-правовой нормы и предписаний Особенной части уголовного права.....	215
§ 2. Понятие, содержание и структура нормативного предписания Особенной части уголовного права.....	244
§ 3. Виды нормативных предписаний Особенной части уголовного права.....	270

Глава 4. Институты Особенной части российского уголовного права.....	302
§ 1. Теоретико-методологические основы исследования институтов Особенной части уголовного права.....	302
§ 2. Содержание и структура института Особенной части уголовного права.....	331
§ 3. Система и виды институтов Особенной части уголовного права.....	367
Глава 5. Система Особенной части российского уголовного права....	403
§ 1. Теоретико-методологические основы исследования системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права.....	403
§ 2. Взаимосвязь Общей и Особенной части уголовного права.....	435
§ 3. Систематизация предписаний и институтов Особенной части уголовного права.....	468
Заключение.....	503
Список использованных источников.....	514
Список научных публикаций, в которых изложены основные научные результаты диссертации.....	590
Приложения.....	598

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Вопросы внутреннего строения и внешней организации правовых предписаний, составляющих отрасль уголовного права, остаются крайне значимыми для развития уголовно-правовой науки, законотворческой и правоприменительной деятельности. Лейтмотивом едва ли не всех научных сочинений на протяжении последних двух десятков лет является тезис о том, что Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) в результате многочисленных его изменений и дополнений фактически утратил свойства системно организованного правового документа, содержит множество положений, противоречащих друг другу, вступающих в конфликт с теоретическими принципами правотворчества, допускающих в силу этого произвольное толкование и создающих в итоге существенные препятствия к правильному и единообразному применению закона. Все чаще специалистами озвучиваются идеи разработки новой редакции действующего уголовного закона или принятия нового Уголовного кодекса.

Такие оценки и предложения заслуживают самого серьезного внимания и вместе с тем нуждаются в дополнительной проверке с точки зрения научно обоснованных представлений об идеальной или оптимальной системе уголовного права. Любая трансформация уголовного закона, тем более глобально затрагивающая основы его строения, должна базироваться на прочном теоретическом фундаменте, обосновывающем совокупность идей и положений, определяющих согласованное мнение специалистов относительно содержания и структуры уголовно-правовых предписаний, их институционального строения, внутриотраслевых и межотраслевых связей, формальных источников выражения. При этом, в силу специфики функционального назначения отрасли уголовного права, такие представления должны в первую очередь отражать понимание системы нормативных предписаний ее Особенной части, которая образует содержательное ядро

отрасли и обеспечивает связь уголовного права с криминологическими и иными условиями социальной действительности.

Система Особенной части уголовного права в самом общем виде представляет собой упорядоченную совокупность правовых предписаний, определяющих основания уголовной ответственности и пределы наказуемости тех или иных конкретных общественно опасных деяний. От того, насколько адекватны эти предписания реальным криминологическим угрозам, насколько точны и определены с точки зрения принципа законности, насколько согласованы между собой, а также с предписаниями Общей части уголовного права и положениями регулятивных правовых отраслей, зависят внутренняя устойчивость самой Особенной части, непротиворечивость и стабильность уголовного законодательства в целом и, как следствие, – эффективность правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям, степень реализации общепреventивного и воспитательного потенциалов уголовного права. Стройная и непротиворечивая теория Особенной части уголовного права также создает гарантии устойчивого перспективного развития отрасли, ее оптимальную адаптацию к динамично меняющимся социальным и правовым условиям жизнедеятельности общества.

С учетом этих обстоятельств обращение на уровне самостоятельного исследования к проблемам анализа теоретических основ построения системы Особенной части российского уголовного права представляется вполне оправданным и закономерным.

Степень изученности темы. Проблемам надлежащей систематизации уголовно-правовых предписаний в современной науке уделяется серьезное внимание. Их обсуждению был посвящен II Российский конгресс уголовного права «Системность в уголовном праве» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2007 г.). Они стали предметом анализа нескольких крупных монографических работ и диссертационных исследований (В.П. Коняхин, Н.И. Пикуров, А.И. Бойко, В.Д. Филимонов, М.С. Жук, А.В. Денисова).

Между тем, очевидно, что этим социальный заказ на исследование системы уголовного права не может считаться выполненным окончательно или в полной мере. Необъятная по охвату и глубине тема имеет существенные резервы для продолжения научного анализа, в том числе в связи с объективно имеющимися неполнотой и пробельностью научного знания. В разряд таких «пробелов» следует отнести вопрос о структуре, строении и системных началах функционирования Особенной части уголовного права, методологических основаниях системы Особенной части, внутренней организации и внешнем выражении как отдельных предписаний, так и их системной совокупности.

Теоретические исследования системы Особенной части как некоего целого правового феномена, к сожалению, остаются все еще «слабым местом» российской правовой науки. Такое положение дел еще в начале прошлого столетия констатировал С.В. Познышев. Он писал: «к сожалению, в настоящее время Особенная часть представляется очень неразработанной и, может быть, понадобится еще целое поколение ученых прежде, чем она достигнет всей желательной полноты и высоты развития. Этой неразработанностью и объясняется, что в курсах и очерках Особенной части господствующее место занимает положительное право»¹. Спустя более ста лет после этой нелестной оценки, ситуация слабо изменилась к лучшему. Теория Особенной части уголовного права по-прежнему нуждается в специальном и самостоятельном анализе.

Вопросы теоретического анализа Особенной части уголовного права справедливо отнести к той области юридической науки, которая привлекает неоправданно мало внимания со стороны специалистов. Несмотря на то что общая оценка состояния и эффективности уголовно-правового регулирования во многом основывается на характеристике положений именно Особенной части уголовного права, надежной теоретической основы

---

¹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. . 2-е, изд. испр. и доп. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – С. IX.

построения и развития этого компонента отрасли еще не создано. Достаточным будет сказать в подтверждение, что в современной библиографии наличествует лишь два монографических сочинения, специально посвященных теории Особенной части уголовного права – работы В.Н. Сизовой и М.С. Кириенко¹. В остальном же усилия специалистов сосредоточены по преимуществу на изучении отдельных правовых предписаний или институтов Особенной части уголовного права, на вопросах квалификации преступлений, конкуренции уголовно-правовых норм, их межотраслевого согласования и взаимодействия. Это, вне сомнений, важные направления анализа, составляющие содержательное ядро науки Особенной части уголовного права. Вместе с тем нельзя не признать, что проблематика теории Особенной части, ее доктринального фундамента, все еще остается слабоизученной.

Между тем, именно в этой области научного анализа должны быть выявлены и аргументированы важнейшие характеристики Особенной части уголовного права, понимание и соблюдение которых способно обеспечить столь необходимый в современных условиях согласованный и системный характер функционирования отрасли, его эффективность.

Объект диссертационного исследования составляет совокупность общественных отношений, связанных с генезисом, актуальным состоянием и перспективами развития системы Особенной части российского уголовного права.

Предмет диссертации образует комплекс теоретических и прикладных проблем, отражающих закономерности функционирования указанных отношений, в том числе:

– устоявшиеся методологические постулаты и развивающиеся положения общей теории права и отраслевой доктрины по поводу строения и системы Особенной части уголовного права;

---

¹ Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. – М.: Юрлитинформ 2021; Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2018.

- тенденции формирования и развития системы и структуры Особенной части уголовного права;
- источники и внешние формы выражения нормативных предписаний Особенной части уголовного права и их системы;
- внутри- и межотраслевые связи нормативных предписаний Особенной части уголовного права;
- пробелы и коллизии, относящиеся к составу и строению Особенной части уголовного права;
- юридико-технические условия эффективности деятельности по закреплению, толкованию и применению нормативных предписаний и институтов Особенной части уголовного права.

Цель исследования заключается в том, чтобы модернизировать методологические основы понимания Особенной части уголовного права и на этой основе разработать и обосновать отвечающую современным правовым стандартам эффективную концепцию ее внутреннего строения и внешних форм объективизации.

Задачи диссертационного исследования, последовательное решение которых позволяет достичь заявленной цели, состоят в следующем:

- уточнить и конкретизировать для целей познания Особенной части уголовного права методологические требования историко-правового метода исследования;
- вывить закономерности, тенденции и этапы формирования Особенной части современного отечественного уголовного права;
- модернизировать теоретические основы исследования материальных и формальных источников Особенной части уголовного права;
- определить понятие и установить формы выражения социальных источников Особенной части уголовного права;
- обосновать диверсифицированную систему формальных источников установления, конкретизации и толкования нормативных предписаний Особенной части уголовного права;

- адаптировать для целей исследования Особенной части уголовного права теоретическое учение о норме права и нормативном правовом предписании;
- исследовать структуру, логические и языковые формы выражения нормативного предписания Особенной части уголовного права;
- выявить виды нормативных предписаний Особенной части уголовного права, провести их классификацию;
- определить теоретические и методологические основы исследования институционального строения Особенной части уголовного права на основе конструкции «уголовно-правовая охрана»;
- охарактеризовать предметное содержание и внутреннее строение уголовно-правовых институтов Особенной части;
- провести систематизацию институтов Особенной части уголовного права;
- обосновать общие принципы взаимоотношения и взаимодействия Общей и Особенной части уголовного права;
- на основе целевых и функциональных параметров охарактеризовать место и роль Особенной части уголовного права в системе права, правовой политики и социального управления.

Методологическая основа диссертационного исследования образована совокупностью современных философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность и всесторонность в изучении проблем построения Особенной части уголовного права.

Философскую базу диссертации составили категории и принципы диалектики, предъявляющей к процессу исследования социальных явлений требования всеобщей связи, логической определенности, исторической конкретности.

В исследовании использованы гносеологические возможности таких методов, как:

- системный, предполагающий исследование Особенной части уголовного права как системы в единстве образующих ее компонентов и их связей как между собой, так и с внешней социальной средой;
- структурно-функциональный, ориентированный на познание отдельных элементов структуры Особенной части уголовного права и их функций, удовлетворяющих потребностям системы права;
- институциональный, призванный осмыслить уголовное право с точки зрения юридически должного образования норм и институтов, адекватно отражающих качественную характеристику уголовно-правовых отношений;
- холистский, рассматривающий «целое» (уголовное право в целом) в качестве первоочередного и приоритетного по отношению к своим «частям» (нормам и институтам);
- интервальный, признающий ограниченные возможности любой исследовательской методологии в познании сложных объектов и допускающий непротиворечивый синтез различных подходов к их познанию в пределах имеющихся познавательных «интервалов».

Их категории («цель», «функция», «модель», «структура», «система», «элемент», «оптимальность», «закономерность», «движение» и др.) позволили рассмотреть систему Особенной части уголовного права в единстве образующих ее компонентов и в качестве элемента общего механизма правового и социального управления; в качестве итога и одновременно этапа закономерного развития уголовного права; в контексте неразрывного единства внутреннего содержания и внешних форм выражения нормативных правовых предписаний.

В ряду частно-правовых исследовательских методов в работе применялись историко-правовой, документальный, формально-логический, статистический методы, метод экспертного опроса, контент-анализа.

Нормативную основу диссертации образуют: Конституция РФ; общепризнанные принципы и нормы международного права, выступающие частью российской правовой системы (в том числе закрепленные во

Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах человека и др.); нормы российского охранительного (УК РФ, КОАП РФ, УИК РФ, УПК РФ) и регулятивного законодательства, определяющие предпосылки, основания и пределы уголовной ответственности; нормативные документы, определяющие организационный порядок правотворческой деятельности. Сравнительно-правовое направление исследования обеспечено изучением уголовного законодательства некоторых зарубежных стран (Беларусь, Казахстан, Грузия, Франция, Швейцария, Испания, США и др.).

Эмпирическая база диссертационного исследования включает в себя:

– итоги изучения текстов современных и действовавших ранее уголовных законов, а также проектов уголовных законов, поскольку именно они отражают содержание, внутреннее строение и связь уголовно-правовых предписаний Особенной части с иными правовыми предписаниями;

– результаты анализа законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ (68 нереализованных или находящихся на стадии рассмотрения законопроектов по вопросам совершенствования уголовного законодательства);

– материалы изучения правовых позиций Конституционного Суда РФ, отраженных в его постановлениях и определениях (всего 35 документов) по вопросам конституционности положений уголовного закона, определяющих основания и пределы уголовной ответственности, а равно основные принципы реализации уголовной ответственности;

– итоги анализа конкретизирующей и толковательной деятельности высшей судебной инстанции, отраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (14 документов), утоняющие и развивающие представления об отдельных уголовно-правовых предписаниях и институтах;

– результаты обобщения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ (160 постановлений Президиума и определений

Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам), обзоры кассационной и надзорной практики Верховного Суда РФ (1997–2022). Преимущественно теоретический характер работы определил выборочное обращение к материалам судебной практики, которая используется в диссертации при анализе частных вопросов применения уголовного закона;

– материалы контент-анализа научных публикаций по проблемам систематизации российского права в целом, а также по вопросам строения и систематики Особенной части уголовного права, представленных на страницах юридической печати, прежде всего в период обсуждения крупных уголовно-правовых реформ, а также на II Российском конгрессе уголовного права «Системность в уголовном праве» (31 мая – 1 июня 2007 г.), XIII Российском конгрессе уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения» (26–27 мая 2022 г.);

– результаты опроса специалистов в области уголовного права: преподавателей юридических вузов и практикующих сотрудников правоохранительных органов, судей (всего – 284 чел., опрошенных в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, Республике Адыгея, Москве и Санкт-Петербурге).

Теоретическая основа диссертации представлена базовыми положениями отечественной правовой доктрины, в том числе:

– учением о системе права и строении его отраслей, разработанным С.С. Алексеевым, В.К. Бабаевым, М.Л. Давыдовой, О.С. Иоффе, Н.М. Коркуновым, Г.В. Мальцевым, М.Н. Марченко, В.С. Нерсесянцем, В.М. Сырых и др.;

– отраслевым учением о системе уголовного права, строении уголовно-правовых предписаний, норм и институтов, развитым в работах А.И. Бойко, А.В. Денисовой, А.Э. Жалинского, Т.В. Кленовой, В.П. Коняхина, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцева, А.В. Наумова, Н.И. Пикурова, Ю.Е. Пудовочкина, Э.С. Тенчова, В.Д. Филимонова и др.;

– доктринальными наработками в области исследования истории уголовного права (А.А. Арямов, А.А. Рожнов и др.), отраслевых источников права (О.Н. Бибик, К.В. Ображиев и др.), законодательной техники в уголовном праве (К.К. Панько, С.С. Тихонова и др.).

Научная новизна исследования состоит в разработке и аргументации на основе модернизации методологического потенциала отрасли перспективной концепции системного строения и внешнего выражения нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

Приращение научного знания о системе Особенной части уголовного права достигается, в частности:

– модернизацией теоретико-методологических подходов к историческому анализу Особенной части уголовного права, которая заключается в уточнении и конкретизации направления, предмета, источников и хронологии историко-правового анализа;

– авторской периодизацией истории формирования и развития Особенной части, учитывающей в качестве критериев одновременно и основные этапы истории государства, и специфику выражения уголовно-правовых предписаний Особенной части в структуре уголовного закона;

– установленными исследованием основными направлениями и закономерностями развития Особенной части уголовного права, отражающими динамику источников (форм) права, содержания уголовных законов и принципов их построения;

– результатами анализа и оценки основных направлений развития теоретических дискуссий о существовании, строении и значении Особенной части уголовного права;

– модернизацией и конкретизацией для целей познания Особенной части уголовного права общего учения об источниках права, которая заключается в уровневой систематизации источников;

– разработкой понятия и системы форм выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний;

- результатами дифференцированного анализа и систематизации источников установления, конкретизации и толкования уголовно-правовых предписаний;

- совершенствованием методологических основ понимания уголовно-правовой нормы и уголовно-правового предписания, авторским подходом к пониманию механизма образования и применения уголовно-правовой нормы;

- дополнительными аргументами в пользу необходимости систематизации уголовного права исключительно на основе концепта «нормативное предписание»;

- уточнением содержания и структуры нормативного предписания Особенной части уголовного права; результатами анализа логической и языковой формы выражения нормативного предписания Особенной части уголовного права;

- уточненными параметрами классификации уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права на основе выявления их типичных и нетипичных признаков; выявленными закономерностями формирования нетипичных нормативных предписаний Особенной части уголовного права;

- обоснованием необходимости диверсификации методологических основ познания институтов уголовного права и результатами адаптации для этих целей методологии институционального анализа права;

- совершенствованием теоретических представлений об институте Особенной части уголовного права как системе нормативных предписаний и правовых принципов, адекватных юридической конструкции уголовно-правовой охраны;

- обоснованием перспективной возможности признания институтом Особенной части уголовного права предписаний и принципов, охватывающих своим содержанием положения уголовного и административно-деликтного законодательства;

- итогами анализа проблем классификации институтов Особенной

части на охранительные и функциональные, соотнесенной с функциональными характеристиками отрасли уголовного права; аргументацией необходимости корреляции между критерием предметной градации институтов Особенной части и их классификацией по степени нормативного обобщения;

– определением критериев обособления субинститутов в рамках отдельных охранительных институтов Особенной части уголовного права;

– итогами применения холистского подхода к анализу системы Особенной части уголовного права в качестве неотъемлемой части системы социального управления;

– обоснованием инструментального подхода к исследованию проблем взаимосвязи Общей и Особенной части уголовного права, учитывающего целевое и функциональное назначение этих структурных компонентов отрасли;

– оценкой современного состояния асистемности Особенной части уголовного права как свидетельства неадекватности правовых конструкций основания и пределов наказуемости потребностям противодействия преступности;

– установленными и охарактеризованными связями между актуальными направлениями уголовной политики и систематизацией нормативных предписаний в Особенной части уголовного права.

Положения, выносимые на защиту:

1. Повышение результативности историко-правового анализа Особенной части уголовного права предполагает модернизацию методологических подходов к ее изучению. Актуальные и значимые для перспективного развития теории и практики результаты могут быть получены на основе сочетания диахронического и ситуационного подходов к исследованию истории права. Диахронический анализ внешних форм выражения и систематизации уголовно-правовых норм, предполагающий изучение наиболее содержательных, веховых источников уголовного

законодательства и достижений уголовно-правовой доктрины, должен органично дополняться применением всей совокупности догматических, социологических и сравнительных методов в рамках историко-ситуационного подхода к исследованию уголовного права.

2. В истории Особенной части уголовного права оптимально выделить следующие этапы: 1) X–XVIII века – период накопления нормативного материала, характеризующий зарождение Особенной части; 2) 1813–1845 гг. – период обособления Особенной части в структуре уголовного права; 3) 1845–1917 гг. – период развития Особенной части в системе уголовного права; 4) 1917–1922 гг. – инволюционный период, характеризующийся деинституционализацией Особенной части; 5) 1922 г. – по настоящее время – период возрождения и развития Особенной части в качестве элемента системы уголовного права.

3. Основные направления и закономерности эволюции Особенной части уголовного права в период ее формирования в качестве самостоятельной структурной единицы уголовного закона заключались: а) в переходе от обычаев к закону как форме репрезентации уголовно-правовых запретов, вычлениении категории «судебный обычай» и отнесении его к разряду дополнительных, конкретизирующих источников уголовного права; б) в переходе от межотраслевых, сборных законодательных актов к системе отраслевых уголовных законов, которая включала общий кодифицированный акт и ряд дополнительных уголовных законов; в) в переходе от уголовных законов, создаваемых для нужд различных юрисдикций и судебных установлений, к единому уголовному кодексу; г) в переходе от институционального строения уголовного закона к структуре, сочетающей пандектный принцип, предполагающий самостоятельное позиционирование Особенной части как элемента уголовного закона, и институциональный принцип построения самой Особенной части.

4. Теория источников Особенной части уголовного права включает в себя три основных блока: учение о субъектах правотворчества в федеральном

правовом государстве, учение о социальных факторах правообразования, учение о формах выражения правовых предписаний. Последовательный анализ проблемы источников Особенной части уголовного права в контексте этих трех компонентов теории позволяет признать, что формальный источник нормативных предписаний Особенной части – это созданный государством на федеральном уровне, выражающий в сфере публичных отношений волю народа правовой акт, который содержит предписания, специально предназначенные для регулирования уголовно-правовых отношений и рассчитан на возможность применения к неопределенному кругу лиц. Базовое противоречие теории источников Особенной части уголовного права – между полиисточниковым характером отрасли уголовного права и конституционным правилом ограничения прав и свобод исключительно федеральным законом – может быть эффективно разрешено за счет организации системных связей между уровнями правового регулирования и формами источников права. С учетом этого обстоятельства систему формальных источников Особенной части уголовного права образуют правовые акты установления, конкретизации и толкования уголовно-правового предписания об основаниях и пределах ответственности за конкретное преступление.

5. Взаимосвязь уголовно-правовых предписаний с внешней социальной средой развивается дифференцированно: по линии детерминации и по линии обеспечения инфраструктуры их реализации. Детерминирующие уголовно-правовые предписания социальные источники отрасли всегда преломляются общественным сознанием и имеют внешнюю форму объективизации в виде оценочных суждений о наличии криминальных рисков для нормального развития той или иной сферы общественных отношений. Система форм выражения социальных источников включает в себя доктринальные, общественно-политические, политико-правовые и правовые документы, которые совокупно создают систему научных оценок текущей и прогностической социальной ситуации, обуславливающих необходимость

(или возможность) эффективной охранительной реакции со стороны государства. Существенным пробелом в номенклатуре этих источников следует признать отсутствие официальной политико-правовой концепции уголовно-правового регулирования.

6. Оптимальная модель системы формальных источников Особенной части уголовного права может быть образована двумя группами документов. Первую составляют нормативные источники, которые представлены (а) правовыми актами установления уголовно-правового запрета (уголовный кодекс и, с учетом концепта уголовно-правовой сферы, кодекс об ответственности за преступные деяния небольшой степени опасности) и (б) источниками конкретизации запрета (постановления Правительства РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ). Вторую группу составляют ненормативные источники, которые представлены (а) актами необязательного (доктринальные документы, акты неуполномоченных на толкование государственных органов, определения Верховного Суда РФ) и (б) обязательного (решения Конституционного Суда РФ и постановления президиума Верховного Суда РФ) толкования.

7. Уголовно-правовая норма как целостное правило, устанавливающее пределы и возможности применения государственного принуждения к лицу, совершившему преступление, является логической конструкцией, результатом интеллектуально-познавательной деятельности правоприменителя и конструируется им на основе отдельных уголовно-правовых предписаний, выраженных в различных источниках уголовного права. Норма уголовного права в таком качестве не может служить исходным элементом отрасли уголовного права, основанием его структурирования и систематизации. Начальным звеном системы уголовного права выступает исключительно уголовно-правовое предписание.

8. Нормативное предписание Особенной части уголовного права, будучи центральным элементом уголовно-правовой нормы, определяет ее структуру и содержание, наряду с иными нормативными предписаниями.

Предписание Особенной части уголовного права представляет собой выраженное в тексте закона логически завершенное суждение законодателя, которое структурно включает в себя гипотезу, описывающую основания применения мер уголовно-правового принуждения, и диспозицию, определяющую пределы наказуемости преступления.

9. Классификация нормативных предписаний Особенной части уголовного права в зависимости от их соответствия эталонным признакам включает типичные и нетипичные предписания; последние, в зависимости от функциональной роли в обеспечении системности уголовного права, включают системосохраняющие и системоразвивающие; в зависимости от соответствия общим признакам предписания – временные, выраженные в иных, кроме уголовного закона, источниках, имеющие нестандартные логико-грамматические формы выражения. Закономерное развитие множества нормативных предписаний Особенной части уголовного права подчинено тенденции увеличения в структуре права нетипичных предписаний, что отражает процессы специализации и детализации предписаний общего характера, а равно их приспособления к условиям неопределенности социальной среды.

10. Методологические основы анализа уголовно-правовых институтов требуют признания ограниченных возможностей юридического позитивизма и применения в допустимых интервалах методологических возможностей иных теорий права и подходов к его исследованию. Широкие перспективы в этом случае открывает институциональный подход, в рамках которого формирование уголовно-правовых институтов и уголовного права может мыслиться как двуединый процесс, с одной стороны, дифференциации общего массива правовых предписаний и выделения, исходя из функционального предназначения, группы предписаний уголовно-правового содержания; с другой стороны, интеграции на основе общности предмета и метода всех уголовно-правовых институтов в рамки единого отраслевого массива. Такая логика формирования уголовного права позволяет в

эволюционном отношении выделить первичные уголовно-правовые институты – институты Особенной части, которые формируются путем обособления уголовно-правовых комплексов от общего массива правовых норм на основе критерия сформированности того социального института, который они призваны защищать; и вторичные институты – институты Общей части, которые формируются в процессе функционирования уголовного права как социального института путем выделения общих предписаний из массива уголовно-правовых норм на основе такого критерия, как участок, сторона, компонент собственно уголовно-правового отношения или уголовно-правового метода.

11. Для познания юридического содержания института Особенной части уголовного права целесообразно совместить потенциал позитивистского и институционального подходов к праву. С учетом их методологических требований уголовно-правовой институт может быть определен как системное образование, включающее в свое содержание нормативные правовые предписания и правовые принципы, обьективированные в различных отраслевых источниках уголовного права (в том числе исходя из признания единства уголовного и административно-деликтного права, – в законодательстве об ответственности за административные правонарушения), которые объединены на основе юридической конструкции «уголовно-правовая охрана». Именно эта конструкция обеспечивает обособление нормативных предписаний Особенной части в рамки отдельных институтов, исходя из особенностей объекта охраны и вида совершаемых в отношении него посягательств, и одновременно гарантирует важное свойство системности уголовно-правового института, с учетом полноты отражения и степени соответствия нормативных предписаний тем криминальным угрозам, которые существуют в обществе для охраняемого объекта.

12. В основу систематизации институтов Особенной части уголовного права должны быть положены представления о функциональном назначении

отрасли. Охранительная роль уголовного права предопределяет базовую структуру системы институтов Особенной части, которую образуют предметные правоохранительные институты, различающиеся по признаку непосредственного объекта уголовно-правовой охраны. Эти институты могут различаться по степени нормативного обобщения, причем такая градация должна соответствовать родо-видовым отношениям между объектами уголовно-правовой охраны. В рамках охранительных институтов, на основе признаков видового состава преступления возможно выделение отдельных субинститутов. Регулятивные функции Особенной части предполагают развитие в ней системы функциональных институтов дифференциации уголовной ответственности и поощрения позитивного постпреступного поведения.

13. Общность институтов Особенной части уголовного права является системой, которая демонстрирует наличие связей с иными внутриотраслевыми, межотраслевыми правовыми образованиями, внешней социальной средой, а также между отдельными структурными элементами самой системы институтов Особенной части. Для системы институтов Особенной части не характерны иерархические связи субординации, но свойственны: а) структурные связи, в силу которых структура Особенной части должна коррелировать системе охраняемых социальных институтов, обеспечивая собственную полноту и беспробельность; б) координирующие связи, которые обеспечивают эластичность системы, ее способность приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям, компенсировать содержательные колебания в отдельных институтах.

14. Особенная часть уголовного права как элемент системы социального и правового управления обществом представляет собой систематизированное множество отвечающих требованиям правовой определенности нормативных предписаний, в исчерпывающем и актуальном состоянии полностью выраженных в Особенной части УК РФ, которые, определяя основания и меры уголовной ответственности за конкретные виды

противоправного поведения, обеспечивают правовую охрану сложившихся в обществе и подтвержденных правом баланса и иерархии конституционных ценностей. Как часть системы социального управления уголовное право имеет общие с ней целевые и ценностные параметры, что предопределяет необходимость корректировки приоритетов уголовно-правовой охраны; как часть системы правового управления уголовное право обладает признаками субсидиарности и акцессорности, что предполагает возможность конструирования уголовно-правового запрета только после предварительного позитивного урегулирования поведения граждан в той или иной области социальных отношений; как часть системы охранительного публичного права уголовное право обеспечивает защиту только от тех нарушений, которые требуют самой суровой правовой реакции, что предполагает разграничение уголовного права и административно-деликтного права на основе параметров наказуемости правонарушений; как элемент уголовного права Особенная часть ориентирована на выполнение гарантийной функции, что требует правовой определенности, актуальности и исчерпывающего перечня нормативно-правовых предписаний.

15. Взаимосвязь предписаний Общей и Особенной части уголовного права определяется системосохраняющей функцией Общей части, инструментом реализации которой выступают правовые конструкции основания уголовной ответственности и пределов наказуемости преступления. Нарастающая асистемность уголовного права в значительной степени вызвана стремлением законодателя компенсировать или преодолеть те ограничения и пробелы, которые заложены в этих правовых конструкциях, и которые не в полной мере соответствуют реализуемой в стране уголовной политике, требуют корректировки на основе модернизированной теоретической концепции уголовного права.

16. Систематизация нормативных предписаний Особенной части не должна восприниматься исключительно как техническое решение вопросов внешней формы уголовного права. Она имеет глубокую предопределенность

основными направлениями уголовной политики страны, и согласно логике обратной связи, может влиять на содержание реализуемого уголовно-политического курса. Использование внешней формы Особенной части уголовного права для оптимизации уголовной политики на современном этапе должно включать в себя: а) развитие системы дефинитивных предписаний в Особенной и Общей части уголовного права для целей ограничения судебного усмотрения; б) детализацию в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ полного списка бланкетных источников применительно к каждой разъясняемой норме; в) размещение квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы Особенной части в целях обеспечения системности дифференциации уголовной ответственности; г) создание в пределах глав Особенной части УК РФ двух отделений – об ответственности за преступления и об ответственности за проступки – в целях дифференциации публичных правонарушений; д) детализацию содержания правоохраняемых благ и дробление в соответствии с этим глав Особенной части в целях использования способностей объекта уголовно-правовой охраны выполнять функцию ограничителя пределов криминализации; е) изменение порядка расположения разделов в Особенной части уголовного права в целях оптимального отражения приоритетов уголовно-правовой охраны.

Теоретическое значение результатов диссертационного исследования заключается в том, что они восполняют ощутимый пробел в юридической науке, связанный с познанием теоретических основ построения Особенной части уголовного права. В работе представлена научная концепция строения системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права, которая учитывает эволюционный опыт ее формирования и способна служить методологической основой для дальнейшего перспективного развития отрасли.

Исследование подтвердило познавательную ценность методологического подхода, базирующегося на принципах методологического плюрализма, в объяснении механизма формирования уголовно-правовых предписаний, их внешнего выражения в источниках права, внутриотраслевой систематизации и места в системе соционормативных регуляторов общественных отношений.

Предложенное понимание закономерностей и тенденций развития нормативных предписаний Особенной части уточняет сложившиеся представления об эволюции отрасли уголовного права. Выводы относительно содержания, структуры и видов нормативных предписаний и институтов Особенной части уголовного права развивают теоретическое знание о системе уголовного права, его строении и межотраслевых связях. Положения работы о механизме формирования и применения правовых предписаний Особенной части уголовного права совершенствуют развитие учения о социальных и формальных отраслевых источниках. Установленные исследованием взаимосвязи содержания и системы Особенной части уголовного права с уголовной политикой государства способствуют приращению научного знания о роли и месте права в системе социального управления.

В целом работа углубляет и развивает такие разделы уголовно-правовой доктрины, как история уголовного права, система уголовного права, межотраслевые связи уголовного права, источники уголовного права, законодательная техника в уголовном праве, тем самым проведенное исследование способствует развитию уголовно-правовой науки в целом.

Прикладное значение диссертации состоит в том, что сформулированные в ней выводы, предложения и рекомендации:

– укрепляют теоретико-методологические основы воссоздания, сохранения и развития системных параметров уголовного права в современных условиях нестабильности и противоречивости уголовно-правового нормотворчества;

– служат проверенной и надежной информационной базой данных для органов государственной власти в их работе по совершенствованию Особенной части уголовного законодательства;

– могут быть использованы в образовательном процессе при преподавании курсов уголовного права, уголовной политики, истории уголовного права, а также в работе по повышению квалификации сотрудников судебных, правоохранительных и административно-управленческих органов.

Достоверность и апробация основных выводов исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в 51 научной публикации, в том числе в 4 монографиях, 26 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России, и 4 статьях в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования. Сформулированные концептуальные положения стали предметом обсуждения 19 научных форумах международного и всероссийского уровней, в том числе на: Международной научно-практической конференции «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия)» (Геленджик, 2015); Шестой Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики» (Новороссийск, 2015); Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Москва, 2016); Третьей очной Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью» (Краснодар: КубГАУ, 2018); Международной научно-практической конференции «Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике» (Краснодар, 2018); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926

г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)» (Краснодар, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2021» (Ростов-на-Дону, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «30 лет юридической науки КубГАУ» (Краснодар, 2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития (к 100-летию УК РСФСР 1922 г. и 50-летию кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета)» (Краснодар, 2022); XIII Российском конгрессе уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения» (Москва, 2022); Втором Ярославском юридическом форуме в рамках Международной научно-практической конференции «Уголовно-правовые противодействия служебным, экономическим и иным преступлениям: современное состояние и пути оптимизации (к 150-летию со дня рождения профессора В.Н. Ширяева)» (Ярославль, 2022); VI очно-заочной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы с преступностью» (Краснодар, 2022); Второй и Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Москва, 2022) и др.). Отдельные результаты исследования используются в практической деятельности, а также в учебном процессе при проведении занятий по курсам «Уголовное право Российской Федерации», «Квалификация преступлений», «Актуальные проблемы уголовного права» и других спецкурсов.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 15 параграфов, заключения, списка использованной литературы из 759 наименований и 2 приложений.

Глава 1.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Теоретико-методологические основы историко-правового анализа системы Особенной части уголовного права

Исторический метод давно и прочно вошел в арсенал средств научного познания уголовно-правовых явлений. Его познавательная ценность и прогностическая значимость не подвергаются сомнению ни историками, ни специалистами в области уголовного права. В конце XIX столетия один из виднейших отечественных юристов А.Ф. Кистяковский писал: «Только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествовавшие периоды. ... История ... дает данные для оценки как старых, так и новых теорий и учений уголовного права»¹. Спустя столетие такая оценка была подтверждена и видным историком Л.В. Черепниным, который указывал, что «история всегда современна и злободневна. Каким бы отдаленным отрезком времени она ни занималась, через него она видит путь к сегодняшнему дню, а через сегодняшний день – в будущее»².

Исторический метод познания права – один из наиболее ранних. Не будет большим преувеличением сказать, что именно с исторического анализа начинается в России собственно научное конструирование догмы уголовного права во второй половине XVIII столетия³, а историческая школа права стала едва ли не первой наиболее влиятельной правовой концепцией, объясняющей весь комплекс проблем права – от генезиса до национальной специфики

---

¹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. Второе испр. и значительно доп. изд. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1882. – С. 41.

² Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. – М.: Наука, 1981. – С. 272.

³ См. об этом: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – С. 119.

нормотворчества, догматического содержания и применения¹.

Сегодня ценность историко-правовых исследований не только не снижается, но и, напротив, многократно возрастает. В современных социокультурных и политико-правовых условиях можно уверенно констатировать наличие в уголовно-правовой науке повышенного внимания к историческому познанию права в качестве определенного ответа как на кризис идей правового глобализма и универсальных правовых ценностей, так и на запрос в поиске оснований национально-культурной самобытности. Без историко-правового аспекта сегодня не обходится, пожалуй, ни одно научное сочинение по проблемам уголовного права, и интерес к национальной уголовно-правовой истории только нарастает, что подтверждается переизданием памятников отечественного права², и наличием самостоятельных крупных исследований³, и организацией специализированных научных форумов по вопросам истории уголовного права⁴.

Повышенное значение в связи с этим приобретают и вопросы методологии исторического анализа в уголовном праве. Акцентируем внимание на том, что следует закономерно различать методологию уголовно-правовых исследований как таковых, и методологию самого исторического анализа уголовного права. Как верно отмечается в специалистами, «суть методологии научного исследования состоит в совокупности верифицированных или проверенных в течение определенного времени теорий и конструкций, позволяющих на основе применения широкого круга

---

¹ См.: Берлявский Л.Г., Шматова Е.С. Историческая школа права: концепции правопонимания // Юридический вестник РГЭУ. – 2016. – № 1-2. – С. 12–18.

² См.: Памятники российского права в 35 томах / колл. авт.; под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013–2017.

³ См., например: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: В 2 ч. – М.: Юрлитинформ, 2014.

⁴ См., например: История развития уголовного права и ее значение для современности: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 26–27 мая 2005). – М.: ЛексЭст, 2006; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Геленджик, КубГУ, 2 – 3 октября 2015). – Краснодар: Просвещение-Юг, 2016; Коныхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 г.: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)» // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 133–145.

общих и специальных методов познания и методик получить новое знание о некотором объекте или предмете, а также дополнить уже имеющееся знание и установить его системный характер, логичность, непротиворечивость и эвристичность»¹. Методология же исторического анализа охватывает собой более узкий по содержанию спектр принципов и методов познания, которыми исследователь оперирует в процессе исследования проблем истории уголовного права. Безусловно, принципы исторического и иного исследования уголовного права пересекаются, а порой и совпадают, имея корни в общей научной методологии. Но вместе с тем исторический ракурс предъявляет свои особенные требования к исследованию, на которые следует обращать внимание и всегда дополнительно оговаривать, приступая к изложению историко-правового текста².

Наиболее общие требования к историческому анализу состоят в том, что историзм как общенаучное основополагающее методологическое начало «предполагает познание вещей и явлений в их развитии, становлении, связи с конкретными историческими условиями, рассматривает их как продукт определенной исторической эволюции»³. «Вся система исследования преступления и наказания, – пишет В.В. Хилюта, – требует, чтобы они рассматривались только исторически, во взаимосвязи с другими уголовно-правовыми явлениями и исключительно во взаимосвязи с конкретным опытом истории уголовного права (законодательства и доктрины)»⁴. «Историзм есть фиксация изменения, в котором выражается формирование специфических свойств и связей вещей, определяющих их сущность, их качественное своеобразие. [Он] предполагает признание необратимого и

---

¹ Хилюта В.В. Какой быть методологии уголовного права // Lex Russica. – 2016. – № 12 (121). – С. 22.

² В тексте параграфа использованы материалы ранее опубликованных автором работ, см.: Асланян Р.Г. Особенная часть уголовного права как предмет исторического анализа: источники и границы анализа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11. – С. 21–27; Асланян Р.Г. Теоретико-методологические основы историко-правового анализа // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 30–38; Асланян Р.Г. Теоретико-методологические основы научного анализа Особенной части уголовного права: монография. – Краснодар: КубГУ, 2022.

³ Чучаев А.И. Пробелы в методах науки уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 192.

⁴ Хилюта В.В. Какой быть методологии уголовного права // Lex Russica. – 2016. – № 12 (121). – С. 25.

преемственного характера изменения вещей и явлений ... [и] тесно связан с диалектическим методом, поскольку предполагает исследование правовых явлений в их взаимосвязи и развитии, а также в соотношении, то есть в процессе перехода одних явлений в другие. Исторический метод отображает право как развернутый во времени и пространстве процесс поступательного движения права от одной ступени к другой»¹. Эти исходные методологические принципы, как нам представляется, не могут быть оспорены, не нуждаются в дополнительных комментариях и вполне могут быть признаны устоявшимися.

При этом, однако, надо учитывать, что исторический метод сам по себе далеко не однородный. Его теоретическое «развертывание» предполагает выделение историко-догматического, социально-исторического, историко-сравнительного направлений исследования. Эти направления в историческом разрезе отражают применение тех методов исследования уголовного права, которые применимы и для познания его текущего, актуального состояния. В своей совокупности они позволяют в достаточно полной мере охватить вопросы генезиса и развития уголовно-правовых норм и институтов, но вместе с тем могут быть использованы и по-отдельности, предоставляя возможность решать различные исследовательские задачи в зависимости от авторских предпочтений.

Догматические исследования истории уголовного права позволяют дать оценку формального содержания действовавших ранее уголовно-правовых норм институтов, их композиционного строения и системного единства. Именно в рамках этого направления, как представляется, выполнены исследования Особенной части уголовного права В.Н. Сизовой².

Социально-исторические исследования ориентированы по

---

¹ Калашникова А.И. Методологические основы изучения уголовного права // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 290–291.

² См.: Сизова В.Н. Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864–1903 гг.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 1 (46). – С. 98–102; Сизова В.Н. К вопросу об эволюции российской уголовно-правовой системы в период 1926–1996 гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (40). – С. 168–174.

преимуществу на раскрытие социальных, культурных, политических, криминологических оснований появления и модификации элементов уголовного права. Опыт такого анализа демонстрирует известная коллективная работа по истории советского уголовного законодательства¹.

Сравнительные исторические исследования позволяют обеспечить сопоставление отдельных элементов системы уголовного права или самой этой системы как цельности как на протяжении всех истории права в рамках одного государства, так и между различными странами в отдельно-взятый исторический момент². Как верно указывает С.Н. Жаров, сравнительно-историческое исследование может иметь синхронический либо диахронический характер. Синхрония позволяет сравнить подобные институты в различных государствах в одном и том же историческом времени, что дает возможность выявить общие закономерности и национальные особенности. Диахроническое сравнение применяется для сопоставления одного и того же института в разные периоды его деятельности³.

Заметим, что историко-компаративный анализ остается для юристов одним из наименее привлекательных; правоведы сегодня по большей части сосредоточены на актуальной компаративистике. Хотя в XIX и первой половине XX века вопросы генезиса и развития уголовного права в зарубежных странах в их сопоставлении с российской историей права занимали весьма серьезное место в литературе⁴. Гораздо более серьезное

---

¹ См.: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1917–1947 / науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.

² В этой связи отметим теоретическую неточность в позиции тех авторов, которые ставят знак равенства между историко-сравнительным и историко-правовым методом, указывая, что «историко-сравнительный метод значим для восприятия прошлого опыта законодательства и правоприменения» (Лапунина Н.Н., Киселев Д.А. Методология уголовного права // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 146). Сравнительный аспект в истории – это лишь один из возможных векторов исторического познания уголовного права.

³ Жаров С.Н. О некоторых методах историко-правового исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2002. – №1 (10). – С. 29–31.

⁴ Одно из крупнейших сочинений подобного рода см.: Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. – Киев: Университет. тип., 1862. Т.1. Едва ли не последний опыт сравнительно-исторического исследования в уголовно-правовой литературе представлен в учебнике по советскому уголовному праву, выпущенном в 1948 году, см.: Уголовное право. Общая часть / науч. ред. В.Д. Меньшагин. – 4-е, изд. перераб. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1948.

внимание уделяется в современной науке диахроническому историко-правовому анализу, с использованием которого выполнена большая часть научных сочинений¹. В рамках нашего исследования этот подход также будет преимущественным.

Подчеркнем, что догматические, социологические и сравнительные аспекты исторического исследования не исключают друг друга, но лишь высвечивают разные грани историко-правового метода. В этой связи диахронический анализ уголовного права вполне уместно раскрывается с применением формально-логических, документальных методов, методов социально-исторической реконструкции и др.

Как верно указывает И.Д. Ковальченко, историзм подразумевает применение совместно, но не одновременно, двух подходов: историко-ситуационного и историко-ретроспективного.

Суть историко-ситуационного подхода состоит в рассмотрении явлений и процессов прошлого в контексте соответствующей исторической ситуации. Только комплексный подход, предполагающий изучение социально-политической обстановки в государстве, государственной идеологии, духовной культуры, текста памятников права, литературы позволит проникнуть в природу права, его язык и идеологию².

Историко-ретроспективный подход раскрывает суть и прогрессивность явлений прошлого с определенной исторической дистанции, когда уже в той или иной мере обнаружались исторические результаты соответствующей деятельности в прошлом³. В этом отношении диахронический метод изучения системы Особенной части уголовного права предполагает, с одной стороны, выяснение вопросов социально-исторической обусловленности того или иного элемента системы Особенной части в каждый отдельный момент

---

¹ В качестве примера приведем упомянутую работу А.В. Наумова, а также в интересующей нас части сочинение А.И. Бойко, см.: Бойко А.И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Т.3. Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. – Ростов-на-Дону: Изд. СКАГС, 2008. – С. 16–42.

² См. об этом: Момотов В.В. К проблеме исследования русского средневекового права // Современные проблемы правоведения: сб. науч. тр. – Краснодар: КубГУ, 1998. – С. 16.

³ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – 1995. – №1. – С. 15.

времени, а с другой стороны – динамику этого элемента в правовой истории отрасли и оценку направлений его развития. Это позволит, как рекомендует Т. Шидер, провести сравнение в комплексе двух его противоположных ипостасей: индивидуализирующей, позволяющей рассмотреть единичное и особенное в факте и явлении, и синтетической, дающей возможность провести логическую нить рассуждения к выявлению общих закономерностей¹.

Такой подход в полной мере отвечает назначению исторического метода, под которым понимается способ изучения закономерностей функционирования и развития исследуемого явления путем воспроизведения его истории, генезиса во всем многообразии фактов, событий, сменяющих друг друга в хронологически последовательной форме и являющихся выражением внутреннего закономерного хода истории².

После определения базового подхода к познанию истории Особенной части уголовного права, представляется принципиально важным в рамках нашего анализа четко установить содержание и пределы исследуемого феномена. При этом в обрисовке предмета анализа в данной части исследования необходимо сосредоточить внимание, минимум, на трех аспектах.

Необходимо определиться, об истории именно какого компонента уголовно-правовой действительности пойдет речь. Не придерживаясь строгой трактовки, в данном случае используем оборот «уголовно-правовая действительность», но в любом случае, вкладывая в него смысл, отличный от традиционного понимания «системы уголовного права» или «уголовно-правовой системы»³. Общеизвестно, что прилагательное «уголовно-правовой» используется для характеристики великого множества социальных

---

¹ Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории / общ. ред. И.С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – С. 160.

² Сырых В.М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). – М.: Юридическая литература, 1980. – С. 174.

³ См. об этом: Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 55–85; Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С.8.

феноменов: закона, отношений, практики, идей, доктрины и т.д. В принципе, каждый из этих компонентов уголовно-правовой действительности может стать предметом исторического наблюдения; более того, чем шире по охвату предмет наблюдения, тем богаче и полнее историко-правовые заключения. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не столько о соблюдении требований историко-ситуационного подхода (исследовать право в контексте социальной реальности), сколько о многомерности самого феномена права в рамках предмета исследования. В этом отношении надо признать уникальность упомянутого сочинения А.В. Наумова, который анализирует историю преступления и наказания в контексте их отражения в уголовном законе и практике его применения, уголовно-правовой науке, криминологических реалиях, художественной литературе, философских рассуждениях, идеологических принципах.

В то же время полагаем возможным заметить, что в ряде случаев анализ всех компонентов уголовно-правовой действительности не вызывается острой необходимостью, а порой и невозможен по методологическим соображениям. В частности, при исследовании системы Особенной части уголовного права вряд ли целесообразно и возможно обращаться к художественному творчеству, а криминологические данные могут быть лишь косвенно использованы в качестве иллюстрации той конкретной обстановки, на фоне которой разворачивались дискуссии о криминализации отдельных деяний и их систематизации в структуре закона. С учетом этого обстоятельства, полагаем возможным и необходимым ограничить рамки своего анализа лишь теми элементами уголовно-правовой действительности, которые имеют прямое, непосредственное отношение к теме Особенной части уголовного права.

В преломлении к нашему исследованию, однако, важно подчеркнуть откровенную недостаточность изучения исключительно текстов памятников истории уголовного права. Историко-догматический метод в данном случае является наименее выгодным. История Особенной части уголовного права –

не есть история Особенной части уголовного закона. Она гораздо шире по своему содержанию, включая в качестве неперенного компонента историю соответствующего раздела уголовно-правовой науки и многочисленные теоретические дискуссии по поводу самой необходимости существования в структуре уголовного закона его Особенной части (дискуссии, которые в свою очередь являются отражением различных теоретико-правовых и идеологических течений в правовой науке).

При этом, однако, надо сделать еще одну оговорку методологического свойства. Полагаем, что при проведении исторических исследований в рамках уголовного права нет особой необходимости выискивать и подвергать анализу все без исключения памятники права и все без исключения литературные источники. Насколько бы ни были, к примеру, интересны уголовно-правовые изыскания В. Кандинского¹, они вряд ли способны изменить или скорректировать общую оценку движения уголовно-правовой науки. В равной мере, при всей исторической значимости Грамоты Ивана Ростиславовича Берландника 1134 года или Уставной грамоты князя Мстислава Романовича 1289 года², эти документы не могут быть признаны решающими вехами в движении отечественного уголовного права.

Историк уголовного права – это прежде всего специалист в области уголовного права, занимающийся проблемами отраслевой правовой истории. Это принципиально важный, хотя и дискуссионный момент. Вопрос о расстановке акцентов здесь решается неоднозначно. Одни авторы указывают, что в «своем исследовании историк права является, прежде всего и более всего юристом и должен всегда иметь в виду юридические понятия и метод юридической конструкции»³. Пока другие специалисты полагают, что история уголовного права это, прежде всего, история, и лишь во вторую

---

¹ См.: Чучаев А.И. Кандинский: из мира науки в мир искусства (очерк) // Lex Russica. – 2011. –Т. 70. – № 6. – С. 1059–1080.

² См.: Арямов А.А. Историко-правовое наследие Галицко-Волынского княжества (краткий очерк) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2018. – № 2. – С. 46–49.

³ Лооне Э.Н. Философские проблемы истории права: первые пролегомены: *Studia iuridica II* // Теоретические проблемы истории права: *Studia iuridica II*. Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1989. Вып. 847. – С. 8

очередь уголовное право¹. Нам представляется, что многое в этом споре зависит от целей и направленности самого исторического анализа. Д.А. Шигаль вполне обоснованно пишет: «методика сравнительного историко-правового анализа может реализовываться в двух основных случаях: 1) когда сравнение объектов историко-правового анализа является главной целью научного исследования и составляет таким образом его предмет; 2) когда сравнение историко-правовой материи является дополнительной целью и обусловлено необходимостью выяснить или обосновать новые обстоятельства, появившиеся в ходе исследования, направленного на решение другого задания»². Специалист в области уголовного права ориентирован на вторую из указанных целей. Для него исторический анализ – не предмет, но метод познания своего собственного, отраслевого предмета. Отсюда – допустимые и оправданные упрощения и ограничения в поиске исторического материала и его интерпретации.

Такой подход должен предостеречь и от некорректных оценок научных достижений в области истории уголовного права. Лишь отраслевой предвзятостью (в хорошем смысле этого слова), гиперболизацией собственного предмета анализа и неразличением задач истории права вообще и исторических аспектов отраслевых исследований можно объяснить, например, не вполне лестные высказывания историка права В.А. Рогова о том, что монография М.Н. Гернета о смертной казни является «наименее ценной», что работы М.П. Чубинского по уголовной политике имеют лишь «некоторое значение», что работы Г. Тальберга и Н. Евреинова «ничего не прибавляют» к познанию истории телесных наказаний, в то время только работы историка С.И. Штамм отличаются «скрупулезностью исследования применения различных наказаний по конкретным видам преступлений»³. В данном случае упускается при оценке наиболее важный аспект – историка

---

¹ Арямов А.А. К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2015. – № 1. – С. 5.

² Шигаль Д.А. Методика проведения сравнительного историко-правового анализа // Проблемы законности. – 2014. – № 126. – С. 16.

³ Рогов А.И. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII в.в. – М.: Юристъ, 1995. – С. 25, 27, 33, 34.

права и отраслевые специалисты, изучающие историю, решают различные задачи.

С учетом сказанного будет разумным и достаточным включать в дальнейшее исследование и оперировать только теми документами, которые имеют именно уголовно-правовое, а не собственно историческое значение, которые отражают базовые, фундаментальные характеристики отрасли, определяющие ее движение и развитие.

В силу этого в последующем изложении историю Особенной части уголовного права мы предметно ограничим наиболее важными, на наш взгляд, нормативными актами и достижениями уголовно-правовой теории, памятуя при этом об определенном «разделении труда» между историком уголовного закона и историком уголовно-правовой науки, которое было предложено О.Ф. Шишовым. Автор указывал, что если историк закона исследует формирование и развитие уголовно-правовых норм и институтов, включая вопросы их социальной обусловленности и эффективности, то историк науки уголовного права исследует уже не логику развития законодательства, а логику развития концептуального аппарата, анализирует развитие основных теорий и концепций, с помощью которых учеными-криминалистами создавались основы науки уголовного права¹.

Второй момент, касающийся понимания предмета историко-правового анализа Особенной части уголовного права, заключается в установлении исходной теоретической позиции относительно контекста использования самого понятия «Особенная часть уголовного права». Очевидно, что уголовно-правовые понятия не существуют на всем протяжении истории уголовного права, они в определенный момент возникают, порой исчезают, а в период своего наличествования могут наполняться различным юридическим и социальным содержанием. В этой связи важно определить, что имеет в виду исследователь, говоря об Особенной части уголовного права

---

¹ Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы общей части (1917 – 1936 гг.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985. – С. 12 –13.

применительно к тому или иному периоду его развития.

В современной науке сложилось два основных подхода к решению этой проблемы. Так, О.Ф. Шишов писал: «При определении предмета истории науки следует исходить из современного представления о самой науке и ее предмета, отражающей ее развитое состояние, что позволяет нам реконструировать менее развитые формы науки. Такой подход к пониманию предмета истории науки включает в себе и указание на метод исторического познания – понимание прошлого с помощью настоящего»¹. Однако этот подход был подвергнут критической корректировке некоторыми исследователями. В частности, А.И. Калашникова замечает: «Большинство исследователей воспринимают объект исследования только через призму современного контекста. В связи с этим возникает проблема достоверности исторического исследования. Основная ошибка исследователей заключается в том, что они начинают реконструировать объект исследования (в частности, сущность, роль и значение памятника права) с позиций сегодняшнего дня, в рамках культурной традиции, существующей на момент исследования, без учета специфики рассматриваемого периода истории. Отсюда, возникает заблуждение относительно роли и значения исследуемого явления, например памятника права»². В этом же ключе рассуждает А.А. Арямов: «Анализировать памятники отечественного уголовного права с позиции современного учения о составе преступления (т.е. применять метод исследования, появившийся спустя века после формирования исследуемого материала) необходимо более чем осторожно»³. И хотя эти критические замечания высказаны в связи с общей оценкой исторических памятников и анализом предусмотренных в них преступных деяний, им вполне можно придать и общее значение.

Представляется, что в этом споре истина, обычно, располагается

---

¹ Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы общей части (1917 – 1936 гг.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985. – С. 12.

² Калашникова А.И. Методологические основы изучения уголовного права // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 293–294.

³ Арямов А.А. К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2015. – № 1. – С. 5.

посередине. Безусловно, недопустимо оценивать содержание и структуру исторических памятников уголовного права с точки зрения современных представлений. При таком подходе полностью нарушаются требования историко-ситуационного подхода к исследованию. Но вместе с тем, недопустимо и игнорировать возможность исторического исследования таких современных уголовно-правовых явлений, которые не имеют прямых аналогов в истории права. Это означало бы в принципе существенную и неоправданную ограниченность историко-ретроспективного подхода к анализу. Ведь Особенная часть уголовного права, в том виде, в каком мы привыкли ее наблюдать сегодня, появляется по историческим меркам относительно недавно, с момента разделения уголовного права на Общую и Особенную часть не ранее начала XIX века. Отказывая в возможности распространения современных понятий на предмет историко-правового исследования, пришлось бы признать, что история Особенной части российского уголовного права начинается с 1813 года, с момента официального закрепления в проекте Уголовного уложения двух структурных единиц текста уголовного закона. Полагаем, что не требует специальных доказательств ущербность такого подхода. Его реализация фактически ликвидирует значимый момент в эволюции Особенной части уголовного права – зарождение, формирование, сводя весь генезис, по сути, лишь к развитию¹.

Таким образом, полагаем вполне допустимым в рамках нашей работы, во-первых, использовать понятие «Особенная часть уголовного права» при исследовании тех исторических памятников, которые формально ее не содержали, то есть подходить с современных позиций к анализу прошлого; но, во-вторых, трактовать это понятие с учетом и в контексте тех конкретно-исторических условий, в которых происходило формирование и развитие Особенной части уголовного права.

---

¹ О различении этапов зарождения и развития уголовного права см., в частности: Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 59–60.

Наконец, третий момент, касающийся предмета исторического анализа Особенной части уголовного права. Он в большей степени связан уже не столько с историческими подходами к формированию предмета, сколько с собственно уголовно-правовыми границами исследования.

В самом общем виде Особенная часть уголовного права представляет собой в современном понимании систематизированную совокупность юридических норм, которые определяют преступность и наказуемость конкретных общественно опасных деяний либо иначе – регламентируют ответственность за конкретные преступления. Должно быть очевидным, что позиционирование Особенной части в качестве самостоятельного предмета юридического и историко-правового анализа не может предполагать детализированное изучение каждой нормы, входящей в эту совокупность. Это задача отдельных исследований, раскрывающих вопросы ответственности за то или иное конкретное посягательство, и с ней отечественная наука вполне успешно справляется.

В настоящем исследовании Особенная часть уголовного права будет рассматриваться целостно, а следовательно, и аспекты в анализе должны быть расставлены таким образом, чтобы высветить условия формирования этой целостности, ее особенности и направления развития. Это заставляет в приведенных ранее рабочих определениях акцентировать внимание на двух взаимосвязанных компонентах: «совокупность» и «система». Соответственно предстоит определить не столько содержание, сколько виды норм, претендующих на то, чтобы считаться нормами Особенной части, установить их месторасположение в системе права и законодательства, проследить процесс образования нормативных ассоциаций и уголовно-правовых институтов, выявить особенности отражения этого процесса в тексте уголовного закона, проследить развитие структурных начал Особенной части уголовного права. Иными словами, исследование Особенной части уголовного права в качестве целостности предполагает не столько анализ содержания норм об ответственности за то или иное преступление, а в

значительно большей степени изучение формы их отражения и закрепления в законе.

Стоит при этом помнить про особые отношения содержания и формы. Общеизвестно, содержание оформлено, а форма содержательна. «Содержание не бесформенно, а форма одновременно и содержится в самом содержании и представляет собой нечто внешнее ему, - писал Гегель. Содержание есть переход формы в содержание, и форма есть переход содержания в форму. Этот переход представляет собою одно из важнейших определений»¹.

Отношение к Особенной части как форме выражения уголовно-правовых норм об ответственности за те или иные преступления не должно, таким образом, предрасполагать ни к формальному анализу, ни к формальным оценкам. За внешней формой закрепления, структуризации, систематизации норм Особенной части уголовного права кроется глубокое не только собственно уголовно-правовое, но и политико-правовое, и шире – социально-политическое содержание, ибо эта форма отражает непосредственное содержание уголовно-правовых запретов, так и отношение к ним со стороны правотворческих органов и правовой доктрины, которое в свою очередь определяется широкой палитрой оснований – от политических задач сдерживания преступности до восприятия права в виде средства их решения.

Таким образом, с уголовно-правовой, содержательной точки зрения, исторический анализ Особенной части уголовного права целесообразно ограничить исследованием проблем отражения содержания уголовно-правовых запретов в формальной структуре уголовного права и уголовного законодательства.

Подводя промежуточный итог определению методологических предпосылок исторического анализа Особенной части уголовного права,

---

¹ Гегель. Сочинения: в 14 т. Т. 1: энциклопедия философских наук. Ч.1 Логика / пер. Б. Столпнера; под ред. А. Деборина, Н. Карева; вступит ст. А. Деборина. – М.-Л.: Госиздат, 1929. – С. 224.

представляется возможным резюмировать, что актуальные и значимые для перспективного развития теории и практики уголовного права результаты могут быть получены в процессе диахронического анализа внешних форм выражения и систематизации уголовно-правовых норм на основе изучения наиболее содержательных, веховых источников уголовного законодательства и достижений уголовно-правовой доктрины с применением в рамках историко-ситуационного подхода всей совокупности догматических, социологических и сравнительных методов.

Оценивая с этих исходных позиций современное состояние историко-правовых исследований Особенной части уголовного права, приходится констатировать их относительно неудовлетворительное состояние.

Стоит отметить, что вопросы истории Особенной части уголовного права в рамках целостного предмета анализа не принадлежат к тому кругу проблем, которые составляют традиционный компонент изложения в отечественных учебниках по уголовному праву. В некоторых учебниках соответствующий материал не рассматривается вообще¹. В иных, более объемных курсах уголовного права, исторический аспект предпосылается изложению материала о содержании глав современного уголовного закона об ответственности за те или иные виды преступлений². Это, безусловно, значимый момент, но очевидно, что такой подход не позволяет создать целостного представления о зарождении и развитии Особенной части уголовного права в виде системного элемента отрасли. На этом фоне едва ли не единственным исключением является учебник, подготовленный кафедрой уголовного права Кубанского государственного университета³, в котором возникновение и основные этапы развития Особенной части российского

---

¹ См., например: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: Омская академия МВД России, 2020.

² Наумов А.В. Российское уголовное право: Особенная часть: курс лекций: в 2 т. – М.: Юридическая литература 2004. Т. 2; Курс уголовного права: в 5 т. Т. 3–5: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало-М, 2002; Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. Т.2-5.

³ См.: Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015.

уголовного законодательства рассмотрены на уровне самостоятельной, отдельной главы учебного курса (автор главы – В.П. Коняхин). Такой общий настрой специалистов в подготовке учебных курсов по Особенной части уголовного права свидетельствует, представляется, о существенной недооценке значимости проблем истории Особенной части и не способствует правильному уяснению ее роли и значения в системе уголовного права.

Было бы разумным ожидать, что этот пробел будет компенсирован в специальных монографических исследованиях по проблемам Особенной части. Однако обращение к современной библиографии показывает, что в качестве цельного, самостоятельного предмета анализа Особенная часть не вызывает повышенного интереса специалистов, и это на фоне того, что едва ли не все пишущие о современном состоянии отрасли отмечают ее асистемность и несбалансированность. На текущий момент нам известно лишь три собственно научных исследования по вопросам Особенной части уголовного права: а) работа В.И. Плоховой, которая посвящена системному толкованию норм Особенной части, но не содержит исторического экскурса¹; б) диссертация и подготовленная на ее основе монография М.С. Кириенко, в которой отдельный параграф посвящен развитию системы Особенной части в отечественном уголовном законодательстве², однако содержательно ограничен исследованием, во-первых, по преимуществу лишь нормативных источников, а во-вторых, лишь номенклатурой, видами и строением уголовно-правовых норм; в) монография В.Н. Сизовой, в которой возникновение и основные этапы эволюции Особенной части в виде подсистемы российского уголовного законодательства анализируются уже на уровне отдельной главы³, но в которой, опять-таки, акцент в анализе сделан на истории законодательства, а не права, что отражает, лишь историко-

---

¹ Плохова В.И. Системное толкование норм Особенной части уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2011.

² Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2015; Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2018.

³ Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. – М.: Юрлитинформ 2021.

догматическое направление в исследовании. Таким образом, в уголовно-правовых литературных источниках, посвященных Особенной части уголовного права, вопрос с историко-правовым анализом решен весьма неполно.

Не восполняет ситуации и литература по истории уголовного права (причем как отраслевая, так и историко-правовая). Специалисты либо акцентированно исследуют содержание уголовно-правовых норм, не обращая особого внимания на формы их выражения и систематизации¹, либо сосредоточены на выявлении общих закономерностей функционирования и развития отрасли уголовного права, не уделяя внимания специфике строения Особенной части уголовного права². Исключением могут быть признаны, пожалуй, лишь две работы, в которых отдельное внимание уделено проблемам становления и развития Особенной части советского уголовного права³, однако очевидно, что их хронологические рамки весьма ограничены и не охватывают собой значительный период в истории отрасли.

Таким образом, можно вполне ответственно констатировать наличие в современной уголовно-правовой науке ощутимого пробела, связанного с исследованием истории формирования и развития Особенной части уголовного права в русле одного из целостных элементов отраслевой системы, в единстве всех этапов его эволюции, единстве различных источников информации об Особенной части, с акцентом на внешнюю форму выражения закрепления и систематизации уголовно-правовых запретов, что оправдывает в рамках нашей работы обращение к историческому анализу в качестве самостоятельной исследовательской задачи. Как верно пишет В.Н. Сизова, «исследование структурного и системного построения Особенной части российского уголовного законодательства в

---

¹ См., например: Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). – М.: Юрлитинформ, 2012.

² См., например: Арямов А.А. История уголовного права России: учебное пособие. – М.: Юстиция, 2016.

³ См.: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1917–1947 / науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 177–238, 373–401, 431–449; Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1978. – С. 141–191.

историческом контексте имеет важное теоретическое и практическое значение для определения перспективных направлений совершенствования действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, наполнение его содержания внутренней согласованностью и эффективностью правоприменения»¹.

В заключительном разделе представления теоретико-методологических основ исторического анализа Особенной части уголовного права полагаем необходимым обратить отдельное внимание на хронологические рамки исторического наблюдения и возможные подходы к периодизации истории Особенной части.

Потребность в этом определена тем, что сам феномен Особенной части уголовного права, выше уже отмечалось, есть результат относительно поздней научной и догматической обработки правовых норм. Первый опыт нормативного строения уголовного закона с использованием приема выделения Общей и Особенной части демонстрирует австрийское Уголовное уложение 1768 года²; в российской же правовой среде такое деление было представлено еще позже, в проекте Уголовного уложения 1813 года. Из этого, однако, нельзя сделать вывод о недоступности для исторического анализа Особенной части уголовного права более ранних исторических периодов. Как верно писал О.Ф. Шишов, рассуждая о науке, методологически правильным для периодизации любой отраслевой науки выделить период ее зарождения³. Сказанное справедливо не только для науки, но и для всех иных компонентов уголовного права, включая законодательство. Период зарождения Особенной части в качестве элемента

---

¹ Сизова В.Н. Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864–1903 гг.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 1 (46). – С. 98.

² См. об этом: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 35. Как пишет А.Ф. Кистяковский, под влиянием науки уголовного права все кодексы приняли деление на Общую и Особенную части, начиная с XVIII века. См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. Второе испр. и значительно допол. изд. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1882. – С. 6.

³ Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы общей части (1917–1936 гг.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985. – С. 17.

системы уголовного права – важный и неотъемлемый этап в его истории. Это особенно важно, принимая во внимание, что долгое время наука в принципе не проводила принципиальных различий между уголовным законом вообще и Особенной частью уголовного закона, в частности. П.А. Фейербаха, к примеру, прямо писал: «наказательным законом (*lex poenalis*) в пространном смысле называется каждый закон, относящийся к преступлениям и наказанию оных. В тесном смысле закон есть определенное или точное объявление о необходимости чувственного зла на случай нарушения известного какого права»¹.

В этой связи не случайно и совершенно оправданно все специалисты, обращающиеся к истории Особенной части уголовного права, начинают свое исследование с момента зарождения уголовного права. Хронология исторического наблюдения за Особенной частью уголовного права не может отличаться в своих рамках от истории целого уголовного права; они вполне совпадают.

Однако подходы к периодизации истории уголовного права вообще и истории Особенной части вовсе не обязательно должны совпадать.

У современных специалистов существенно различается решение вопроса о периодизации истории уголовного права². Для общей характеристики проблемы, полагаем возможным отказаться от детального рассмотрения, во-первых дореволюционных подходов к решению этого вопроса, согласно которым выделялось, право древнерусское, право московского государства и имперское уголовное право³, и во-вторых, от советской традиции выделения буржуазного и социалистического права с подразделением последнего на под-этапы согласно основных вехам истории советского государства в

---

¹ Фейербах П.А. Уголовное право. – СПб.: Медицин. Тип., 1810. – С. 72.

² См. подробнее: Асланян, Р.Г. К вопросу о периодизации истории особенной части российского уголовного права / Р.Г. Асланян // Общество и право. – 2020. – № 4. – С. 34 – 37.

³ Вадимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 306; Дьяконов М. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства. – Юрьев: Типография Эл. Бергмана, 1905. – С. 1, 37, 64.

продвижении социалистических и коммунистических идей¹. Их объективная историческая и методологическая ограниченность не требует специальных комментариев.

Обратимся к современным литературным источникам. Широкая палитра взглядов специалистов на вопросы периодизации истории уголовного права не позволяет рассмотреть их все (в этом и нет особой необходимости, учитывая направленность настоящей работы), но в тоже время дает возможность выделить два основных типа периодизаций.

Так, согласно одному из распространенных подходов, история уголовного права России членится на этапы, соответствующие основным вехам развития российского государства. М.С. Жук, придерживаясь этого методологического принципа, утверждает о наличии двух неравноценных по продолжительности, но повторяющих друг друга по содержанию, циклов в развитии институтов уголовного права: с X по начало XX века и с 1917 года по настоящее время². Другие авторы выделяет три³ либо более⁴ этапов в истории уголовного права.

Второй подход к классификации основывается не столько на связи содержания уголовного права с происходящими в стране преобразованиями, сколько на внутренней характеристике самого уголовного права. В связи с чем, к примеру, В.В. Мальцев строит периодизацию истории уголовного права, исходя из времени существования наиболее крупных исторических памятников, выступающих источниками уголовного права⁵; а Ю.Е. Пудовочкин выделяет четыре этапа в истории уголовного права, исходя из особенностей функционирования уголовного права в виде отрасли права:

---

¹ Советское уголовное право. Часть общая: учебник для вузов / под ред. Б.С. Утевского. – М.: Госюрлитиздат, 1950.

² Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2010. – С. 39.

³ Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. – С. 117 – 165.

⁴ Алихаджиева И.С., Даурова Т.Г., Лиценбергер О.А. Уголовное право: история и современность. Вопросы Общей части: учебное пособие / под ред. Т.Г. Дауровой. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001. – С. 5.

⁵ Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. Т. 2. Уголовный закон. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 26.

X – начало XX (формирование отрасли уголовного права в ее современной интерпретации); первая треть XIX – начало XX века (разработка содержания практически всех институтов уголовного права); 1917 – середина 1990-х годов (особый период, содержательно отражающий идеалы социалистического общества); современный этап, начавшийся с 1996 года¹.

Безусловно, каждый из представленных подходов и имеет право на существование, и позволяет решать те или иные, стоящие перед исследователем задачи. Вместе с тем представляется, что для целей познания собственно Особенной части уголовного права первый из изложенных подходов малоприменим, поскольку не позволяет вскрыть особенности этой подсистемы уголовного права, не дает возможность в должной мере оценить внешнюю форму выражения уголовно-правовых запретов и решение проблем их систематизации. Поскольку мы рассматриваем Особенную часть в рамках элемента подсистемы отрасли уголовного права, именно второй подход, акцентирующий внимание на внутренних особенностях уголовного права, является более предпочтительным.

Обращаясь с этих позиций к представленным в науке решениям периодизации истории именно Особенной части уголовного права, есть основания высказать некоторые критические замечания.

Так, Р.Н. Кораблев в своей работе выделяет пять основных этапов развития институтов Особенной части уголовного права: 1) XV–XVIII вв. – период создания централизованной государственности, значительное расширение понятий о преступных и наказуемых деяниях в сторону государственно-правовых начал их криминализации и пенализации; 2) XVIII в. – период зарождения российской науки уголовного права; 3) XIX – начало XX в. – период систематизации, исправления и дополнения уголовного законодательства; 4) вторая половина – конец XX столетия – развитие системного подхода к исследованию уголовно-правовых явлений, активное стремление ученых институализировать различные группы уголовно-

---

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 9.

правовых предписаний; 5) начало XXI столетия – период формирования отдельных направлений изучения институтов Особенной части уголовного права¹. Полагаем, что в представленной схеме содержится целый ряд глубоких методологических ошибок: во-первых, из поля зрения автора «выпал» почти пятисотлетний период ранней истории уголовного права; во-вторых, в одном ряду в качестве самостоятельных и непересекающихся рассматриваются и периоды развития науки, и периоды развития законодательства; в-третьих, что особенно важно, все выделенные периоды не отражают динамики собственно Особенной части уголовного права.

Иной подход сформулирован в диссертации М.С. Кириенко, который утверждает, что генезис Особенной части уголовного законодательства можно условно дифференцировать на четыре этапа: 1) период зарождения (X–XV вв.); 2) период становления или первичной консолидации (XVI–XVII вв.); 3) период целостно-структурного развития (XVI –XIX вв.); 4) период преобразовательного кодифицированного развития (XX в. – по настоящее время)². Эта периодизация гораздо точнее только что рассмотренной, но также, на наш взгляд, не лишена недостатков. Во-первых, без достаточных оснований автор расчленяет этапы «зарождения» и «становления», это, по сути, единый период в истории уголовного права, к тому же «первичная консолидация» норм Особенной части очевидно происходила не только после XVI века, но и гораздо ранее. Во-вторых, сложно согласиться с выделением периода «целостно-структурного» развития, поскольку обозначенный исследователем период – XVII–XIX века, именно и не был «целостным», а сама Особенная часть как нечто «цельное» и «структурно обособленное» возникла фактически в середине этого периода и закономерно делит его на две неравноценные части. В-третьих, неоправданно выносить за рамки «преобразовательного кодифицированного развития» период времени до XX века, был наполнен целым рядом важных реформ соответствующего

---

¹ Кораблев Р.Н. К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 193.

² Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2015. – С. 49

свойства.

Исторически неточной следует признать и периодизацию Особенной части, предложенную В.Н. Сизовой. Автор выделяет три этапа в истории Особенной части: 1) формирование Особенной части в рамках некодифицированного уголовного законодательства (IX–XVIII); 2) развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1845–1903 гг.); 3) эволюция Особенной части советского уголовного законодательства (1917–1996 гг.)¹. При внешней логике, хронология самих этапов здесь выделена явно неточно: автор «упустил» почти полувековой и весьма интересный по содержанию этап между концом XVIII века и 1845 годом; не соблюла единства критериев выделения этапов периодизации, вычленив советское уголовное право из этапа развития кодифицированного законодательства; остановила историю Особенной части 1996 годом.

Гораздо ближе к истине в точности периодизации истории Особенной части уголовного подошел, на наш взгляд, В.П. Коняхин, который выделяет три «своеобразных и судьбоносных» этапа в эволюции Особенной части отечественного уголовного законодательства: 1) становление в рамках некодифицированного уголовного законодательства (X–XVIII вв.); 2) структурное обособление в качестве подсистемы российского уголовного законодательства (1813–1845 гг.); 3) развитие структуры в системе кодифицированного уголовного законодательства (1845 г. – по настоящее время)².

Этот подход, во-первых, позволяет охватить всю многовековую историю уголовного права с момента зарождения уголовно-правовых норм по сегодняшний день, и во-вторых, имеет вполне четкий критерий периодизации, непосредственно связанный с внутренними особенностями

---

¹ Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. – М.: Юрлитинформ, 2021.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр пресс, 2002. – С. 9; Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – С. 8.

строения и систематизации уголовного права. А потому именно он будет использован нами в качестве основы для дальнейших рассуждений об истории Особенной части уголовного права.

В тоже время этот подход может быть и несколько модернизирован, с учетом того, что предметом анализа выступает Особенная часть уголовного права в виде целостности и систематизированной формы выражения уголовно-правовых запретов, а форма непосредственно связана с содержанием уголовно-правовых норм, их видами и господствующей уголовно-правовой теорией, идеологией.

С учетом этих конкретизирующих обстоятельств, представляется, что в истории Особенной части уголовного права можно выделить следующие этапы:

- 1) X–XVIII века – период зарождения Особенной части, характеризующийся накоплением нормативного материала;
- 2) 1813–1845 годы – период обособления Особенной части в структуре уголовного права;
- 3) 184– 1917 годы – период развития Особенной части в системе уголовного права;
- 4) 1917–1922 годы – инволюционный период в истории уголовного права, характеризующийся деинституционализацией Особенной части;
- 5) 1922 г. – по настоящее время – период возрождения и последующего развития Особенной части в качестве элемента системы уголовного права.

Последующее изложение исследовательского материала будет выдержано в русле этой логики и представлено в следующих разделах. Единственная оговорка методического свойства будет, однако, состоять в том, что в целях более удобной структурной композиции текста диссертации, мы позволим себе объединение этих периодов и их исследование в рамках двух параграфов работы.

§ 2. Становление и структурное обособление Особенной части российского уголовного права в период X – начала XX века

История уголовного права вообще и история его Особенной части в известной степени являются собой единый в содержательном отношении процесс зарождения и развития уголовно-правовых запретов. До определенного момента, а именно до структурного обособления Особенной части в системе уголовного закона, эти процессы в принципе были неразличимы. Более того, многие исследователи справедливо отмечают, что во всем объеме памятников права раннего средневековья уголовно-правовое содержание в принципе является доминирующим¹, в связи с чем не то, что обособление Особенной части уголовного права, но и выделение уголовного права является методологически сложной задачей, решение которой может быть исключительно условным. Раннее право по природе своей синкретично, цельно, нераздельно, объединяет предписания, которые с сегодняшних позиций могут быть отнесены к различным отраслевым положениям, вбирает в себя не только собственно правовые нормы, но и иные социальные регуляторы – от правовых обычаев до моральных установлений.

С учетом этих обстоятельств исследование истории Особенной части уголовного права на ранних этапах российской государственности должно сопровождаться рядом оговорок и условностей, установлением определенных границ². В частности:

– оценка нормативных предписаний или иных законотворческих решений, существовавших в истории права, не может формулироваться, как это иногда делается в научных источниках³, с использованием эпитетов «совершенный – несовершенный». Они категорически неприменимы по той

---

¹ См.: Юшков С.В. История государства и права России (IX–XIX вв). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – С. 145.

² См. об этом: Асланян Р.Г. Формирование и развитие особенной части уголовного права в период X – начала XX веков // Государство и право. – 2021. – № 8. – С. 150 – 163.

³ См., в частности: Алихаджиева И.С., Даурова Т.Г., Лиценбергер О.А. Уголовное право: история и современность. Вопросы Общей части: Учебное пособие / под ред. Т.Г. Дауровой. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001.

простой причине, что являются методологически неверным переносом современных представлений на факты и явления прошлого, не учитывают исторической обусловленности и исторической логики права в каждый отдельный момент его истории. В связи с этим вполне закономерно, что объективная нерасчлененность предписаний Общей и Особенной части в тексте исторических документов не может и не должна восприниматься в качестве свидетельства их дефектности или юридико-технического несовершенства.

- В исследовании истории Особенной части уголовного права целесообразно полностью исключить и не рассматривать те правовые положения, которые в настоящий момент воспринимаются в качестве элементов Общей части уголовного права. Даже в тех случаях, когда то или иное универсальное предписание (например, о соучастии или освобождении от ответственности) формулировалось в качестве составной части конкретного уголовно-правового запрета или приложения к нему, нет оснований для включения его в орбиту настоящего анализа. Такие предписания отражают логику развития уголовного права в целом, но не логику развития того элемента, который сегодня именуется Особенной частью.

Приступая, с учетом этих оговорок, к собственному анализу, напомним, что в центре нашего внимания – процесс зарождения и развития Особенной части уголовного права в виде определенной формы представления уголовно-правовых запретов. Именно на основные характеристики этой формы, причем с точки зрения ее современного понимания, нам и предстоит сделать акцент. Оптимальному раскрытию темы в данном случае будет способствовать анализ следующих проблем: соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых предписаний; виды и система уголовных законов; систематизация уголовно-правовых предписаний и формирование институтов Особенной части.

*Соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых
предписаний Особенной части уголовного права*

В современной науке убедительно доказано и не требует дополнительных подтверждений, что русское право и право иных народов, на ранних этапах своей истории носило характер правовых обычаев, проистекающих из повседневной социальной практики, освещенных религиозным и мифологическим символизмом¹. При этом исторически само формирование правовых обычаев происходило так, что первоначально формируются именно запреты, и лишь впоследствии возникают некоторые позитивные обязывания и дозволения². Нормальный, соответствующий природе человека и социума порядок вещей, состоял, по большому счету, в возможности проявления неограниченной свободы человека, которая, тем не менее, не должна была выходить за некоторые естественные рамки, угрожавшие самому существованию человека и общества. Эти рамки и фиксируются в первую очередь в сознании древнего человека. Объективируются они, общеизвестно, в форме запретов или табу. Стоит согласиться с тезисом о том, что «именно табу, со свойственными им категоричностью и неукоснительным требованием соблюдения, выступили в системе первобытных норм в качестве предпосылки появления в дальнейшем уголовно-правовых запретов и, следовательно, «прародителей» самого уголовного права, которое началось с их формулирования»³. Первобытные табу по мере роста начал цивилизации, возникновения и утверждения государственной формы управления обществом, трансформируются в обычаи⁴. Но именно обычаи – запреты сохраняют за собой статус ядра

---

¹ Об обычном праве в Древнерусском государстве см., например: Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права. – М.: Юристъ, 2002.

² См.: Явич Л.С. Право и социализм. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 12–13.

³ Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 65.

⁴ Утверждая это, мы исходим из наиболее распространенной и практически общепризнанной теории, увязывающей происхождение обычаев с народным, коллективным сознанием, с массовостью самих актов поведения, в которых выражается и из которых проистекает обычай. Вместе с тем отметим наличие и иной точки зрения на вопрос о происхождении обычаев. К примеру, Л.С. Белогриц-Котляревский писал, что обычаи проистекают не столько от «общенародного сознания», сколько от «индивидуального убеждения», «частной воли» «более сильных умом и волей лиц», которые «первые вносят сознание, убеждение в свою

нормативной системы общества. Как верно указывает Н.В. Генрих, причина этого состояла не только в необходимости разрешения мировоззренческой проблемы добра и зла. В основе первоочередного появления таких запретов нельзя не видеть и естественного стремления человека к безопасности. «Животный инстинкт самосохранения в процессе единого процесса антропосоциокультурогенеза трансформировался в осознаваемую потребность обеспечения не только личной, но уже и коллективной безопасности, которая удовлетворялась сначала в обычных, а затем – и в писанных нормах, легитимирующих применение средств коллективного принуждения к нарушителям такого порядка отношений, который оценивался в виде справедливого и безопасного с позиций того или иного общества в то или иное время»¹.

Специальные исследования древнерусских обычаев на предмет презентации их уголовно-правового содержания², со всеми известными в истории права методологическими ограничениями³, позволяют составить в целом вполне прогнозируемое представление о бытовавших запретах. Среди них: убийство, похищение девиц, небрачное сожитительство, срамословие, еда нечистой пищи, подобный звериному образ жизни, кражи и некоторые другие. Вполне логично, что эти запреты касались по преимуществу двух основных групп деяний: причиняющих вред личности и нарушающих владельческие отношения. Они восходили к общему пониманию преступного деяния в виде «обиды» или нарушения частных интересов, и в своей совокупности вполне удовлетворяли потребности членов общества в обеспечении личной безопасности и поддержании социального мира.

деятельность и этой нравственной силой, этим психическим превосходством подчиняют своему влиянию других». См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Творческая сила обычая в уголовном праве. – Ярославль: Типо-лит. Г. Фальке, 1890. – С. 2–5.

¹ Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011. – С. 81.

² См.: Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 27–42.

³ См. об этом, например: Загоскин Н.П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. – Казань: Типо-лит. Императорск. ун-та, 1899. Т.1 – С. 439 – 449.

Последующее усложнение социальной организации общества, связанное с формированием государства, потребовало уже иных средств регуляции социальных отношений. В качестве таковых стали выступать нормы писанного права, проистекающие от княжеской власти¹. Вытеснение обычаев писанными законоположениями происходило, разумеется, не одномоментно, да и в содержательном отношении эти две системы норм до определенного момента совпадали. Не случайно, один из первых славянских памятников фиксированного права – Русская правда признается сводом, по преимуществу, норм обычного права. Как пишет В.В. Момотов, процесс развития права в русском средневековье характеризовался «органическим единством обычного и княжеского законодательства, где обычное славянское право выступало фундаментом, на который опиралось княжеское право»². Не оспаривая этой мысли по существу, все же заметим, что по обоснованному мнению ряда специалистов, обычное и княжеское право не только дополняли друг друга, но в некотором смысле были противопоставлены, ориентируясь на решение несовпадающих социальных задач (регулирование внутриобщинных и межобщинных споров, внутригосударственных и межгосударственных отношений)³. По мере сжатия «зоны согласия», которая питала силу обычая, по мере социального расслоения, нарастания противоречий между отдельными племенами, родами, общинами в составе древнерусского государства, юридическая сила обычая уменьшалась, и устная правовая традиция все менее отвечала потребностям в сохранении порядка и регулировании общественных отношений⁴. Требовались иные инструменты социального администрирования, в качестве которых все активней стало использоваться «княжеское право», которое, что крайне важно,

---

¹ См. подробнее: Асланян Р.Г. Закон как форма выражения особенной части уголовного права России: исторический анализ // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 49–55

² Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV в.в. – М.: Зерцало-М, 2003. – С. 112.

³ См. об этом: Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права. – М.: Юристъ, 2002. – С. 43; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 418; Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. – М.: Наука, 1993. – С. 439.

⁴ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 12.

было уже немыслимо вне письменной формы. Запись не только обеспечивала техническую потребность в фиксации обычных правовых норм и значительным образом облегчала их применение в судах, но что не менее важно, она позволяла создавать, моделировать новые правила поведения, отменять общеобязательность существовавших обычаев и придавать таким нормативным решениям характер официальности, вплоть до сокральности.

Зарождение письменного права стало «поворотным пунктом» в истории Особенной части уголовного права. Разумеется, появление Русской правды, княжеских уставов и грамот не привело к полному вытеснению обычая из практики регулирования уголовно-правовых отношений, но существенным образом изменило, во-первых, сам характер этих обычаев, а во-вторых, их соотношение с писанными источниками в деле выражения уголовно-правовых запретов. Можно вполне уверенно утверждать, что с этого момента сам обычай отчетливо распадается на два неравноценных в уголовно-правовом смысле вида: с одной стороны, это так называемый «народный обычай», который с появлением писанных актов утрачивает свойство репрезентации уголовно-правовых норм, а с другой – собственно «юридический» или иначе его называют, «судебный» обычай, который становится важным средством развития, конкретизации и дополнения системы писанного права.

Взаимоотношения между нормативным актом и судебными решениями в эпоху средневековья не может восприниматься линейно в том плане, что вторые всегда следовали за первым. Специалисты признают творческую силу судебных решений и факт фиксации в писанных актах в рамках конкретных судебных постановлений, так и постановлений, которым придавалось всеобщее значение¹. Не исключается и непосредственное применение судебных обычаев в ситуациях пробельности нормативных актов. Только к середине XVI века взаимоотношение этих форм выражения права получает

---

¹ См. об этом: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – С. 13–17.

официальную регламентацию. В ст. 98 Судебника 1550 г. впервые было установлено твердое правило: разрешать все дела на основании норм Судебника, «а которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государеву докладу и со всех бояр приговору вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывати»¹. О том, насколько это требование было реально выполнимо и насколько оно соблюдалось, о том, насколько были возможны своевременные и единообразные «приписки» к Судебнику (составляющие такой важный источник уголовного права – Уставные книги Разбойного приказа, датированные 1555 и 1616 годами), специалисты высказывают критические суждения². Но нам важно зафиксировать сам факт: середина XVI века – это время, когда именно закон, то есть писанный нормативный акт, принятый в установленном порядке («с государеву докладу и со всех бояр приговору»), признается единственным легитимным источником права вообще и уголовного права в частности. Отныне все уголовно-правовые запреты должны быть выражены в законе, а закон должен стать единственной формой выражения Особенной части уголовного права³.

Эта идея пронизывает все последующее развитие права. Так, правила ст. 98 Судебника были подтверждены в Соборном Уложении 1649 года. В ст. 1 и ст. 2 Главы X «О суде» значилось: «судом судити и росправа делати по Государеву указу вправду, а своим вымыслом в судных делех по дружбе и по недружбе ничего не прибавляти, ни убавляти»; «а спорныя дела, которых в приказех зачем вершити будет не мощно, вноситьи из приказов в доклад к государю царю ... и к его государевым бояром и окольничим и думным людем. А бояром и окольничим и думным людем сидети в палате, и по

---

¹ Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 4: Памятники права периодакрепления Русского централизованного государства XV–XVII в.в. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Госюрлитиздат, 1956. – С. 260.

² Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – С. 18.

³ Это не мешает нам согласиться с высказыванием А.А. Рожнова о том, что в Московском государстве закон не считался основным и даже единственным источником права (см.: Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 17). Сила обычаев и судебной практики и в тот момент, и в дальнейшем была крайне велика. Но мы акцентируем в данном случае внимание на должном, а не на сущем, подчеркиваем позицию государства по отношению к иным, кроме закона, формам права.

государеву указу государевы всякия дела делати всем вместе»¹. В дальнейшем и Петр I издает 17 апреля 1722 года Именной указ «О хранении прав гражданских, о невершении дел против Регламентов, о невыписывании в Доклад что уже напечатано и о имении сего Указа во всех судных местах на столе под опасением штрафа», в котором предписывает: «сим указом, яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякия дела вершить и располагать не против регламентов, и не точию решить, ниже в доклад выписывать то, что уже напечатано... Буде же в тех регламентах что покажется темно, или такое дело, что на оное яснаго решения не положено: такая дела не вершить, ниже определять, но приносить в Сенат выписки о том; где повинны Сенат собрать все Коллегии и об оном мыслить и толковать под присягою, однакож не определять, но положе например свое мнение, объявлять Нам, и когда определим и подпишем, тогда оное напечатать и приложить к регламентам, и потом в действо по оному производить»².

Эти законодательные решения, разумеется, не исключили судебные обычаи из разряда источников Особенной части уголовного права³. Однако они придали им подчиненное, в известной степени, второстепенное значение. Судебный обычай был лишен статуса формы права, определяющей преступность и наказуемость деяний. Но сохранил свое значение, вплоть до настоящего времени, в качестве некоего правоприменительного образца. А это перенаправило энергию противостояния закона и обычая в иное русло, в

¹ Памятники русского права: в 8 вып. Вып.6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Госюрлитиздат, 1957. – С. 77.

² Памятники русского права: в 8 вып. Вып.8: Законодательные акты Петра I / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Госюрлитиздат, 1957. – С. 208–209.

³ О широком применении норм обычного уголовного права в России XIX века свидетельствует исследование Б.Н. Миронова. Опыт работы сельских судов показывает, что «народная юстиция, существенно расхившаяся с законом, решала 80% всех дел у 80% всего населения империи»; «во многих случаях преступление по закону и обычаю совпадали, но часто грех не признавался законом за преступление а преступление по закону не считалось крестьянами грехом, а следовательно, преступлением. Например, собиране милостыни, несоблюдение правил строительного устава, оскорбление чести сельской полиции, появление пьяным в публичном месте, нарушение тишины и порядка в суде, покушение на госдуарственную собственность вроде порубки казенного леса, кровосмесительство (если супругу не находились в прямых отношениях родства) и т.д. не считались крестьянами грехом и, следовательно, преступлением, хотя они знали, что закон придерживается другого мнения». См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в): в 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 67, 68–69.

область соотношения законодательной и судебной власти в части установления содержания и границ судебного толкования закона. Известная и не утихающая дискуссия о роли и значении судебной практики, решений Верховного Суда РФ и постановлений Пленума Верховного Суда в разрешении проблем уголовно-правового регулирования – прямое тому подтверждение.

Подводя в этой части исследования промежуточный итог, зафиксируем главное: первый этап формирования Особенной части уголовного права, охватывающий период с момента зарождения правовых норм до XVIII столетия, выработал одно из фундаментальных для Особенной части правил, восходящих к постулатам принципа законности. Единственной легитимной формой выражения уголовно-правовых предписаний стал признаваться только и исключительно закон.

Виды и система уголовных законов

Возникновение и утверждение законов в качестве источников уголовного права дает возможность в качестве отдельного направления (аспекта) истории Особенной части уголовного права выделить историю именно законодательства, которая, и выступает основным предметом исторических исследований в отраслевой науке. Однако, следуя логике нашего изложения, полагаем необходимым акцентировать сейчас внимание не на содержании уголовно-правовых запретов, а на видах уголовных законов и их особенностях. При этом с теоретической точки зрения целесообразно выделить два основных направления такого анализа, восходящие, с одной стороны, к эволюции понятия преступления и юрисдикции государства по уголовным делам, а с другой стороны – к видам и системе собственно уголовных законов.

Первое направление исторически предопределено тем, что область государственной юрисдикции по рассмотрению уголовных дел формировалась постепенно и никогда не была равной в своем объеме. Помимо собственно государства значительный объем «права на наказание»

принадлежал в истории России и иным субъектам: церкви, семье, помещикам, фабрикантам и др.

Так, с момента принятия христианства на Руси происходит формирование особой сферы церковной юрисдикции. Как писал по этому поводу Я.Н. Шапов: «Церкви на Руси в X – XII вв. удалось нащупать ... сферы права, которые государство, княжеская власть оставила вне своих интересов, и наложить свою руку на большую группу общественных институтов, не встретив со стороны государства препятствия»¹. К области церковного суда на основании Уставов князя Владимира и князя Ярослава относилась весьма обширная группа посягательств: супружеская измена, похищение девушки и чужой жены, изнасилование, внутрисемейное насилие, браки между родственниками, принуждение к вступлению в брак, позорные оскорбления, посягательства на имущество церкви².

По мере закрепощения крестьянства и нормативного оформления сословий развивалась и сфера помещичьего суда. Специальные исследования доказывают наличие весьма широких пределов судебной власти частных лиц, которая выражалась в праве господина судить зависимых от него людей³, причем власти, основанной на государственных установлениях, поддерживаемой государством. Так, Указ 1736 года предоставлял помещикам право наказания крепостных за побег, указ 1760 года дозволил ссылать крепостных в Сибирь, указ 1765 года предоставил право ссылать крепостных в каторжную работу «за предерзостное состояние»⁴.

Эти и иные нормативные акты, определяющие область церковной, помещичьей и т.д. юрисдикции, описанные в них деяния, составляют особый «срез» уголовного права. Санкционируя суд за совершение таких деяний,

---

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 140.

² Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Госюрлитиздат, 1962. – С. 237–238; 259–262.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в): в 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 47.

⁴ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах (по изд. 1957 г.). – СПб.: Равена, Альфа, 1995. – С. 746.

государство признавало их неправомерность, поддерживая карательные санкции, уравнивало их по степени опасности с преступными деяниями, но выделяя в отдельную и формально – негосударственную область судопроизводства вместе с тем и отделяло от уголовно-противоправных деяний в собственном смысле слова. Такая двойственность затрудняет определение правовой природы исследуемых нормативных актов и не позволяет категорично и однозначно решать вопрос о возможности признания их источниками уголовного права, а предусмотренные в них составы правонарушений – компонентом системы Особенной части уголовного права. Однако надо обратить внимание на одно важное обстоятельство: разграничивая виды судопроизводства, государство, пусть и не всегда отчетливо, стремилось, тем не менее, оставить за собой эксклюзивное право определения видов правонарушений, которые подлежат различным судам. Тот факт, что границы составов правонарушений могли быть определены весьма свободно и предоставляли суду широкие полномочия по их толкованию, а следовательно и реальному определению сферы «преступного», не должен в данном случае смущать. Он вполне укладывается в общую логику развития права. Генеральная же линия развития Особенной части уголовного права выражается вполне четко: признавая «карательную власть» отдельных социальных институтов, государство, во-первых, стремилось проводить курс на ее ограничение за счет самостоятельного формирования номенклатуры правонарушений; а во-вторых, ограничивало саму область «иной» юрисдикции за счет расширения предметной подсудности государственных (общих) судов. В конечном счете это привело к формированию единой и единственно возможной в стране системы уголовно-правовых запретов, единственной легитимной системы Особенной части уголовного права.

Между тем существовавший на протяжении длительного времени, и в полной мере не исчезнувший сегодня, факт наличия параллельных юрисдикций и параллельных систем правовых запретов, обложенных

карательными санкциями, в теоретическом отношении вызвал еще в XIX столетии широкую дискуссию о правовой природе запретов и правонарушений, которые находятся за пределами формального уголовного закона и являются предметом рассмотрения иных, недели суд по уголовным делам, органов. Эта дискуссия известна в виде спора о «видах неправды» и видах «уголовно наказуемой неправды»¹. Она не только в полной мере не завершена в наши дни, но и напротив, многократно обострилась в связи с широко обсуждаемой практикой Европейского суда по правам человека в части формирования и толкования понятия «уголовная сфера»², в связи с вопросом о соотношении преступлений и административных правонарушений³, в связи с практикой установления и применения неуголовно-правовых последствий совершения преступлений и осуждения⁴. Не вторгаясь в обсуждение этих сложных проблем, которые очевидно выходят за пределы нашего анализа, отметим, что проблема несовпадения «уголовного содержания» и «уголовно-правовой формы» представления запретов, таким образом, имеет давнюю историю и уходит корнями в ранний период формирования отрасли уголовного права. Она же свидетельствует о возможности и оправданности разделения законов на источники Особенной части в «узком» и «широком» смыслах, а следовательно, и перейти ко второму из выделенных выше направлений анализа – о видах и системе собственно уголовных законов, в их стандартном, классическом понимании.

Уголовные законы, определяющие номенклатуру преступных деяний, в истории российского государства присутствовали всегда, а их виды, система и особенности закономерно отражали уровень развития

---

¹ Анализ см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. – М.: Наука, 1994. Т. 1. – С. 42–57.

² См. об этом: Никонов М.А. Автономное значение понятия «уголовное обвинение» в практике Европейского Суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. – 2016. – № 2; Гурин Д.В. Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4; Головки Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2 и др.

³ См.: Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. – М.: РГУП, 2017.

⁴ См.: Елинский А.В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2010. – № 7.

государственных и правовых отношений, юридической науки и техники.

Обозревая историю законов, презентующих нам содержание Особенной части уголовного права, представляется возможным выделить, две значимые тенденции.

Первая и наиболее важная состоит в развитии отраслевой специализации законов. Памятники права Древнерусского государства (Русская правда), удельных русских княжеств и феодальных республик (Новгородская и Псковская судные грамоты) и Московского царства (Судебники XV – XVI веков, Соборное Уложение) являли собой синкретичные по содержанию документы, охватывающие своим содержанием нормы, относящиеся к самым разным сферам правоотношений, причем нормы, по преимуществу казуальные. В связи с этим, с одной стороны, здесь, нельзя провести разграничение предписаний на нормы Общей и Особенной части. «Нормы законодательства Древней Руси носят, по преимуществу, характер норм особенных, предусматривающих конкретные виды преступных деяний, в которых в той или иной степени можно увидеть лишь зачатки положений Общей части»¹. Этот тезис в полной мере применим и для оценки последующих законов, вплоть до начала XIX столетия. С другой стороны, в этих законах отсутствовало строгое разделение правовых норм по отраслям², в связи с чем и именовать эти законы «уголовными» можно с известной долей условности. Это законы, содержащие уголовно-правовые нормы, но не уголовные законы в строгом смысле слова.

Между тем, надо подчеркнуть, что даже в этих сборных памятниках права изложение нормативного материала не было полностью хаотичным и содержало определенные начала систематизации. Это находило выражение, прежде всего, в относительно компактном представлении и группировке

---

¹ Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 139.

² Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв). – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 18; Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Наука 1986. – С. 51.

норм, относящихся к вопросам уголовно-правового регулирования. Так, например, в статьях 5, 6, 7 краткой редакции Русской правды сосредоточены правила об ответственности за телесные повреждения, в статьях 19, 20, 21 – об ответственности за убийство¹. В Судебнике 1497 года статьи 8 – 11 посвящены борьбе с убийствами и кражами².

Наиболее показательным в рассматриваемом плане является, безусловно, Соборное Уложение 1649 года³. В этом документе мы наблюдаем не просто ассоциативную группировку уголовно-правовых предписаний, но вполне оформленную в структурном отношении, с выделением самостоятельных глав, презентацию уголовно-правовых норм. Они вполне компактно изложены в главе 1 «О богохульниках и церковных мятежниках», главе 2 «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать», главе 3 «О государеве дворе, чтобы на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было», главе 4 «О подпищеках, которые печати подделывают», главе 5 «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги», главе 21 «О разбойных и татиных делах», главе 22 «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказанье». Как верно пишет Г.С. Фельдштейн, «о том, чтобы Уложению была придана форма, свидетельствующая о систематизации, о классификации отдельных понятий и институтов, исходящем *из общих теоретических оснований* (выделено нами – Г.А.), нет и речи»⁴. Однако при том уровне развития теоретической юриспруденции этого объективно и не могло быть. Уложение составлялось, прежде всего, представителями «подъяческой юриспруденции» и отражало насущные потребности практики правоприменения, но не отсутствующие теоретические воззрения на закон, его содержание и структуру. В

---

¹ Правда Русская: в 2 т. Т. 2: Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин и др.: под ред. Б.Д. Грекова. – М. – Л.: АН СССР, 1946. – С. 71 – 75; 130 – 158.

² Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. В.Л. Черепнина. – М.: Госюрлитиздат, 1955. – С. 347–348; 380–382.

³ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 года. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1961.

⁴ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – С. 23.

прикладном же и историко-правовом отношении роль Уложения трудно переоценить. Не повторяя его известных оценок, все же в контексте изложения, Соборное Уложение и его предшественники, оставались общими, межотраслевыми правовыми документами, но не уголовным кодексом в строгом смысле слова.

Пожалуй, первый собственно уголовный кодекс, систематизированный нормативный документ, по-возможности максимально «очищенный» от предписаний неуголовно-правового характера, демонстрирует нам Вторая книга Воинского Устава Петра I, известная как Воинский Артикул с кратким толкованием (1716 год)¹. Этот документ не был полностью лишен иноотраслевых вкраплений, однако, как указывал Н.Д. Дурманов, «содержит по преимуществу нормы уголовного права, причем, если применить современную терминологию, - нормы Особенной части. Положения же Общей части излагаются отрывочно, применительно к конкретным преступлениям и ответственности за них»². А.А. Герцензон прямо назвал Артикулы «в полном смысле Уголовным кодексом без Общей части, каковой в то время не было и в западноевропейских уголовных кодексах»³. Оставим в стороне вопрос о том, что этот документ предназначался в первую очередь для регулирования военно-уголовных правоотношений, артикулы применялись и в гражданских судах. Подчеркнем иное: в артикулах мы встречаем первый опыт сосредоточения уголовно-правовых предписаний в отдельном, специализированном нормативном акте. И это крайне важно. Если допустимым образом гиперболизировать оценки законотворческой деятельности Петра I, то можно утверждать, что его эпоха положила конец крупным, единым межотраслевым сборникам законов и открыла период подготовки и представления нескольких сборников предписаний, по преимуществу, отраслевых.

---

¹ Памятники русского прав: в 8 вып. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Госюрлитиздат, 1961.

² Памятники русского права В 8 вып. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Госюрлитиздат, 1961. – С. 258

³ Уголовное право. Общая часть. 4-е изд., перераб. / под ред. В.Д. Меньшагине. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1948. – С. 76.

С этого момента идея самостоятельного, отраслевого уголовного закона стала доминирующей. Ее официальное признание и первое полноценное нормативное воплощение произойдет позже, в 1832 году, в связи с изданием тома XV Свода законов Российской империи, который целиком и полностью будет посвящен вопросам регламентации уголовно-правовых отношений. В последующем потребность в отдельных, самостоятельных, полностью уголовных в своем содержании кодексах станет неоспоримой.

Вторая тенденция развития отраслевых, уголовно-правовых законов состоит в том, что на всем протяжении истории (вплоть до наших дней) единый кодифицированный уголовный закон сосуществовал со множеством иных, неинкорпорированных в кодекс нормативных актов. Сосуществование и противостояние единого кодекса и множества отраслевых источников существенным образом влияло на все аспекты функционирования уголовно-правовой системы. В связи с этим и система Особенной части уголовного права никогда не выражалась в полном объеме в главном, основном уголовном законе – будь то Русская правда или Военские артикулы. Наряду с этими «ядерными» кодексами имели место и «периферийные» источники, в которых содержались уголовно-правовые запреты, дополнявшие, корректировавшие общую систему, и лишь в совокупности своей позволяющие судить о системе Особенной части уголовного права того или иного периода.

Так, например, во второй половине XVI – начале XVII веков, наряду с Судебником 1550 года, уголовно-правовые запреты содержались в Приговоре о разбойных делах 1555 года, Указе о татевных делах 1555 года, Уставных книгах Разбойного приказа 1616 – 1617 годов, постановления Стоглавого собора 1551 года¹. Артикулы Петра I дополнялись не только результатами активной законотворческой деятельностью императора,

---

¹ Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв). – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 27-28

издавшего в сфере уголовного права 392 указа¹, но также Соборным Уложением 1649 года, Новоуказными статьями о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 года. Даже на рубеже XIX – XX столетий специалисты отмечали множественный характер источников российского уголовного права, включающий не только Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года, но также военно-уголовное законодательство, Сельско-судебный устав, уголовное законодательство отдельных регионов Российской империи (Княжества Финляндского, Царства Польского)².

Такое многообразие источников выражения Особенной части уголовного права в законах вносит свои коррективы в представления о системе самой Особенной части, заставляя выделять в ней определенное «ядро», то есть нормативные предписания, которые составляют элемент главного, центрального источника, и все остальные³. Однако в целях дальнейшего изучения заявленной темы представляется возможным до известных пределов пренебречь этой сложной структурой и сосредоточить основное внимание на центральном компоненте системы Особенной части, поскольку он в полной мере отражает господствующие представления о ее строении и содержании и во многом определяет содержание иных элементов системы Особенной части.

---

¹ См.: Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. – М.: Воен.-юрид. акад, 1947. – С. 16.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. – М.: Наука, 1994. Т. 1 – С. 107–113; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3-е. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1896. – С. 27–34.

³ Отдельного анализа заслуживает вопрос о наличии в России двух «общих» законов уголовно-правового содержания – упомянутых Уложения 1845 года и Устава 1864 года. Устав представлял собой, по сути, кодекс уголовных проступков (менее важных преступлений, вычлененных из Уложения 1845 года), подсудных мировым судьям. В техническом плане он оценивался современниками намного выше, нежели Уложение. Однако, как отмечал Н.С. Таганцев, «его появление внесло новую неурядицу в нашего уголовного законодательства, так как само одновременное существование двух общих уголовных кодексов с различием в некоторых основных учениях о преступлении, об определении меры ответственности и т.п. представлялось и теоретически несостоятельным, и практически вредным, в особенности в виду того, что оба кодекса регулировали преступные деяния, отличающиеся не родовыми, а видовыми признаками, что оба ни нередко применялись одними и теми же судами» (см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. – М.: Наука, 1994. Т. 1. – С. 105). Вопрос о создании кодекса проступков будет поднят в России и через столетие после Устава (см.: Кодекс уголовных проступков. Проект - М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973). Он будет вызывать многочисленные дискуссии и в современной науке, в том числе в связи с сосуществованием УК РФ и КоАП РФ.

В завершение важно подчеркнуть, что умножение числа законов сопровождалось, пусть и не всегда последовательным и полным, но вполне отчетливым возрастанием понимания значимости и ценности самого закона, а также осознанием необходимости их упорядочения и систематизации. Ценные и передовые для своего времени суждения на этот счет изложил еще И.Т. Посошков в своей «Книге о скудости и богатстве» 1724 года. Он писал, в частности: «А буде не сочинить на решенье всяких дел новаго изложения, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякого судьи свой ум и како кому понравитца, так и судить. ... И правосудного ради уставу надлежит древняго суда Уложение и новоустановные гражданския и военные, печатные и письменные, новосостоящияся и древние указные статьи собрать и по приказам из прежних вершеных дел выписать такие приговоры, на которые дела ни в Уложенье, ни в новоуказных статьях решения не положено. И к таковым вершениям применяяся, надлежит учинить пункты новыя, дабы впредь такая дела не наизусть вершить и в сенат бы не вносить, но на всякия б дела были указные статьи ясные с совершенным расположением»¹. Мысль об упорядочении, систематизации и кодификации российского уголовного законодательства вполне оформилась в XVIII столетии, а ее практическое воплощение во многом составило основное содержание истории уголовного права в первой половине XIX века.

*Систематизация уголовно-правовых предписаний и формирование
институтов Особенной части*

Обращаясь к вопросу о внутренней систематизации уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права целесообразно с методологической точки зрения выделить два основных направления предстоящего анализа. Они, безусловно, взаимосвязаны, но в то же время и не совпадают полностью. Во-первых, это систематизация, а точнее классификация преступлений, вытекающая из положений уголовного

---

¹ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве / ред., вступит. ст. и прим. Б.Б. Кафенгауза. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. – С. 161.

законодательства, а во-вторых, это систематизация самих уголовно-правовых норм Особенной части уголовного права. До определенного момента, а если быть точным, то Соборного Уложения 1649 года, эти два направления, в принципе, составляют единый аспект анализа. Со второй половины XVII столетия они в некоторой степени расходятся, поскольку систематизация преступлений и уголовно-правовых норм приобретает относительно самостоятельное значение.

Памятники русского права киевского и московского периодов российской истории излагали список преступлений относительно свободным образом, не выделяя в структуре законов структурных единиц выше статьи. В этой связи представление о структуре и системе Особенной части уголовного права может быть реконструировано только теоретическим путем, с применением приема классификации преступлений¹.

Систему Особенной части русского уголовного права периода Киевской Руси вполне убедительно изложил еще М.Ф. Владимирский-Буданов. Он писал: «Классификация преступлений делается в Русской правде на основании их объектов; уже древнейшая Правда держится в этом случае определенной системы, рассматривая сначала преступления против личных прав: убийство, нападение на здоровье и на честь, затем преступления имущественные»². И далее, на основе норм Русской правды и иных источников уголовного права, он воспроизводит следующую группировку преступных деяний: 1) преступления против жизни»; 2) против здоровья; 3) против чести; 4) против свободы; 5) против прав имущественных; 6) против прав государства; 7) против веры; 8) против семейного права и нравственности. Аналогичную, в основных своих чертах, классификацию представляют и современные авторы. Э.В. Георгиевский, в частности, выделяет преступления: против жизни, против здоровья и

---

¹ См. подробнее: Асланян Р.Г. Систематизация предписаний особенной части уголовного права в истории дореволюционной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12. – С. 22–29.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 317–318.

телесной неприкосновенности, против физической и половой свободы, против собственности, против административной и публичной власти, против общественного порядка и безопасности, против религии и церкви¹.

Такая система в целом сохранялась достаточно долго, в том числе в виду продолжительности действия самой Русской правды в качестве источника права. Но напомним еще раз: это система подчеркнута теоретическая, не нормативная. В Соборном Уложении впервые мы встречаем попытку не просто перечислить уголовно-правовые предписания, но и сгруппировать их определенным образом уже непосредственно в тексте самого закона. Выше показано, минимум, семь глав этого объемного документа имели заголовки, прямо указывающие на существо запрещенных этими главами деяний. А.А. Рожнов признает: «В отличие от Судебников в Уложении была предпринята попытка изложить преступления в виде определенной системы. В основу классификации был положен преимущественно такой критерий, как объект преступления»². Вместе с тем, с учетом уровня теоретической обработки нормативного материала в Уложении, сама структура этого документа не дает полного представления о системе предусмотренных в нем преступных деяний, ибо отдельные преступления фиксировались в главах, наименование которых не имеет прямого отношения к уголовному праву, в то время как в иных главах (например, в главе 22) было сосредоточено несколько видов преступлений. В науке представлено несколько вариантов общей классификации преступных деяний в Уложении. Некоторые авторы пишут, что такая классификация включает в себя: преступления против религии и церкви, преступления государственные, преступления по службе, против интересов частных лиц (жизни, здоровья, нравственности, имущественных прав)³. В упомянутой работе А.А. Рожнова в структуре Особенной части Уложения выделяются,

---

¹ Георгиевский Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. – М.: Юрлитинформ, 2013.

² Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 204.

³ Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1986. – С. 161.

среди прочих, политические преступления, преступления против правосудия, должностные преступления, преступления против порядка управления, воинские преступления. М.Ф. Владимирский-Буданов пишет, что «Уложение царя Алексея Михайловича дает понять свою классификацию той последовательностью, в какой оно излагает (хотя и не без отступлений) сначала преступления против религии (гл. I), и против государства (гл. II), потом против порядка управления (гл. IV, V, VI, VII, IX) и суда (гл. X, XIV), против законов о состояниях (гл. XIX), наконец, против частных лиц (гл. XXI – XXII)¹.

В Воинском артикуле Петра I нормативные предписания также изложены в определенном порядке: преступления против религии и церкви (главы 1, 2), преступления против императора (глава 3), воинские преступления (главы 4 – 15), преступления против безопасности государства (глава 16), преступления против общественной безопасности и порядка (глава 17), преступления против чести и достоинства (глава 18), против жизни (глава 19), половые преступления (глава 20), преступления против собственности (глава 21), преступления против правосудия и управления (глава 22). Такая структура закона, учитывая, что сами Артикулы есть преимущественно уголовно-правовой нормативный акт, уже гораздо полнее и четче, вплоть до полного совпадения, отражает систему Особенной части и систему самого закона (хотя, разумеется, отступления от этой общей логики в тексте памятника еще встречаются).

Этот момент представляется особенно важным в свете рассматриваемой нами темы и свидетельствует о важном этапе в истории Особенной части уголовного права. Если в ранних памятниках права складывалось, по большей части, инстинктивная группировка норм без выделения законодательных рубрик; в Соборном Уложении был отчетливо выражен опыт нормативной структуризации текста с попыткой соотнести

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 340.

элементы структуры закона с элементами системы Особенной части, то в Артикулах мы можем наблюдать первый, вполне завершённый опыт полного отражения системы Особенной части в структуре нормативного правового акта. В науке справедливо отмечается, что общей закономерностью институционального строения уголовного права является принципиальное соответствие между уголовно-правовым институтом и главой как укрупненным подразделением закона¹. Фиксируя этот момент в Воинских артикулах, мы можем вполне уверенно утверждать, что именно в этом памятнике впервые уголовное право было полноценно представлено в качестве институциональной системы и была создана платформа для последующего формирования системы институтов Особенной части уголовного права в рамках пандектной системы права.

Перестройка системы российского уголовного права по пандектному принципу составляет основное содержание отдельного периода в его истории, охватывающего 1813–1845 годы. В литературе этому вопросу уже уделено внимание², а сформулированные исследователями выводы, касающиеся истории Общей части уголовного права и институтов уголовного права в целом, сохраняют свое значение для познания истории Особенной части. Учитывая это обстоятельство, полагаем возможным, не повторяя известных суждений, сосредоточить внимание лишь на некоторых аспектах этого историко-правового периода.

Потребность в обновлении и систематизации российского законодательства остро ощущалась уже при Петре I, который положил начало деятельности многочисленных комиссий по составлению нового Уложения³. С разными нюансами перед этими комиссиями ставилось две основные задачи: свести в единый свод все изданные нормативные акты и

---

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2010. – С. 89.

² См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 32–41; Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2010. – С. 46–54.

³ Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). – Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1961. – С. 7.

сгруппировать их в отдельные «книги законов», исходя из отраслевого принципа строения права, при этом необходимость составления «книги законов уголовных» никогда не оспаривалась.

Более или менее очевидные результаты деятельности этих комиссий проявили себя только в первой трети XIX столетия, когда юридической общественности были продемонстрированы, два проекта уголовного кодекса, основанные на принципиально иной, нежели средневековые памятники, структуре. Первый – проект Уголовного уложения Генриха Якоба (известный как проект 1813 года) и второй – проект, составленный Григорием Ячейковым¹. Оба они исходили из уже апробированной в теории и зарубежном праве идеи вычленения в структуре уголовного закона его Общей и Особенной части. Проект 1813 года состоял, к примеру, из трех частей: «Основания уголовного права», «О наказаниях за государственные и общественные преступления», «О наказаниях за частные преступления»². Тем самым впервые в российской юридической истории в структуре уголовного закона предлагалось выделить его Особенную часть в современном ее понимании.

Такое структурное оформление уголовного закона не было для юридической общественности абсолютно неведомым. Уже в проекте Уголовного Уложения, который был в общих чертах подготовлен комиссией, созванной Екатериной II в 1767–1772 годах, предусматривалось раздельное изложение общих вопросов уголовного права, касавшихся всех родов и видов преступлений (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, пособничество, неоконченные преступления и др.), а также специальных вопросов о наказуемости отдельных видов преступлений, причем систематизированных в соответствии с идеями, изложенными в ее знаменитом Наказе: против закона или веры; против нравов; против тишины

---

¹ См.: Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). – Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1961. – С. 17.

² Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. – Самара: Самарский университет, 2013.

и спокойствия; против безопасности граждан¹. Развернутое теоретическое обоснование вычленения в уголовных законах Общей и Особенной части изложено в работах И. Бентама, которые вне сомнений, были известны юристам, причем даже в переводе на русский язык². Был известен к этому времени и опыт составления французского и австрийского уголовного кодексов, построенных на пандектной системе. С учетом всех этих обстоятельств, идея разделения уголовного закона на Общую и Особенную часть была в целом поддержана и нашла свое прямое отражение в Томе XV Свода законов 1832 года «Свод законом уголовных»³, а потом воспроизведена во всех последующих уголовных законах империи – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (с продолжениями), Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года, Уголовном уложении 1903 года.

Выделение в структуре уголовного закона Особенной части – одна из важных вех в истории отрасли не вызвало в отечественной науке XIX столетия сколько-нибудь глубокого теоретического осмысления в качестве нового принципа построения уголовного закона. И. Нейман, к примеру, вообще относился к такому делению сугубо технически. Он писал: «Уголовное право в собственном смысле или о законы о преступлениях и наказаниях за оные разделяется на две главные части: первая содержит правила о преступлениях и налагаемых за оные наказаниях вообще; вторая имеет предметом положения о разных преступлениях и наказаниях за каждое из них определяемых. Первая из сих частей называется в учебных книгах Общюю, а вторая Особенною частью уголовного права; но выражения сии, сами по себе неясные и не введенные в другие языки просвещенных народов

---

¹ См. об этом: Омельченко О.А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. Сборник науч. тр. / отв. ред. Ю.П. Титов. – М.: ВЮЗИ, 1986. – С. 32; Бабкова Г.О. Политика Екатерины II в области уголовного права: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.

² Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Переведено М. Михайловым. – СПб.: Типография Шпора, 1805. Т. 1. – С. 296, 306–310.

³ Свод законов уголовных. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императорск. Велич. Канц., 1832.

кроме немецкого, оставлены нами как излишние технические слова»¹. Большинство же авторов просто констатировало свершившееся разделение факта, не придавая ему, по-видимому, особого правового значения. Подчеркивая тесную и неразрывную связь Особенной и Общей части уголовного закона, специалисты в большей степени обращали внимание на особенности организации науки уголовного права и его изучения. Так, А.Ф. Кистяковский писал: «Часть Общая и часть Особенная уголовного права – обе занимают одним и тем же предметом – преступлением и наказанием. Но каждая из них рассматривает их в различном виде, с различных сторон, каждая имеет свои специальные вопросы, хотя материал одной служит и для другой, а учения Общей части предполагают существование Особенной, для которой они служат фундаментом. Особенная часть, предполагая общие вопросы пройденными, занимается изложением учения о разных родах и видах преступлений в отдельности и о наказаниях им соответствующих. В Особенной части рассматриваются и излагаются учения о преступлениях против государства, против личности, против собственности и т.д. В Особенную часть входят также и те учения, которые излагаются в Общей части, но только в применении к отдельным родам и видам преступлений. Так, в этой части может идти речь об умысле, вине неосторожной покушении, стечении преступников, не в их общей постановке, а в их применении, например, к убийству, поджогу и т.п.»².

Такое отношение во многом обусловило в целом незначительное внимание, которое наука XIX века уделяла вопросам Особенной части уголовного права. Как писал С.В. Познышев, «к сожалению, в настоящее время Особенная часть представляется очень неразработанной и, может быть, понадобится еще целое поколение ученых прежде, чем она достигнет

---

¹ Нейман И. Начальные основания уголовного права. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1814. – С. 8–9.

² Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. Второе испр. и значительно допол. изд. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1882. – С. 7. См. об этом также: Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Вып. 1-ый. – М.: Университет. тип., 1907. – С. 21; Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – С. IX; Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев: Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903. – С. 8.

всей желательной полноты и высоты развития. Этой неразработанностью и объясняется, что в курсах и очерках Особенной части господствующее место занимает положительное право»¹. Н.А. Неклюдов был вынужден констатировать, что кроме Курса уголовного права Г. Лохвицкого², «в русской юридической литературе не существует никакого руководства к Особенной части отечественного уголовного законодательства», в связи чем указал, что его труд «и будет первой к тому попыткой»³.

Вопросы изучения теории Особенной части уголовного права в литературе того времени ограничивались по преимуществу общим анализом системы Особенной части уголовного законодательства и вопросами классификации преступлений.

В нашу задачу не входит изложение системы Особенной части уголовного законодательства второй половины XIX века (см. прил. 1). Это, во-первых, заняло бы слишком большое пространство текста работы, во-вторых, соответствующий материал легко почерпнуть при знакомстве с памятниками, в-третьих, опыт подобного представления Особенной части уже имеется⁴. Нет, пожалуй, оснований и исследовать качество этой системы, особенно оперируя современными представлениями о строении закона. Достаточно, по-видимому, сослаться на свидетельства современников, которые давали в целом не вполне лестные оценки системе Особенной части. Н.А. Неклюдов, к примеру, писал, что «наше Уложение – сырой, непечатый бор, в котором легко заблудиться даже опытному лесничему»⁵. В другой своей работе он признавал, что «благодаря ... многообразной классификации

---

¹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – С. IX.

² Речь идет о работе: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1867.

³ Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1: Преступления и проступки против личности. – СПб.: Тип П.П. Меркулева, 1876.

⁴ См., например: Сизова В.Н. Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864 – 1903 гг.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 1 (46); Сорокина А.В. Система построения Особенной части российских уголовных законов второй половины IX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – №4 (10).

⁵ Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том первый. Преступления и проступки против личности. – СПб.: Тип П.П. Меркулева, 1876.

Уложение варьирует оду и ту же статью в нескольких отделах, впадая таким образом в непрестанные повторения. При этом преступления и проступки размещены не всегда правильно». Гораздо проще, по его мнению, была градация Особенной части, принятая в Уставе для Мировых судей, она «проста и безыскусственна», а размещение преступлений в ее главах – весьма правильно¹. А.Ф. Кистяковский также писал, что «история уголовных законодательств не представляет другого такого сборника уголовных законов, подобного нашему Уложению. По объему оно непомерно и не в пример велико.... Уложение наше носит на себе печать работы, в которой видны только самые слабые признаки обобщения. Однородные преступления размещены по разным разделам. Одно и то же преступление разбито на два, на три, вопреки природе самого преступления, и только на основании ходячего словоупотребления. Оттого нередко границы, отделяющие одно преступление от другого, бывают неуловимы. Редакторы этого усовершенствованного свода ... стремились дроблением видов преступлений охватить разнообразные случаи действительной жизни. На деле же вышло, что этим внесено только много путаницы в практику, но главная цель – охватить разнообразие явлений жизни – не достигнута. Даже, напротив, следствие казуистичности постановлений Уложения, некоторые подвиды одного и того же преступления не могут улесться в дробные определения других подвидов и не подходят ни под одно из определений уложения. Вследствие этого наше уложение есть один из самых трудных законов для изучения, один из самых неподдающихся классификации материалов»². П.П. Пусторослев признавал, что Уложение 1845 года «уже с самого своего появления на свет страдало несколькими недостатками. Среди них особенно выдвигались на вид: казуистичность и некоторая неполнота постановлений,

---

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. 2. Часть Особенная. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. – С. 5–7.

² Кистяковский А.Ф. [Рецензия] Руководство к Особенной части Русского уголовного права. Магистра прав Н. А. Неклюдова. Т. 1. Преступления и проступки против личности. 1876 г. Т. 2: Преступления и проступки против собственности. 1876 г. Том третий. Преступления: 1) против брака и прав семейственных; 2) противу законов о состояниях; 3) общеопасные преступления (подлог и т. п.) 1878 г. // Сборник Государственных знаний. – 1879. – Т. 7 - С. 45–57.

некоторая непоследовательность в проведении принципов и излишнее многословие»¹.

Что же касается вопроса о классификации преступлений в Особенной части российского уголовного права, то важно обратить внимание, что ни один из авторов в своем изложении не следовал институциональному строению Особенной части уголовного закона.

До принятия Свода законов 1832 года специалисты строили систему Особенной части на основе идей, которые были озвучены еще в екатерининском Наказе. Л. Цветаев, в частности, указывал, что «важнейшее и главнейшее разделение преступлений на публичные и private руководствует нас к подробнейшему их разделению на 7 следующих видов: 1. Публичных (против веры и бога; против верховной власти (т.е. против государства, государственного постановления и учрежденных чиновников); против самого общества (т.е. против порядка, благоустройства, спокойствия, безопасности, торговли, казны, нравственности, полиции; против политических граждан, против народного права); 2. Private (против семейственного права; против лица гражданина; против собственности)². В этом же направлении размышлял П. Гуляев, выделяя преступления государственные или общественные (против веры, против императорского величества, измене и бунте, против тишины, правосудия и частных прав государства) и преступления частные (сопровождаемые опасностью для многих либо лично к кому-либо относящиеся)³.

Однако и в связи с принятием новых уголовных законов, демонстрирующих развернутую систему Особенной части, позиция ученых не изменилась. Деление преступлений на частные, общественные и государственные (с теми или иными несущественными вариациями в

---

¹ Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. 2-е изд., испр. – Юрьев: Тип К. Матисена, 1912. Вып. 1. – С. 57, 61.

² Цветаев Л. Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся. – М.: Университет. тип., 1825. – С. 8, 19–34.

³ Гуляев П. Российское уголовное право, составленное из Российских государственных узаконений. – М.: Тип. П. Кузнецова, 1826.

названиях) воспроизводят едва ли не все авторы¹.

На несовпадение устоявшейся теоретической и нормативной классификации преступлений обратил внимание А.Ф. Бернер. Он писал: «новые уголовные уложения стали все более и более отделяться от подразделения отдельных преступлений на особые рубрики, потому что эти общепринятые деления казались им, отчасти слишком школьными и неопределенными для практики, отчасти запутанными и отчасти даже ошибочными. Наши законодатели времен настоящих довольствуются тем, что излагают одно преступление за другим в порядке из ближайшего между собой сродства и в возможно широкой связи. ... Для изложения уголовного права в виде науки этот способ отношения к предмету соответствующий целям законодателя недостаточен. ... Ежели мы не желаем отделаться совершенно от научных требований системы, то нам остается только один исход: расположить отдельные преступления смотря по коренному их характеру. Главнейший пункт, которым может быть определен этот главный характер, заключается в предмете правонарушения: ... сфера отдельных лиц, семейства, общества, государства и церкви»².

Путь построения научной системы Особенной части уголовного права в рассматриваемый период был только намечен, но не пройден. Показательно, что специалисты определили и основное направление такой систематизации, четко указав на критерий систематизации уголовно-правовых предписаний. Если А.Ф. Бернер признавал им «предмет нарушения» или «сферу» его проявления, то Ф. Лист и М.Н. Гернет уже четко указывали, что основанием для деления Особенной части уголовного права выступает «различие юридических благ, защищаемых наказанием и

---

¹ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – С. IX–X; Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев: Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903. – С. 344; Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13 перераб. из. Ф. Ельашевич. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1905. – С. 3–4.

² Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. 2: Часть Особенная. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. – С. 3–4.

затрагиваемых преступлением», «объект или содержание блага», защищаемого законом¹.

Итожа исследование вопроса о формировании Особенной части уголовного права, можно указать основное достижение истории права и науки к середине XIX столетия. К этому моменту была не только реализована идея создания самостоятельного уголовного закона, но также, во-первых, воплощен на практике принцип пандектного его строения, предполагающий вычленение в структуре кодекса его Особенной части и, во-вторых, принцип построения самой Особенной части, исходя их институционального строения отрасли и содержания охраняемых законом благ. Вместе с тем, научное осмысление системы Особенной части даже к концу XIX века не сложилось в стройную отраслевую теорию. Причин тут множество: и общий уровень развития науки, и недостаток исторического времени, и иные приоритеты научного развития, и т.д. Важно, однако зафиксировать, что сама задача изучения Особенной части уголовного права в качестве отдельного предмета науки была поставлена вполне ясно. Решение ее выпало уже на иной исторический период.

§ 3. Развитие Особенной части российского уголовного права в XX столетии

В XX век Россия вошла, имея вполне развитое в содержательном, научном и юридико-техническом отношении уголовное законодательство. Последним по времени принятия крупным уголовно-правовым актом Российской империи стало Уголовное Уложение 1903 года, которое, даже не вступив в полном объеме в силу, составляло один из важнейших источников права. И хотя содержание этого Уложения у современников вызывало порой

---

¹ Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13 перераб. изд. Ф. Ельяшевич. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1905. – С. 1; Гернет М.Н. Уголовное право. Часть Общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. – Херсон: Изд. Н.А. Ходушина, 1913. – С. 66.

критические оценки¹, многие были согласны, что в юридико-техническом отношении, в части систематизации и внешнего представления уголовно-правовых предписаний оно отличалось достаточно высоким уровнем совершенства. Современные специалисты также признают заслуги Уложения в деле унификации и систематизации уголовно-правовых запретов: «Унификация законодательства осуществлялась в описываемый период на различных уровнях: в рамках отрасли уголовного права, на уровне отдельных институтов, а также в рамках внутренних первичных компонентов системы уголовного законодательства – групп уголовно-правовых норм, отдельных уголовно-правовых норм и их структурных элементов»².

В силу исторических обстоятельств Уголовному Уложению не суждено было стать полноценным и всеобъемлющим источником уголовного права; науке и практике не довелось в полной мере оценить его достоинства и недостатки. Работы по пересмотру Уложения, которые начались еще при Николае II были продолжены после февральской революции 1917 года, и именно Уложение 1903 года было взято за основу при формировании уголовного законодательства Временным правительством³. Сохранив действие всех прежних источников уголовного права, Временное правительство в марте 1917 года создало Комиссию по пересмотру и введению в действие нового Уголовного уложения. В деле развития Особенной части уголовного права работа этой комиссии заключалась по

---

¹ П.П. Пусторослев, характеризуя Особенную часть Уложения 1903 года, писал, в частности: «К числу наиболее неудовлетворительных частей нашего уголовного уложения, наиболее проникнутых устарелыми охранительными тенденциями, принадлежат постановления этого уложения ... о религиозных преступлениях и проступках, о государственных преступлениях, о смуте и т.д.» (Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. 2-е изд., испр. – Юрьев: Тип К. Матисена, 1912. – С. 66). Критику Особенной части Уложения см. также: Лонгинов А.В. Слабые стороны проекта Особенной части уголовного уложения // Журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете. – 1896. – Книга 9 (Ноябрь). – С. 47–63.

² Дудырев Ф.Ф. Унификация уголовно-правовых норм и институтов в Уголовном Уложении 1903 г. (на примере должностных (служебных) преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 4. – С. 16.

³ См. об этом: Герцензон А.А. Карательная политика и уголовное законодательство Временного правительства // Советское государство и право. – 1941. – № 2. – С. 57–77; Скрипилев Е.А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее проведения, март – октябрь 1917 года: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1970; Наумов А.В. Уголовное законодательство Временного правительства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2007. – № 1 (11). – С. 19–21; Поцедуев Е.Л. Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 4–22.

преимуществу в обновлении текста известного документа, изъятии из него статей, не соответствующих новой политической ситуации (например, об оскорблении императора), пересмотре наиболее реакционных статей, которые вызывали критику еще у специалистов дореволюционной России (например, о религиозных притуплениях, о печати, смуте, бунте и др.), дополнении закона статьями об ответственности на преступления, вызванные веянием времени (антивоенные преступления на фронте, призывы к отторжению части территории России, преступления против общественной нравственности). Иными словами, шел процесс приспособления «старых» законов к «новой» политико-правовой ситуации. Новых решений о систематизации Особенной части уголовного права в этот период времени не было, да и не могло быть принято. Сам процесс развития Особенной части уголовного права шел в двух основных направлениях: во-первых, в пересмотре прежних источников уголовного права, во-вторых, в достаточно активной «декретной» деятельности по изданию новых законов об ответственности за те или иные отдельные преступления, причем речь идет о создании специальных уголовных законов, так и о включении уголовно-правовых предписаний охранительного содержания в законодательство регулятивного порядка. Этот опыт внекодификационного уголовно-правового регулирования и «точечного» оперативного реагирования на возникающие угрозы безопасности стал важной вехой в истории уголовного права. В известном отношении он был реанимацией едва ли не средневековых начал в формировании Особенной части уголовного права, но с другой стороны соответствовал нестабильной политической ситуации. Важно также подчеркнуть, что избранный Временным правительством путь – сохранение старого кодекса и его обновление актами революционного времени, формально и по существу предполагал соблюдение преемственности в историческом развитии уголовного права, что отражало ставку на постепенные и эволюционные преобразования.

События октября 1917 года знаменовали собой завершение этого периода эволюционного развития российского уголовного права и открыли путь к составлению новых уголовных законов и разработке доктринальных положений нового уголовного права. Говоря о «новом» уголовном законе и уголовном праве, мы, разумеется, не стремимся показать принципиальное отсутствие всякой преемственности в уголовном праве дооктябрьского и послеоктябрьского периодов. И тем более, не утверждаем о том, что в октябре 1917 году закончилась история «одного» уголовного права и началась история «другого» уголовного права. Элементы преемственности, последовательного развития накопленного многовекового опыта, общие и независимые от типа государства закономерности уголовно-правового противодействия преступлениям, - все это имело место и в советский период отраслевой истории, какими бы словами специалисты нового времени не прикрывали «разрыв» с буржуазным прошлым. Мы лишь хотим подчеркнуть, что после октябрьской революции 1917 года в силу понятных политических причин развитие уголовного права и всей политико-правовой системы, было перенаправлено в качественно новое русло, в связи с чем многие достижения и опыт русской дореволюционной доктрины и практики законодательства оказались не востребованными, порой сознательно игнорируемы и активно отвергаемы. Но такова логика, видимо, любой победившей революции. Как писал М.М. Исаев, «ни одна подлинная революция не оставляла в силе старые законы – она фактически уничтожала, сметала их и творила свое собственное право»¹.

Создание революционного права началось с вытеснения права дореволюционного. Так, если Декрет о суде от 24 ноября 1917 года² еще позволял судам «руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительстве лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному

---

¹ Исаев М.М. Уголовный Кодекс 1 июня 1922 года // Советское право. – 1922. – № 2. – С. 18.

² Здесь и далее, если не оговорено иное, тексты нормативных актов периода 1917–1952 годов приводятся по изданию: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Госюрлитиздат, 1953.

правосознанию», то уже Положение о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 года устанавливал, что «народный суд применяет декреты рабоче-крестьянского правительства, а случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового – руководствуется социалистическим правосознанием. Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются». Тем самым буквально в течение двух месяцев после октябрьских событий «старое» уголовное законодательство с его развернутой Особенной частью было исключено из числа источников права.

Такое отношение к дореволюционному правовому наследию, и это важно, сопровождалось уничтожением старых судебных учреждений. В итоге произошел одновременно развал и единой судебной системы, функционирующей на основе единых правовых источников, и развал самой системы источников уголовного права. С позиции сегодняшнего дня эту ситуацию можно, пожалуй, именовать «уголовно-правовым хаосом». В те дни – это «революционное строительство правовых основ нового государства».

Такое «строительство» в первые революционные месяцы шло по нескольким направлениям, каждое из которых оказывало свое влияние на развитие системы Особенной части уголовного права. При этом общая логика истории уголовного права в этот краткий период в основных своих чертах в интенсивном темпе воспроизводила содержание уголовно-правовой истории всех предшествующих столетий.

Первое направление состояло в интенсивном формировании уголовно-правовых запретов без особого внимания к разработке проблем Общей части уголовного права. Первые уголовно-правовые акты советской власти – это акты, содержательно относящиеся к Особенной части. Объективность этого факта хорошо осознавалась специалистами. Как писал Б.С. Утевский, «неравномерность развития Общей и Особенной частей уголовного права вполне закономерна. Каждая новая власть нуждается в области уголовно-правовой в первую очередь в изменениях Особенной части. Первые

уголовные законы после каждой революции – это законы, вводящие новые, специфические для новых общественных отношений составы преступлений»¹.

Второе направление заключалось в определении соотношения между нормативными актами и иными формами выражения уголовно-правовых запретов. Едва ли не все специалисты выделяют в истории советского уголовного права особый период «широкого правотворчества масс», когда в отсутствие общегосударственных законов, на местах создавались свои собственные, «местные» суды, самостоятельно вырабатывавшиеся для себя и правила судопроизводства, и материальную основу уголовной репрессии. Д.И. Курский признавал: «Появился новый источник этого творчества. Таким источником явился созданный пролетарской революцией народный суд. История права знает такие моменты, когда судье приходилось брать на себя функции не только толкователя действующего права, но своего рода законодателя. ... Рамки деятельности пролетарского народного суда не только несравненно шире и в этой функции, поскольку существуют определенные нормы, но и самое существо деятельности народного суда коренным образом отлично: в своей основной деятельности уголовной репрессии – народный суд абсолютно свободен и руководствуется, прежде всего, своим правосознанием»². В качестве показательного примера такого «правотворчества» Ш.С. Грингауз приводит Постановление Совета Кузнецкого уездного комиссариата, Наказ Камышевскому народному гласному суду, Положение о временных революционных судах Новгородской губернии. Эти документы, определяющие работу местных судов, по сути, представляли собой действующее в пределах уезда или губернии уголовное право, Особенная часть которого охватывало от 20 до 46 составов преступлений. В такой практике нельзя не усмотреть элементов

---

¹ Утевский Б.С. Развитие Особенной части уголовного права // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Тип. Упр. делами Министерства черной металлургии, 1946. – С. 61.

² Курский Д.И. Новое уголовное право (1919) // На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919–1926. – М.: Юриздат НКЮ РСФСР, 1927. – С. 44.

судебных прецедентов судебных обычаев и удельных уставов, известных еще средневековой России, равно как нельзя не утверждать, что ее опасность для сохранения цельности государства в XX веке хорошо осознавалась руководителями революции. Не случайно, все декреты о суде были направлены на то, чтобы максимально унифицировать правила судопроизводства и применимое право. В связи с чем Ш.С. Грингауз выделяет два этапа в развитии «народного правотворчества: до Декрета о суде № 1 – период свободного и еще не ограниченного законом правотворчества и после этого Декрета, когда новым источником правотворчества становится суд и правительство¹. Со временем свобода уголовно-правового нормотворчества была ликвидирована, но сама идея широкого судебного усмотрения осталась и еще долгое время определяла и реальное правоприменение, и содержание научных дискуссий об Особенной части уголовного права².

Третье направление развития Особенной части уголовного права было связано с процессом нормотворчества центральной власти и укреплением «социалистической законности». Уже постановление VI Всероссийского съезда советов «О точном соблюдении законов» от 8 ноября 1918 года предписывало: «Призвать всех граждан республики, все органы и всех должностных лиц к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и

---

¹ См. об этом: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1917 – 1947 / науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 100–111.

² Б.С. Утевский писал в связи с этим: «Особенная часть уголовного права развивалась в СССР двумя путями: путем введения новых составов преступлений законодательным путем и путем применения судебной практикой действующих законов к вновь появляющимся формам преступной деятельности. Отсюда большое значение в СССР судебной практики как одного из источников уголовного права. Столь большая роль судебной практики в развитии Особенной части уголовного права объясняется в значительной степени тем, что уголовные кодексы союзных республик из двух методов образования и развития Особенной части – метода широких формулировок и метода дробных составов преступлений – должны были по ряду оснований избрать первый из этих методов. На определенной стадии развития социалистического уголовного права это было необходимо и неизбежно и имело свои положительные стороны. Потребность уголовно-правового оформления новых видов преступной деятельности и необходимость индивидуализировать составы преступлений (и репрессий) в отношении отдельных действий, охватываемых широко сформулированными составами преступлений, вели ко все более частому созданию законодательством и судебной практикой дробных составов преступлений. Эта тенденция в особенности сказалась во время Отечественной войны». См.: Утевский Б.С. Развитие Особенной части уголовного права // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Тип. Упр. делами Министерства черной металлургии, 1946. – С. 62.

издаваемых центральной властью, постановлений, положений и распоряжений». Нормотворчество новой власти в сфере уголовного права было весьма активным, а количество декретов и постановлений исчислялось десятками. Ш.С. Грингауз в цитированной работе уже отметил, что все обилие уголовно-правовых предписаний в первые годы советской власти может быть разбито на три группы.

К первой относятся нормативные акты, посвященные организации деятельности судов и революционных трибуналов, которые описывали предметную юрисдикцию судебных и квазисудебных учреждений, в том числе определяя составы преступлений, им подсудных. Так, например, согласно постановлению Наркомюста «О революционном трибунале печати» от 18 декабря 1917 года к его ведению относились «всякие сообщения ложных и извращенных сведений о явлениях общественной жизни»; Инструкция Наркомюста «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 года к подсудности трибуналов относилась организация восстаний против правительства, саботаж, прекращение производства предметов массового потребления, злоупотребление властью и другие нарушения; Положение о ротных товарищеских судах от 23 июля 1918 года к их ведению относилась дела о неисполнении небоевых указаний командиров, об оскорблении словом или действием, пьянстве, предосудительном поведении, самовольных отлучках и т.д.

Ко второй группе относятся декреты, в которых определились меры государственного строительства, экономического и социального регулирования (мы бы их назвали сегодня – регулятивные нормативные акты), в которых предусматривались, среди прочих, нормы уголовного права, устанавливающие наказуемость невыполнения предписанных мер. Так, например, Декрет о земле от 26 октября 1917 года объявлял тяжким преступлением «какую бы то ни было порчу конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу»; Декрет СНК «О восьмичасовом

рабочем дне» от 29 октября 1917 года устанавливал наказание в виде лишения свободы за нарушение его предписаний; Декрет СНК «О введении государственной монополии на объявления» от 8 ноября 1917 года устанавливал наказуемость сокрытия документов владельцами и служащими предприятий полиграфической промышленности; Декрет СНК «О порядке перехода по частным сделкам торговых и промышленных предприятий и преобразования предприятий (правила)» грозил уголовным преследованием за сделки, совершенные без соблюдения, с нарушением или в обход установленных в нем правил; Декрет СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» объявлял преступлением представление ложных сведений в отдел записей браков, и т.д.

Наконец, третью группу нормативных актов составляют декреты и постановления, специально посвященные регулированию ответственности за те или иные преступления. К таковым следует отнести в частности, Обращение СНК к Военно-революционному комитету «О борьбе со спекуляцией» от 15 ноября 1917 года, Декрет СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции» от 28 ноября 1917 года, Постановление ВЦИК «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» от 5 января 1918 года, Декрет СНК «О взяточничестве» от 8 мая 1918 года, Декрет СНК «О спекуляции» от 22 июля 1918 года и др.

Обзор этих нормативных актов свидетельствует, что за первые несколько лет существования советского государства история Особенной части уголовного права по форме выражения нормативных предписаний воспроизвела весь прежний цикл развития, двигаясь от обычаев закону и от комплексных законов к специализированным. Закономерным шагом на пути развития должен был встать вопрос о систематизации всех разрозненных уголовно-правовых норм в рамки единого специализированного закона.

Надо отметить, что отношение к необходимости и самой возможности создания уголовного кодекса в первые годы советской власти было

неоднозначным. Известно, что первый проект советского Уголовного кодекса относится еще к 1918 г. Разработанный в Наркомюсте, он так и не был принят или утвержден¹. В основе этого проекта лежало Уголовное Уложение 1903 года. Оно было построено на основе пандектного принципа, с выделением Общей и Особенной части. Особенная часть Уложения содержала следующие группы деяний: а) преступления против государства и государственного управления; б) преступления против общественного порядка и спокойствия; в) преступления против личности; г) преступления против имущественных прав; д) преступления против народного хозяйства; е) преступления по должности (см. Приложение 1).

Судьба проекта была предрешена двумя политико-правовыми обстоятельствами: во-первых, он исходил из возможности преемственности в праве между дореволюционными и революционными подходами к уголовно-правовому регулированию, во-вторых, авторство самого проекта принадлежало «политически неблагонадежным» левым эсерам. В силу этого вполне понятны и оценки этого документа в советской литературе. Так, если Ш.С. Грингауз писала, что левые эсеры «пытались контрабандой протащить дореволюционное Уголовное уложение 1903 года с незначительными модификациями»², то Н.В. Крыленко иронично замечал в 30-е годы, что этот проект сейчас хранится у него «в железном шкафу». По его оценкам, «проект представлял собой явно *testimonium paupertatis*, т.е. свидетельство о бедности политической и теоретической мысли его авторов. Это был типичный буржуазно-демократический проект, стремившийся перенести в советское уголовное право в самый разгар Октябрьской революции, в эпоху диктатуры пролетариата, правовые нормы, списанные частично с буржуазно-

---

¹ Об истории Уложения 1918 года и сам текст документа см.: Памятники российского права: в 35 т. Т. 28: Уголовные кодексы РСФСР: учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова, Т.В. Кленовой. – М.: Юрлитинформ, 2016. С. 43–48; 106–164. Структура Особенной части Уложения приведена в Приложении № 1.

² Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1917 – 1947 / науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 240–241.

демократических образцов, а в громаднейшей степени – с царского уголовного уложения. Понятно, что этот проект не увидел света»¹.

Учитывая революционный настрой власти, масштабы переустройства общества и общее отношение к праву, пожалуй, надо признать, что попытка создания кодекса сразу после революции объективно не могла быть реалистичной. Однако объективная потребность в нем росла по мере укрепления власти и актуализации задач унификации права в масштабах страны.

Первые опыты нормативной систематизации разрозненных уголовно-правовых предписаний мы встречаем уже в 1918–1919 годах. Речь идет, в частности, о Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года, которые обобщили положения Общей части уголовного права, а также о Постановлении Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» от 6 октября 1918 года и Декрете ВЦИК, утвердившим Положение о военных революционных трибуналах, от 20 ноября 1919 года, в которых были в систематизированном виде изложены составы преступлений, подсудные этим учреждениям: контрреволюционная деятельность, саботаж, дискредитирование власти, подлог, преступления по должности, шпионаж, хулиганство, спекуляция. В документах о трибуналах Н.В. Крыленко совершенно не случайно усматривал «попытку создания первой половины Особенной части УК по преступлениям, подсудным трибуналам, что вместе с наличием Общей части в виде «Руководящих начал» 1919 г. составляет уже три четверти содержания всего Уголовного кодекса»². Однако до 1920 года вопрос о создании полноценного УК РСФСР не возникал.

Важный опыт теоретического обобщения и систематизации уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права, отраженных в многочисленных декретах советской власти, был предпринят Д.И. Курским.

---

¹ Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Комакадемии. – 1935. – № 1–2. – С. 85.

² Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Часть третья. Основы уголовного материального права. – М.: Госиздат, 1930.

В своей статье 1919 года он писал: «В изданных уже декретах содержится очень немного норм, запрещающих под страхом наказания те или иные деяния. Так, сводя к основным категориям уголовные нормы действующего права мы получим только следующие роды предусмотренных декретами деяний: I. Преступления против личности, II. Преступления против рабоче-крестьянского правительства, III. Нарушение обязанностей военной службы, IV. Нарушение обязанностей государственной или общественной службы, V. Нарушение постановлений, регулирующих производство, VI. Нарушение порядка снабжения населения продуктами, VII. Имущественные правонарушения, VIII. Нарушение постановлений о частной торговле и кредите, IX. Нарушение постановлений о налогах, X. Нарушение постановлений о почте и транспорте, XI. Нарушение постановлений об охране научных и художественных ценностей»¹.

В этой же работе Д.И. Курский отмечал, что «преступление и наказание в новом праве получили крайне своеобразную постановку, совсем отличную от той, которую знали прежние буржуазные кодексы. Всевозможного рода уложения и уставы о наказаниях, во-первых, всегда точно определяли «состав преступления», его основные признаки и стремились дать исчерпывающий перечень запрещенных деяний, во-вторых они всегда скрупулезно точно определяли меру наказания. Новое уголовное право не знает ни того, ни другого. Декреты фиксируют внимание народного суда на тех или иных деяниях, которые являются в настоящий переходный момент наиболее дезорганизующими, наиболее опасными, давая лишь самые общие указания, часто лишь называя деяние, предоставляя народному суду всю индивидуализацию не только отдельных случаев преступлений, но и определение требующего уголовной репрессии деяния и, следовательно, являющегося преступным». Он также утверждал, что «ни один Уголовный Кодекс не в состоянии обнять всего многообразия уголовных деяний,

---

¹ Курский Д.И. Новое уголовное право (1919) // На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919–1926. – М.: Юриздат НКЮ РСФСР, 1927. – С. 45–48.

которые фактически в жизни имеются, и если мы хотим действительно создать кодекс, который будет бороться с опасными для советского строя явлениями, то мы должны иметь статьи, которые дают возможность судье действовать по аналогии, которые дают возможность судье руководствоваться социалистическим правосознанием, чтобы найти выход из положения». Потребность в норме об аналогии объяснялась им тем обстоятельством, что «Совнарком и Президиум ВЦИК не могут так быстро реагировать на те явления, которые возникают в жизни. Будут пробелы, будет необходимость властно вмешаться суду, чтобы парализовать опасные явления, а не дожидаться, пока будут декретированы нормы. У нас существовал порядок, когда закона не было, суд руководствовался исключительно социалистическим правосознанием, а теперь мы действуем по закону».

Обширное цитирование статьи Д.И. Курского оправдано тем значимым обстоятельством, что именно в ней, по сути, были намечены контуры будущего уголовного кодекса РСФСР: признана необходимость обобщения всех разрозненных предписаний, проведена систематизация составов, определено соотношение закона и аналогии, то есть решены три важнейшие задачи развития системы Особенной части уголовного права.

Однако вопрос о принятии кодекса в революционной среде вызывал неоднозначные реакции и в высшем руководстве юридической сферы страны и в широкой среде юридической общественности.

Н.Н. Полянский свидетельствует: «В докладе, представленном 23 апреля 1918 г. Всероссийскому Съезду Губернских и Областных Комиссаров юстиции на тему «Пролетарская революция и уголовное право» М.Ю. Козловский, выставил такие положения: «установить наперед детальный план мер борьбы с преступлением, сводить их в кодекс сейчас – значило бы измышлять более или менее остроумную утопическую систему»; «так называемая кодификация уголовного права во время социалистической революции – напрасный труд». В то время казалось, что отсутствие кодекса

не должно вызывать затруднений: «необходимо предоставить революционным массам самим проявить правотворчество». Через два года эти тезисы превратились прямо в противоположные. Тот же М.Ю. Козловский на 3-м съезде деятелей юстиции 28 июня 1920 г. говорил в докладе о проекте уголовного кодекса: «Несомненно, что кодекс должен иметь место. Мы должны его принять потому, что мы не можем стоять на той точке зрения, что каждый судья, каждый районный совнарсуд разрешает тот или иной вопрос о тех или других преступлениях, по своему реагируя на них»¹.

Н.В. Крыленко пишет: «Осенью 1920 года проходил III Всероссийский съезд деятелей юстиции. Одновременно с ним имел место II съезд деятелей революционных трибуналов. Разница во времени между обоими съездами выражалась в месяц или даже в полмесяца. На обоих этих съездах был поставлен один и тот же вопрос – нужно или не нужно к Общей части «Руководящих начал» добавить Особенную часть в виде издания Уголовного кодекса... III съезд деятелей юстиции, с одной стороны, и второй съезд трибуналистов – с другой, дали на этот вопрос два резко различных ответа. Деятели юстиции приняли следующее постановление: «Съезд признает необходимость классификации уголовных норм, приветствует работу в этом направлении НКЮ и принимает за основу предложенную схему классификации деяний по проекту нового уголовного кодекса, не предвешая вопроса об установлении кодексом карательных санкций». Трибуналисты сказали более определенно: «Признать создание особого Уголовного кодекса и шкалы наказаний по определенным категориям преступлений для дел, рассматриваемых в трибунале, принципиально нежелательным, не отвечающим ни духу трибунальной репрессии, ни основным воззрениям пролетарского общества на существо наказания, ни условиям переживаемого периода диктатуры пролетариата»².

История распорядилась, однако, так, что работы по созданию кодекса

---

¹ Полянский Н.Н. Уголовный кодекс РСФСР и германский проект уголовного уложения (Параллели) // Право и Жизнь. – 1922. – Книга 2 (Июль). – С. 63.

² Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Ч. 3: Основы уголовного материального права. – М.: Госиздат, 1930. – С. 26.

были признаны необходимыми. История разработки и принятия первого УК РСФСР достаточно хорошо описана в литературе¹. Не повторяя ее, в преломлении к нашей теме считаем необходимым обратить внимание на один значимый вопрос, обсуждение которого, начавшись в 1920-е годы, во многом определяло содержание уголовно-правовых и уголовно-политических дискуссий на протяжении последующих полутора десятилетий. Речь идет об особенностях построения составов в Особенной части уголовного кодекса и в принципе о возможности создания уголовного кодекса без Особенной части.

В одном из проектов УК РСФСР, которые разрабатывались в начале 20-х годов в НКЮ (в литературе он известен как «проект 1921 года») и в создании которого принимал непосредственное участие Н.В. Крыленко, предлагалось построить Особенную часть кодекса по методу приблизительных, ориентировочных, «родовых» составов преступлений, что увязывалось в техническом отношении с отказом от санкций и возможностью постановления судами неопределенных приговоров, а в теоретическом и политическом отношении восходило к идее отрицания «формальной буржуазной законности», признания целью уголовного права искоренение контрреволюции и приспособление граждан к новым условиям общежития, определения основанием применения уголовно-правовых мер не самого преступления, а опасности, которую обнаруживает лицо в связи с совершением того или иного общественно опасного деяния.

В 1921 году этот проект был отвергнут, но сама идея такого закона осталась и нашла отражение в проекте УК РСФСР 1930 года, разработкой которого в Секции уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической Академии также руководил Н.В. Крыленко². Он признавал, что Общая часть кодекса «должна быть сохранена и

---

¹ См.: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1917 – 1947 / науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 239–248; Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

² Текст проекта был опубликован, см.: Проект Уголовного Кодекса РСФСР // Советская юстиция. – 1930. – № 19 (10 июля). – С. 16–27. Структура проекта приведена в прил. № 1.

соответствующим образом развита в виде действительно чеканных положений, формул, устанавливающих основные задачи уголовной политики». Однако при построении Особенной части им категорически отвергался «принцип дозирования репрессий», предполагающий конструирование четких составов преступлений и санкций в случае их совершения. Вместо этого предлагалось провести классификацию преступлений на три группы: социально вредные, социально опасные и особо опасные, и соответственно этому предусмотреть в Особенной части три раздела, каждый из которых «должен содержать по возможности наиболее исчерпывающий перечень преступлений данной категории и в одной статье дать такой же полный перечень соответствующих мер воздействия»¹. В последующем взгляд Н.В. Крыленко на классификацию преступлений изменился и в проекте 1930 года он утверждал уже о необходимости выделения лишь двух групп посягательств: действия социально-опасные и менее опасные. «Дозировка или метод отвешивания репрессии преступнику «соответственно содеянному», а также «точные составы» преступлений, в виде основы построения Кодекса и в то же время некая гарантия законности» были им решительно отвергнуты с формулировкой «унаследованные буржуазные формы». Н.В. Крыленко писал: «Заранее осужденным на неудачу покушением с негодными средствами должна быть признана в связи с этим всякая попытка уложить и предусмотреть в уголовном кодексе все многообразие жизненных явлений и все возникающие вновь виды преступлений, в виде актов продолжающейся классовой борьбы. ... Отсюда выросла ... принципиальная установка проекта – отказ от принципа «точных составов» и придание всем этим составам и перечням ориентировочного примерного характера. Проект предоставляет суду право отступать от этих перечней, разрешая ему в отдельных случаях не судить данное лицо и тогда, когда совершило преступление, предусмотренное перечнем, и, наоборот,

---

¹ Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР (Доклад на заседании Коллегии НКЮ от 24/V – 1928 года) // Революция права. Журнал секции теории права и государства Коммунистической академии. – 1928. – № 4. – С. 14.

обязывая судить его и тогда, когда оно совершило опасное действие, не предусмотренное перечнем. Дефетишизацию этих «составов» в сознании судебных работников, отказ видеть в них нормы, отступить от которых недопустимо, вот что прежде всего преследует своей постановкой вопроса о «составах» новый проект кодекса. Вместо прежнего прецедента преступлений и мер репрессии, лишь ориентировочный перечень наиболее опасных преступлений, в отношении совершителей которых закон определяет необходимость их реального изъятия из общества, и ориентировочный широкий перечень мер менее опасных преступлений и перечень мер принудительно-воспитательного воздействия в отношении их совершителей». Этот ориентировочный характер обеих перечней должен – и в этом цель кодекса – свести их с роли непреложной догмы к роли рабочего инструмента в руках судьи приблизительной наметки мероприятий, которые целесообразно принять в каждом отдельном случае»¹. Он же резюмировал: «Это построение Уголовного Кодекса, являясь исключительным новшеством, позволяет нам назвать его «Кодексом без Особенной части и без дозировки», и именно в этом его построении мы усматриваем одну из его основных положительных черт»².

Некоторые юристы концепцию такого закона вполне поддерживали. К примеру, А.Я. Эстрин писал: «Эту основную идею мы целиком и полностью приветствуем, видя в ней не только значительный шаг вперед в деле упрощения нашего уголовного кодекса, но и большой сдвиг в деле постепенной «деюридизации» репрессии. Мы разумеем здесь, конечно, не отмену юридической формы репрессии...; мы разумеем важность все большего и большего высвобождения в уголовном праве «существа дела» из плена «формы» путем сведения этой формы до возможного минимума»³.

---

¹ Крыленко Н.В. Кодекс без Особенной части и без дозировки // Советская юстиция. – 1930 – № 19. – С. 8–9.

² Аргументацию Н.В. Крыленко см. также: Крыленко Н.В. Три проекта реформы Уголовного кодекса: стенограмма доклада на I всесоюзном съезде марксистов-государственников // Советское государство и революция права. Журнал Института советского строительства и права. – 1931. – № 1.

³ Эстрин А.Я. Эволюция советской уголовной политики // Основы и задачи советской уголовной политики: сб. ст. / под ред. Е.Г. Ширвиндта. – М.: Госиздат, 1929. – С. 18–19.

Однако у значительной части специалистов уголовный кодекс без обрисовки составов преступлений и санкций не находил поддержки. Так, А.С. Тагер указывал: «Идея законности в уголовном праве находит свое наиболее отчетливое выражение в замкнутой системе Особенной части уголовного кодекса *numerus clausus* преступлений»; «Если уголовный суд в своей деятельности подчиняется принципу законности, то закон решает вопрос о том, что именно должно считаться преступным. Все споры, вытекающие из материального определения преступления, должен решать закон, и то, что с точки зрения законодателя должно считаться преступным по существу, укладывается в статьи уголовного закона. На долю судьи остается лишь формальное определение: для судьи преступлением должно считаться то, что в качестве такового описано в уголовном законе»¹. В развернутой критикой проекта выступил А.Н. Винокуров. «Перечень преступлений, - писал он, - должен быть по возможности исчерпывающим, но в то же время не слишком детальным, а обобщающим однородные виды преступлений в общие группы»; «Если бы это осуществить [имеется в виду идея Н.В. Крыленко о примерном перечне составов преступлений], то имелась бы большая опасность судейского произвола, перегибов и головотяпства и нарушения революционной законности»². С обличительной критикой проекта (правда, после ареста и расстрела Н.В. Крыленко) выступил Б.С. Маньковский³.

Теоретическая критика и политическое отрицание кодекса без

---

¹ Тагер А.С. Проблема законности в Уголовном кодексе РСФСР // Право и жизнь. Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. – 1922. – Кн. 1 (июнь). – С. 32, 34, 35.

² Винокуров А.Н. Об уголовном кодексе без Особенной части и без дозировки // Советское строительство. – 1930. – № 10. – С. 35–39.

³ Маньковский Б.С. Принципы системы уголовного права // Советское государство. – 1938. – № 6. – С. 34–68. Он, в частности, писал, что проект этот был результатом вредительства «теоретиков «школки» Пашуканиса». «вредителями предлагалось при разработке советского уголовного права исходить не из точных составов преступлений, а из описания симптомов, характеризующих общественно-опасное состояние... Отрицание учения о точных составах преступления, растворение его в «симптомах» социальной опасности преступника выдавались как «прогрессивные» предложения «прогрессивных» и «передовых» школ уголовного права. Совершенно очевидно, что враги народа на основе этих провокационных «установок» всемерно вели борьбу против основ социалистического права, социалистической законности, стремясь толкнуть советский суд на путь произвола, чтобы в глазах трудящихся масс дискредитировать социалистическое правосудие и вызвать недовольство советской властью. Провокационный характер этих «предложений» выразился также в отказе от общей и особенной частей уголовного кодекса».

Особенной части в конечном итоге привели самого Н.В. Крыленко к отказу от отстаиваемой им идеи и публичному покаянию¹. Официальная уголовно-политическая линия государства с 1920-х годов состояла в необходимости создания стандартного по структуре кодекса с Особенной частью, описывающей составы преступлений и нормой, допускающей применение закона по аналогии². Но сама дискуссия о возможности создания кодекса без Особенной части и реальный законопроектный опыт его разработки представляются нам чрезвычайно важной вехой в истории Особенной части уголовного законодательства, да и уголовного права в целом.

Выбрав цивилизационно оправданный путь построения уголовного закона с Особенной частью, государственной структуры и представители научной общественности вели достаточно активную работу по конструированию и систематизации уголовно-правовых запретов, которая нашла отражение в УК РСФСР 1922 и 1926 годов (см. Приложение 1).

Создание Особенной части кодекса в 1922 году положительно оценивалось и современниками, и современными специалистами³. Хотя некоторые критические соображения относительно его содержания и структуры, разумеется, высказываются. Так, Н.Н. Полянский отмечал, что кодекс отличается не только малочисленностью глав Особенной части, но и малочисленностью статей. С одной стороны, это признавалось

---

¹ Он писал, в частности: «Задуманный как средство очистить уголовное законодательство Союза от влияния буржуазных школ и буржуазных теорий, проект Уголовного кодекса 1930 г., попав в плен антипартийной, антинаучной, лжемарксистской контрреволюционной вредительской «идеи» Пашуканиса, вместо правильного разрешения проблемы сыграл глубоко отрицательную роль, распространяя антимарксистские идеи, чем не укрепил, а затруднил дело построения истинной марксистской уголовной политики и разрешения задачи ее марксистско-ленинского обоснования. Можно лишь пожалеть, что так поздно и с такой затратой сил пришлось прийти к познанию этой истины». Крыленко Н.В. К критике недавнего прошлого (Проект Уголовного кодекса 1930 г.) // Проблемы социалистического права: сборник. I Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР / под ред. Н.В. Крыленко. – М.: Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. – С. 24.

² См. об этом: Асланян Р.Г. Батютина Т.Ю., Коныхин В.П. УК РСФСР 1922 г.: юридико-технический и институциональный анализ // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 8–10; Асланян Р.Г. Доктринальные подходы к разработке УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием. – Краснодар, 2021. – С. 215–222.

³ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1917–1947 / науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 254–257, 258–259, 266–269; Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 10.

существенным достижением уголовной политики и юридической техники, с другой стороны, автор указывал, что «относительная краткость Уголовного Кодекса РСФСР достигнута, если не всецело, то отчасти ценою заметных пробелов и находит себе объяснение, опять таки не всецело, но в значительной мере – в далеко несовершенной разработке проекта»¹. Г.Л. Кригер, оценивая первый кодекс, писала, что «система Особенной части УК РСФСР (1922) не была безупречной. Не всегда удачным было расположение по главам конкретных составов преступлений. Сказывался и недостаток законотворческой практики, и неразработанность вопроса о критериях, в соответствии с которыми должна производиться систематизация»². А.В. Сорокина отмечает недостатками научной систематизации советского уголовного кодекса признает идеологизированность и политизированность закона, его непоследовательность в иерархии охраняемых общественных отношений, в системе санкций, внутреннюю противоречивость уголовно-правовых норм, нечеткое определение элементов и признаков составов преступлений и другие технико-юридические недостатки³.

Признавая правоту этих оценок, нельзя не учитывать все же, что этот кодекс в условиях начала 20-х годов прошлого столетия объективно, видимо, не мог быть иным. Он в полной мере соответствовал и уровню развития научного знания (того, что могло быть востребовано и признавалось советской властью), и политико-правовым задачам, которые перед ним стояли. Главная же заслуга первого кодекса, значимая для понимания темы нашего исследования, состоит, вне сомнений, в сохранении Особенной части, разработке и систематизации составов преступлений и санкций.

Кодекс РСФСР 1926 года, который во многом базировался на структуре своего предшественника, в истории Особенной части уголовного

---

¹ Полянский Н.Н. Уголовный кодекс РСФСР и германский проект уголовного уложения (Параллели) // Право и Жизнь. – 1922. – Книга 2 (Июль). – С. 70.

² Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1978. – С. 142.

³ Сорокина А.В. Система построения Особенной части российских уголовных законов второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 4 (10). – С. 43.

права значим по двум основным аспектам.

Во-первых, сами разработчики закона в Объяснительной записке к нему отмечали, что при переработке Особенной части кодекса было признано необходимым «провести коренную его форму в направлении понижения санкций по всем статьям». «Кодекс 1922 года, изданный, как первый опыт перехода от эпохи назначения репрессий «по революционному, правосознанию» к периоду назначения их в порядке точно определенных законом пределов «не ниже» или «до», невольно должен был отразить в себе переломный характер момента своего создания; широкий и щедрый размах при назначении репрессий, свойственный эпохе ожесточенной борьбы в обстановке военного коммунизма и гражданской войны, тоже отразился и на Кодексе. ... Реально, на практике, это привело к фиктивности всяких длительных сроков, систематической загрузке и систематическим же разгрузкам тюрем постановлениями административных органов. НКЮ считал необходимым поставить предел этому, с одной стороны, и, с другой, привести в равновесие с правовым сознанием времени 1925 г. меры и пределы репрессии, отличавшие эпоху 1922 года. Эти две причины ... потребовали производства огромной работы, в результате чего Особенная часть подверглась не меньшей, если не большей, коренной переработке, чем Общая часть»¹.

Второй значимый момент, повлиявший на структуру и содержание УК 1926 года, состоял в том, что его разработка последовала после образования СССР и была призвана, среди прочего, согласовать уголовно-правовые предписания республиканского кодекса с нормами общесоюзного уголовного законодательства. В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Президиумом ЦИК СССР 31 октября 1924 года, законотворческие органы СССР получили эксклюзивное право разрабатывать нормы об ответственности за государственные и

---

¹ Объяснительная записка к проекту Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 38–39. – С. 1232.

воинские преступления, а также возможность устанавливать ответственность «за иные роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики» (ст. 3 Основных начал). На момент разработки кодекса 1926 года уже существовало Положение о воинских преступлениях, утвержденное постановлением ЦИК СССР 31 октября 1924 года. Позднее было принято Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления), утвержденное Постановлением ЦИК СССР 25 февраля 1927 года, и новое Положение о воинских преступлениях, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР 27 июля 1927 года. Что касается общесоюзных уголовных законов об ответственности за иные преступления, то они принимались вполне регулярно, при этом их содержание было по форме двояким. Некоторые формулировки общесоюзных законов содержали положения рекомендательного свойства: «предложить союзным республикам установить уголовную ответственность», «предложить установить в качестве признака уголовно преследуемого деяния» (см., например, Положение «О ростовщичестве», утвержденное ЦИК и СНК СССР 17 августа 1927 года); для выполнения таких «рекомендаций», правда, иногда устанавливался определенный срок (см., например, Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах к усилению борьбы с самогоноварением» от 27 декабря 1927 года). Формулировки иных общесоюзных законов были более жесткими, предписывающе-обязывающими: «исключить из уголовных кодексов союзных республик», «признать преступлением такое-то деяние в республиканском законодательстве» (см., например, Манифест ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам СССР, к пролетариям всех стран и угнетенным народам мира, провозглашенный Постановлением ЦИК СССР 25 октября 1927 года). Различным было и отношение к санкциям: в некоторых республиканских законах они указывались, в некоторых – нет.

Такие обстоятельства породили сложные вопросы о возможности прямого действия общесоюзных законов (без их имплементации в республиканские кодексы), о том, каким образом в республиканском законодательстве должны отражаться положения союзных уголовных законов (дословно или с возможной интерпретацией). Итогом многочисленных дискуссий стало общее решение о том, что общесоюзные законы об ответственности за те или иные преступления должны быть непосредственно включены в тексты республиканских кодексов, а возможность их имплементации с учетом региональных особенностей напрямую должна зависеть от характера самого общесоюзного запрета и использованных в общесоюзном формулировок. Тем самым, в контексте развития нашей темы важно отметить, что построение союзного государства с самостоятельной компетенцией в области уголовного права не привело на уровне республик к «удвоению» системы Особенной части уголовного права. УК РСФСР в России остался единственным источником выражения уголовно-правовых запретов.

На основании анализа структуры Особенной части УК 1926 г., пишет в наши дни А.И. Калашникова, можно сделать вывод, что ее главы были сформированы, исходя из родового объекта преступного посягательства. Вместе с тем внутри глав не всегда соблюдалась последовательность в классификации преступлений по указанному признаку. Составы посягательств были сгруппированы хаотично, без видимых классификационных критериев, в том числе по степени опасности. Такая эклектика была вызвана не иным, нежели сегодня, пониманием механизма отдельных преступлений, а недостаточной разработанностью теории объекта посягательства и основ систематизации преступлений, а также содержания объектов уголовно-правовой охраны¹.

Нормативное решение принципиальных вопросов формирования и

---

¹ Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2009. – С. 10.

строения Особенной части уголовного права на фоне стабилизации общей политической обстановки в стране открыло путь к научному осмыслению проблем строения уголовного права, конструирования и применения уголовно-правовых норм.

В первые послереволюционные годы собственно научно-догматический анализ уголовного законодательства не производился. Как оценивали ситуацию Б.С. Ошерович и Б.С. Утевский, «наука советского уголовного права в то время фактически не существовала. Вместо работ по уголовному праву писались главным образом работы по уголовной политике. Не изучались ни история дореволюционного законодательства и права, ни действующее советское уголовное законодательство, ни судебная практика по уголовным делам, не говоря уже о вопросах теории социалистического права, его юридических институтах и конструкциях. Все это объявлялось «юридическим бараклом» и подменялось ненаучными рассуждениями об уголовной политике»¹. Решение же вопросов уголовно-политических (причем, надо отметить, окончательное решение, не предполагающее возможности сомнения или критики), позволило специалистам к анализу проблем догматики и систематики уголовного права.

Работа при этом велась в двух основных направлениях. Первое состояло в подготовке и издании учебников по Особенной части уголовного права. Так, сотрудниками ВИЮН за короткий срок в 1937 – 1938 годах были опубликованы отдельными выпусками учебные пособия по определенным категориям преступлений. Всего было издано семь выпусков: государственные преступления (А. Герцензон, В. Меньшагин, Б. Ошерович и А. Пионтковский), преступления против порядка управления (В. Меньшагин), должностные и хозяйственные преступления (А. Трайнин), преступления против личности (А. Пионтковский), имущественные преступления (М. Исаев), преступления, составляющие пережитки родового

---

¹ Ошерович Б., Утевский Б. Двадцать лет деятельности Всесоюзного института юридических наук // Социалистическая законность. – 1945. – № 8. – С. 19.

быта (И. Дурманов), воинские преступления (К. Солнцев). Позднее они были объединены в рамки цельного учебника и публиковались несколькими изданиями вплоть до 1951 года. Именно в этих учебниках определялись исходные уголовно-политические установки для оценки Особенной части уголовного права и излагались начала построения ее системы. Отмечалось, например, что «система изложения курса Особенной части не может не отличаться от системы Особенной части действующих уголовных кодексов отдельных союзных республик», что «общей теоретической предпосылкой для построения системы Особенной части социалистического уголовного права является совмещение интересов отдельной личности и интересов социалистического государства в нашем обществе», что «система Особенной части советского уголовного права должна отразить его активную служебную роль, отразить в себе задачи советского уголовного права в деле защиты диктатуры рабочего класса в нашей стране»¹.

Второе направление в исследовании Особенной части уголовного права в рамках целого правового образования связано с публикацией специальных статей, посвященных системе уголовного права и принципам систематизации уголовно-правовых предписаний. Первой такой публикацией стала работа А.А. Пионтковского еще в 1926 году². В последующем их число умножилось, особенно в конце 30-х – в 40-е годы и в послевоенное время, что было связано с большой теоретической работой по подготовке уголовного кодекса СССР³, которая развернулась после принятия Конституция СССР 1936 года,

---

¹ Советское уголовное право. Часть Особенная: учебник / общ. ред. А.А. Герцензона, З.А. Вышинской. – М.: Госюрлитиздат, 1951. – С. 23, 24.

² Пионтковский А.А., Система Особенной части уголовного права // Советское право. Журнал Института советского права. – 1926. – № 2 (20).

³ Проект уголовного кодекса СССР. Разработан Всесоюзным институтом юридических наук НКЮ СССР. – М.: Юриздат, 1939. Структуру Особенной части проекта см. в Приложении № 1.

Апологетику проекта см., например: Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Комакадемии. – 1935. – № 1 – 2. В зарубежной (эмигрантской) литературе того времени оценки проекта были весьма сдержанными. Так, Н.С. Тимашев писал, например: «Проект резко порывает с линией проекта 1930 г. В сущности, он представляет лишь переработку кодекса 1926 г., с частичным возвратом к кодексу 1922 г., поскольку в 1926 г. была отдана некоторая дань радикализму в уголовном праве, и с дальнейшим углублением ... «реакционной тенденции». Во всяком случае, внешне проект не отличается от любого «буржуазного кодекса»: он состоит из общей и Особенной части, а особенная часть дает каталог наказуемых деяний и «прейсь-курант» полагающихся за них наказаний. Господствует относительно-определенная санкция;

в ст. 14 которой было прямо указано, что ведению СССР в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежит, среди прочего уголовный кодекс (это положение Конституции было изменено только Законом СССР № 4073-VII от 11 июля 1969 года, когда к ведению Союза были отнесены лишь вопросы создания основ уголовного законодательства). Несмотря на то что УК СССР так и не был принят, сама дискуссия имела большое значение и может рассматриваться в качестве составного элемента и предтечи научных споров о структуре Особенной части, которые возникли в связи с разработкой последнего советского кодекса России – УК РСФСР 1960 года. Есть все основания рассматривать этот почти сорокалетний диспут в качестве единого процесса научного осмысления оптимального строения Особенной части уголовного кодекса. В связи с этим полагаем возможным дать его обобщенный анализ, без разбивки на этапы и безотносительно того, о структуре союзного или республиканского кодекса шла речь в научных публикациях.

В содержательно отношении дискуссия об Особенной части уголовного права разворачивалась в трех основных направлениях: а) о критериях систематизации преступлений; б) об отнесении того или иного преступления к той или иной классификационной группе; в) о номенклатуре самих групп преступлений и выделяемых в соответствии с ней глав уголовного закона.

Прежде всего, теоретики уголовного права решительно выступали против имевшего место в дореволюционной науке деления всех

абсолютно-определенная (смертная казнь) установлена лишь за измену родине. Это решительное сходство не мешает советским юристам провозглашать проект «последовательно-социалистическим». По новой официальной теории права, если в буржуазном и в социалистическом праве попадают тождественные статьи, то, все-равно, между ними нет ничего общего: в одном случае буржуазные эксплуататоры уничтожают классовых врагов, а в другом пролетариат, в воле которого отражается общее благо, очищает общество от элементов, склонных восстановить эксплуатацию, или от личностей, не проникшихся новым правосознанием» (Тимашев Н.С. Новый проект Уголовного кодекса для СССР // Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества. – Рига, 1938. – № 8 – 10. – Стб. 4111–4116). Современные оценки проекта см., например: Сорокина А.В. Проект Уголовного Кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика Особенной части // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27.

преступлений на государственные, общественные и частные¹. Аргументы сводились непререкаемому тезису о том, что «советское социалистическое уголовное право принципиально отрицает противопоставление интересов личности и государства, как это имеет место в буржуазном праве», а потому «исходным для системы Особенной части советского уголовного права является охрана отношений социалистического общества, охрана диктатуры рабочего класса, интересы которой не противоречат интересам личности»². Это обстоятельство имело особое значение для разработки проблем систематизации преступлений, поскольку по факту ликвидировало двойственность классификации преступлений в науке и в законе, которая была свойственна дореволюционной правовой науке и во многом привело к отождествлению вопроса о классификации преступлений и строении Особенной части кодекса. При этом в качестве прогрессивного достижения советского права отмечался отказ от системы распределения материала Особенной части, усвоенной дореволюционным Уложением о наказаниях, с подразделением Особенной части на разделы, главы, отделения и статьи. Линейная и более простая система, с делением только на главы, когда каждая глава посвящается отдельной группе посягательств, была признана теоретически оправданной и технически удобной³.

В полной мере была осознана специалистами и значимость системы Особенной части для решения как уголовно-политических задач, так и собственно уголовно-правовых. «Вопрос о системе уголовного права – это не второстепенный вопрос о том или ином технически целесообразном распределении материала в науке уголовного права, а вопрос, решение которого тесно связано с сущностью уголовного законодательства данного

---

¹ См., например: Дмитриев В. Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 11–12 (ноябрь – декабрь). – С. 38–42.

² Маньковский Б.С. Принципы системы уголовного права // Советское государство. – 1938. – № 6. – С. 56.

³ Ширяев В.Н. К вопросу о системе и полноте Особенной части Уголовного кодекса в ред. 1926 г. // Проблемы преступности: сборник / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета; Государственный институт по изучению преступника и преступности. – М.: Издательство Народного Комиссариата внутренних дел РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 85; Дмитриев В. Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 11–12 (ноябрь – декабрь). – С. 38.

классового общества. И система Особенной части уголовного права, и система Общей части, имеют не только техническое, но и большое политическое значение»¹. Указывалось, что от того, к какой группе принадлежит то или иное преступление «в известной мере зависят оценка общественной опасности данного преступления, определение объекта, на который оно направлено, признаков преступления и характер мер наказания»².

«Едва ли можно придерживаться той точки зрения, что то или иное размещение глав в Особенной части уголовного кодекса является решающим для определения того, какое внимание законодатель уделяет данному разделу. В действующем Уголовном кодексе РСФСР раздел о воинских преступлениях является предпоследним. Но отсюда вовсе не следует, что законодатель счел эти преступления незначительными. Однако не следует делать и обратный вывод, будто расположение глав не имеет значения: место есть один из элементов системы, и строя определенную систему, нужно продуманно разместить разделы, учитывая ряд обстоятельств»³.

«Если возрастает значение какой-либо отрасли социалистических общественных отношений и это обстоятельство находит свое отражение в усилении ее уголовно-правовой охраны, в частности, в установлении новых составов преступлений; расширении или усилении уголовной ответственности, то возможно выделение группы преступлений, посягающих на этот участок общественных отношений»⁴.

«Систематизация уголовного права, вовсе не служит задачам содействовать определению конкретного наказания. Для этой цели существует санкция статьи. Систематизация же облегчает пользование

---

¹ Маньковский Б.С. Принципы системы уголовного права // Советское государство. – 1938. – № 6. – С. 34, 50.

² Дмитриев В. Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 11 – 12 (ноябрь – декабрь). – С. 38.

³ Шаргородский М.Д. Система Особенной части Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1947. – № 6 (июнь). – С. 3–6.

⁴ Дмитриев В. Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 11 – 12 (ноябрь – декабрь). – С. 38.

законом и логическое толкование его, на систематизации права построен один из важнейших видов толкования – толкование систематическое¹. Система является политической, следовательно, и научной основой законодательства, показывая, какое общественное отношение (объект) государство охраняет, что оно защищает и за нарушение чего оно карает»². «Построение всей системы Особенной части по тем общественным отношениям, которые нарушаются данным преступлением, облегчит толкование соответствующих составов преступлений в связи с их действительной социальной ролью. Такая система Особенной части будет в известной степени некоторой гарантией против возможного «формального уклона» при догматическом анализе отдельных составов преступлений»³.

Что касается критерия систематизации преступлений, то впервые наиболее полно и развернуто он был обоснован в упомянутой выше статье А.А. Пионтковского. Автор писал: «классификацию составов преступлений советского уголовного права мы считаем необходимым строить, как то делает и буржуазная теория, по объекту преступления. Объект каждого преступления определяет собой весь характер данного преступления, дает ему специфическую физиономию, отличающую его от других преступлений»⁴. Признавая объектом преступления общественные отношения, А.А. Пионтковский в то же время отмечал, что лишь некоторые преступления (прежде всего, контрреволюционные) способны разрушить то или иное общественное отношение «целиком», в то же время основная масса преступлений причиняет вред лишь отдельным элементам этих общественных отношений⁵. Идея классификации преступлений по объекту нашла широкую поддержку специалистов. В то же время отмечалось, что она выдержана в уголовном праве не в полной мере. «Отступление от этого

---

¹ Об этом писал еще Н.С. Таганцев, см.: Таганцев Н.С. Уголовное право. Особенная часть: Лекции, читанные в 1875-76 учебном году. – СПб.: Литография Боровкова, [1876]. – С. 2.

² Шаргородский М.Д. Система Особенной части Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1947. – № 6 (июнь). – С. 4–5.

³ Пионтковский А.А. Система Особенной части уголовного права // Советское право. Журнал Института советского права. – 1926. – № 2 (20). – С. 54.

⁴ Там же

⁵ Там же. С. 54–55.

порядка распределения материала Особенной части делается обычно в отношении так называемых *delicta propria*, к каковым в настоящее время относятся преступные деяния должностные или служебные, а в советском уголовном законодательстве еще и воинские, выделяемые из общей системы в особую группу по признаку субъекта преступного посягательства»¹. Такое положение оценивалось неоднозначно. Некоторые авторы признавали, что даже в ситуации с воинскими и должностными преступлениями, выделенными по признакам субъекта, «объект; в виде критерия систематизации имеет весьма важное значение»², поскольку в конечном итоге даже они строятся исходя из объекта³. Другие указывали, что деление преступлений по объекту не может быть единственным⁴, что оно «должно дополняться делением по другим основаниям, относящимся не только к объекту, но и к субъективной стороне деяния (контрреволюционные преступления), к субъекту и сфере совершения преступления (должностные, воинские преступления)»⁵. О необходимости учета вины при классификации и нормативной систематизации преступлений писал К.Ф. Тихонов, обосновывая, например, необходимость включения таких преступлений, как неосторожное причинение смерти или вреда здоровью личности в главу о преступлениях против общественной безопасности⁶.

Разрабатывались и правила отнесения преступлений к той или иной классификационной группе: «При классификации преступлений, посягающих на несколько объектов, следует исходить из того, что если

---

¹ Ширяев В.Н. К вопросу о системе и полноте Особенной части Уголовного кодекса в ред. 1926 г. // Проблемы преступности: сборник / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета. – М.: Издательство Народного Комиссариата внутренних дел РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 85.

² Шаргородский М.Д. Система Особенной части Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1947. – № 6 (июнь). – С. 3.

³ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления (1957) // Избранные труды / сост., вступит. ст. Н.Ф. Кузнецовой. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 77.

⁴ Дмитриев В. Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 11 – 12 (ноябрь – декабрь). – С. 39.

⁵ Дурманов Н.Д. К подготовке проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 7 – 8 (июль – август). – С. 4.

⁶ Тихонов К.Ф. Принцип вины и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Становление и развитие советского законодательства. материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию первого советского Уголовного кодекса. + Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1973. – С. 30.

одним из объектов являются основы советского строя, то место в системе Особенной части определяется по этому объекту. Основанием здесь являются качественные особенности преступлений названной группы¹. Если иное преступление посягает на два объекта, то в основу классификации берется тот объект, на который всегда направляется данное посягательство, а не объект, на который посягательство направляется лишь в некоторых случаях»².

По поводу нормативной и теоретической систематизации преступлений в Особенной части уголовного права также высказывались различные суждения. Так, А.А. Пионтковский одним из первых представил собственную, весьма развернутую классификацию посягательств, построенную по характеру общественных отношений, нарушаемых преступлением. Он различал: 1) Преступления, имеющие своим объектом классовое господство пролетариата (контрреволюционные): а) политическая контрреволюция; б) экономическая контрреволюция; в) изменническая контрреволюция; 2) Преступления, посягающие на существующие в рамках пролетарской диктатуры экономические отношения: а) посягательства на разные формы экономических укладов; б) посягательства на отдельные виды экономических укладов хозяйства; 3) Преступления, посягающие на общественные отношения, возникающие на идеологической почве; 4) Преступления, посягающие на отношения властвования: а) те, что совершаются ли они лицами, принадлежащими к составу госаппарата; б) те, что совершаются посторонними для госаппарата лицами («преступления против порядка управления»); 5. Преступления против личности: а) посягательства на жизнь, б) посягательства на здоровье, в) посягательства на свободу, г) посягательства на половую неприкосновенность, д)

---

¹ Это обстоятельство вызвало серьезную дискуссию по поводу возможности отнесения преступлений против социалистической собственности к разряду антигосударственных преступлений. См., об этом: Бернштейн Н.И. Конструкция норм о преступлениях против социалистической собственности в проекте Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1947. – № 1 (январь). – С. 14 – 15.

² Дмитриев В. Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 11 – 12 (ноябрь – декабрь). – С. 39.

посягательства на достоинство личности¹.

Б.С. Маньковский различал: I. Государственные преступления: а) контрреволюционные преступления, б) преступления против социалистической собственности, в) особо опасные преступления против социалистического правопорядка, г) посягательства на советскую избирательную систему; II. Преступления против обороны СССР: а) воинские преступления, б) нарушение обязанностей военного значения; III. Преступления против личности и прав граждан: а) преступления против жизни, здоровья и достоинства личности, б) преступления против личной собственности граждан, в) преступления против других прав граждан; IV. Должностные преступления; V. Хозяйственные преступления; VI. Преступления против социалистического правопорядка².

М.Д. Шаргородский строил следующую систему преступлений: государственные преступления; преступления против мира и человечности; воинские преступления; преступления против социалистической системы хозяйства; преступления против социалистической собственности; преступления против личности; преступления против личной собственности; должностные преступления; преступления в области трудовых отношений; преступления против порядка управления³.

В.С. Тадевосян различал: 1. Преступления против основ общественного и государственного строя СССР (а не государственные преступления); 2. Преступления против личности; 3. Преступления против социалистической собственности; 4. Преступления против личной собственности; 5. Преступления против порядка управления; 6. Должностные (в том числе хозяйственные) преступления; 7. Воинские преступления⁴.

И номенклатура глав, и порядок их расположения в ряде моментов

¹ Пионтковский А.А. Система Особенной части уголовного права // Советское право. Журнал Института советского права. – 1926. – № 2 (20). – С. 56.

² Маньковский Б.С. Принципы системы уголовного права // Советское государство. – 1938. – № 6. – С. 68.

³ Шаргородский М.Д. Система Особенной части Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1947. – № 6 (июнь). – С. 6.

⁴ Тадевосян В.С. К разработке проекта Уголовного Кодекса СССР // Советское государство и право. – 1954. – № 4. – С. 72 – 80.

весьма существенно различались. Различные суждения были высказаны по поводу целесообразности выделения в структуре Особенной части уголовного права глав, которые не были известны действующему на тот момент законодательству, а также по поводу существующих глав.

Так, М.Д. Шаргородский предлагал ввести специальную главу «Преступления против мира и человечности» и поместить ее вслед за преступлениями государственными; разделить на две самостоятельные главы преступления против социалистической и личной собственности; объединить в одну главу преступления против порядка управления и против правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок; ликвидировать главу о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, следует ликвидировать; необоснованными им представлялись суждения о необходимости выделения в кодексе главы о преступлениях правосудия¹.

В. Дмитриев также ставил вопрос о включении в кодекс главы, содержащей статьи, карающие преступления против мира и человечности; предлагал выделить в отдельный раздел нормы об ответственности за преступления, посягающие на брак, семью и детей, об ответственности за преступления, посягающие на общественную нравственность, упростить главу о преступлениях против порядка управления².

Н.Д. Дурманов также высказывал критические суждения по поводу номенклатуры преступлений против порядка управления, предлагая упростить эту главу; высказывал аргументы в пользу включения в закон главы о преступлениях в области трудовых отношений и упразднения главы о преступлениях, составляющих пережитки родового быта; предлагал изменить порядок расположения глав в законе, в частности, главы о преступлениях против личности, о преступлениях имущественных поместить

---

¹ Шаргородский М.Д. Система Особенной части Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1947. – № 6 (июнь).

² Дмитриев В. Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 11 – 12 (ноябрь – декабрь). – С. 38 – 42.

непосредственно после главы о преступлениях государственных¹.

Специалистами предлагалось также обособить в структуре уголовного закона транспортные преступления², позднее высказывались идеи о конструировании отдельных глав об ответственности за экологические преступления³, половые преступления⁴.

Все эти и иные предложения стали теоретической основой для подготовки и принятия УК РСФСР 1960 года (см. Приложение 1), который отражал в целом уже современный взгляд на строение Особенной части уголовного закона и систему ее институтов, что стало особенно очевидно после существенного реформирования норм об ответственности за преступления против собственности, когда реализуя положения Конституции РФ 1993 года, законом 1994 года были объединены две главы – о преступлениях против социалистической собственности и преступлениях против личной собственности граждан. Утверждая о современном характере Особенной части УК РСФСР 1960 года, конечно, нельзя забывать, что это был кодекс социалистического государства, который в содержательном отношении отражал соответствующие политико-правовые установки своего времени. Не случайно, к концу 1980-х гг., после существенной модернизации политического и государственного строя, стала очевидной потребность в создании нового нормативного уголовно-правового акта с учетом того обстоятельства, что действующие положения уголовного законодательства уже не отвечали потребностям уголовно-правовой охраны складывающихся общественных отношений. Таким актом стал УК РФ 1996 года.

История разработки и принятия действующего кодекса описана в литературе⁵. При этом, анализ показывает, что обсуждение проекта этого

---

¹ Дурманов Н.Д. К подготовке проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 7 – 8 (июль – август). – С. 1 – 6.

² Алексеев Н.С. Транспортные преступления. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – С. 33.

³ Шостак Н.С. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья работников сельского хозяйства в процессе их трудовой деятельности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1970. – С. 11.

⁴ Игнатов А.Н. Совершенствование Особенной части УК РСФСР // Советское государство и право. – 1972. – № 5. – С. 95 – 96.

⁵ См., например: Кузнецова Н.Ф. Об истории проектов УК 1992 и 1994 гг. // Вестник Московского университета. Серия «Право». – 1995. – № 2.

кодекса не вызывало серьезных дискуссий по поводу определения системы его Особенной части. Накопленный предшествующими диспутами опыт в совокупности с адекватной оценкой текущей ситуации и ее прогнозом оказались вполне достаточными для того, чтобы без лишних рассуждений определить действующий сегодня порядок группировки составов преступлений и уголовно-правовых предписаний. На этом этапе истории уголовного права основное внимание уделялось уже иным значимым вопросам, связанным с самим содержанием этих предписаний: о преюдиции, о дефинитивных нормах, о соотношении уголовной и административной ответственности в Особенной части, о системе и сбалансированности санкций, о номенклатуре составов преступлений, гарантирующих одновременно безопасность общества и свободу личности, о приоритетах уголовно-правовой охраны и т.д. Иными словами, вектор дискуссии закономерно сместился в область внутреннего наполнения Особенной части уголовного кодекса.

Полагаем, что на данном этапе нашего исследования нет необходимости в обсуждении данных вопросов, по мере необходимости они, включая их исторический аспект, будут рассмотрены в последующих разделах диссертации. Здесь же представляется возможным утверждать, что решение фундаментальных вопросов о самом наличии и принципах построения Особенной части уголовного права к середине прошлого века в основных своих чертах состоялось. Не будет, наверное, большим преувеличением сказать, что во второй половине XX века отечественная уголовно-правовая наука вновь подошла к той точке, на которой ее застала революция 1917 года. Определившись с значением и строением Особенной части, она должна была приступить к детальному исследованию основных элементов системы Особенной части – уголовно-правовых норм, их элементов, видов, соотношением, содержательным наполнением, внутренним и внешним согласованием и т.д. В настоящий момент эта работа не только не завершено, но и нуждается в интенсификации и качественном обновлении.

Глава 2.

ИСТОЧНИКИ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Теоретико-методологические основы исследования источников Особенной части уголовного права

Один из наиболее сложных и не теряющих своей актуальности вопрос, генетически наследуемый отраслевыми науками от общей теории права, заключается в определении понятия и системы источников права. Едва ли не весь комплекс проблем отраслевого (в том числе уголовно-правового) регулирования так или иначе связан с пониманием источника права. Не случайно юристы отмечают, что на основе специфических особенностей тех или источников права можно судить о природе и характере самого права¹.

Между тем, проблема источников права, несмотря на то что находится в центре внимания юридической науки с момента ее зарождения, все еще остается остро дискуссионной и не имеющей однозначного решения². Более того, можно уверенно говорить о том, что ее универсальное решение в принципе не представляется возможным, по следующим причинам.

Во-первых, право есть феномен постоянно эволюционирующий, обладающий собственной исторической динамикой, трансформирующийся под влиянием внешних постоянно меняющихся факторов. В этом отношении вопрос об источниках права всегда связан с тем или иным конкретным этапом развития права.

Во-вторых, право, при всех активно протекающих процессах универсализации и глобализации, остается по преимуществу феноменом

---

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – Изд. 9, без изм. – СПб.: Изд. Н.К. Мартынова, 1909. – С. 62; Марченко М.Н. Источники права. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – С. 15.

² В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ, см.: Асланян Р.Г. Теоретико-методологические основы исследования источников особенной части уголовного права // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – № 6; Асланян Р.Г. Теоретико-методологические основы научного анализа Особенной части уголовного права: монография – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2022.

национально-государственным, тесно связанным с культурологическими особенностями того или иного общества. «Правовую действительность конструирует объективно складывающаяся социально-культурная реальность по поводу нормативно-правового регулирования, которое обеспечивается различными источниками права. ... Именно они лежат в основе того или иного источника права и отличают тем самым правовую действительность одного общества от правовой действительности другого»¹. В связи с чем вопрос об источниках права всегда есть вопрос об источниках права в том или ином конкретном государстве.

В-третьих, проблема источников права, будучи по преимуществу проблемой теоретической, всегда подвержена влиянию того или иного типа правопонимания (наличие этой связи признали 87% опрошенных нами специалистов). «Абсолютная свобода и независимость законодателя и, в продолжение, отождествление права и закона характерны для юридического позитивизма. Естественнo-правовые учения как противовес юридическому позитивизму выступают крайностью, разрывающей связь государства и права. Социологический подход к пониманию сущности права расширяет границы взаимодействия источников и форм права»²; коммуникативная теория видит в источнике правовой текст, выраженный в любой языковой форме³. В этом отношении универсальной теории источников права не может быть создано наряду с универсальной теорией права.

Наконец, в-четвертых, в прикладном отношении проблема источников права это всегда проблема источников той или иной конкретной отрасли права, конкретного участка правового регулирования. Специфический отраслевой правовой режим, заданный принципами, предметом и методом регулирования задает свои особенные требования к кругу источников

---

¹ Клименко А.М. Источник права как проявление сущности правовой действительности (философско-культурологический аспект): автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – Ставрополь, 2006. – С. 7.

² Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 17.

³ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Учебник. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Проспект, 2016. – С. 623 и сл.

конкретной отрасли права. В силу чего представления, сложившиеся по вопросу об источниках права в рамках одной отраслевой науки, оказываются объективно нежизнеспособными при попытке их переложения на язык иных отраслевых наук (с этим тезисом солидарны 74% опрошенных специалистов).

Такая объективная невозможность создания единственно верной, универсальной теории источников права не должна восприниматься в виде признание «теоретического поражения» науки, напротив, она может быть признана исходным методологическим принципом познания источников, задающим важные ограничительные рамки и направления их исследования. С учетом относительной самостоятельности историко-правовых и компаративных аспектов проблематики источников права, а равно с учетом целей и задач нашего исследования, последующее *изложение темы источников права в нашей работе может быть адекватно понято и описано только при условии, что речь пойдет об источниках (1) современного (2) российского (3) публичного по своей природе уголовного права, понимаемого в пределах возможностей, заданных плюралистической методологией, сочетающей позитивистское правопонимание с иными подходами к феномену права.*

Плюралистическое понимание права является сегодня, пожалуй, единственно возможным. Множество допустимых точек зрения на уголовное право (в виде совокупности норм, или системы правоотношений, или субъективного публичного права государства и т.д.) является неустранимым и даже желательным, позволяющим исследовать уголовное право в самых разных его проявлениях и измерениях. В связи с этим необходимым условием познания самого права и всех связанных с ним проблем, включая проблему источников права, выступает логическое и непротиворечивое сочетание на основе принципа дополнительности самых разных его интерпретаций.

Применительно к познанию источников права этот логический полифундаментализм задает ряд условий, которые уже хорошо описаны в науке: 1) источник публичного права должен восприниматься в виде полифундаментального объекта, существующий в нескольких самостоятельных ипостасях; 2) основы для формирования характеристик деятельности в сфере познания источников публичного права может формировать любая научная теория, не воспринимаемая в виде единственно возможного и безальтернативного; 3) переход от одного исследовательского принципа к другому должен осуществляться свободно, с пониманием того, что ни один познавательный инструмент не дает исчерпывающего результата; 4) любое научное исследование источников публичного права не должно восприниматься в виде преобразующей силы для юридической практики в этой сфере, напротив, именно потребности практики должны отражаться в соответствующей теории источников публичного права; 5) возможно одновременное сосуществование нескольких альтернативных теорий источников публичного права, сосуществующих по принципу дополнительности; 6) при построении понятийно-категориального ряда, используемого для характеристики источников публичного права необходимо учитывать тот факт, что любое понятие в данной сфере должно обладать «открытым» горизонтом значений¹.

«Открытость» и «полицентричность» теории источников права, понимается, не означают хаоса в доктринальных построениях. Напротив, они предполагают, во-первых, системное устроенное, логически непротиворечивое и не оторванное от реальности сочетание различных взаимодополняющих подходов; и во-вторых, корректную критику или отказ от критики тех теоретических построений, которые не сочетаются с исходными, базовыми принципами разрабатываемой теории источников.

---

¹ Каждан Д.И. Формирование и развитие источников публичного права: проблемы теории и методологии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – С. 13.

Построение такой плюралистической, но частной теории источников современного российского уголовного права выступает значимой научной проблемой. Юристы верно отмечают: «Бесчисленные и нескончаемые споры об источниках права между правоведами обусловлены столкновением положений догматики права и политико-правовыми взглядами отдельных авторов, противоречием статики идеальных теоретических конструкций форм права динамике юридической практики, а также детерминированностью действующих источников права конкретно-историческими особенностями общественного и государственного строя»¹. «Множественность концепций источников права можно объяснить не только невозможностью установления единообразного правопонимания, но и ... постоянно изменяющимися условиями общественного бытия»².

Вместе с тем эти трудности не могут останавливать специалистов. Потребности практики настоятельно требуют постоянного мониторинга и развития теории источников права. Наука отвечает на этот вызов множеством исследовательских сочинений и доктринальных конструкций, призванных совершенствовать учение об источниках права и адаптировать его к текущим проблемам правового регулирования и правоприменения. В связи с этим сложно в полной мере согласиться с мнением А.В. Петрова, который заключает, что в вопросе источников права юридическая наука «просто топчется на месте», что «здесь на самом деле довольно трудно обнаружить какие-либо теоретические продвижения по сравнению с тем, что уже писалось по данному вопросу много лет назад»³. «Достижения» и «продвижения», должны в данном случае оцениваться не только в зависимости от того, какой вклад современные разработки вносят в общую теорию права (возможно, здесь и сложно сделать «прорывные» открытия,

---

¹ Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 9.

² Скворцова Ю.В. Источники права и правотворчества: современное состояние и перспективы обновления в условиях модернизации правовой системы России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1. – С. 36.

³ Петров А.В. Форма права и ее разновидности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 229.

особенно оставаясь в рамках той или иной «монистической» теории права), но и в зависимости от того влияют ли на развитие отраслевой науки и отраслевого правоприменения.

Применительно к проблематике уголовного права надо сделать вполне ответственное заявление о том, что отраслевое учение об источниках уголовного права в последние годы получило мощный импульс к развитию и ознаменовалось появлением ряда крупных научных сочинений¹. Вместе с тем, тему нельзя признать исчерпанной. Помимо того, что отраслевое учение в полной мере отражает дискуссии и противоречия, сложившиеся в общей теории права, оно внутри себя содержит, во-первых, неразрешенную окончательно дилемму признания или непризнания уголовного права полиисточниковой отраслью права, и во-вторых, ряд существенных пробелов, особенно в части, касающейся видов источников и их системных взаимосвязей.

К тому же, что особенно важно, тема источников уголовного права разрабатывается в науке безотносительно к проблеме внутреннего строения права и в частности, его сложившейся градации на Общую и Особенную части. С учетом неразрывного единства этих укрупненных единиц системы уголовно-правовых предписаний, сложившийся подход, возможно, оправдан. Однако специфика происхождения, содержания, целей нормативных предписаний Общей и Особенной части уголовного права ставит неизбежный вопрос о том, допустима ли и возможна ли конкретизация и уточнение учения об источниках уголовного права применительно к его составным частям. Пожалуй, единственный опыт исследования проблемы взаимосвязи теории источников права и теории системного строения отрасли уголовного права демонстрирует работа В.П. Коняхина, отдельная глава которой посвящена анализу источников Общей части уголовного права². Что

---

¹ См., например, последнюю по времени подготовку докторскую диссертацию по данной теме: Ображиев К.В. Система формальных (юридических источников) российского уголовного права: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 76 – 128.

же касается вопроса об источниках Особенной части уголовного права, то в качестве самостоятельной научной проблемы они, насколько нам известно, в современной российской библиографии не были поставлены.

Изложенные обстоятельства в своей совокупности существенно актуализируют необходимость изучения вопроса об источниках Особенной части уголовного права, с учетом как методологических возможностей плюралистического понимания права, так и очевидных специфических особенностей этого структурного звена отрасли.

Приступая к непосредственному анализу этой сложной темы, следуя уже устоявшейся научной традиции, необходимо сделать некоторые уточнения относительно используемой терминологии. Речь идет о продолжающейся с середины прошлого столетия дискуссии по поводу предпочтительности конструкций «источник» или «форма» права. Эта дискуссия началась по преимуществу как терминологическая, в целях уточнения вариантов использования полисемичного термина «источник права», охватывающего собой и генетические факторы формирования права, и внешнюю форму его объективизации. Один из ее инициаторов – А.Ф. Шебанов писал, что термин «источник» должен применяться в его общеупотребительном или филологическом смысле для обозначения причин, порождающих право, а не в качестве специально-юридического термина для описания форм его внешнего проявления, на роль которого им предлагался термин «форма права». При этом сам автор не видел ничего «порочного» в употреблении термина «источник права», говоря лишь о предпочтительности термина «форма права»¹.

Однако эти терминологические уточнения «выросли» до масштабов жесткого противостояния, отчасти сохраняющегося по сегодняшний день. Весьма категорично, к примеру, В.В. Ершов указывает, что для дифференциации рассматриваемых терминов имеются широкие

---

¹ Шебанов А.Ф. Форма советского права. – М.: Юридическая литература, 1968. – С. 41 – 42.

философские, теоретические и правовые аргументы (хотя и не приводит их)¹. Развивая эту концепцию, именно о формах уголовного права пишет Д.А. Гарбатович².

Вместе с тем, по нашему мнению, *каких-либо качественных, содержательных аргументов, отражающих принципиальные различия между теорией форм и теорией источников права, наука так и не представила*. Все по-прежнему ограничивается исключительно спорами терминологического порядка, при которых некоторые авторы говорят о большей востребованности термина «источник права», основанной на «удобстве» его применения как с точки зрения общей теории права, так и с позиции отраслевых наук³, другие используют термины «источник» и «форма» права в качестве синонимов⁴ (при проведении экспертного опроса также выяснилось, что слова «форма права» и «источник права» значительной частью специалистов – 53% воспринимаются в качестве синонимов).

Адекватное решение этой, во многом схоластической дискуссии, было предложено М.Н. Марченко. Автор писал, что традиционные подходы (отождествления и несовпадения формы и источника права) отличаются односторонностью, слишком прямолинейны и не соответствуют реальному положению вещей, поскольку «в одних отношениях форма и источник права могут совпадать друг с другом и рассматриваться как тождественные, в то время как в других отношениях они могут значительно отличаться друг от друга и не могут считаться тождественными. Совпадение формы и источника имеет место тогда, когда речь идет о вторичных, формально-юридических источниках права. .... Что же касается первичных источников права, рассматриваемых сами по себе, в виде материальных, социальных и иных

---

¹ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2018. – С. 166.

² Гарбатович Д.А. Формы уголовного права России // Государство и право. – 2019. – № 1. – С. 91.

³ Зарубина М.А. Особенности источников (форм) права в российской правовой системе // Бизнес в законе. – 2008. – № 2. – С. 57.

⁴ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – 2-е изд., доп. – М.: Право и государство, 2005. – С. 66 – 67; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1914. – С. 40 – 44.

факторов, оказывающих постоянное влияние и предопределяющих процессы правообразования, правотворчества и законотворчества, то здесь совпадения источников права и формами права нет и не может быть»¹.

Не случайно, наверное, бессодержательность этой общетеоретической дискуссии практически не отразилась на отраслевых исследованиях. А.И. Бойко, проведя обстоятельный обзор научных позиций по теме, резюмировал: «Представители общей юриспруденции, как им и «положено», «витают в облаках» абстракции, а вот отраслевые в силу близости к предмету регулирования и наличия кодифицированных актов, сориентированных на вполне определенные секторы общественной жизни, вынуждены оглядываться на те очевидные (ближние, легко распознаваемые) питательные силы, которые диктуют содержание частных предписаний. Тут не до искушения абстракциями и не до обольщения терминологическими дискуссиями. Отраслевые иногда интуитивно отдаст предпочтение тому слову, которое более явно указывает на социальную основу юридических регламентов, а словосочетание «источник права», безусловно, выигрывает в данном контексте у «формы права»»².

Признавая методологическую допустимость и оправданность использования термина «источник права», отметим вместе с тем, что сам этот термин скрывает множество смыслов и оттенков, анализ которых, собственно, и задает основной каркас учения об источниках. Как верно признают специалисты, «полисемия слов «источник» и «право» объективно предопределяет многозначность термина «источник права», употребляемого в юриспруденции; достижение однозначности указанного термина без использования дополнительных языковых средств неосуществимо»³.

---

¹ Марченко М.Н. Источники права. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – С. 56 – 57.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. II. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 116.

³ Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 9. См. также: Гурова Т.В. Актуальные проблемы теории источников права: дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2000. – С. 6 – 7.

В силу этого, первое, с чего надо начать повествование, это определиться с понятием «право», уточнить, об источниках чего именно мы рассуждаем. Не углубляясь в большую дискуссию относительно понятия уголовного права, отметим, что предмет нашего исследования ограничен сферой Особенной части уголовного права, то есть системой нормативных предписаний, в которых закреплены признаки отдельных составов преступлений и установлены пределы их наказуемости. Таким образом, источник Особенной части уголовного права – это источник данной разновидности нормативных предписаний.

Анализ научной литературы позволяет в самом общем виде установить, что *термин «источник» в связке с термином «Особенная часть уголовного права» может использоваться для обозначения: а) субъекта права, то есть той силы, которая продуцирует правовые предписания; б) факторов, определяющих необходимость правовых предписаний и их содержание; в) документов, в которых закреплены предписания права*¹. Каждый из этих аспектов феномена «источник права» применительно к Особенной части уголовного права обладает некоторой спецификой.

Начнем с понимания субъекта как силы, творящей предписания Особенной части уголовного права. Оставляя в стороне теологические концепции, признающие танцедентный, божественный характер источника права², а также построения исторической школы права, усматривающие его источник в «народном духе», который заключает в себе все правовые

---

¹ См. об этом, например: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – Изд. 9, без изм. – СПб.: Изд. Н.К. Мартынова, 1909. – С. 282 – 287; Марченко М.Н. Источники права. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – С. 45 – 52; Скворцова Ю.В. Источники права и правотворчества: современное состояние и перспективы обновления в условиях модернизации правовой системы России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1. – С. 36 – 37; Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 8.

² См.: Туганов К.А. Теологические интерпретации естественного права: история и современность // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Т. 25, Вып. 5. – С. 149 – 155; Петров И.В. Теологическая теория происхождения государства и права и разнообразие ее воплощений // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 5-1. – С. 128 – 131; Фетисов Т. Онтологические аспекты теологического правопонимания // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 1. – С. 92 – 97; Алексеев А.В. Восприятие права и попытки его переосмысления в философско-правовой и теологической мысли // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 2 (16). – С. 11 – 21.

понятия еще до момента их объективизации вовне¹, отметим, что наиболее убедительными и авторитетными, отчасти конкурирующими, но отчасти и дополняющими друг друга, на сегодняшний день выступают две теории: позитивного права, связывающие его источник с деятельностью государства, и естественного права, признающие источником права природу человека и присущие ей ценности разума и справедливости².

При том, что вопрос соотношения естественного и позитивного права составляет едва ли не центральный элемент научного дискурса в рамках общей теории права, в сфере уголовного права он практически не ставится. Отдельные, робкие попытки исследования данного вопроса приводят специалистов к мысли о том, что «естественно-правовой фундамент» уголовного права находит отражение в нормах писанного права, прежде всего, в принципах уголовного закона³. Общим же местом всех без исключения рассуждений о субъекте уголовного права в научной литературе выступает тезис о том, что единственным правотворцем здесь выступает государство. Не важно, идет ли речь о государствах континентальной системы права с их ставкой на закон или же о государствах системы общего права с их ставкой на судебный прецедент, *творцом уголовного права выступает именно государство*. Этот тезис нашел развернутое обоснование в многочисленных сочинениях, посвященных такому феномену, как «право государства на уголовное наказание»⁴.

В современной литературе отмечается, что «признание государственной монополии на правотворчество приводит к заблуждению в

---

¹ См.: Бызгаева Е.А., Сушкова Ю.Н. Историческая школа права // Экономика, социология и право. – 2017. – № 3. – С. 93 – 95; Чернявский А.Г. Историческая школа и естественное право // Вестник Академии права и управления. – 2021. – № 1 (62). – С. 51 – 59.

² См.: Фролова Е.А. Теория естественного права (предметный аспект) // Государство и право. – 2015. – № 4. – С. 45 – 53; Карнаушенко Л.В. Соотношение теории естественного права и теории позитивного права // Философия права. – 2021. – № 1 (96). – С. 7 – 11.

³ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 230.

⁴ Из современных публикаций на тему см., например: Гурин Д.В. Принцип законности и реализация государством права на уголовное наказание // Российское правосудие. – 2015. - № 10 (114). – С. 85 – 94; Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективизации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. - № 6. – С. 32 – 52; Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: содержание и ограничения. – М.: Юрлитинформ, 2022.

определении самостоятельной социальной природы права. Оно фактически сводит понимание права к одной из форм руководства обществом со стороны государства, т.е. в одну из форм политической деятельности»¹; «монополия государства на правотворческую деятельность» и длительное игнорирование альтернативных закону источников права привело к «огосударствлению» права, и как следствие к его кризису, «инфляции» законов, отрыву действующего законодательства от правового бытия человека и т.п.².

На этой основе разрабатывается концепция «негосударственных источников права», к числу которых ее автор относит, среди прочего, Конституцию РФ и решения, принимаемые на референдуме. «Конституция, как негосударственный источник права, учреждает систему государственного властвования и определяет ее границы путем установления гарантий институтам гражданского общества. Конституция, как негосударственные источник права, не только возглавляет систему иерархических связей, но и замыкает на себе, в конечном итоге, весь спектр координационных связей всей системы источников права»³.

Ценность Конституции как источника права, в том числе и права уголовного⁴, сложно переоценить. Однако применительно к проблематике источников Особенной части уголовного права надо признать, что она не содержит и по природе своей не может содержать предписаний, определяющих преступность и наказуемость тех или иных конкретных деяний. В качестве «негосударственного источника» права она учреждает право государства на уголовное наказание, устанавливает принципы и пределы его осуществления, тем самым легитимирует созданные государством уголовно-правовые запреты, что формирует презумпцию

---

¹ Осыченко Е.В. Негосударственные источники права в правовой системе демократического государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 12.

² Шатковская Т. В. Традиция и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. – 2014. – № 4. – С. 45 – 56.

³ Осыченко Е.В. Негосударственные источники права в правовой системе демократического государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 17.

⁴ Коняхин В. Конституция как источник Общей части уголовного права // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 53 – 54; Плаксина Т.А. Конституция Российской Федерации как формальный источник отечественного уголовного права: спорные вопросы // Юристы-Правоведь. – 2017. – № 1 (80). – С. 47 – 53.

добросовестности законодателя и конституционности правовой нормы¹. Конституция, таким образом, может рассматриваться в качестве источника права, создающего возможность государства конструировать уголовно-правовые запреты, выступая своего рода «связующим звеном» между естественным и позитивным правом. Иные же «негосударственные источники» права не способны содержать предписаний Особенной части уголовного права, поскольку не соответствуют публичной природе отрасли уголовного права.

Говоря о государстве как источнике предписаний Особенной части уголовного права, важно сделать, как минимум, два замечания.

Первое связано с содержанием п. «о» ст. 71 Конституции РФ, согласно которому уголовное законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации. В отечественной литературе периодически высказываются идеи о расширении полномочий регионов в области уголовно-правового регулирования и наделении их правом иметь самостоятельное уголовное законодательство². Однако надо откровенно признать, что эти предложения не проходят проверки на соответствие критерию конституционности³ или «конституционной лояльности»⁴. Уже только по этой причине они не могут всерьез обсуждаться в рамках

---

¹ Информация Конституционного Суда Российской Федерации. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Подготовлено Секретариатом Конституционного Суда РФ. Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 25.01.2022 г.).

² Быкодорова Л.В. Линия законности в уголовной политике и направления дальнейшего совершенствования уголовного законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ставрополь, 1999. – С. 11 – 12; Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 19; Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004. – С. 54; Рахманова Е.Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2010. – С. 58 – 59; Панченко П.Н. Уголовное право с претензией на статус ценности: в поисках ответов на вопросы настоящего к будущему и будущего к настоящему. – М.: ИД «Юриспруденция», 2018. – С. 259 – 261.

³ Жалинский А.Э. Уголовно-правовая мысль и наука уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. IV. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения / отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 463.

⁴ Жалинский А.Э. Уголовно-правовая наука // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. IV. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения / отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 411 – 412.

исключительно уголовно-правового дискурса¹. Если такая постановка вопроса и допустима, то исключительно в качестве повода для широкой конституционной, социально-правовой, криминологической, уголовно-политической дискуссии. В рамках же собственно уголовно-правовой науки, и тем более в рамках учения об источниках уголовного права, превалирующая позиция состоит в том, что субъекты в составе Российской Федерации ни при каких условиях не могут выполнять законотворческие функции в сфере уголовного права². Единственный уровень государственной власти, на котором возможно создание уголовно-правовых предписаний (как Общей, так и Особенной части) – это уровень федерации.

Второе замечание, связанное с государством как источником формирования уголовно-правовых предписаний Особенной части, связано с положениями ст. 15 Конституции РФ и ст. 1 УК РФ, и состоит в том, что полномочия по конструированию уголовно-правовых запретов не могут быть делегированы государством международному сообществу. Известная дискуссия по этому вопросу в настоящий момент получила официальное разрешение на уровне разъяснений высшей судебной инстанции. Верховный Суд РФ прямо указал: «Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом»³. Этим, разумеется, не отрицается значимость международного права и

---

¹ Как верно указывает В.М. Баранов, «размывание» единых стандартов криминализации и декриминализации в федеральных округах с неизбежностью повлечет сепаратизм, «вкусовой подход» при формировании одних составов преступлений и отказе от других. См.: Баранов В.М. Уголовный кодекс Российской Федерации в ракурсе юридической техники // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 9 – 22.

² См. например: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 120.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.

формирующих его источников, но категорически утверждается, что создаваемые международным сообществом тексты не могут претендовать на статус нормативных предписаний Особенной части уголовного права России, которые формируются только и исключительно федеральными органами власти РФ.

Признание государства единственным источником создания уголовно-правовых предписаний Особенной части отчетливо коррелирует с его пониманием в качестве отрасли публичного права, в которой сосредоточиваются интересы всех и каждого члена общества и достигается баланс между ними. Именно деятельность публичных субъектов является первопричиной формирования публичного права как особой системы правовой регуляции, способной вызвать к жизни и организовывать общественные отношения, и именно она должна рассматриваться как источник публичного права¹.

Эта деятельность, между тем, не является произвольной. Еще Н.М. Коркунов писал: «Законодатель не произвольно творит право, он не властен устанавливать норм, не подготовленных ходом общественной жизни. Законы, имеющие такое содержание, остаются мертвой буквой, лишенной практического значения. Поэтому законодатель не есть источник права в смысле силы, его творящей»². В данной связи на передний край исследования выступает иной аспект понимания источников права, а именно как факторов правообразования. Для их обозначения используются различные термины «материальные источники права», «социальные источники права». Их использование также иногда признается необоснованным. Некоторые авторы указывают, что деление источников права на формальные (юридические) и социальные не основательно, поскольку любой источник права социален, т.к. регулирует взаимоотношения

---

¹ Каждан Д.И. Формирование и развитие источников публичного права: проблемы теории и методологии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – С. 10.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – Изд. 9, без изм. – СПб.: Изд. Н.К. Мартынова, 1909. – С. 284.

между людьми¹. Однако это замечание опять же относится к разряду сугубо терминологических, и потому не заслуживает, на наш взгляд, содержательной критики. Независимо от термина, в самом общем виде речь идет о тех фактических жизненных обстоятельствах, которые определяют необходимость создания и содержание нормативных предписаний Особенной части уголовного права. Как отмечает, например, О.Н. Бибик, социальными источниками уголовного права выступают явления, влияющие на возникновение уголовно-правовых норм, определяющие их содержание как в момент создания (правотворчества), так и в момент реализации указанных норм².

Этот широкий пласт социальных по природе своей факторов редко анализируется в уголовно-правовых сочинениях в разделах, посвященных источникам права. Откровенно признаем, что и сама методика исследования этих источников в науке практически не разработана. Как правило, они составляют предмет внимания в работах, анализирующих социальную обусловленность уголовного закона или отдельных его правовых предписаний. К.В. Ображиев, признавая ценность познания этих источников права, которые он именуется «генетическими», прямо пишет, что в гносеологическом отношении их самостоятельное, отдельное изучение является наиболее продуктивным³. С учетом специфики содержания этих «социальных», «генетических» источников, а равно механизма их воздействия на уголовно-правовые предписания, с таким суждением, с одной стороны, можно согласиться. Однако надо учесть, что декларируемое обособление темы социальных источников уголовного права на деле приводит к тому, что она фактически игнорируется в учебных курсах

---

¹ Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 11.

² Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 55.

³ Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С 9.

уголовного права¹, выводится за пределы учебников в область монографических сочинений по проблемам социологии уголовного права и уголовной политологии. А это существенным образом обедняет содержание базового юридического образования, способствует догматизации науки (в худшем ее проявлении). По этой причине полагаем, что *вопрос о социальных источниках уголовного права, при всей его самостоятельности, должен составить один из обязательных элементов структуры отраслевого учения об источниках права.*

В настоящий момент такое учение традиционно ограничено только одним подходом к пониманию феномена «источник права», а именно формально-юридическим. «Формально-юридический подход используется в этом случае для отображения способов существования государственной воли общества в реальной жизни»². Сложившийся в трудах сторонников нормативистской концепции права, такой подход определяет источник как форму внешнего выражения юридического содержания правовой нормы. Именно в этом отношении понятия «источник права» и «форма права» оказываются содержательно идентичными. В то же время именно этот аспект бытия источников права создает предпосылки для отмеченного выше терминологического противопоставления источников и форм права. «Источник права в юридическом смысле есть источник права для правопользователей. Это не сама форма права, а особая его функциональная сущностная сторона, приобретающая самостоятельное значение.... Для правотворца (законодательного или иного уполномоченного органа) источником права становится сложная система правопродуцирующих феноменов, которая образует причинно-следственные связи в праве при его возникновении. ... Но после того как правотворец использовал источники

---

¹ Редкие исключения см.: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. II. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016; Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2022.

² Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 10.

первого порядка и на их основе создал норму позитивного права, он обязан облачить ее в заранее определенную форму, которая для него становится результатом его деятельности, а не источником, но для будущих участников общественных отношений, на которые она рассчитана, - источником права»¹.

Понимание источников права в формально-юридическом отношении не вызывает особых сложностей или дискуссий в теории права. «Под источником права, - пишет Н.Н. Вопленко, - в юридической науке принято понимать официально принятые в данном государстве способы и формы возведения в закон государственной воли, рассчитанной на неоднократное применение. ... «Способы возведения в закон государственной воли» показывают многообразие и социальную обусловленность правотворчества, а «формы» раскрывают его воплощение и закрепление в системе юридических документов, выступающих носителями, «резервуарами» правовых норм»². «Под источником права в юридическом смысле, - заключают иные специалисты, - понимаются формы выражения, объективизации нормативной государственной воли. Это и есть внешняя форма права в истинном значении термина. Форма права показывает, каким способом государство создает, фиксирует ту или иную правовую норму и в каком виде (реальном образе) эта норма, принявшая объективный характер, доводится до сознания членов общества»³. «Под источником позитивного права, - отмечает Н.Е. Садохина, - предлагается понимать выражение государственной воли в определенной форме, обусловленной существом регулируемых правоотношений, предпочтительной для правовой системы конкретного государства»⁴.

Вполне устоявшимся в науке является также понимание основных форм (источников) позитивного права и признание их системного характера.

На уровне элементарных юридических знаний закреплено, что основными источниками права (безотносительно к той или иной конкретной

---

¹ Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 9, 15 – 16.

² Вопленко Н.Н. Источники и формы права. Учеб. пособ. – Волгоград: ВолГУ, 2004. – С. 5.

³ Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2005. – С. 267 – 268.

⁴ Садохина Н.Е. Развитие источников российского права в советский и постсоветский период: дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2005. – С. 10 – 11.

правовой системе) выступают конституция, международные договоры, закон, подзаконные акты, судебные прецеденты, обычаи, юридическая доктрина. Обобщенный взгляд на эти источники приводит А.В. Петрова к вполне обоснованным суждениям о том, что форма права как способ существования, социального бытия завершеного цикла движения правовой воли к своим целям через необходимые элементы упорядоченного содержания права, вполне может быть представлена в виде результата правотворческой деятельности трех основных субъектов: специальных государственных органов, непосредственно субъектов социальной жизни и судебных органов¹. И хотя автор не называет прямо сами эти формы, можно предположить, что речь в данном случае идет о «негосударственном праве», «законодательном праве» и «судебном праве». Эти формы права, как пишет А.В. Петров, существуют на всех этапах развития правовой действительности и присущи в той или иной пропорции праву любой страны.

Не останавливаясь сейчас на анализе каждого из источников права применительно к формам выражения нормативных предписаний Особенной части современного российского уголовного права, отметим, что по очень точному наблюдению специалистов, «формирование и развитие системы реально действующих источников права представляет собой процесс, имеющий правовую природу», тогда как «формирование и развитие формальных основ построения системы источников права ... - процесс, по своей природе политический», и что это обстоятельство «обуславливает неизбежность расхождения между реально действующими источниками права и источниками, установленными и (или) санкционированными государством»².

В связи с этим в научной литературе стала популярной классификация источников позитивного права на:

---

¹ Петров А.В. Форма права и ее разновидности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 230 – 231.

² Жукова-Василевская Д.В. Источники права России: тенденции формирования и развития: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 12.

- традиционные и нетрадиционные¹;
- официально признаваемые государством, официально не признаваемые и источники, правовой статус которых официально не определен²;
- формально признаваемые государством и фактически признаваемые государством³; выражающие явные приказы суверена и являющиеся молчаливыми приказами последнего⁴.
- общепризнанные (нормативный правовой акт, прецедент, нормативный договор, правовой обычай), которые в современных условиях явно проявляют свою главенствующую роль, и вспомогательные формы (доктрины, принципы, «книжное» право, правосознание), которые не всегда признаются формами права⁵;
- санкционированные законодательным или правоприменительным (судебным) органом⁶.

Такое положение вещей, отражая противоречивость объективной реальности и несовпадение строгих теоретических построений с фактами правовой жизни, заставляет признать главное: при анализе источников права, в том числе и при анализе источников нормативных предписаний Особенной части уголовного права нет и не может быть заранее предустановленной официальной номенклатуры, исчерпывающего списка документов или актов, которые могут претендовать на роль источников права. Учение об источниках, таким образом, это не столько исчерпывающее знание обо всех

---

¹ Понятием «нетрадиционные источники права» Д.В. Храмов предлагает объединить судебный прецедент, судебную практику, правовой обычай (обычай делового оборота, деловые обыкновения), правовую доктрину, основные начала (принципы) российского права, закрепленные в законодательстве РФ и не закрепленные в нем, но вытекающие из общего смысла действующего права. См.: Храмов Д.В. Нетрадиционные источники российского частного права: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. – С. 3 – 4, 65 – 66.

² Злобин А.В. Формы права в современной России // Lex Russica. – 2018. – № 4 (137). – С. 24.

³ Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – С. 5.

⁴ Данцева Т.Н. Формальные источники права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007. – С. 6.

⁵ Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 13.

⁶ Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 16.

формах выражения нормативных предписаний Особенной части уголовного права, сколько некий набор общих суждений и практических руководств к поиску источников.

В отечественной литературе идет непрекращающаяся дискуссия относительно того, является ли Уголовный кодекс единственным источником уголовного права¹ или, наряду с ним, в правовой системе имеются иные реальные формы выражения уголовно-правовых предписаний². При всех известных и новых аргументах представляется, что идея полиисточникового характера отрасли уголовного права выглядит более убедительной.

Такой подход многократно актуализирует вопрос об идентификационных признаках источников уголовного права. Специалисты верно отмечают (и с этим согласны все опрошенные нами в ходе проведения исследования респонденты), что источниками права является система текстов, содержащих предписания, регламентирующие общественные отношения³, в нашем случае – уголовно-правовые отношения. Однако надо согласиться с тем, что «не все правовые документы следует относить к источникам права, а только те, которые связаны с основной характеристикой права как нормативного регулятора общественных отношений. Следовательно, к источникам права могут быть отнесены только те правовые документы, которые имеют нормативное значение, в которых закрепляются общеобязательные правила поведения (правовые нормы)»⁴.

Вопрос об идентификационных признаках источников уголовного права как самостоятельная проблема был исследован А.Э. Жалинским. Он писал, в частности: «Поиск идентичности источников уголовного права должен стремиться выявлять их общие и притом сопоставимые по степени

---

¹ Герцензон А.А. Уголовное право. Общая часть. Учеб. пособие для слушателей ВЮА КА. – М.: РИО ВЮА КА, 1946. – С. 35; Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. Учеб. пособ. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 148.

² Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1948. – С. 22; Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 177 – 218.

³ Каждан Д.И. Формирование и развитие источников публичного права: проблемы теории и методологии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – С. 10.

⁴ Скворцова Ю.В. Источники права и правотворчества: современное состояние и перспективы обновления в условиях модернизации правовой системы России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1. – С. 37.

выраженности признаки и основываться на существующих потребностях и реалиях уголовно-правового регулирования», а любые дефиниции отраслевого источника «должны отражать специальные признаки источников именно уголовного права, не игнорируя, разумеется, при этом и общие признаки»¹.

К числу таких идентификационных признаков А.Э. Жалинский относил следующие:

- релевантность, то есть соотносимость с уголовным правом, наличие информации, необходимой для принятия уголовно-правовых решений;
- нормативность, то есть авторитетность и правовая возможность применения к неопределенному кругу лиц;
- определенность, которая тем не менее, может иметь различную степень, и предполагает в любом случае необходимость уяснения смысла и набора значений отраженного в источнике текста.

С учетом этих замечаний он понимал под источником уголовного права «все текстуально существующие способы выражения уголовно релевантной информации, содержанием которой действительно или предположительно являются связывающие адресата уголовно-правовые нормативные предписания». «Все, на что в конечном счете опираются уголовно-правовые решения, - заключал автор, - содержится в источниках уголовного права»².

Всецело разделяя стремление А.Э. Жалинского определить набор идентификационных признаков источника уголовного права, отметим все же, что предложенное им определение является крайне широким, позволяющим включить в круг источников уголовного права самые разнообразные авторитетные уголовно-правовые тексты, в том числе решения судов низовых звеньев судебной системы и доктринальные комментарии к уголовному закону. Причина столь широкого и не вполне

---

¹ Жалинский А.Э. О системе источников уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. II. Уголовное право / отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 157.

² Жалинский А.Э. О системе источников уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. II. Уголовное право / отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 159.

удовлетворительного в силу этого подхода состоит в исходной посылке автора – признавать источником любой текст, значимый для принятия уголовно-правового решения. Полагаем очевидным, что это должен быть не любой, а именно нормативный текст, то есть, прежде всего, текст, источником которого выступает государство и который выражает в себе государственную волю. Источник права – это всегда правовой текст по признакам своего субъекта и нормативности, то есть содержащий рассчитанные на всеобщее и обязательное употребление государственные акты.

Это обстоятельство учтено в определении источника уголовного права, которое предложил К.В. Ображиев. Формальные (юридические) источники уголовного права, с его точки зрения, можно определить как правовые акты, содержащие уголовно-правовые нормы (учредительные, основные, дополнительные; первичные и производные) и (или) нормативные предписания, которые образуют бланкетную часть уголовно-правовых норм¹.

Однако в этой дефиниции серьезные возражения вызывает попытка автора включить в круг источников уголовного права так называемое бланкетное законодательство. Полагаем весьма противоречивым его суждение о том, что правовые акты, содержащие «бланкетную часть уголовно-правовых норм», хотя и не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений, все-таки участвуют в регулировании этих отношений. Помимо логического несоответствия, здесь есть и сущностная ошибка. Предписания бланкетной части уголовного закона не могут входить в содержание уголовно-правовой нормы. Безусловно, они образуют системное единство с уголовно-правовой нормой. Но тем самым они отражают системные межотраслевые связи уголовного права², не трансформируясь при этом в источник регулирования уголовно-правовых

---

¹ Ображиев К.В. Система формальных (юридических источников) российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 71.

² См. об этом: Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 1998; Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2022. – С. 458 – 469 (автор главы – Н.И. Пикуров).

отношений (по мнению 72% опрошенных специалистов бланкетное законодательство нельзя отнести к числу источников уголовного права). Как верно отмечает Д.В. Кайсин, «нормативные правовые акты иных отраслей права, в нормах которых конкретизируются отдельные признаки состава преступления при бланкетной диспозиции логической уголовно-правовой нормы, не являются источниками уголовного права, применяемого в России, поскольку не содержат дополнительных признаков, а лишь раскрывают содержание переменных признаков состава преступления, исчерпывающе представленных в уголовном законе»¹.

Способность и специальная предназначенность для регулирования уголовно-правовых отношений («уголовно-правовая релевантность») выступают главным содержательным признаком источника.

Представляется, что отмеченные недочеты и упущения учтены в определении источника уголовного права, которое предложил О.Н. Бибик. Он пишет: «Под источником норм уголовного права следует понимать явление правовой действительности, облеченное в определенную форму, признаваемое государством, содержащее уголовно-правовые нормы либо их элементы, регулирующие уголовно-правовые отношения в Российской Федерации и относящиеся к ее правовой системе»².

Полагаем, что его вполне можно взять за основу дальнейших рассуждений и адаптировать в целях понимания источников Особенной части уголовного права.

Специфика информации, отраженной в нормативных предписаниях Особенной части уголовного права, состоит в том, что ею описывается содержание уголовно-правового запрета и устанавливаются пределы наказания в случае его нарушения. Это очевидное обстоятельство было акцентировано М.Д. Шаргородским. Он писал: «Рассматривая вопрос об источниках уголовного права, следует различать источники норм, не

---

¹ Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 9.

² Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – С. 5.

создающие новых составов (в этом отношении нет никакого отличия между источником уголовного права и источником любой другой отрасли права) и источники уголовного права, предусматривающие новые составы преступлений (нормы уголовного права в узком смысле этого слова), которые имеют специфические черты». И далее: «Нормой уголовного права в узком смысле является только статья, формулирующая состав и устанавливающая наказание (статья Особенной части)»¹.

Отчасти эта мысль воспроизведена сегодня в ч. 1 ст. 1 УК РФ: «Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Здесь важно обратить внимание на два момента. Во-первых, устанавливать уголовную ответственность могут только законы. И во-вторых, все такие законы подлежат включению в Уголовный кодекс.

На этом основании можно сделать закономерный вывод: *поскольку установление уголовной ответственности предполагает формулирование основания ответственности (конкретного состава преступления) и конструирование санкции, источником нормативных предписаний Особенной части уголовного права может выступать исключительно УК РФ, а точнее – Особенная часть УК РФ*. Этот вывод основывается также на предписаниях ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которым «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом».

Специфика уголовно-правовых отношений, как публично-правовой связи между государством и лицом, нарушившим уголовно-правовой запрет, в рамках которой предполагается возможность ограничения прав человека, задает форму выражения нормативных предписаний – закон.

Однако надо учесть, как минимум, два значимых обстоятельства.

Во-первых, как отмечал Д.А. Керимов, «в отличие от содержания права воздействие общественных факторов на форму права носит опосредованный,

---

¹ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1948. – С. 22, 23.

косвенный характер, происходит через изменение направленности и функций содержания права»; более того, одно и то же содержание может иметь весьма различающиеся формы своего выражения, в силу чего «определяющую роль содержания права по отношению к его форме не следует абсолютизировать», так как на развитие той или иной формы права влияют и многие иные факторы природной и социальной действительности (особенности исторической обстановки, национальные традиции, обычаи и т.д.)¹.

Во-вторых, вслед за А.Э. Жалинским следует признать, что «любой случай обращения к уголовному праву наглядно доказывает, что необходимая адресату информация, как правило, выходит за пределы уголовного закона»², в связи с чем уголовно-правовая норма никогда полностью не выражается в той или иной конкретной статье уголовного закона, а предписание Особенной части уголовного закона никогда не содержит исчерпывающей информации, необходимой и достаточной для уголовно-правовой оценки того или иного деяния.

Эта противоречивая реальность, когда с одной стороны, источником ограничения прав человека может быть только и исключительно закон, а с другой стороны, ни один закон не содержит в себе достаточной информации для принятия решения об ограничении прав человека, требует упорядочения представлений о специфике уголовно-правового регулирования и о взаимной связи содержания уголовно-правового предписания и формы его выражения.

Важный шаг в этом направлении был сделан М.С. Жуком. Автор обоснованно отмечает, что институт уголовного права включает в себя предписания самого разного вида, и при этом указывает, что «иерархия нормативных предписаний института уголовного права должна находиться в корреляционной связи с системой источников отрасли, с их юридической силой». Отсюда им формулируются два правила: а) чем выше уровень предписания, составляющего институт уголовного права, тем выше в

---

¹ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001. – С. 181 – 182, 174 – 175.

² Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 287.

иерархии место источника его выражения и закрепления; б) чем выше уровень источника права, тем больше разновидностей предписаний он может содержать¹.

Эти тезисы могут быть экстраполированы как на уровень понимания форм выражения нормативных предписаний, составляющих уголовно-правовую норму, так и на уровень выражения отдельных суждений и понятий, составляющих нормативное предписание.

Центральный элемент нормативного предписания Особенной части уголовного права – взаимосвязанное описание состава преступления и санкции – содержится только в федеральном уголовном кодексе. Однако дополнительная информация, необходимая для раскрытия смысла этого предписания, может содержаться в иных источниках.

При этом, исходя из содержания этой информации, субъектов ее представления и роли в механизме уголовно-правового регулирования, *иные, дополнительные источники могут быть представлены: а) источниками конкретизации уголовно-правового предписания Особенной части уголовного права; б) источниками толкования уголовно-правового предписания Особенной части уголовного права*² (эту идею признали перспективной 67% опрошенных респондентов).

Такой подход к пониманию источников Особенной части уголовного права позволяет, на наш взгляд, совместить несколько принципиально значимых идей: наличие правообразующего, правоконкретизирующего и правотолковательного уровней правового регулирования, признание полиисточникового характера отрасли уголовного права, допустимость ограничения прав и свобод исключительно федеральным законом, наличие иерархических связей между источниками уголовного права, наличие

---

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 139 – 140.

² Разграничение понятий конкретизации и толкования права будет дано в последующем изложении. Обзор позиций по вопросу их понимания в науке см.: Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. – 2010. — № 5. – С. 107 – 109.

корреляции между видом, содержанием нормативного предписания и формой его внешнего выражения.

В своей совокупности эти обстоятельства напрямую выводит нас на понимание источников Особенной части уголовного права в качестве системного образования. Применение системной методологии к исследованию источников права, в том числе уголовного, давно стало общепризнанным¹.

При этом специалисты справедливо отмечают, что «каждая правовая система является индивидуальной в том смысле, что содержит в себе источники, характеризующиеся своей «системной конфигурацией» и преобладающей значимостью тех или иных источников»², что в силу системного взаимодействия снижение значения и удельного веса одних источников в системе приводит к повышению роли, объема использования в механизме правового регулирования других³.

Особенность российского права, тяготеющего по своей природе к праву континентального типа, обуславливает приоритетное, довлеющее значение нормативного акта и, прежде всего, закона. Однако объективные процессы развития права, в том числе сближение правовых систем, обуславливают растущее значение и роль иных, ранее считавшихся недопустимыми или как минимум нетрадиционными источников права, в частности, судебных прецедентов.

Особое значение эти иные, кроме закона, источники Особенной части уголовного права приобретают в настоящее время, в связи с повсеместно признаваемым снижением качества законотворческой деятельности и меняющейся конфигурацией распределения сил между законодательной и

---

¹ См.: Бойко А.И. Системная среда уголовного права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008; Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук. – М., 2013; Ображиев К.В. Система формальных (юридических источников) российского уголовного права: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014; Сильченко Н.В. Проблемы иерархии источников права // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 13 – 20 и др.

² Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук. – М., 2013. – С. 8 – 9.

³ Белоусов С.А. К вопросу о балансе в системе источников российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 44.

исполнительной властью. И хотя роль закона и законодателя не подвергается сомнению, дефекты законодательной техники (объективные и субъективные) и усиление регулирующих возможностей исполнительной власти создают некоторый дисбаланс в системе правовых источников, который компенсируется (с различной степенью качества) именно системными свойствами источников, наличием между ними содержательных и организационно-иерархических связей.

В этом отношении важными представляются суждения специалистов, признающих, что «достижение баланса соотношения источников права в российской правовой системе возможно при соблюдении следующих условий: признании приоритета нормативного правового акта перед иными источниками права, не означающего, однако, лишения либо умаления их юридической силы; соблюдении субсидиарного характера применения «нетрадиционных» источников права; оперативном реагировании законодателя на резкое увеличение удельного веса использования того или иного «нетрадиционного» источника права в конкретной сфере, в частности, посредством принятия нормативных правовых актов, регулирующих соответствующий участок общественных отношений; поддержании единого «духа» всех источников права (наличия у них общих идейных, доктринальных, оснований)»¹.

Подводя итог исследованию вопроса о методологических основаниях познания источников Особенной части российского уголовного права, представляется возможным сформулировать некоторые базовые выводы:

- теория источников уголовного права должна с необходимостью включать в себя рассуждения о субъектах, наделенных правом создания уголовно-правовых норм, факторах, которые они учитывают при определении содержания уголовно-правового запрета, и формах, которые ими используются для объективизации уголовно-правовых предписаний;

---

¹ Белоусов С.А. К вопросу о балансе в системе источников российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 48.

- источником российского уголовного права, в смысле силы, творящей уголовно-правовые предписания, может выступать только государство в лице его федеральных органов, выражающих в сфере публичных отношений уголовно-правовую волю народа, в связи с чем международное сообщество и государственно-правовые образования в составе России не могут выступать авторами уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права;

- источником российского уголовного права, определяющим необходимость конструирования и содержания уголовно-правовых предписаний его Особенной части, выступает оценка социальных факторов объективного и субъективного порядка, которая в процессе формирования государственной уголовно-правовой воли обеспечивает надлежащее качество уголовно-правовых норм;

- источником российского уголовного права в смысле форм объективизации его нормативных предписаний выступают исключительно правовые документы, содержащие уголовно-правовую информацию, рассчитанную на обязательное и многократное использование адресатами уголовно-правовых норм;

- центральный элемент нормативного предписания Особенной части уголовного права – взаимосвязанное описание состава преступления и санкции – содержится только в федеральном уголовном кодексе. Однако дополнительная информация, необходимая для раскрытия смысла этого предписания, может содержаться в иных источниках, в частности, в источниках конкретизации и источниках толкования уголовно-правового предписания Особенной части уголовного права;

- такой подход к пониманию источников Особенной части уголовного права позволяет: учесть полисемичность термина «источник права», обеспечить системную связь учения об источниках уголовного права с вопросами определения природы отрасли и компетенции органов государственной власти в уголовно-правовом регулировании, связать

воедино проблемы социальной обоснованности уголовного закона и юридической техники, совместить наличие правообразующего, правоконкретизирующего и правотолковательного уровней уголовно-правового регулирования, совместить представления о полиисточниковом характере отрасли уголовного права и конституционным правилом ограничения прав и свобод исключительно федеральным законом.

§ 2. Источники формирования Особенной части российского уголовного права

Исследование источников формирования нормативных уголовно-правовых предписаний («материальных», «социальных» источников) должно составлять обязательный компонент общего учения об отраслевых источниках права. В методологическом отношении источники Общей и Особенной части уголовного права, безусловно, представляют единый комплекс факторов, учитывая, с одной стороны, единую основу формирования уголовно-правовых норм, и с другой стороны, - относительную условность деления уголовного права на Общую и Особенную части. Однако, принимая во внимание цели и задачи нашего исследования, полагаем, что с методической точки зрения самостоятельное изучение источников формирования предписаний Особенной части уголовного права является и вполне возможным, и оправданным, тем более что именно Особенная часть уголовного права выражает собой характер отрасли и ее основное предметное содержание.

Вопрос о социальных источниках Особенной части уголовного права в качестве самостоятельной темы в научной литературе до сегодняшнего дня не рассматривался. Тем не менее, исследователи всегда прямо или косвенно затрагивали его в рамках анализа проблем социальной обусловленности уголовного права. В этой части науки накоплен определенный опыт, который требует своего обобщения и дальнейшего развития.

Прежде всего, стоит отметить, что вопросы обусловленности уголовного закона (в том числе его Особенной части) факторами внешней, социальной среды освещаются в научных сочинениях с использованием различной терминологии¹. При всей условности любого термина, тем не менее, надо признать, что каждый из них скрывает свои особенные нюансы раскрываемой проблемы, задает определенные ограничения и направления научного поиска. В силу этого, научные концепции в рассматриваемой части, хотя и оказываются близкими по содержанию, в тоже самое время сложно сопрягаются друг с другом и слабо поддаются обобщенному сравнительному анализу.

Так, например, О.Н. Бибик прямо использует термин «социальные источники уголовного права», понимая под ними, однако, как явления, влияющие на возникновение уголовно-правовых норм, так и определяющие содержание данных норм в момент их реализации².

В тоже время Н.И. Пикуров, пусть и не вполне явно, но дифференцирует обстоятельства, которые, с одной стороны, способствуют «порождению» уголовно-правовых норм, а с другой стороны, составляют основу их реального функционирования. Для обозначения совокупности социальных норм, институтов и явлений, составляющих среду функционирования уголовно-правовых норм, им используется термин «инфраструктура уголовного права», которая включает как общесоциальные явления, так и юридические, лежащие вне границ отрасли³.

Это аспект дифференциации представляется весьма важным. Социальные обстоятельства, порождающие уголовно-правовые нормы, и сопутствующие их применению, хотя и взаимосвязаны, а порой и совпадают, выполняют в процессе функционирования уголовного права принципиально различные роли. Одни – обуславливают генезис норм, другие – внешнюю

---

¹ См. об этом подробнее: Аслаян Р.Г. Социальные источники особенной части уголовного права // Азиатско-тихоокеанский регион экономика политика право. – 2022. – № 4. – С. 193 – 112.

² Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – С. 6.

³ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 95 – 96.

среду их реализации. В силу того, что процесс генезиса и функционирования уголовно-правовых норм не является прерывистым, дискретным, одни и те же факторы могут как продуцировать появление уголовно-правовой нормы, так и составлять условия ее реализации в настоящий момент. Но в силу динамики социально-исторического процесса, сами эти факторы, их содержание могут существенным образом меняться во времени. И в таких обстоятельствах вопрос о совпадении рассматриваемых факторов приобретает особое значение. Он непосредственно связан с проблемой толкования уголовно-правовых норм: должно ли выяснять смысл нормы в контексте обстоятельств, которые сопровождают ее применение, или же смысл нормы необходимо выяснить в контексте факторов, которые ее породили? могут ли исторические обстоятельства появления уголовно-правовой нормы предопределять ее содержание в настоящий момент? могут ли изменившиеся социально-исторические условия менять смысл неизменного текста уголовного закона? Обсуждение этих вопросов выходит за пределы нашей работы, но сама их постановка однозначно свидетельствует о том, что социальные источники и социальная инфраструктура уголовного закона – хотя и связанные, но качественно различные феномены. В силу этого, *настаивая на предпочтительности использования в целях нашей работы термина «источник» (а не инфраструктура), полагаем необходимым ограничить его понимание только теми социальными факторами, которые способствуют порождению уголовно-правовой нормы.*

Следующее значимое расхождение в терминологии, которое влияет на объем и содержание исследуемого нами понятия «социальный источник Особенной части уголовного права», заключается в характеристике самого объекта, который продуцируется теми или иными социальными обстоятельствами. Ограничиваясь в данном случае правовыми предписаниями Особенной части уголовного права, выделим несколько подходов.

Наиболее широко представлено в научной литературе учение о социальной обусловленности процессов криминализации. В его рамках обосновывается понятие и система социальных факторов, оснований (или иными словами – причин) законодательного закрепления и конструирования того или иного состава преступления. Так, Г.А. Злобин определяет основания криминализации как «процессы, происходящие в материальной и духовной жизни общества, развитие которых порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей». Это то, что создает «действительную общественную потребность в уголовно-правовой новелле, внутреннюю необходимость возникновения правовой нормы», «действительные предпосылки, социальные причины возникновения или изменения уголовно-правовой нормы»¹. По сути, аналогичная позиция А.В. Грошева, который к основаниям криминализации причисляет все факторы, характеризующие социальную обусловленность уголовно-правового запрета, то есть «различные социальные явления, относящиеся к общественному бытию и общественному сознанию»².

И хотя в работах, посвященных вопросам криминализации, термин «социальный источник», как правило, не употребляется, анализ содержания факторов криминализации показывает фактическую идентичность их перечня тем обстоятельствам, которые в иных сочинениях признаются социальными источниками формирования уголовно-правовых норм. Иными словами, предметом генезиса в рамках данного подхода выступает состав преступления, а исследования специалистов сосредоточены на факторах, его порождающих.

Иной подход демонстрирует концепция С.А. Маркунцова, который концептуализируя понятие «уголовно-правовой запрет», проводит его тонкое отличие от понятия «состав преступления». Автор указывает, что состав преступления – это исключительно доктринальная конструкция, тогда как

---

¹ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – С. 204 – 206.

² Грошев А.В. Правосознание в системе оснований криминализации общественно опасных деяний // Российский юридический журнал. – 2003. – № 5. – С. 54 – 58.

уголовно-правовой запрет – конструкция законодательная. На основе одного запрета могут формулироваться несколько составов преступлений. При этом уголовно-правовой запрет определяется им как базовое (основное) нормативно-правовое предписание, ядро запрещающей уголовно-правовой нормы, отражающее ее основное назначение. Однако уголовно-правовой запрет и уголовно-правовая норма – понятия нетождественные. Норма в его трактовке, фактически состоит из двух предписаний: собственно запрета и предписания, содержащего наказания за потенциальное нарушение уголовно-правового запрета. Последние нормативно-правовые предписания, по мнению С.А. Маркунцова, являются производными и вспомогательными по отношению к первым. Они напрямую зависят от вида, социальной обусловленности уголовно-правовых запретов и ряда других факторов¹.

Противопоставляя таким образом, состав преступления и нормативное предписание, выделяя два вида предписаний (запрет и санкцию), С.А. Маркунцов уделяет специальное внимание вопросу о факторах формирования уголовно-правовых запретов. При этом он пишет: «Употребление понятия “социальные источники” применительно к уголовно-правовым запретам ... представляется не вполне удачным. В этом смысле более целесообразным является использование понятия “истоки уголовно-правовых запретов”. Лексически по одному из значений термины “источники” и “исток” являются синонимами. В то же время в последнем случае не возникает терминологических коллизий с устоявшимся в юриспруденции понятием “источник права”»².

Обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, в предлагаемых обстоятельствах автор отказывается в использовании слова «источник» исключительно по причине его терминологической коллизии с понятием

---

¹ Маркунцов С.А. Особенности правовой оценки конкретного уголовно-правового запрета // *Lex Russica*. – 2016. – № 2. – С. 105 – 106; Маркунцов С.А. Состав преступления и уголовно-правовой запрет как юридические конструкции // *Юридическая техника*. – 2013. – № 7-2. – С. 477 – 478. Эта позиция разделяется и некоторыми иными исследователями, см., например: Авдеева М.В. Уголовно-правовая норма и уголовно-правовой запрет // *Законодательство и экономика*. – 2012. – № 6. – С. 42 – 49.

² Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – С. 180.

«формальный источник отрасли». На такие терминологические «игры» можно не обращать принципиального внимания. Во-вторых, и это главное: С.А. Маркунцов сознательно выводит за пределы уголовно-правового запрета санкцию уголовно-правовой статьи Особенной части, в связи с чем ограничивает рассуждения об источниках только источниками самого запрета. В этом случае остается без ответа вопрос о наличии и содержании социальных источников формирования санкции. Автор говорит о том, что санкция зависит от социальной обусловленности запрета, однако из этого вовсе не вытекает с необходимостью, что она формируется теми же социальными источниками.

Эту особенность трактовки понятия «уголовно-правовой запрет» и его «истоков» критикует Ю.Е. Пудовочкин. По его мнению, «исключение наказуемости из содержания уголовной запрещенности деяния вряд ли возможно по определению; деяние не может быть запрещено уголовным законом без установления за него санкции». На этой основе автор фактически отождествляет уголовно-правовой запрет и уголовно-правовую норму. И указывает далее, что запрет, трактуемый в смысле действий государства по установлению уголовно-правовой нормы и самой этой нормы, должен быть обусловлен, причем «когда речь о социальной или иной обусловленности запрета, то целесообразно перенести рассуждения в область его установления – криминализации и пенализации с тем чтобы выяснить условия и критерии, исходя из которых та или иная норма будет оцениваться как социально обусловленная»¹.

На этих же позициях строит свои рассуждения Н.Т. Идрисов: «социальное веление не совершать общественно опасные акты поведения только тогда является уголовно-правовым запретом, когда обязательность его соблюдения подкреплена принудительной силой и неблагоприятными последствиями в случае нарушения. ... невозможно признать то или иное

---

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 137, 138.

деяние преступлением, не установив его наказуемость. ... уголовно-правовой запрет может существовать, только если он санкционирован неблагоприятными последствиями его нарушения, санкция в запрете есть обязательная составляющая часть общественного веления (требования)»¹.

Заметим, что такое различное понимание уголовно-правового запрета (как включающего или не включающего в себя наказуемость) вполне коррелирует известной дискуссии по поводу объема понятия криминализация. Если некоторые авторы ограничивают его исключительно вопросами установления преступности деяния (то есть конструирования состава преступления), то по мнению других криминализация в широком смысле включает в себя также и нормативное решение вопросов наказуемости, объемлет собой процессы пенализации².

Полагаем, что в процессе познания социальных факторов, продуцирующих уголовно-правовые запреты, жесткое разделение «криминальной» и «пенальной» части является нецелесообразным и методологически неверным. С учетом взаимной связи и предопределенности, источники криминализационного (устанавливающего преступность) и пенализационного (устанавливающего наказуемость) компонента уголовно-правового предписания Особенной части уголовного права (и уголовно-правовой нормы в целом) должны рассматриваться как единая совокупность факторов. И в этом отношении *между источниками формирования уголовно-правового запрета, источниками криминализации и источниками Особенной части уголовного права нет и не может быть содержательных расхождений.*

В тоже время в исследовательских целях есть потребность в тонкой дифференциации источников, детерминирующих диспозиционную и санкционную часть правовых предписаний Особенной части уголовного права.

---

¹ Идрисов Н.Т. Механизм уголовно-правового запрета // Юридическая наука. – 2021. – № 4. – С. 131.

² См. об этом: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 91 – 93.

В науке вполне обоснованно отмечается, что основания криминализации деяний могут быть представлены в двух группах: социальные и криминологические. «Социальные основания предполагают существование и развитие негативных явлений в экономической, социальной, политической и духовной жизни общества. ... Криминологические основания предполагают существование и распространение определенных видов общественно опасных деяний, влекущих необходимость введения уголовно-правового запрета»¹. Эти социальные и криминологические факторы в значительной степени формируют именно диспозитивную часть уголовно-правового запрета. Источники запрета здесь неразрывно связаны с основаниями криминализации. Однако санкционная часть уголовно-правового предписания детерминируется не только, а скорее всего, не столько этими социально-криминологическими факторами, сколько обстоятельствами, содержание которых восходит к принципам уголовно-правовой политики государства, к основным идеям уголовно-правовой доктрины и уголовно-правовой концепции. Иными словами, социальные источники санкционной части уголовно-правового предписания несут на себе более выраженный уголовно-политический, нежели социально-криминологический отпечаток.

Анализ вопросов криминализации, структуры уголовно-правового запрета и структуры уголовно-правового предписания в контексте социальных источников отрасли уголовного права выявляет еще одно значимое обстоятельство. Речь идет о том, что высказанные в науке суждения о социальных источниках, отчасти различающиеся, но во многом принципиально совпадающие, по сути, никак не связаны с авторскими построениями относительно системы так называемых формальных источников отрасли. Вне зависимости от того, признают ли специалисты полиисточниковый характер отрасли либо поддерживают идею о признании

---

¹ Зыков Д.А., Шеслер А.В. Понятие, основание и принципы криминализации и декриминализации деяний // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 1 (26). – С. 86.

уголовного кодекса ее единственным формальным источником, они ведут линейные построения теории источников социальных.

Представляется, что здесь имеется повод и для критики, и углубления теории. На наш взгляд, все то, что именуется в науке социальными источниками, справедливо считать факторами, порождающими содержание именно уголовного закона, и прежде всего, его Особенную часть с системой уголовно-правовых запретов и составов преступлений. Прямого детерминирующего воздействия на иные формальные источники (будь то постановления Пленума Верховного Суда РФ, судебные прецеденты и т.д.), многообразные социальные факторы по сути своей не оказывают. В условиях, когда закон принят и вступил в действие, эти социальные факторы трансформируются в то, что Н.И. Пикуров назвал «социальной инфраструктурой» уголовного права. Связь этих факторов с уголовным правом становится не детерминационной (порождающей), а координационной. Социальные факторы в этом случае позволяют уточнить конкретизировать содержание уголовно-правового предписания, они могут влиять на понимание его объема и содержания, но они не обуславливают самого этого предписания. По этой причине здесь и в дальнейшем изложении надо принять во внимание два значимых обстоятельства: во-первых, *социальные источники уголовного права должны пониматься как источники именно уголовного закона, а не какого-либо иного уголовно-правового акта*; во-вторых, необходимо проводить тонкое различие между социальной детерминацией уголовно-правовых норм и социальной инфраструктурой их реализации.

В завершение обзора теоретических проблем познания факторов формирования Особенной части уголовного права еще одно терминологическое наблюдение. В цитированных выше работах Ю.Е. Пудовочкин рассматривает различные «основы» уголовно-правового запрета, характеризуя по факту все то, что С.А. Маркунцов именует «истоками», а О.Н. Бибик – «социальными источниками». Вместе с тем, некоторые авторы

выступают категорически против отождествления «основ» и «источников». «Подмена основания уголовного права его социальным источником (или истоком, как предлагает С. А. Маркунцов) вообще недопустима, - пишет А.А. Дегтярев. Согласно толковым словарям одно из значений слов «источник» и «исток» – соответственно, то, что дает начало к чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь; начало, первоисточник чего-нибудь. Следовательно, в этом случае вообще речь идет об ином, а не об основании уголовного права вообще и уголовно-правовой нормы в частности. ... [О.Н. Бибик] говорит об источниках как явлениях, которые влияют на возникновение соответствующих уголовно-правовых норм. Влиять – оказывать влияние, т.е. воздействовать на кого-то, чего-то. В такой интерпретации значения социального источника в генезисе нормы он вообще не имеет отношения к основанию уголовно-правового запрета (например, влияние лобби на принятие определенной нормы Уголовного кодекса)»¹.

Оценивая эту часть дискуссии, полагаем необходимым отметить, что поиск фундаментальных содержательных отличий между основами и источниками, хотя и представляет познавательный интерес, не должен уводить в сторону от главного: используя любой термин, специалисты, по сути, говорят об одном и том же – о тех обстоятельствах, которые детерминируют наличие, номенклатуру и содержание предписаний Особенной части уголовного права. В этом смысле отождествление основ и источника вполне допустимо, равно и как ограничение понятия источника только теми факторами, которые оказывают детерминирующее влияние на Особенную часть уголовного права.

Как видим, уголовно-правовая теория в части познания социальных источников уголовного права, в том числе его Особенной части, с одной стороны, давно выработала общее понимание того, что таковые имеются и должны быть в обязательном порядке исследованы, но с другой стороны, не

---

¹ Дегтярев А.А. Необходимость уголовно-правовой охраны политической системы России: теоретический аспект // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 1. – С. 22.

пришла к некоему методологическому консенсусу ни в терминологическом отношении, ни в методическом, ни в содержательном.

Это обстоятельство отражается и на номенклатуре тех факторов и явлений социальной жизни, которые специалисты относят к числу социальных источников отрасли уголовного права.

Так, например, З.А. Незнамова, рассуждая о «материальных источниках» уголовного права, и понимая под ними «те силы, которые творят закон, те истоки, которые питают нормы права, те материалы, которые положены в основу того или иного законодательства», причисляет в их разряд, не предлагая классификации, следующие источники: государственную власть, правосознание, правовой обычай, Конституцию, общепризнанные принципы и нормы международного права¹. Минуя этап классификации источников, Ю.Е. Пудовочкин в своей работе говорит о социально-криминологических, этических, международно-правовых и культурно-исторических основах уголовно-правового запрета².

Согласно концепции С.А. Маркунцова, истоки уголовно-правовых запретов – это факторы, которые оказывают влияние на их формирование и реализацию. Автор делит их на две группы. К социальным истокам, обусловленным общественными потребностями или иными социально-индивидуальными факторами, он относит: 1) собственно социальные; 2) социально-психологические; 3) морально-нравственные истоки. К основаниям уголовно-правовых запретов или истокам, обусловленным или опосредованным государственно-властными отношениями, следует отнести, по его мнению: 1) культурно-исторические; 2) экономические; 3) политические; 4) системно-правовые основания³.

О.Н. Бибик социальные источники уголовного права также классифицирует на две группы: 1) объективные источники (общественные

---

¹ Уголовное право. Общая часть. Учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 58 – 68.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 141 – 176.

³ Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – С. 181, 183 – 184.

отношения в конкретных сферах жизни общества, нормы иных, кроме уголовного права, социальных регуляторов (религиозные, моральные, политические и иные), положения, выработанные правоприменительной практикой, наука уголовного права и др.); 2) субъективные источники (сознание, подсознание, иные психические явления, влияющие на формирование и реализацию уголовного права»¹.

Столь существенные различия в номенклатуре социальных источников уголовного права, на наш взгляд, не могут быть в полной мере оправданными. Проистекают они, как представляется, из недостаточной проработанности самого понятия и смысла социального источника уголовного права.

Если исходить из того, что источник – это некий объективный феномен, не связанный с понятием «субъект правотворчества», то рассуждения о признании социальным источником государственной власти можно проигнорировать.

Что же касается иных феноменов – религиозных, моральных, культурных норм, экономических, социальных и иных отношений, то их категоричное признание социальными источниками отрасли вызывает ряд существенных вопросов, совокупный ответ на которые дает основание усомниться в справедливости представленных авторских рассуждений.

Во-первых, учитывая многомерность социального пространства, *дать исчерпывающий перечень социальных факторов, продуцирующих уголовно-правовые запреты, в принципе невозможно*. А потому любое их изложение будет изначально ограничено субъективными предпочтениями и интересами исследователей, уровнем их компетенции и глубиной проникновения в социальную (не уголовно-правовую) материю, что закономерным образом ограничивает получение объективных данных о социальных факторах формирования уголовно-правовых норм.

---

¹ Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр пресс, 2006. – С. 59.

Во-вторых, принимая во внимание всеобщую связь социальных явлений, надо признать, что, пожалуй, нет в сфере социальных отношений какого-либо фактора, который не оказывал бы влияние на конструирование предписаний уголовного права, в той же мере, в какой бы он не оказывал влияние на формирование иных правовых норм и социальных стандартов. С этой точки зрения социальным источником уголовного права может быть признано, пожалуй, все; равно как и все перечисленные социальные факторы могут быть признаны источниками всего в области права, что в конечном итоге делает рассуждения о социальной детерминации уголовно-правовых норм лишены какой-либо специфики. С этой точки зрения крайне сложно признать справедливость суждения о том, что под источником уголовного права в материальном смысле понимаются «материальные условия жизни общества или способ бытия людей, т.е. совокупность исторических, экономических, политических, географических, климатических, нравственных факторов, характеризующих социально-духовный мир конкретного народа и его материальную жизнь»¹.

В-третьих, *учение о социальных источниках уголовного права должно развиваться как составная часть уголовно-правовой науки и в этом смысле специалисты в области уголовного права должны обладать достаточной компетенцией и квалификацией для того, чтобы исследовать сами эти источники.* Вместе с тем, включение в предмет науки уголовного права многочисленных и разнообразных социальных, социально-психологических факторов (а в трактовке О.Н. Бибика – и факторов подсознательных), создает серьезные угрозы того, что рассуждения о них отраслевых специалистов будут, как минимум, поверхностными; уровень образования и профессиональных возможностей «отраслевиков» для их изучения полагаем явно недостаточным.

---

¹ Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2022. – С. 115 (автор – Ю.В. Грачева).

С учетом этих замечаний, думается, что понимание социальных источников уголовного права (в том числе его Особенной части) должно быть скорректировано. В качестве методологически оправданного решения полагаем возможным использовать наработки, которые представлены в смежной отрасли знания – в криминологии – по вопросам социальной детерминации преступности в контексте понимания предмета и пределов криминологии. Размышляя над этой проблемой М.М. Бабаев пишет, что традиционный подход, предполагающий включение в предмет криминологии социальных факторов, порождающих преступность, является крайне уязвимым, поскольку грозит перерождением криминологии в «супернауку», лишенную должной строгости и компетентности. А потому, криминолог должен исследовать не сами причины преступности, не факторы, влияющие на ее детерминацию, а связь преступности с порождающими ее факторами, сознательно и ответственно ограничивая свою исследовательскую область познанием этой связи. Автор пишет: «Предмет криминологии – в той части, о которой идет речь – это преступность и ее связь с негативными социальными явлениями и процессами, выступающими в роли ее причин и условий. Хочу акцентировать внимание на различии формулировок при всем их сходном звучании: не «явления, связанные с ...», а «связь преступности с ...»¹.

Примеряя эти важные положения к проблеме социальных источников уголовного права, надо сказать, что *в предмет уголовного права должны входить не сами социальные факторы, порождающие существование и содержание уголовно-правовых предписаний, а связь уголовно-правовых предписаний с порождающими их социальными обстоятельствами.*

Отчасти на этот момент теории обращал внимание В.Н. Кудрявцев. Признавая, что одной из главных научных предпосылок законотворческой деятельности в сфере уголовного права выступает «глубокое изучение объективных общественных процессов – позитивных и негативных,

---

¹ Бабаев М.М. Предмет и пределы криминологии: категории науки и феномены практики // Криминологический журнал. – 2004. – № 1 (6). – С. 13.

определяющих как саму необходимость в уголовном законодательстве, так и его конкретное содержание», он вместе с тем отмечал, что «вся сложность, однако, заключается в том, чтобы найти научный переход от общих социальных процессов к конкретным правовым нормам и институтам»¹.

Отсюда – еще одно принципиальное уточнение. Использование категории «связь» или «переход» заставляет включить в орбиту рассуждений о социальных источниках уголовного права два момента.

Во-первых, социальные факторы, о которых принято писать как об источниках уголовно-правовых предписаний, никогда не детерминируют их непосредственно, напрямую. Между социальной действительностью и уголовным правом как системой норм всегда расположена область психического отражения, область общественного сознания (как обыденного, так и научного, в том числе юридического). «Именно через призму общественных установок проходит тот или иной вид поведения, и появляется его социальная оценка», и только следствием оценки выступает определенная форма реакции государства на деяния, - утверждает Л.М. Прокументов². Об этом убедительно писал В.М. Коган³. Об этом же, по сути, пишет Ж. Бертель: «Право возникает из коллективной воли различных групп, не обязательно какой-то нации, но и групп, действующих на внутри- или на наднациональном уровне; право является результатом влияния групп, объединенных по профессиональному, духовному признакам, групп давления (или лоббистских групп); право обусловлено различными интересами: экономическими, политическими, социальными»⁴. Развивая идею социально-психологической обусловленности уголовного права, В.В. Мальцев справедливо, на наш взгляд, указывает, что криминализация общественно опасных видов поведения базируется не на самих социальных

---

¹ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – С. 20.

² Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Томский университет, 2012. – С. 45, 46.

³ См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983. – С. 24 – 30.

⁴ Бертель Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. – М.: NOTA BENE 2000. – С. 105.

процессах и явлениях, порождающих необходимость уголовно-правового запрета, а на «отражении и оценке общественно опасного поведения»¹.

Во-вторых, оценка реальных явлений общественным сознанием, о которой идет речь, должна иметь некоторые формы своего объективного выражения. Это необходимый «промежуточный этап» между социальной реальностью и уголовно-правовыми предписаниями. Согласно одной из представленных в науке позиций (на наш взгляд, наиболее убедительной), уголовному праву не свойственно вмешиваться в процесс регулирования так называемых «позитивных общественных отношений». В.Г. Смирнов прямо и правильно пишет: «норма уголовного законодательства никогда не выступает самостоятельно, а формулирует только угрозу применения наказания в случае нарушения общественных отношений, организуемых нормами иных отраслей советского права, нормами нравственности или нормами общественных организаций»². Эту идею поддерживают современные авторы, отмечая, что «основанием криминализации выступает выявленная угроза причинения вреда отношениям, урегулированным позитивной отраслью права, устранение которой требует признания соответствующего деяния преступным»³.

Следовательно, между явлениями социальной реальности и уголовно-правовыми предписаниями можно вычлениить некую «буферную зону». Ее образует отраженная в общественном сознании оценка социальных явлений и процессов, а равно существующих угроз для их нормального существования и развития, которая объективируется в неких, вполне осязаемых формах. Формы объективизации этой оценки как раз и выражают собой «связь» уголовно-правовых норм с социальной реальностью или «переход» от социальной реальности к конкретным нормам и институтам. Именно в

---

¹ Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. 1. Введение в уголовное право. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 393 – 397.

² Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. – С. 31.

³ Герасимов А.М. Криминализация как инструмент политики государства в условиях инновационных преобразований // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 2. – С. 108.

этих формах и следует искать выражение того, что специалисты именуют социальными источниками уголовного права» (тезис о том, что социальный источник уголовного права есть не столько тот или иной фактор социальной действительности, но прежде всего, его оценка общественным и профессиональным сознанием, поддержали 57% опрошенных специалистов).

Сказанное подводит нас к мысли о том, что социальные источники нормативных предписаний Особенной части уголовного права могут быть адекватно, полно и системно проанализированы при условии, если: а) понимать под этими источниками оценку общественных явлений и процессов, вызывающих необходимость криминализации и пенализации общественно опасных деяний; ограничить исследовательских поиск формами их объективного выражения; б) признать, что такая оценка всегда имеет внешнюю, объективную форму своего воплощения, что позволяет ввести в научный оборот понятие «форма выражения социальных источников уголовного права»; в) ограничить исследовательский поиск выявлением и анализом этих «форм», поскольку именно они отражают наличие или отсутствие связи уголовно-правовых предписаний с социальной средой.

Категория *«форма выражения социальных источников»* Особенной части уголовного права, не исследовалась ранее в качестве самостоятельного феномена. Тем не менее, отдельные предпосылки к постановке вопроса о ее существовании можно встретить в литературе. Так, рассуждая о социальных источниках права, некоторые специалисты отмечали, что они могут иметь формализованное (акты, сборники, составленные по приказу государственных органов и др.) выражение¹. В цитированных выше работах З.А. Незнамова, О.Н. Бирик социальными источниками уголовного права называли Конституцию РФ, международные договоры, иные правовые документы и положения правовой доктрины.

---

¹ Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 11.

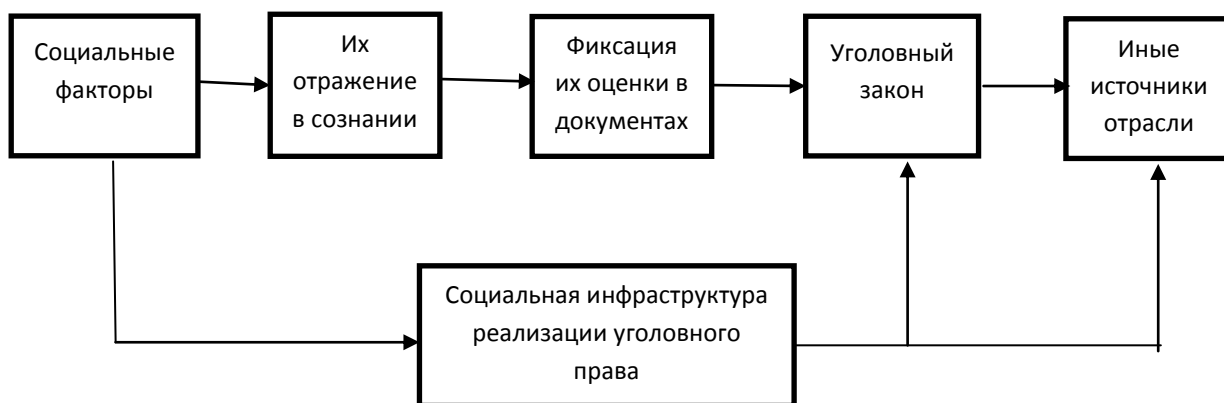
Эти идеи в понимании социальных источников уголовного права (и прежде всего, его Особенной части) следует концептуализировать с тем, чтобы на их основе представить механизм воздействия социальных факторов на процессы детерминации уголовно-правовых предписаний.

Представляется, то «формализованное выражение» должен иметь любой социальный источник уголовного права. Без этой надлежащей формы он оказывается недоступным для непосредственного восприятия и оценки со стороны специалистов в области уголовного права. Более того, эта «форма» отражает то, что было нами названо «связью» или «переходом» факторов социальной реальности в уголовно-правовое поле.

В итоге, *механизм социальной детерминации уголовно-правового запрета может быть представлен в виде последовательной схемы: наличие реальных социальных факторов – отражение этих факторов в общественном сознании – фиксация оценки этих факторов в объективных документах – влияние оценок на уголовное правотворчество.* При таком подходе первые две стадии детерминации можно рассматривать как находящиеся за пределами уголовно-правовой науки; их исследование – удел социологии, экономики, политологии, социальной и политической психологии и иных наук. В рамках же собственно уголовно-правовых исследований проблематика социальной обусловленности уголовно-правовых запретов может быть ограничена изучением результатов оценки социальных факторов и ее влияния на уголовное законодательство.

Схематично и в общем виде описанный выше процесс социальной детерминации уголовно-правовых предписаний и их инфраструктурного сопровождения может быть представлен следующим образом (см. схему 1).

Схема 1. Социальная детерминация уголовно-правовых запретов

Ограничивая сферу отраслевого анализа социальных источников уголовно-правовых предписаний конкретными документами, отражающими оценку объективных реалий, детерминирующих возникновение и содержание уголовно-правовых норм, необходимо представить их основные виды.

Очевидно, что в современных условиях организации правотворческого процесса речь может идти только о тех документах, которые выражают научную, профессиональную оценку социальных факторов. Это крайне важно. Специалисты, исследующие факторы криминализации общественно опасных деяний, отмечают, что «в истории человечества существовал такой период, когда именно религия была одним из основных криминообразующих факторов, и одновременно одним из доминирующих оснований криминализации»¹; что на криминализацию порой существенным образом влияют традиции и карательные притязания населения²; что и в истории, в современных условиях «в отдельных случаях вывод о целесообразности внесения изменений в уголовный закон делается на основе негативной оценки отдельных событий, носящих не закономерный, а случайный характер», когда «идя на поводу у общественного мнения, переоценивающего социально-регулятивные возможности уголовной

¹ Георгиевский Э.В. Ранние религиозные верования и основания уголовно-правового запрета // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 1 (36). – С. 45.

² Зыков Д.А., Шеслер А.В. Понятие, основание и принципы криминализации и декриминализации деяний // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 1 (26). – С. 89.

репрессии, законодатель руководствуется при криминализации деяния не объективно существующей необходимостью, а субъективными оценками»¹.

Эти факты прошлого и настоящего должны служить предупреждением о недопустимости продуцирования уголовно-правовых предписаний искаженными оценками. Категорически нельзя согласиться с мнением о том, что «предрассудки общественного мнения являются существенной частью общественного сознания и не могут быть отброшены в процессе законотворчества»². Предрассудки на то и предрассудки, чтобы их преодолевать, особенно в ситуациях, когда речь идет о формировании системы общеобязательных норм, содержащих самые суровые из всех имеющихся в распоряжении государства санкции. Совершенно прав Г.А. Злобин, когда пишет о том, что «любая попытка изменить современное уголовное законодательство «традиционными методами», т.е. без учета требований системного подхода и без строгого научного обоснования каждой новеллы, оказывается недостаточно эффективной и чреватой нежелательными (и не учтенными своевременно) побочными социальными последствиями»³.

Научная, профессиональная оценка социальных явлений и процессов, требующих уголовно-правовой реакции, конечно, не может быть лишена неких субъективных компонентов. В области познания и оценки социальной среды, представления и предпочтения субъекта познавательной деятельности всегда в той или иной степени находят отражение в итоговых документах. Но это субъективизм иного плана, выражающий, с одной стороны, многомерность социального пространства и неоднозначность его оценок, а с другой стороны, свидетельствующий о плюрализме общественного мнения и создающий основу для выработки компромиссных, конвенциональных оценок, которые могут быть положены в основу уголовного правотворчества.

---

¹ Авдалян М.Э. Основание криминализации // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Т. 25, Вып. 3. – С. 142.

² Макаров Д. Экономические и правовые аспекты теневой экономики в России // Вопросы экономики. – 1998. – № 3. – С. 38 – 54.

³ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – С. 191.

Признавая, таким образом, множественность и плюралистический характер научных и профессиональных оценок социальных явлений и процессов, заметим, что в зависимости от субъекта формирования и формы выражения эти оценки могут содержаться в весьма разнообразных документах. В исследовательских целях все они могут быть объединены в несколько групп: а) доктринальные; б) общественно-политические; в) политико-правовые; г) правовые.

А) *Доктринальная форма выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний* представляет собой обьективированную в научных текстах систему профессиональных оценок социальной действительности, обосновывающих необходимость, целесообразность и прогностическую эффективность установления новых или корректировки существующих уголовно-правовых предписаний.

В последнее время в литературе все отчетливее слышны голоса специалистов, выступающих за разработку и утверждение отечественной (национальной) доктрины уголовного права. Однако доктрина уголовного права и доктринальная форма выражения социальных источников отрасли – не одно и то же. Доктрина определяется, как правило, в виде «официально признанного учения или научной концепции», «совокупности аксиоматических предположений»¹, «системы научно-политических тезисов, учитывающих текущую и прогнозируемую криминологическую ситуацию», «системы официальных государственных положений»². Главным признаком доктрины признается официальное признание ее положений со стороны государственных структур, общественного признания (как прямо заявляет А.К. Романов) – не требуется.

В контексте рассуждений о социальных источниках уголовного права в таком понимании доктрины есть существенная неточность. Во-первых, как только система взглядов и оценок и получит официальное признание и

---

¹ Романов А.К. Современное уголовное право: доктрина и кризис // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / под ред. Т. И. Заславской. – М.: Логос, 1999. – С. 234.

² Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russica. – 2014. – № 12 (Том ХСVII). – С. 1404 – 1405.

подтверждение со стороны государства (например, в виде утверждения Доктрины уголовного права), сама доктрина приобретет свойства политико-правового документа, станет официальной и общеобязательной. Это обстоятельство трансформирует форму выражения социального источника. А потому полагаем, что в нашем случае под доктриной целесообразно понимается «совокупность уголовно-правовых учений, определяющих основные теоретические подходы к решению вопросов преступности и наказуемости деяний»¹, то есть плюралистическое научное описание существующих проблем и их возможных решений. Второй момент, требующий уточнения, состоит в понимании содержания доктринальных источников. Как правило, исследователи указывают, что доктрина уголовного права есть «документ, содержащий уголовно-правовые стандарты»². Это верно. Но доктринальные формы выражения социальных источников уголовного права содержат в себе не сами стандарты отраслевого регулирования, а оценку социальной действительности через призму этих стандартов.

Соответствующие доктринальные тексты представлены не только собственно научными произведениями (диссертациями, монографиями, статьями и др.), обосновывающими направления оптимизации уголовно-правовых предписаний, но также произведениями концептуального, программного содержания, концентрированно выражающими основные идеи уголовного-правового регулирования в той или иной сфере общественных отношений (такова, например, Концепция модернизации уголовного

---

¹ Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 1. – С. 3 – 6.

² Турьшев А.А. Доктрина уголовного права // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и правоприменения. Материалы международной научно-практической конференции (г. Омск, 27 февраля 2009 г.). – Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-т, 2009. – С. 3 – 7.

законодательства в экономической сфере¹, а равно некоторые иные доктринальные концепции²).

Б) *Общественно-политическая форма выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний* представляет собой уголовно-правовую оценку действительности, объективированную в уставных и программных текстах общественных и политических организаций.

Этот вид источников практически не исследуется в нашей литературе. Между тем, он содержит массив ценной информации, отражающей оценку происходящих в обществе процессов и их перспектив различными общественными и политическими группами. В разряд таких источников следует отнести, в частности:

- программы политических партий. Едва ли не единственное исследование уголовно-правовых аспектов содержания программ российских политических партий, представленных в парламенте страны, доказывает, что основной пакет партийных уголовно-правовых предложений включает в себя шаги, направленные на ужесточение государственного контроля в различных сферах общественной жизни и ужесточение, в связи с этим, уголовной ответственности за отдельные виды преступлений (коррупция, незаконные валютные операции, рейдерство, нарушение трудового законодательства, пропаганда наркотиков, затягивание судопроизводства и др.)³;

- публичные доклады должностных лиц. К примеру, целый ряд предложений, направленных на совершенствование системы уголовно-правовых запретов в области предпринимательской и иной экономической деятельности, регулярно представляется в докладах Уполномоченного по

---

¹ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010.

² См., например: Александрова И.А. Теоретическая концепция уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1. – С. 75 – 86.

³ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Об отсутствии конкуренции уголовно-политических идей в российском политическом пространстве // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – Т. I. – С. 3 – 16.

защите прав предпринимателей в РФ¹, по совершенствованию системы защиты прав граждан – в докладах Уполномоченного по правам человека², специальные предложения в области защиты прав детей – в докладах Уполномоченного по правам ребенка³ и др.;

- социально ориентированные документы церковных организаций. В частности, особую оценку аборт, искусственного оплодотворения, суррогатного материнства, клонирования, трансплантационной деятельности, эвтаназии, сексуальной свободы, международных договоров и пр. содержит социальная доктрина Русской православной церкви⁴. Важные сведения о запретах и непозволительном поведении в сфере отношений собственности, хозяйственной деятельности, банковской деятельности, соотношении религиозной и иных видов социальной идентичности приведены в Социальной доктрине российских мусульман⁵;

- аналитические программные документы адвокатского сообщества⁶.

Разумеется, этими источниками общественно-политическая документация не исчерпывается.

В) *Политико-правовая форма выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний* представляет собой оценку социальной реальности с точки зрения потребностей в ее уголовно-правовом

¹ См., например: Уголовное преследование предпринимателей. Проблемы и предложения. Приложение к Докладу Президенту Российской Федерации. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/4.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).

² См., например: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (дата обращения: 12.02.2022).

³ См., например: Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 году. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/May2020/5IYpevfVd8zvvDAvGE47.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).

⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Приняты Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 15 августа 2000 г. // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018.

⁵ Социальная доктрина российских мусульман. 14 июня 2015 года. – М.: Издат. Дом «Алтын Мирас», 2017.

⁶ Доклад ФПА РФ об обеспечении прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации. 14.09.2009 г. URL: https://fparf.ru/upload/medialibrary/a0f/Doklad_ugolovno_pravovaya_politika.pdf (дата обращения: 12.02.2022); Резолюция об отношении к либерализации уголовного наказания в Российской Федерации. Принята V Всероссийским съездом адвокатов 26.04.2011 г. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/resolution-on-the-attitude-to-liberalization-of-criminal-punishment-in-the-russian-federation/> (дата обращения: 12.02.2022).

регулировании, которая выражена в официальных документах государства – утвержденных Президентом РФ основных направлениях внутренней и внешней политики, стратегиях, доктринах, концепциях.

Содержание оценок, представленных в документах такого уровня и вида, как правило, проходит «фильтр» доктринальных и общественно-политических оценок, и приобретает форму официального документа нормативно-политического свойства. Перечисление, а тем более полноценный анализ, всех таких документов может составить многостраничный текст. Однако некоторые, наиболее существенные документы, на наш взгляд, необходимо привести. Среди них:

- Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹;

- Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685²;

- Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»³;

- Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»⁴;

- Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы»⁵;

- Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»⁶;

---

¹ Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

² Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 12.02.2022).

³ Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 22. – Ст. 3475.

⁴ Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

⁵ Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1875.

⁶ Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.

- Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 год»¹;
- Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года»²;
- Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»³;
- Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»⁴;
- Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы»⁵;
- Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года»⁶;
- Распоряжение Правительства РФ от 17.02.2014 № 212-р «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года»⁷;
- Указ Президента РФ от 14.09.1995 № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)»⁸.

Это далеко не полный перечень документов стратегического характера. Но в каждом из них содержится принципиальной значимости раздел, посвященный оценке вызовов и угроз, которые сопровождают развитие той

---

¹ Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2546.

² Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 23. – Ст. 2927.

³ Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

⁴ Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 48. – Ст. 7710.

⁵ Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 11. – Ст. 1618.

⁶ Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 37. – Ст. 5543.

⁷ Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 9. – Ст. 927.

⁸ Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 38. – Ст. 3669.

или иной сферы общественных отношений, препятствуют этому развитию, создают риски наступления неблагоприятных последствий, и в силу этого требуют охранительной реакции со стороны государства. Такую оценку справедливо считать источником, детерминирующим развитие уголовного нормотворчества.

В общем массиве политико-правовых форм выражения социальных источников уголовного права особое место занимают соответствующие международные документы: декларации¹, резолюции², рекомендации³, стратегии⁴, планы⁵, документы периодических конгрессов ООН по предупреждению преступности⁶ и др. Они выражают оценку глобальных рисков общественной, государственной, личной, гуманитарной безопасности, и тем самым стимулируют национальные власти к развитию внутреннего законодательства, в том числе и уголовного, в направлении их предупреждения, минимизации последствий, изобличения и наказания лиц, виновных в причинении вреда.

Г) *Правовая форма выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний* представляет собой выраженную в нормативных правовых актах, то есть документах общеобязательного характера, оценку тех или иных угроз в качестве криминальных и заслуживающих уголовно-правовой ответственности, либо оценку тех или иных ценностей в качестве настолько значимых, что они требуют уголовно-правовой охраны.

Можно выделить три основных вида таких источников.

---

¹ См., например: Декларация ООН о преступности и общественной безопасности. Принята резолюцией 51/60 Генеральной Ассамблеи от 12.12.1996.

² Торговля женщинами и девочками. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН по докладу Третьего комитета 31-1.1997. A/51/612.

³ См., например: Рекомендация ОЭСР 2021 года о дальнейшей борьбе с подкупом иностранных государственных должностных лиц в международных деловых операциях. URL: <https://www.oecd.org/daf/anti-bribery/2021-oecd-anti-bribery-recommendation.htm> (дата обращения: 12.02.2022).

⁴ См., например: Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. A/RES/60/288.

⁵ См., например: План действий ООН по обеспечению безопасности журналистов и проблеме безнаказанности. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/un-plan-on-safety-journalists_ru.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

⁶ См., например: Четырнадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию Киото, Япония, 20–27 апреля 2020 года. A/CONF.234/PM.1.

Первым по своей значимости выступает Конституция РФ. Ее предписания о том, что защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2); что захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону (ч. 4 ст. 3); что государство обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (ч. 3 ст. 4); что в России признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8); что запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13); что запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19) и многие другие составляют высшую форму признания значимости тех или иных социальных интересов и тем самым легитимируют создание и применение необходимых для их охраны уголовно-правовых норм.

Второй вид представлен группой международных договоров, ратифицированных или подписанных Российской Федерацией. Они, как известно, могут содержать прямые обязательства государства по криминализации общественно опасных деяний и по внесению изменений в действующее уголовное законодательство. И в этом качестве выступают авторитетной формой социального источника отрасли.

Третью разновидность образуют отраслевые нормативные правовые акты РФ, которые содержат прямое указание на необходимость криминализации тех или иных действий либо на необходимость установления правовой ответственности за их выполнение. Так, например:

- ст. 1 Закона от 22.12.1992 № 4181-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека»¹ устанавливает, что «купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации»;

- ст. 31 Федерального закона от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»² предписывает, что «лица, виновные в совершении нарушения законодательства РФ об экологической экспертизе или в нарушении, повлекшем за собой тяжкие прямые или косвенные экологические и иные последствия, несут уголовную ответственность»;

- ст. 16 Федерального закона от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»³ определяет, что нарушение законодательства в области предупреждения распространения туберкулеза влечет за собой среди прочего и уголовную ответственность;

- ст. 6 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»⁴ устанавливает, что разглашение информации о получателях социальных услуг влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации;

- ст. 50 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵ провозглашает, что незаконное занятие народной медициной, а также причинение вреда жизни или здоровью граждан при занятии народной медициной влечет за собой ответственность, предусмотренную законодательством РФ; в ст. 56 сказано, что незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой административную или уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации; в ст. 69 – что лица, незаконно

---

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 62.

² Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4556.

³ Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 26. – Ст. 2581.

⁴ Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 7007.

⁵ Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

занимающиеся медицинской деятельностью и фармацевтической деятельностью, несут уголовную ответственность.

Подобного рода законы в силу прямого указания уголовно-правового принципа законности нельзя считать в строгом смысле законами об уголовной ответственности. Как отмечал М.И. Ковалев, «здесь имеет место простое пожелание или властное предложение, ... но еще нет уголовного закона как такового»¹. Вместе с тем, очевидно выраженное желание законодателя криминализировать те или иные деяния вполне позволяет согласиться с К.В. Ображиевым, предложившим воспринимать их в качестве генетических источников отрасли².

Изложенные формы выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний создают систему предельно четко выраженных профессиональных, общественных, политических, правовых оценок текущей и прогностической социальной ситуации, которые обуславливают необходимость (или возможность) эффективной охранительной реакции со стороны государства.

Вместе с тем, даже взятые в своей полной совокупности они отражают, пожалуй, только одну сторону проблемы социальной детерминации уголовно-правовых предписаний, а именно ту, что определяет необходимость и потенциальную возможность установления диспозитивной части запрета. Вопрос о том, какой должна быть санкционная часть (тип санкции, виды и размеры наказаний) на основании этих источников разрешить не представляется возможным. Они по природе своей не предназначены для этого. В силу данного обстоятельства, кстати, полагаем, что в приведенных выше законах, объявляющих о необходимости установления ответственности за то или иное деяние, законодателю следует избегать прямых указаний на вид ответственности, не стоит категорически формулировать положение о том, что они влекут уголовную ответственность.

---

¹ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. – С. 13.

² Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 239 – 241.

На этапе оценки общественных отношений с точки зрения возникающих для их нормального развития угроз, такой вывод преждевременен. Он требует дополнительного обоснования с учетом сугубо уголовно-правовых факторов.

Социальным источником, если допустимо так выразиться «внутреннего характера», *источником самодетерминации уголовно-правовых предписаний должна стать концепция уголовно-правовой политики* – политико-правовой документ, о необходимости которого в последние годы настойчиво говорят представители науки¹.

«Криминализация есть не благо, а необходимость пожертвовать одними интересами общества ради других, более значимых, - справедливо утверждает В.Ю. Левченко. - И прибегать к ней необходимо только в случае, когда иных способов воздействия не существует, когда применение альтернативных методов социального реагирования, включая не связанную с применением уголовного наказания репрессию, является неэффективным»². Определить сами эти «случаи» можно только с опорой на уголовно-политическую концепцию, имеющую под собой прочные философские, социологические, политологические, криминологические и иные основания, оправдывающие потенциальную эффективность как криминализации, так и отказа в установлении уголовно-правового запрета³. Эта же концепция должна содержать в себе концентрированное выражение оценок общественной опасности и ее дифференциации, которые могут стать основой для разработки санкций уголовно-правовых норм.

Исследование проблем, связанных с пониманием феномена социальных источников формирования нормативных предписаний Особенной части уголовного права, позволяет сформулировать несколько

---

¹ См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4 – 12; Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Цай К.А. Уголовная политика. Дорожная карта (2017 – 2025). – М.: ЦСР, 2017.

² Левченко В.Ю. Юридические и социально-психологические основания криминализации // Общество: политика, экономика, право. – 2009. – № 1-2. – С. 48.

³ См. об этом: Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2022. – С. 569 (авторы – М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин).

выводов, способствующих, как представляется, развитию общей теории отраслевых источников и социальной обусловленности уголовного права:

- влияние социальных факторов на функционирование уголовного права позволяет различать социальные источники отрасли и социальную инфраструктуру уголовно-правовых предписаний, причисляя к источникам факторы, которые обладают детерминирующим воздействием на появление и содержание уголовно-правовых запретов;

- детерминирующие уголовное право факторы социальной среды никогда не воздействуют на него непосредственно, но лишь будучи отраженными в общественном сознании, в связи с чем социальный источник отрасли – это всегда оценка тех или иных социальных процессов с точки зрения возможности и необходимости подключения уголовно-правовых средств для их защиты;

- отраслевое учение о социальных источниках уголовного права не может включать в свой предмет непосредственно сами факторы социальной среды (экономические, политические, культурные и т.д. отношения), в познании которых специалист в области уголовного права не обладает должной компетенцией, но только связь этих факторов с уголовным законодательством;

- оценка социальных факторов детерминации уголовно-правовых предписаний имеет внешнюю форму своей объективации, что позволяет ввести в научный оборот термин «форма выражения социальных источников», понимая под ней конкретные документы, отражающие научную, профессиональную оценку состояния общественных отношений, угроз для их нормального развития и потребность в уголовно-правовой охране;

- классификация форм выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний включает в себе доктринальные, общественно-политические, политико-правовые и правовые документы, которые в своей совокупности создают систему обоснованных и плюралистических оценок

текущей и прогностической социальной ситуации, обуславливающих необходимость (или возможность) эффективной охранительной реакции со стороны государства.

§ 3. Источники выражения Особенной части российского уголовного права

Уголовно-правовые предписания, содержательно обусловленные оценкой множественных факторов внешней социальной среды, должны получить адекватное выражение в некоторых внешних формах, совокупность которых традиционно признается «формальными» или «юридическими» источниками уголовного права¹. Изучение видов и системы этих источников составляет значимую часть общей теории уголовного права и по сегодняшний день вызывает оживленные дискуссии, продиктованные, как представляется, во многом идеологическими установками авторов и историческими традициями.

Один из принципиальных пунктов этих дискуссий состоит в обсуждении вопроса о том, является ли Уголовный кодекс РФ единственным источником отрасли уголовного права или не является таковым. Полярные позиции специалистов здесь известны. Если, к примеру, Н.А. Лопашенко последовательно говорит о том, что «уголовный закон является единственным источником российского уголовного права», что «уголовно-правовые нормы содержатся только в нем»², то В.П. Коняхин столь же убежденно пишет, что декларируемое в ч. 1 ст. 1 УК РФ положение о полной кодифицированности российского уголовного законодательства верно лишь в одном из значений понятия законодательства, а применительно к уголовному праву в целом оказывается юридической фикцией³. О

---

¹ См.: Асланян Р.Г. Система формальных источников особенной части уголовного права // Общество и право. – 2022. – № 3. – С. 11 – 16.

² Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 148, 144.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 106.

множественности формальных источников уголовного права утверждают сегодня многие специалисты¹, хотя эту идею нельзя признать принципиально новой, поскольку полиисточниковый характер уголовного права констатировался специалистами еще с середины XIX столетия.

Присоединяясь всецело и без дополнительных аргументов к точке зрения тех юристов, которые, не ограничиваясь УК РФ, выстраивают систему разнообразных отраслевых источников уголовного права, полагаем необходимым внести некоторые уточнения в непрекращающуюся дискуссию, которые, с одной стороны, кажутся нам очевидными, а с другой стороны, недооцениваются диспутантами, продолжая стимулировать споры там, где их можно избежать.

Представляется, что корень дискуссии кроется в исходной формуле – «источник уголовного права». Слово «право» в данном случае накладывает серьезные обязательства выстраивать рассуждения о его источниках в контексте и с учетом того или иного типа правопонимания. Если отталкиваться от идей нормативистской теории о том, что право есть система норм, то источником этой системы может быть только система источников, выражающих данные нормы, а если быть более точным – нормативные правовые предписания. Сами же эти нормативные предписания уголовного права, как известно, могут иметь весьма различающееся содержание, будучи предназначенными для объективации государственной воли по самым разным аспектам уголовно-правового регулирования. В связи с этим *вид источника напрямую предопределяется содержанием предписания.*

Как верно пишет Ю.Е. Пудовочкин, «этот, на первый взгляд, очевидный тезис мало востребован уголовно-правовой теорией, которая, как

---

¹ См., например: Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 64 – 75; Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006; Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2010; Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011. – С. 201 – 245 (автор главы – А.Э. Жалинский); Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 192 – 247; Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А. И. Чучаев. – М.: Проспект, 2022. – С. 115 – 164 (автор главы – Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков).

представляется, рассматривая все уголовно-правовые предписания в качестве равновеликих, не склонна к их градации»¹. Между тем, Н.И. Пикуров справедливо утверждает: «Обсуждая вопрос о множественности источников уголовного права, необходимо различать источник уголовно-правового запрета и уголовно-правовых последствий (наказания и иных мер уголовно-правового характера), источник правовых норм, регулирующих отдельные вопросы уголовного права, и источник правовых норм, используемых для конкретизации бланкетных признаков состава преступления. Уголовно-правовой запрет и уголовно-правовые последствия совершения преступления могут быть установлены только уголовным законом в силу прямого указания ст. 3 УК РФ. Отдельные вопросы уголовного права урегулированы нормами Конституции РФ и международного права. Что же касается конкретизации бланкетных признаков состава преступления, то источником этого нормативного материала могут быть нормы любой отрасли права»².

Эти ценные методологические рассуждения необходимо поддержать и углубить. Они приводят к важной мысли о том, *теория формальных отраслевых источников должна развиваться не столько как «теория источников уголовного права», сколько как «теория источников нормативных предписаний уголовного права»*. Терминологическое уточнение здесь существенно. Оно позволяет уже в самом первом приближении говорить о необходимости дифференцированного подхода к анализу источников выражения нормативных предписаний Общей и Особенной части уголовного права. И если в области познания источников нормативных предписаний Общей части уголовного права наука уже достигла существенных результатов³, то исследование источников выражения предписаний Особенной части остается все еще недостаточным. На наш взгляд, здесь сказывается некоторая «самоочевидность» решения вопроса,

---

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 182.

² Курс Российского уголовного права. Общая часть. Учебное пособие / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яценко. – М.: Экономика, 2010. – С. 104.

³ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 76 – 128.

которая лишает исследователей стимулов к их познанию, что в конечном итоге негативно сказывается на общей проработанности проблемы источников уголовно-правовых предписаний. Однако эта «самоочевидность» лишь кажущаяся. Она скрывает ряд принципиально значимых вопросов теории и практики применения уголовного закона, на которые необходимо обратить специальное внимание.

Нормативное предписание Особенной части уголовного права, если не углубляться в детали на данном этапе исследования, содержательно наполнено описанием основания применения мер уголовно-правового принуждения и самих этих мер, которые могут быть применены к лицу, совершившему преступление. Эти предписания, иными словами, «предусматривают уголовную ответственность». Согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ, уголовное законодательство РФ состоит из уголовного кодекса, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ. *Из прямого указания закона необходимо в первом приближении заключить, что источником нормативных предписаний Особенной части уголовного права может быть только УК РФ.*

Однако эта общая и, в целом, верная формула нуждается в детализации и уточнении.

Первое – это вопрос о полной кодификации нормативных предписаний, устанавливающих уголовно-правовые запреты. Как известно, истории отечественного права известны периоды, когда в стране действовало несколько законов об уголовной ответственности. Это и имперский период с самостоятельными Уложениями о наказаниях для отдельных территорий государства (Царства Польского, Княжества Финляндского), и советское время с самостоятельными уголовными законами об ответственности за воинские и некоторые антигосударственные преступления. Множественность законов, формулирующих предписания об ответственности за преступления свойственна и некоторым современным странам (ФРГ, США и др.), причем множественность эта выражается в сосуществовании федеральных законов и

законов множества субъектов федерации (как, например, в США¹); в наличии, наряду с общим уголовным кодексом, отдельных кодифицированных актов уголовно-правового содержания (например, Кодекса международного уголовного права в Германии²); во включении дополнительных уголовно-правовых запретов в отраслевое регулятивное законодательство (например, в источники экономического права³). Выбор такой конструкции определяется и особенностями государственного устройства, и правовыми традициями, и спецификой того или иного исторического момента; не станем углубляться в дальнейшее обсуждение. Однако обратим внимание на текущую ситуацию в российском праве и российской правовой науке.

Отечественные специалисты неоднократно высказывали идеи о том, чтобы на уровне отдельных от УК РФ, самостоятельных законов провести криминализацию некоторых преступных деяний. Так, например, Т.В. Кленова пишет, что «вместо введения в УК РФ главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, в которой большинство запретов являются новыми для российского уголовного законодательства, можно было принять отдельный закон с соответствующим содержанием»⁴. А.А. Толкаченко и Н.А. Петухов со ссылкой на прежнюю редакцию ч. 3 ст. 331 УК РФ утверждали о необходимости разработки и принятия самостоятельного источника военно-уголовного права – Военно-уголовного закона (кодекса) РФ⁵. Потенциально можно рассуждать о самостоятельных

---

¹ См. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – С. 17 – 30.

² См. об этом: Богущ Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления. Модель имплементации в российское уголовное законодательство. – М.: Проспект, 2019. – С. 11.

³ См. об этом: Есаков Г.А. Экономическое уголовное право. Общая часть. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. – С. 46 – 47.

⁴ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самар. ун-т, 2001. – С. 235 – 236.

⁵ Петухов Н., Толкаченко А. К вопросу о совершенствовании военно-уголовного законодательства Российской Федерации // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 56. В настоящий момент это предложение утратило свою актуальность. Согласно положениям Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 39. – Ст. 6535) часть 3 статьи 331 УК РФ признана утратившей силу. Однако в теоретическом отношении, как исторический пример

законах об уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества, об ответственности за террористические и некоторые иные виды преступлений.

С идеей дифференциации и децентрализации уголовного законодательства выступил также Н.И. Пикуров. Рассуждая о взаимосвязи централизованного уголовного закона в разрозненными бланкетными источниками, он пишет: «вполне можно рассмотреть целесообразность обратного хода: не нормы позитивного регулирования связываются с одной-двумя нормами УК РФ, а наоборот – уголовно-правовые санкции включаются в ткань некоторых комплексных или моноотраслевых законов, регулирующих специфические общественные отношения (налоговые, таможенные и т.п.). При этом для них полностью действует режим Общей части Уголовного кодекса. Такое предложение может касаться лишь отдельных законов, в то время как исключительно за Уголовным кодексом останется регулирование ответственности за все остальные «классические» (или «вечные») преступления»¹.

Вопрос возникает, однако, о том, насколько такие предложения и решения (а) соответствуют уголовно-политической концепции государства и логике развития отечественного уголовного права, (б) эффективны. Представляется, что *убедительных аргументов в пользу наличия множества законов об уголовной ответственности, дифференцированных в зависимости от вида преступлений, к настоящему дню не представлено*, а объективно неизбежные правоприменительные трудности, вызванные таким множеством, равно как и трудности законотворческие (в части согласования предписаний различных законов, в части соблюдения конституционного правила о том, что уголовно-правовое регулирование относится только к ведению федерации, а следовательно уголовно-правовые предписания не

потенциальной возможности установления уголовной ответственности за отдельные виды деяний на уровне самостоятельного закона эта идея сохраняет свое значение.

¹ Пикуров Н.И. Оправдана ли полная кодификация уголовного законодательства в современных условиях? // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 187.

могут быть фиксированы в законах, принятых по вопросам совместного ведения и т.д.) делают саму идею нежизнеспособной (против реализации идеи создания множества законов об уголовной ответственности высказались и 92% опрошенных нами специалистов).

Второй момент, который необходимо уточнить, состоит в определении природы и места в системе формальных источников Особенной части уголовного права законов, которыми в УК РФ вносятся те или иные изменения или дополнения. О.Н. Библик настаивает на том, что таковые законы относятся к разряду источников, приобретая самостоятельное значение в ситуациях, когда они имеют обратную силу, и соответственно, не приобретая таковое значение, если они не отвечают критериям ст. 10 УК РФ¹. Ю.Е. Пудовочкин, напротив, высказывается о том, что таковые законы не имеют самостоятельного значения в системе источников права². Промежуточную позицию высказал К.В. Ображиев, который полагает такие законы источниками уголовного права, поскольку содержат уголовно-правовые предписания, однако считает, что они не имеют самостоятельного значения³.

Проблема, действительно, состоит в определенной коллизии признаков формального источника. Конечно, эти законы по своему содержанию являются уголовно-правовыми, но они не обладают собственными регулятивными возможностями. К примеру, п. 189 ч. 1 Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» гласил: «в статье 264: в части первой слова "или средней тяжести" исключить»⁴. Очевидно, что это предписание само по себе не способно регулировать уголовно-правовые отношения и не формулирует уголовно-правовой запрет. Но оно существенным образом

---

¹ Библик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 81 – 82.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 201.

³ Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 154 – 155.

⁴ Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

меняет имеющееся положение закона. В теоретическом и прикладном отношении ситуация равнозначна тому, если бы каждое изменение в уголовный кодекс оформлялось не законом о внесении изменений в него, а принятием нового кодекса. Выбор формы изменения уголовного закона – вопрос юридической техники и практического удобства. *Источником нормативных предписаний в любом случае выступает не закон, изменяющий кодекс, а сам кодекс.*

Третий момент, требующий внимания, состоит в возможности конструирования нескольких уголовно-правовых по природе своей законов, описывающих составы правонарушений, различающихся по степени общественной опасности. Эта проблема, известная с позапрошлого века, со времени сосуществования в России Уложения о наказаниях уголовных исправительных и Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в последние годы вновь актуализирована. Тому несколько предпосылок.

Прежде всего, это развившееся в практике Европейского суда по правам человека и воспринятое российской доктриной учение об «уголовной сфере»¹, которое ставит вопрос о единстве природы административных правонарушений и преступлений. Как пишет Л.В. Головкин, «административные правонарушения проистекают не из некоей автономной «административной ответственности», а из уголовного права, будучи одним из отколовшихся элементов последнего ... При этом техническая автономизация «мелких правонарушений» (сама по себе вполне допустимая, а иногда даже и желательная) вовсе не предполагает концептуального забвения их уголовно-правовой (пенальной) природы. ... Следует отказаться от устаревшей советской концепции о том, что уголовное право содержится только в Уголовном кодексе – данная концепция реальности не соответствует. Отныне российская правовая система должна исходить из дуализма или даже множественности источников уголовного права: а)

---

¹ Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. – 2000. – № 3.

Уголовного кодекса, кодифицирующего на основе принципа «полноты кодификации» нормы о преступлениях и проступках; б) КоАП или Кодекса мелких правонарушений, кодифицирующего нормы о правонарушениях при параллельном обсуждении вопроса, в какой мере реалистично также выстроить данный кодекс на основе принципа полноты кодификации»¹.

Наряду с этим, а точнее – параллельно – развивается идея внедрения в номенклатуру юридических фактов уголовного права особой категории деяний – уголовных проступков. В настоящий момент нет еще устоявшегося представления о том, что должен представлять из себя проступок². Тем не менее, В.П. Коняхин и М.С. Жук обосновывают необходимость создания, наряду с УК РФ, отдельного кодекса уголовных проступков³.

Мысль о единстве правовой природы преступлений, проступков и административных правонарушений заслуживает самого серьезного внимания. Сознвая, что ее развернутая аргументация выходит за пределы настоящей работы, принимая во внимание уже имеющуюся систему доводов в ее поддержку, позволим себе в целом с ней согласиться. Как бы ни было определено понятие уголовного проступка (таковым можно признать все, что сегодня именуется административным правонарушением, и выстроить двухчленную классификацию уголовно-противоправных деяний, либо же в систему проступков можно включить часть административных правонарушений и часть преступлений, не представляющих большой общественной опасности, выстроив таким образом трехчленную градацию уголовных правонарушений – преступление, проступок, нарушение), *нормативный правовой акт, содержащий описание нормативных запретов*

---

¹ Головки Л. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. – 2013. – № 1 (5). – С. 46 – 51.

² Один из вариантов предложен высшей судебной инстанцией, см.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 13.10.2020 № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта Федерального закона “О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в связи с введением понятия уголовного проступка”».

³ Коняхин В.П., Жук М.С. Право уголовных проступков как подотрасль российского уголовного права: прогностический анализ // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 6 – 9.

на совершение деяний небольшой опасности, необходимо признавать формальным источником уголовного права.

При этом важное условие конституционности такого источника закреплено в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом. Необходимость его соблюдения ставит на повестку дня вопрос о возможности существования в рамках «широкого» уголовного права региональных источников, в частности региональных законов об административной ответственности, наличие которых предполагается п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ. Обсуждая его, часть специалистов не видит оснований для лишения субъектов РФ полномочий по установлению административной ответственности¹, иные – усматривают в региональных административно-деликтных нормах нарушение конституционных норм².

Решение проблемы кроется в определении природы самих административных деликтов и соответственно природы законов, в которых устанавливается ответственность за их совершение. В п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению федерации и центра отнесено «административное законодательство». Однако считать законодательство об административной ответственности собственно административным было бы не вполне верно. Административное законодательство регламентирует вопросы публичного управления, это так называемая регулятивная отрасль

---

¹ Масленников М.Я. Региональные законы об административной ответственности: легитимация и перспективы // Актуальные вопросы административно-деликтного права: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – С. 31–41; Филант Г.К., Хазанов С.Д. К проблеме конституционной легитимности регионального законодательства об административных правонарушениях // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9. – С. 19 – 22; Надьгина Е.В., Лесникова А.М. Законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях: актуальные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (2). – С. 160 – 166; Стандзюнь Л.В., Лебедева Е.А. К вопросу о реализации административной ответственности // Вестник Университета им. О.Е. Кутаина. – 2019. – № 6. – С. 124 – 134.

² Шергин А.П. Административно-деликтное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы // Административное право и административный процесс: состояние и перспективы. – М.: Юрист, 2004. – С. 171; Карасев М.Н. Институт совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации: необходимы серьезные изменения // Журнал российского права. – 2001. – № 9. – С. 39; Старостин С.А. Некоторые проблемы установления и реализации административной ответственности законами субъектов Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2013. – № 8. – С. 27 – 29; Мицкевич Л.А. Соотношение федерального и регионального законодательства об административной ответственности // Вестник ВГУ. Сер. Право. – 2018. – № 2. – С. 206 – 216.

системы законодательства. Законодательство же об административной ответственности – самостоятельная система, не связанная с управленческими отношениями. Это часть охранительных правовых норм о публично-правовой ответственности, и потому по природе своей оно, конечно же, ближе к традиционному уголовному законодательству. По этой причине представляется, что *в системе формальных источников «широкого» уголовного права могут состоять исключительно федеральные законы; кодекс проступков (если таковой будет создан) или кодекс об административных правонарушениях может быть только федеральным* (на что указали и 98% опрошенных при проведении исследования респондентов).

Наконец, четвертый момент, связанный с обсуждением тезиса о том, что УК РФ является единственным источником нормативных предписаний Особенной части уголовного права, состоит в необходимости его истолкования в системной связи с положениями ч. 3 УК РФ, закрепляющей принцип законности: «1. Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. 2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Именно этим принципом, как правило, аргументируется и мысль о том, что УК РФ есть единственный источник отрасли уголовного права, и положение о множественности источников уголовного права. Противоречие заключается в том, что, с одной стороны, преступность деяния не может быть определена иным, кроме УК РФ законом, а с другой стороны, уголовный закон не содержит всей необходимой информации для решения вопроса о том, является ли то или иное конкретное деяние преступным. Его разрешению должен способствовать концепт «правовая определенность». Напомним, что определенность напрямую признавалась А.Э. Жалинским одним из сущностных признаков источников уголовного права¹.

---

¹ Жалинский А.Э. О системе источников уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. II. Уголовное право / отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 159.

Критерий определенности правовой нормы как конституционное требование к законодателю в России был сформулирован в ряде постановлений Конституционного Суда РФ¹. Основные тезисы в данном случае состоят в следующем:

– принимаемые законы должны быть определенными как по содержанию, так и по предмету, цели и объему действия, а правовые нормы – сформулированными с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ними свое поведение, как запрещенное, так и дозволенное;

– любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия).

Такие суждения соответствуют позиции Европейского суда по правам человека, который в одном из знаковых решений указал: «Норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность – пользуясь при необходимости советами – предвидеть, с разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие»².

---

¹ См., в частности: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1708; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 18. – Ст. 2089; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона “Об оружии” в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (ч. II). – Ст. 3633; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.

² Постановление ЕСПЧ от 26.04.1979 по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74).

Как известно, Россия прекратила свое участие в Европейской конвенции о правах человека и фактически вышла из под юрисдикции Европейского Суда по правам человека (Резолюция ЕСПЧ «О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской

Вместе с тем, очевидно, что дать в уголовном законе такое описание признаков преступления, которое было бы настолько исчерпывающим, детальным, что не возникало бы никаких сомнений в их содержании, что не требовалось бы никаких усилий по их толкованию и уяснению, в принципе невозможно. Как весьма точно и эмоционально указывает А.В. Демин, «Истеричные призывы позитивистского сознания к законодателю обеспечить торжество формальной определенности обречены на неудачу уже изначально»¹. Такая ситуация – следствие не только особенностей юридической техники конструирования уголовно-правовых запретов, но и наличия как объективных системных связей между различными правовыми источниками, так и взаимодействия представительных, исполнительных и судебных органов в процессе правового регулирования и правоприменения.

Судебные доктрины в полной мере признают данное обстоятельство и не усматривают в нем нерешаемой проблемы. Европейский суд по правам человека указал: «формулировать нормы права с абсолютной точностью может быть трудной задачей»; «как бы четко ни была составлена правовая норма, ее применение затрагивает неизбежный элемент судебного толкования, поскольку всегда будет иметь место необходимость разъяснения вызывающих сомнение вопросов и приспособление к конкретным обстоятельствам. Наличие сомнения в отношении пограничных фактов само по себе не делает правовую норму непредвидимой в ее применении. Подобным образом и тот факт, что такая

конвенции о правах человека» (Принята 21.03.2022 - 22.03.2022) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2022. – № 4; Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 24. – Ст. 3943). Это обстоятельство затрудняет, а порой и делает невозможным использование соответствующих европейских документов в качестве источников российского права. Однако, учитывая, что ряд сформулированных ЕСПЧ позиций не противоречит конституционным началам уголовно-правового регулирования в России, подтвержден практикой Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также прочно вошел в арсенал теоретических конструкций российской науки, мы в последующем изложении позволим себе делать ссылки на документы европейского права в той части в какой это требуется интересами раскрытия темы исследования, и не противоречит Конституции России.

¹ Демин А.В. «Мягкое право» в системе социального регулирования // Вопросы правоведения – 2014. – № 1. – С. 155 – 156.

правовая норма может иметь более чем одно толкование, не означает, что она не соответствует требованию «предсказуемости»¹.

В этом же духе неоднократно высказывался и Конституционный Суд РФ:

- Определение степени формализации признаков того или иного преступления как составная часть нормотворческого процесса – исключительная компетенция законодателя. Необходимые же разъяснения по возникающим в судебной практике вопросам применения норм уголовного законодательства, согласно статье 126 Конституции РФ, дает Верховный Суд РФ².

- Оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний³; само по себе употребление в диспозиции термина «незаконные» свидетельствует о том, что регулятивные нормы содержатся в других федеральных законах и иных нормативных правовых актах, которыми наполняется содержание данной нормы уголовного закона и в системном единстве с которыми, а также с учетом смежных составов административных правонарушений она подлежит применению⁴;

- Принцип правовой определенности не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 17.02.2004 по делу «Маэстри (Maestri) против Италии» (жалоба № 39748/98).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 54.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 24. – Ст. 2431.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2191.

для уяснения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов¹;

- Неопределенность в понимании нормы может быть преодолена путем систематического толкования с учетом иерархической структуры правовых норм, предполагающей, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня. При невозможности же использования аналогии закона ... возможна аналогия права и требования добросовестности, разумности и справедливости².

Развивая и интерпретируя эти суждения применительно к проблематике источников уголовного права, представители науки утверждают, что любой правовой акт, на который сделаны ссылки в тексте диспозиции статьи Особенной части уголовного закона, любой акт, к которому обращается суд применяя уголовный закон, выступает источником отрасли.

При этом в свете обсуждения проблем Особенной части уголовного права можно выделить два несовпадающих концептуальных подхода. Согласно одному из них, источником Особенной части объявляется любая форма объективации любых текстов, содержащих уголовно-релевантную информацию (А.Э. Жалинский³), согласно другому – источником признаются документы, содержащие указание на признаки состава преступления (Н.И. Пикуров⁴).

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4659.

² Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 966-О-П «По жалобе гражданина Поспелова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статьи 29 Патентного закона Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 2.

³ Жалинский А.Э. О системе источников уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. II. Уголовное право / отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 159.

⁴ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009. – С. 16 – 31.

Отчетливо корреспондируют этому подходу суждения А.Ю. Алаторцева, отражающие связь проблемы источников, толкования закона и правовой определенности. Он пишет: «в качестве обязательного условия привлечения лица к уголовной ответственности высшим судебным органом в принимаемых им актах толкования закона могут быть предусмотрены дополнительные признаки, непосредственно в законное

Однако представляется, что каждый из них содержит положения, заслуживающие критической оценки. Во-первых, тексты, в которых содержится информация, имеющая отношение к Особенной части уголовного права, могут быть качественно различающимися по своей природе (тексты постановлений Правительства РФ, Пленума Верховного Суда РФ, доктринальные комментарии), что не позволяет синтезировать в рамки единой системы формальных источников собственно нормативных предписаний. Во-вторых, какой бы ни была диспозиция статьи Особенной части уголовного закона (отсылочной, бланкетной, с оценочными признаками), именно в уголовном законе и только в нем может содержаться указание на признаки состава преступления. Иные акты могут лишь раскрывать их содержание, детализировать, уточнять и т.д. Разграничение понятий «признак состава преступления» и «содержание признака состава преступления», о котором убедительно писал В.Н. Кудрявцев¹, является в данном случае важным условием дифференциации источников Особенной части уголовного права.

Проблема усугубляется еще и тем, что стремясь к оправданному расширению представлений о системе формальных источников уголовного права (в том числе его Особенной части), специалисты, как правило, игнорируют эти обстоятельства, излагая их «общим списком». В литературе уже подмечено, что принятый в отечественном правоведении подход, при котором юридические источники просто последовательно перечисляются, аналогичен подходу, который сложился еще в рамках римской

описание запрещенного деяния не входящие. Примером таких признаков являются указанные Конституционным Судом РФ в Постановлении от 10.02.2017 №2-П специальные последствия в виде причинения вреда здоровью, имуществу граждан, окружающей среде, общественному порядку и иным конституционно охраняемым ценностям, необходимые для вменения ст. 212.1 Уголовного кодекса РФ». См.: Алаторцев А.Ю. Правовая определенность уголовно-правового запрета: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 14.

О том что в бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы не описаны признаки состава преступления прямо писал Н.Д. Дурманов: «Бланкетной называется диспозиция статьи Особенной части, которая непосредственно в самом уголовном законе не определяет преступного деяния и его признаков, а отсылает к другим законам или иным нормативным актам – постановлениям и распоряжениям правительства, приказам и инструкциям министерств, решениям местных органов власти и др.». См.: Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – С. 93.

¹ См. об этом подробнее: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. – М.: Юрист, 1999. – С. 97 – 100.

юриспруденции, где содержание и форма источника права были неразделимы, форма выражения права не являлась определяющей, а признание того или иного акта источником права зависело от того, какая сила его создавала. При этом, несмотря на то что ныне в рамках современной теории права источники (формы выражения) права и его содержание, различаются, по-прежнему усматривается преемственность находящихся в основе представлений о системе источников права идей¹.

Такая преемственность, с одной стороны, оправданна. Но, с другой стороны, выступает существенным препятствием к полноценному развитию учения об источниках Особенной части уголовного права. Она ориентирует современных исследователей в большей части на познание иерархических отношений между разнообразными источниками права. Это важный момент, но как представляется, вторичный, ибо вопросы иерархии должны сопровождаться исследованием координационных связей между источниками права с тем, чтобы в полной мере соблюсти требования системного подхода.

Специалисты отчасти признают эти особенности источников уголовного права. Некоторые на этой основе предлагают рассматривать источники уголовного права в двух аспектах – широком и узком. «Непосредственным источником уголовного права, в случае если его рассматривать в узком смысле, является только Уголовный кодекс Российской Федерации, поскольку содержит кодификацию всех норм в области уголовного права, - пишет Е.И. Майорова, - Если говорить об источниках уголовного права в широком смысле, то, безусловно, ими являются, кроме УК РФ, и Конституция Российской Федерации, и общепризнанные принципы и нормы международного права»². Б.Д. Бахмадов, рассуждая о системе источников уголовного права, замечает, что ряд из них выступает в качестве

---

¹ Сас Д.В. Источники права в римской правовой традиции и их современное развитие: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 7 – 8.

² Майорова Е.И. К вопросу об источниках уголовного права // Nauka-rastudent.ru. – 2015. – № 11 (23). URL: <http://nauka-rastudent.ru/23/3042/> (дата обращения: 15.02.2022).

дополнительных (рекомендательных, разъяснительных) источников¹. В теории права подобная дифференциация источников также признается. Г.Б. Евстигнеева пишет, что источники права (в собственном смысле) могут быть первичными и вторичными. Вторичные – это официальные тексты, в которых развиваются, уточняются, конкретизируются, интерпретируются первичные нормативно-правовые тексты². В целом идея дифференцированного подхода здесь «схвачена» верно. Однако она, на наш взгляд, не подкреплена необходимыми доктринальными теоретическими положениями.

С учетом изложенных обстоятельств, возникает необходимость согласовать и в известном смысле «примирить» положение об уголовном законе как единственном источнике Особенной части уголовного права и тезис о полиисточниковом характер отрасли. Теоретической основой для такого решения должно стать принципиальное «разведение» конструкций уголовно-правового запрета и состава преступления, а равно процессов создания, конкретизации и толкования права.

Уголовно-правовой запрет как целостное суждение о преступности и наказуемости определенного вида общественно опасного поведения, структурно корреспондирующий уголовно-правовому предписанию Особенной части с его диспозитивной и санкционной частью, в силу прямого указания ч. 1 ст. 1 УК РФ может быть сформулирован исключительно в уголовном законе³. Статья Особенной части УК РФ в данном случае может рассматриваться в качестве «учреждающего», «первичного» предписания, выражающего волю государства преследовать и наказывать то или иное поведение.

---

¹ Бахмадов Б.Д. Классификация источников уголовного права Российской Федерации // Право и политика. – 2017. – № 4. – С. 37.

² Евстигнеева Г.Б. Судебные решения как источник права: автореф дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 7.

³ См. подробнее: Асланян Р.Г. Соотношение закона и иных форм выражения предписаний особенной части уголовного права в историческом развитии // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 7 – 11.

Реальная практика применения уголовно-правового предписания Особенной части опосредуется теоретической конструкцией состава преступления, которая выполняет важную гарантийную функцию по отношению к правам человека. Только то общественно опасное деяние, которое содержит все признаки состава, может выступать основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и применения мер уголовно-правового принуждения.

Уголовно-правовое предписание Особенной части, включенное законодателем в структуру кодифицированного уголовного закона, с учетом системных свойств этого закона и в единстве с иными содержащимися в нем предписания, выражает все признаки состава преступления. Отсутствие какого-либо признака состава преступления в уголовном законе делает предписание Особенной части уголовного права нежизнеспособным.

Исходя из требований правовой определенности, идеальной является ситуация, при которой содержание всех признаков состава прямо и непосредственно выражено в УК РФ. Однако конституционно допустимой является ситуация, при которой содержание признака (подчеркнем принципиально важную оговорку – не сам признак, а содержание признака) раскрывается в иных документах. Эти документы образуют группу источников, содержащих «вторичные» уголовно-правовые предписания, дополнительную уголовно-релевантную информацию.

Уточнение содержания признаков состава с конституционной точки зрения допустимо в двух различающихся по теоретической природе процессах: конкретизации и толкования права. В современной литературе высказаны различные позиции по вопросу о соотношения этих практик – от их полного отождествления до противопоставления¹. Однако наиболее распространенным и убедительным является подход, согласно которому конкретизация и толкования права, будучи единым в части уточнения,

---

¹ Обзор позиций см.: Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. – 2010. – № 5. – С. 107 – 109.

детализации правовых предписаний, различаются по субъектам деятельности и степени нормативности ее результатов. В.В. Ершов пишет: толкование права ограничено только уяснением и разъяснением в правореализационном процессе имеющихся принципов и норм права с целью индивидуализации, индивидуального регулирования фактических общественных отношений; конкретизация же права есть выработка в процессе правотворческой деятельности более детальных, дополнительных, уточняющих и т.д. принципов и норм права, реализующихся в государстве и имеющих большую юридическую силу¹.

В этом отношении *вторичные уголовно-правовые источники отчетливо распадаются на источники конкретизации предписаний Особенной части уголовного права и источники толкования этих предписаний*. Каждый из этих видов нуждается в некотором пояснении.

Поскольку субъектом конкретизации права выступают органы, уполномоченные на создание нормативных правовых предписаний общего характера, источники конкретизации нормативных предписаний Особенной части уголовного права – всегда нормативные правовые акты. Однако, на наш взгляд, далеко не каждый акт, на основании которого может быть уточнено содержание признака состава преступления следует относить к формальным источникам конкретизации уголовно-правовых предписаний.

В науке, к примеру, распространено мнение о том, что при конструировании бланкетных диспозиций, содержащих отсылку к нормам и правилам иных отраслей права, неуголовные нормативно-правовые акты становятся источником уголовного права. «Разумеется, - отмечает А.В. Наумов, - сами по себе эти правила не превращаются в уголовно-правовой акт (уголовный закон), однако, будучи включенными в содержание диспозиции уголовного закона, превращаются в «клеточку» уголовно-

---

¹ Ершов В.В. Конкретизация Конституции России: теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. – 2013. – № 12 (92). – С. 9.

правовой «материи»¹. С таким суждением сложно согласиться в полной мере. Стоит напомнить, что бланкетность может иметь различные формы своего проявления – прямая отсылка, использование иноотраслевого термина и т.д.². Неуголовно-правовые нормативные акты, к которым отсылает уголовный закон при конструировании состава преступления (например, Правила дорожного движения, отсылка к которым содержится при описании объективной стороны преступления в ст. 264 УК РФ, или Гражданский кодекс, термины которого использованы при описании предмета преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ), во-первых, не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений, и во-вторых, не созданы в целях конкретизации признаков составов преступлений. В логике правового регулирования они представляют собой первичные регулятивные акты, нарушение положений которых оценивается как настолько общественно опасное, что требует криминализации. Отсутствие целевой предназначенности для конкретизации признаков состава преступления выступает важной характеристикой этих нормативных актов. Они не конкретизируют уголовно-правовые предписания, но используются правоприменителем в процессе толкования уголовно-правовых предписаний. Не законодатель в данных актах уточняет признаки составов преступлений, а правоприменитель на основе этих актов толкует уголовный закон. В силу этого, такие акты целесообразно признавать не формальными источниками конкретизации уголовно-правовых предписаний, а материальными источниками их толкования.

Наглядно эту ситуацию можно продемонстрировать на основе анализа определения Конституционного Суда РФ от 16.01.2001³, которым

---

¹ Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. – № 7. – С. 38; см. также: Ображиев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 99 – 105.

² См. подробнее об этом: Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2001 № 1-О «По делу о проверке конституционности примечания 2 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с

разъяснялась природа нормативных актов, устанавливающих значение минимального размера оплаты труда в тех ситуациях, когда признаки последствий в составах преступлений определялись в размере, кратном их некоторому количеству. Конституционный Суд РФ провел принципиальное различие между увеличением показателей кратности, которое происходит в самом уголовном законе, и влечет в силу этого изменение масштабов уголовно-правового регулирования, включая необходимость применения ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона, и увеличением показателя самого минимального размера оплаты труда, которое таковыми свойствами не обладает. «Минимальный размер оплаты труда, исходя из которого определяется такой квалифицирующий признак, как крупный размер хищения, устанавливается не уголовным законом, а законом иной отраслевой принадлежности. Его изменение не влечет изменение нормы уголовного закона, действовавшей на момент совершения преступления, поскольку по своей правовой природе минимальный размер оплаты труда является единицей расчета, которая определяется федеральным законодателем с учетом социально-экономических факторов и на определенный период, что в данном случае исключает возможность применения конкретного минимального размера оплаты труда в уголовно-правовых отношениях, возникших до его установления. Иное могло бы привести – вопреки воле законодателя – к декриминализации общественно опасных деяний и к нарушению принципа справедливости, предполагающего обеспечение соответствия наказания и иных уголовно-правовых мер характеру и степени общественной опасности совершенного преступления».

Признак «целевого предназначения» и «производности» актов конкретизации права позволяет отнести к формальным источникам Особенной части только те нормативные документы, которые специально созданы для целей применения уголовного закона. Такие документы

теоретически мыслимы, прежде всего, в виде парламентских и правительственных актов.

Парламент имеет все конституционные возможности для того, чтобы конкретизировать созданные им уголовно-правовые предписания. Надо учитывать, однако, что такая конкретизация может иметь единственную форму своего внешнего выражения – это закон. Постановление Конституционного Суда РФ № 17-П от 17.11.1997 г.¹ делегитимировало возможность аутентичного толкования законов. Парламент не дает толкования законов, но конкретизирует их. Причем эта конкретизация может выражаться как в уточнении содержания диспозиций статей Особенной части уголовного кодекса (например, Федеральный закон от 02.07.2013 № 185-ФЗ в абзаце первом ст. 156 УК РФ слова «педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения» были заменены словами «педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации»), так и во включении в текст закона специальных конкретизирующих примечаний (к примеру, Федеральным законом от 20.03.2001 № 26-ФЗ закон был дополнен примечанием к ст. 139 УК РФ, раскрывающим понятие жилища). Надо подчеркнуть, что *акты парламентской конкретизации уголовного закона – это всегда законы о внесении изменений в УК РФ, в связи с этим их нецелесообразно выделять в качестве отдельного, самостоятельного формального источника конкретизации уголовно-правовых предписаний.*

Другое дело – акты Правительства РФ. Некоторые специалисты полагают, что «в отличие от иных отраслей права уголовное право исключает из числа своих источников подзаконные нормативные правовые акты» и что «принятие подзаконных актов по каким-либо вопросам преступности и

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 года № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и от 11 октября 1996 года № 682-П ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5492.

наказуемости деяний не предусмотрено»¹. Это утверждение опровергается реальностью, не поддерживается опрошенными специалистами (95%) и требует корректировки. Преступность и наказуемость деяний, в силу указания принципа законности, действительно, не могут устанавливаться подзаконными актами. Однако это не исключает подзаконные акты из числа источников уголовного права. В настоящий момент они образуют вполне отчетливый массив (более 10) актов конкретизации уголовно-правовых предписаний, ограниченный, как правило, уточнением признаков предмета преступлений и преступных последствий.

*Возможность принятия Правительством РФ актов конкретизации уголовно-правовых предписаний прямо предусматривается в тексте уголовного закона*². Однако, конкретизация, хотя и является частью нормотворческого процесса, не может, тем не менее, приводить к коррекции признаков состава преступления. В этом состоит ее производный и уточняющий характер. На это обстоятельство прямо указал Конституционный Суд РФ: «Принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (статья 10 Конституции Российской Федерации) в сфере правового регулирования предполагает разграничение законодательной функции, возлагаемой на Федеральное Собрание, и функции обеспечения исполнения законов, возлагаемой на Правительство Российской Федерации, которое, осуществляя меры по обеспечению прав и свобод граждан (статья 114, пункт "е" части 1, Конституции Российской Федерации) и действуя на основании и во исполнение федеральных законов (статья 115, часть 1, Конституции Российской Федерации, статьи 2 и 3 Федерального конституционного закона

---

¹ Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 268.

² Предложения некоторых авторов о том, чтобы трансформировать все эти правительственные постановления в приложения к УК РФ, а следовательно, тем самым повысить их статус до уровня федерального закона (см., например: Степанюк О.С., Степанюк А.В. К вопросу об источниках уголовного права (на примере постановлений Правительства РФ) // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 6-7. – С. 112 – 115) выглядят недостаточно обоснованными, противоречащими представлениями о системной природе права, о конституционных началах взаимодействия представительной и исполнительной власти, о технико-юридическом процессе конструирования и конкретизации правовых предписаний.

"О Правительстве Российской Федерации"), не вправе, как и другие органы исполнительной власти, устанавливать не предусмотренные федеральным законом основания уголовной ответственности»¹.

Отдельного внимания в рамках анализа актов конкретизации уголовно-правовых предписаний заслуживают постановления Пленума Верховного Суда РФ. Широкая дискуссия в науке по поводу возможности или невозможности признания их формальными источниками уголовного права известна и не требует детального воспроизводства на страницах нашей работы. Как правило, в отраслевой литературе спор сводится к вопросу о наделении постановлений Пленума нормативными свойствами общеобязательности, что разводит юристов в два противостоящих лагеря: признающих за этими актами качество нормативного акта и, следовательно, формального источника уголовного права², и не признающими этого, рассматривающими постановления Пленума Верховного Суда РФ исключительно как акт толкования закона³.

Дискуссия эта, как представляется, не вполне учитывает теоретико-правовые различия между актами создания, конкретизации и толкования права. Добавляет неопределенности в понимании статуса постановлений Пленума и нормативная база, определяющая компетенцию Верховного Суда

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 290-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М. на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 292-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чугурова Павла Николаевича на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». Документы официально не опубликованы. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 20.02.2022).

² Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006; Наумов А. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 59 – 63; Рожнов А.П. К вопросу о признании судебной практики юридическим источником уголовного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16). – С. 123 – 130; Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012; Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015; Монахова Л.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источник уголовного права // марийский юридический вестник. – 2018. – № 2 (25). – С. 39 – 42.

³ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967; Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – С. 108–115 (автор главы – Ю.М. Ткачевский); Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 51 – 57; Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 9.

РФ. Исходя из ст. 126 Конституции РФ и п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального закона «О Верховном Суде Российской Федерации», Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения¹. Выступают ли эти «разъяснения» нормативно-правовыми или правотолковательными актами, остается не ясным.

Специалисты в области общей теории права, акцентированно преломляющие природу постановлений Пленума Верховного Суда РФ через призму дифференциации правосозидательных процессов, также не пришли к единому мнению по рассматриваемому вопросу. Если М.Н. Марченко прямо признает за постановлениями Пленума Верховного Суда РФ свойство нормативных актов², В.В. Джюра утверждает о том, что они являют собой акты «нормативного судебного толкования права»³, то Н.Н. Вопленко усматривает в них акты правоприменительной (судебной) конкретизации права⁴. Расхождения теоретиков в позициях обусловлены авторскими предпочтениями относительно понимания таких феноменов, как конкретизация (возможна или невозможна она на уровне правоприменения) и толкования (может оно иметь общеобязательный характер или не может).

Рассуждая над статусом постановлений Пленума Верховного Суда РФ, на наш взгляд, необходимо исходить из того, что: а) эти акты не связаны с конкретной правоприменительной ситуацией и имеют всеобщее значение; б) как исходящие от органа государственной власти, они обладают свойством нормативности в том плане, что являются общеобязательными⁵; в) как не

---

¹ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 550.

² Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. – М.: Проспект, 2008. – С. 414 – 429.

³ Джюра В.В. Правовые акты органов судебной власти: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009. – С. 6.

⁴ Вопленко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1971. – Вып. 2. – С. 173.

⁵ На это прямо указал Конституционный Суд РФ. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 1. – Ст. 79.

являющиеся законами, они не могут устанавливать преступность и наказуемость деяний.

С учетом данных признаков можно предложить следующий вариант разграничения актов конкретизации и толкования права, значимый для продолжения нашего исследования: акт конкретизации права, как феномен, относящийся к правотворчеству, всегда имеет общий и общеобязательный характер, тогда как акт толкования права либо ограничен пределами конкретной правоприменительной ситуации, либо не имеет общеобязательного значения.

На этой основе надо признать, что *постановления Пленума Верховного Суда РФ представляют собой формальный источник конкретизации нормативных предписаний Особенной части уголовного права*. Они имеют подзаконный характер, принимаются специально в целях уточнения признаков составов преступлений и порядка применения уголовно-правовых норм, распространяются на все потенциально возможные ситуации применения уголовного закона (носят абстрактный характер, не связаны с обстоятельствами того или иного конкретного уголовного дела) и являются общеобязательными¹ (их невыполнение грозит ошибками в применении уголовного закона). С таким пониманием сути и природы постановлений Пленума Верховного Суда РФ солидарны 72% опрошенных при проведении исследования экспертов.

Отмеченные признаки позволяют идентифицировать и обособить в системе формальных источников уголовного права источники толкования нормативных предписаний. Толкование закона, в самом общем виде, - это познавательная деятельность, направленная на уяснение его смысла². *В отличие от конкретизации права, которое дается только специальными органами, уполномоченными участвовать в правотворческом процессе,*

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 1. – Ст. 79.

² Шляпочников А.С. Толкование советского уголовного закона. – М.: Юридическая литература, 1960. – С. 84.

толкование может иметь место в практике любого субъекта. В связи с чем уже в первом приближении необходимо различать акты официального и неофициального толкования.

Толкование, которое выработано субъектами, не имеющими правотворческого статуса, в ситуации, когда оно приобретает высокий авторитет и значимость, вполне может приобрести значение одного из вторичных формальных источников уголовного права – источников неофициального толкования закона.

Акты неофициального толкования не имеют строгой системы, но их совокупность вполне отчетливо распадается на два блока.

Первый составляют доктринальные источники. Вопрос о доктрине остро дискутируется в рамках общетеоретического учения об источниках права¹, хотя в специальных уголовно-правовых сочинениях ей отводится, как правило, роль материального (социального) источника отрасли. Такой подход вполне возможен, но требует уточнения. Доктрина не только обосновывает необходимость установления, коррекции или устранения уголовно-правовых предписаний, выполняя роль материального источника права. Она также разъясняет содержание действующего законодательства, объективируя формальные источники его толкования.

Формой выражения доктринального толкования уголовного закона выступают различные комментарии, монографическая литература, иные научные труды. Специфика этих источников толкования состоит в том, что они, с одной стороны, не ограничены каким-либо частным случаем и имеют общий характер. Но, с другой стороны, они не наделены свойством

---

¹ См., например: Бошно С.В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 70 – 79; Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 1. – С. 3 – 6; Пузиков Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (проблемы теории и практики): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003; Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007; Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2012; Емелин М.Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015.

обязательности, возможность их применения на практике основывается исключительно на убедительности аргументации и авторитете.

Как система теоретических и научно обоснованных положений о праве, правовая доктрина обладает убеждающей силой и имеет прикладное значение. Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что в ряде случаев суды допускают прямые ссылки на положения доктрины в мотивировочной части своих решений.

Так, Верховный Суд РФ, рассматривая дело Мазура, обвиняемого в открытом хищении денежных средств, указал, что они не образуют совокупности преступлений, а являются продолжаемым преступлением, Суд отметил следующее: «Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, сформулированной в результате осуществления конституционных полномочий по разъяснению судебной практики, от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 23.12.2010) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое"). Учитывая вышеизложенное, а также положения российской уголовно-правовой доктрины, Судебная коллегия считает, что в продолжаемом посягательстве акты преступного деяния связаны между собой объективными обстоятельствами, иногда сразу несколькими: местом, временем, способом совершения хищения, предметом посягательства»¹.

Ссылки на доктрину имеют место и в судах нижестоящих инстанций. В одном из приговоров суд указал: «преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 328 УК РФ, является длящимся. Такое разъяснение, в частности, содержится

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 20.02.2013 г. по делу № 53-Д12-33. Аналогичные решения: Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 9.07.2018 г. по делу № 22-3054/2018; Апелляционное определение Самарского областного суда от 18.07.2014 г. по делу № 22-3126/2014; Апелляционное постановление Дальневосточного окружного военного суда от 16.04.2015 г. по делу № 22К-53/2015; Приговор Алексеевского районного суда (Белгородская область) от 14.05.2018 г. по делу № 1-23/2018.

в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. "Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям". Этому подходу придерживается и уголовно-правовая доктрина»¹. В другом приговоре указано: «Присвоением в соответствии с уголовно-правовой доктриной и судебной практикой признается удержание против воли собственника и использование чужого имущества, находящегося в законном владении виновного в своих интересах»². В приговоре по делу Романовой суд написал: «С точки зрения уголовно-правовой доктрины, выработанной судебной практикой, аффектированное состояние с объективной стороны характеризуется внезапностью возникновения и кратковременностью протекания»³. В ином решении указано: «Основанием для возбуждения уголовного дела, согласно процессуальному закону, является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, то есть свидетельствующих о наличии самого события преступления. С позиции уголовно-правовой доктрины о составе преступления это означает, что основание к возбуждению уголовного дела минимально образуют фактические данные, относящиеся к объекту и объективной стороне состава»⁴.

Конечно, такие решения не являются общераспространенной практикой, да и сами ссылки на доктрину, лишённые, кстати, указания авторства, носят во многом ритуальный характер. Они не столько аргументируют сложные решения, сколько подтверждают сложившиеся в практике подходы к регулированию той или иной ситуации. Но даже такие ссылки подтверждают значимость доктринальных источников в деле толкования уголовно-правовых предписаний.

---

¹ Приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска от 6.02.2017 г. по делу № 1-11/2017.

² Приговор Ачинского городского суда (Красноярский край) от 10.06.2016 г. по делу № 1-54/2016. См. аналогичные решения: Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 7 ноября 2012 г. по делу № 1-61/12; Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара от 15.02.2012 г. по делу № 1-26/2012.

³ Приговор Узловского городского суд (Тульская область) от 5.06.2014 г. по делу № 1-47/2014. См. аналогичное решение: Приговор Ельниковского районного суда (Республика Мордовия) от 19.11.2014 г. по делу № 1-27/2014.

⁴ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 7.04.2014 г. по делу № 22-760.

Другой разновидностью источников неофициального толкования уголовного закона следует признать документы, исходящие от государственных органов, не наделенных полномочиями по толкованию. Соответствующие акты толкования подготовлены Федеральной службой судебных приставов¹, Федеральной таможенной службой², Генеральной прокуратурой РФ³. При этом ни один из этих органов, согласно учредительным документам⁴, не обладает компетенцией давать официальное толкование законов, тем более уголовного. Между тем, эти официальные документы, хотя и не выражают официального толкования, вносят свой вклад в дело уяснения смысла и содержания нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

Противоположность неофициальному составляет официальное толкование уголовного закона. Единственным легитимным субъектом такого толкования выступает суд, а формальным источником выражения – акты судебной власти, которые в отличие от источников неофициального толкования имеют обязательное значение, но в отличие от источников

---

¹ См.: Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей). Утв. ФССП России 25.05.2017 № 0004/5 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2017. – № 7; Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности). Утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12. Документ официально не опубликован. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 22.02.2022); Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации». Утв. ФССП России 25.04.2012 № 04-7 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2012. – № 6; Письмо ФССП России от 29.08.2014 № 00043/14/51617 «О порядке применения статей 177, 315 Уголовного кодекса Российской Федерации в случае неисполнения решения третейского суда». Документ официально не опубликован. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 22.02.2022).

² Письмо ФТС РФ от 28.01.2010 № 01-11/3425 «О квалификации преступлений по выявленным случаям невозврата в Российскую Федерацию иностранной валюты» // Таможенные ведомости – 2010. – № 6.

³ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Утв. Генпрокуратурой России. Документ официально не опубликован. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 22.02.2022).

⁴ См.: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472; Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 42. – Ст. 4111; Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 18. – Ст. 3146.

конкретизации права всегда связаны с обстоятельствами конкретной правоприменительной ситуации. Отличие актов официального толкования от актов конкретизации права состоит и в том, что толкование составляет не суть, не предназначение судебного решения, а его необходимое условие. Рассматривая то или иное дело, суд всегда толкует закон; толкование – неотъемлемая часть правоприменительного процесса. Итог толкования – правовая позиция, сформулированная в приговоре или ином окончательном решении суда.

В настоящий момент можно утверждать о наличии трехкомпонентной системы актов судебного толкования, которую образуют решения Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ¹. Каждый из этих источников обладает определенной спецификой.

Постановления Европейского Суда по правам человека, вынесенные в отношении РФ и касающиеся уголовно-правовой проблематики, строго говоря, не содержат толкования российского уголовного закона. Они толкуют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако выводы ЕСПЧ относительно того, соответствует ли национальная практика применения уголовного закона или сам уголовный закон стандартам Конвенции выступают для российских судов важным элементом

---

¹ Делая такой вывод, автор сознает неопределенность ситуации, связанной со статусом постановлений ЕСПЧ в настоящий момент. Ее разрешение требует и специальных нормативных решений, и специального юридического анализа. Но в данном случае важно показать не столько наличие международного компонента в системе актов официального толкования, сколько наличие самих официальных и общеобязательных толковательных документов.

конвенционного толкования уголовного закона¹, причем толкования обязательного².

Постановления Конституционного Суда РФ, в отличие от решений ЕСПЧ, являются актами толкования собственно уголовного закона, причем толкования специфического – конституционного. Конституционный Суд РФ является единственным органом, уполномоченным давать конституционное толкование уголовного закона³, а его правовые позиции по данному вопросу, выраженные в постановлениях и определениях суда, являются общеобязательными⁴.

Решения Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам составляют особую группу формальных источников толкования закона. Они содержат «коллективный аргументированный вывод, выражающий представление высшей судебной инстанции о должном понимании содержания правовых норм и условий (порядка) их применения судами в процессе осуществления правосудия по уголовным делам, направленный на обеспечение единства и стабильности судебной практики в уголовном судопроизводстве»⁵

---

¹ Правовая позиция Европейского Суда по правам человека применительно к российскому уголовному праву определяется в науке как обладающее обязательной юридической силой официальное толкование Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, проведенное при рассмотрении конкретного дела и выраженное в тексте итогового решения Суда (Волосюк П.В. Решения европейского суда по правам человека как источник уголовного права России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – С. 8). См. также: Метлова И.С. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007; Денисова А.В. Постановления Европейского Суда по правам человека в системе источников российского уголовного права // Уголовное право. – 2014. – № 1. – С. 116 - 122

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.

⁴ См.: Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник права: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004; Жучкова Е.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного права и уголовного процесса: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009; Парфейников И.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в сфере осуществления правосудия по уголовным делам: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

⁵ Видергольд А.И. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. –

Ключевой вопрос в рамках теории источников права – признавать ли решения Верховного Суда РФ по конкретным делам статус прецедентов. Как известно, некоторые специалисты последовательно настаивают на положительном решении данного вопроса¹, другие – его отрицают². Решение проблемы, как доказано наукой, определяется во многом, типом правопонимания и правовой традицией страны³.

Разрешая эту проблему, надо принять во внимание, как минимум, два важных указания Конституционного Суда РФ.

Во-первых, хотя суд общей юрисдикции, в силу ст. 120 Конституции РФ самостоятельно решая вопрос, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле, уясняет смысл нормы, т.е. осуществляет ее казуальное толкование, балансом закрепленных Конституцией РФ принципов независимости судей при осуществлении правосудия, верховенства Конституции РФ и федеральных законов в российской правовой системе, а также равенства всех перед законом и судом обуславливается требование единства практики применения норм законодательства всеми судами⁴.

Во-вторых, свойством отражать официальную позицию Верховного Суда РФ обладают не все судебные акты. Кроме постановлений Пленума Верховного Суда, содержащих конкретизацию права, свойством официальности обладают лишь постановления Президиума Верховного Суда

Екатеринбург, 2017. – С. 10. См. также: Шульга И.В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (вопросы теории): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

¹ Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. – 1994. – № 1. – С. 8 – 11; Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. – М.: Юрист, 2000. – С. 78 – 90; Лазарев В.В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве // Российское правосудие. – 2012. – № 4. – С. 6 – 15; Белоусов С.А. К вопросу о балансе в системе источников российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 43 – 49.

² Данцева Т.Н. Формальные источники права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007. – С. 6; Долголенко Т.Н. Аксиологический и формально-юридический смысл толкования права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2012. – С. 8; Сас Д.В. Источники права в римской правовой традиции и их современное развитие: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 7 – 8.

³ Васильева Т.А. Судебный прецедент как источник права в европейской юриспруденции XVII – XIX веков. – Казань, 2012. – С. 9 – 10.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 1. – Ст. 79.

РФ. «Если постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации являются окончательными, принимаются в составе, представляющем Верховный Суд Российской Федерации в целом, и только в случаях, имеющих особое значение, в частности для формирования единообразной правоприменительной практики, то определения, выносимые судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации при пересмотре конкретных дел в кассационном порядке, указанным критериям не отвечают»¹.

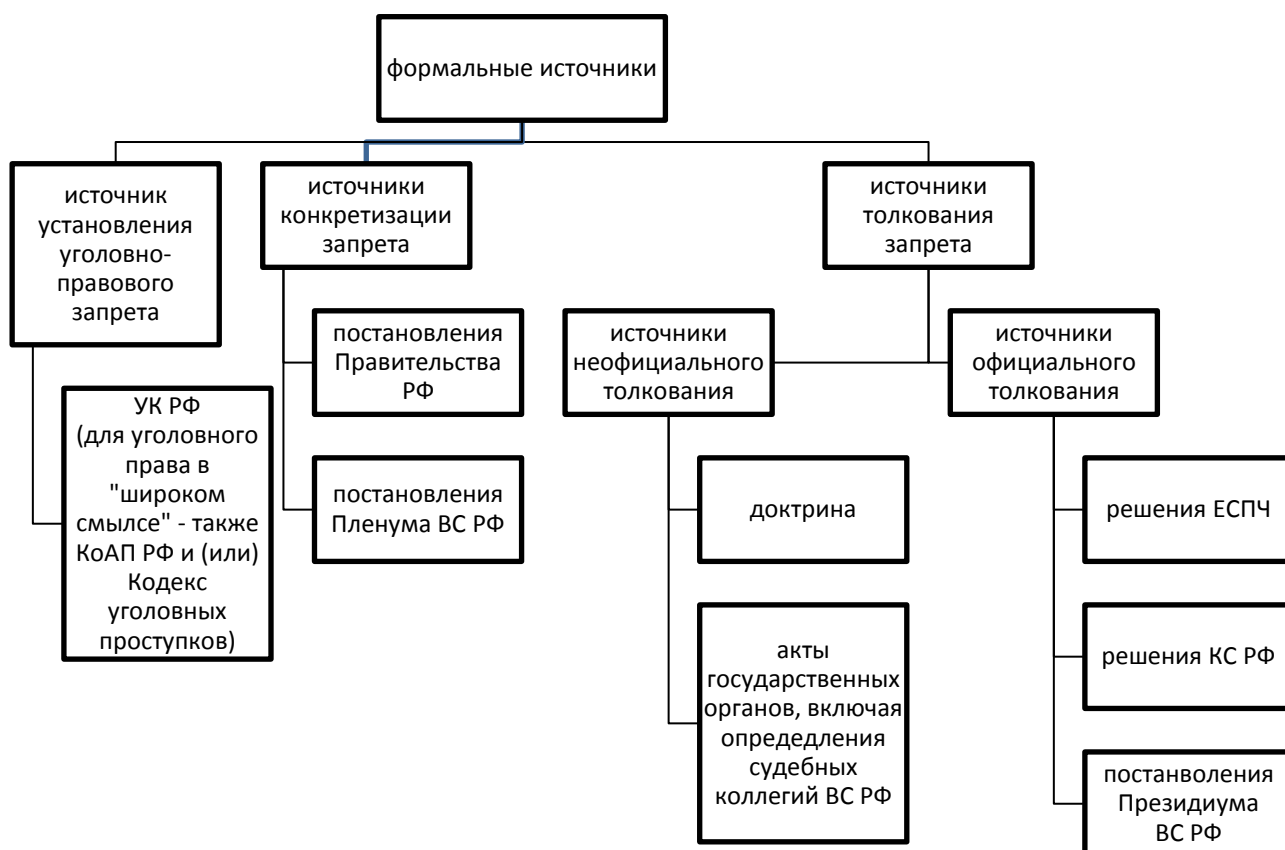
Исходя из этих посылок, можно сделать единственный вывод о том, что обязательным официальным источником толкования уголовного закона высшей судебной инстанцией выступают лишь постановления президиума Верховного Суда РФ. Определения коллегий Верховного Суда РФ, хотя и содержат толкование закона, не обладают свойством общеобязательности, а следовательно не могут восприниматься в качестве источников официального толкования уголовного закона. Их место в системе актов толкования такое же, как и у документов иных государственных органов, содержащих итоги неофициального толкования закона. Такое отношение к определениям судебных коллегий Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам признали справедливым 78% опрошенных нами при проведении исследования специалистов (заметим, что сегодня актуализируется вопрос о статусе решений региональных, в том числе кассационных и апелляционных судов, однако его анализ выходит за пределы нашей темы).

С учетом изложенного, полагаем возможным представить следующую схему формальных источников Особенной части уголовного права (см. схему 2).

Схема 2. Формальные источники Особенной части уголовного права

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 44. – Ст. 6569.

Таким образом, исследование формальных источников Особенной части уголовного права позволяет сделать следующие основные выводы:

- система формальных источников Особенной части уголовного права должна мыслиться как совокупность форм выражения уголовно-релевантной информации, дифференцированных в зависимости от содержания информации, субъектов ее представления и назначения в механизме уголовно-правового регулирования;

- источником установления нормативно-правового предписания Особенной части уголовного права как целостного суждения о преступности и наказуемости определенного вида поведения, с учетом конституционных основ уголовно-правового регулирования, может выступать только федеральный кодифицированный нормативный правовой акт, каковым выступает Уголовный кодекс РФ. Вместе с тем, развитие понятия «уголовной сферы» и конституционно оправданная дифференциация уголовных правонарушений в зависимости от степени их общественной опасности,

позволяет в перспективе признать источником выражения уголовно-правовых предписаний КоАП РФ и (или) Кодекс уголовных проступков;

- различие содержания и функционального назначения конструкции уголовно-правового запрета и состава преступления, позволяет дифференцировать источники установления запрета, источники конкретизации запрета и источники его толкования; общим признаком источников конкретизации и толкования выступает их целевая установка, специальная предназначенность для уточнения и уяснения содержания отдельных признаков состава преступления;

- источником конкретизации уголовно-правового запрета выступает официальный акт уполномоченного государственного органа, который имеет общий (не связанный с обстоятельствами конкретного дела) и общеобязательный (нормативный) характер; в современной правовой системе России актами конкретизации уголовно-правовых предписаний Особенной части выступают специально созданные в этих целях постановления Правительства РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ;

- источники толкования уголовно-правового запрета в зависимости от их обязательности, классифицируются на источники неофициального толкования (доктринальные и не имеющие общеобязательного значения акты государственных органов) и источники официального толкования (решения ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ), которые хотя и связаны обстоятельствами конкретной правоприменительной ситуации, тем не менее имеют силу правотолковательного прецедента, обязательного для всех последующих аналогичных ситуаций;

- системный характер взаимосвязи формальных и материальных источников уголовного права предопределяет возможность формальных источников толкования уголовного закона выступать в качестве материального источника формирования уголовно-правовых предписаний.

Глава 3.

НОРМАТИВНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ КАК ИСХОДНЫЙ СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Теоретико-методологические основы исследования уголовно-правовой нормы и предписаний Особенной части уголовного права

Исследование системы Особенной части уголовного права (равно как и системы любой отрасли и права вообще) должно опираться на определенный теоретико-методологический фундамент, в рамках и на основе которого только и возможны какие бы то ни было теоретические построения. Такой фундамент, прежде всего, предполагает определенный тип понимания права и адекватные ему подходы к исследованию, толкованию и применению правовых норм. Это важно по той очевидной причине, что тип правопонимания в известной мере «задает» на отраслевом уровне тот круг проблем и вопросов, которые могут быть исследованы в его рамках и потому что далеко не все отраслевые проблемы права могут быть исследованы с опорой на любой тип понимания права. В этом заключается одна из особенностей исследования права как сложного социального феномена. Для его всестороннего анализа необходимы различные методологические подходы. Это не является свидетельством дискретности правовых исследований и отсутствия принципиальной познаваемости права. Это лишь отражает объективную ограниченность любого методологического подхода и указывает на необходимость в современных условиях учитывать достоинства, которые представляет принцип методологического плюрализма, универсальный системный и интегративный подход. Только системный подход, рассматривающий право как комплексное, многогранное и постоянно развивающееся явление, только синтез формально-юридического, историко-социологического, компаративистского и философско-правового

образов права, будет включать все многообразие проявлений действительности права. Только такая «полихромная» модель будет отвечать требованиям современного общества и государства¹.

Признавая всецело значимость такой методологической синергии, мы не будем на страницах настоящей работы углубляться в исследование вопросов, связанных с отражением в уголовном праве того или иного типа правопонимания или построением модели согласования результатов уголовно-правовых исследований, выполненных в различных методологических рамках. Не будем обсуждать достоинства и недостатки различных типов понимания уголовного права. Вместе с тем, отметим, что при всем многообразии конкурирующих в современных условиях типов правопонимания² интересующие нас вопросы системы уголовного права, его внутреннего строения, элементов и связей между ними могут быть адекватно исследованы лишь в рамках позитивистского подхода к восприятию права.

В последнее время правовой позитивизм воспринимается преимущественно в негативных коннотациях и именно с ним связываются многие, если не все, дефекты и неудачи права как средства регулирования общественных отношений. Однако на наш взгляд, проблема состоит не в самом позитивизме, а в распространенной традиции исключительно с позитивистских позиций рассматривать все без исключения вопросы права.

«Позитивистское правопонимание основано на методологии позитивизма как особого течения социально-философской мысли, суть которого состоит в ограничении предмета познания лишь сферой фактического, позитивного знания (что предполагало отказ от рассмотрения метафизических вопросов, связанных с раскрытием сущности исследуемых явлений) и в сведении способа познания лишь к чувственному восприятию, позволяющему фиксировать эмпирические факты и устанавливать

---

¹ Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – С. 12; Маркова-Мурашова С.А. Национальная правовая система России и типология правопонимания: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 11.

² См.: Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. – СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2002.

эмпирические закономерности»¹. Позитивизм, как указывает В.С. Нерсесянц, «выводит право из правила, не задаваясь вопросом о правовой сущности данного правила»².

При всей методологической ограниченности данного подхода (впрочем, как и любого другого) нельзя не признать и его безусловные достоинства, связанные с ориентацией на объективное исследование реальных правовых процессов, на связь права с реальной жизнью, с реальной практикой реализации права, с деятельностью людей и правоприменительных органов. Не случайно, по справедливому мнению некоторых специалистов, позитивизм – единственная концепция правопонимания, которая в полной мере реализует свой научный потенциал именно в отраслевых правовых науках. «Позитивизм зачастую выступает в качестве некоего презюмируемого базиса, в том смысле, что работы в отраслевых науках, как правило, не содержат определения права и не отсылают к тому или иному правопониманию»³.

Родоначальники правового позитивизма видели в праве «правила, предназначенные для управления поведением одного разумного человека со стороны другого разумного человека, обладающего властью над первым»⁴, и выраженные в форме команды, приказа, повеления. Считается, что для позитивистски настроенных отраслевых специалистов, по большому счету, имеет малое значение как эти правила были сформированы, какие интересы они выражают и защищают, насколько эти правила соответствуют объективным потребностям времени и т.д. Для них это правило – исходный и одновременно финальный момент права, его «позитивное» воплощение, реальность. А потому именно на правилах, их толковании, структуре, взаимосвязи и т.д., и сосредоточено все позитивистское исследование права.

---

¹ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: РАП, 2012. – С. 32.

² Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2005. – С. 90.

³ Пищулин А.В. Юридический позитивизм в современном правопонимании: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 8.

⁴ Остин Д. Определение понятия юриспруденции // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 3. Европа, Америка. XVII – XX вв / отв. ред. О.А. Жидков. – М.: Мысль, 1999. – С. 400.

Вместе с тем, это не вполне так. Нельзя утверждать, что отраслевые специалисты в области уголовного права должны быть или были абсолютно равнодушны к вопросам, связанным с качеством уголовно-правовых норм и их социальной, криминологической, политической, нравственной, исторической обусловленностью. Отечественная литература XX века – периода безусловного господства позитивизма – полна примеров глубоких и содержательных исследований на эти темы¹. Другое дело, что такие исследования находились не столько «внутри» уголовного права, сколько «рядом» с ним, что породило долгие дискуссии о статусе уголовной политологии, уголовной социологии, криминологии², в рамках которых соответствующие исследования собственно и развивались.

Тем не менее, можно констатировать, что позитивизм в определенных пределах позволял сочетать, с одной стороны, исследование вопросов генезиса и обусловленности уголовного права, а с другой стороны – исследование самого права как некоей системы норм. Восприятие уголовного права как системы норм, то есть определенных правил и велений государства, было итогом «генетических» исследований и исходной точкой исследований «догматических». Такое вполне «мирное», органичное сосуществование различных подходов к праву имело свои объективные пределы, и пределы эти были заданы опять же позитивистским пониманием права как системы норм. Как только специалисты стали обращаться к проблемам реального действия, а особенно применения уголовно-правовых норм, ограниченность позитивизма проявила себя в полной мере. Сразу возник комплекс вопросов, связанных с пределами толкования уголовно-правовых норм судом, судебским активизмом, возможностью применения действующего, но явно неконституционного закона и т.д. Их решение

---

¹ Не имея возможности перечислить их всех, укажем лишь на некоторые наиболее знаковые сочинения: Кузнецова Н.Ф. Уголовное право и мораль. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967; Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982; Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М.: Юридическая литература, 1985; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – М.: Юридическая литература, 1986; Грошев А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997.

² Обзор дискуссий см., например: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 120 – 167.

требовало иных методологических подходов и принципов, а также иного понимания права как такового, что стало отражением кризиса позитивизма и свидетельством его ограниченных возможностей.

В тоже время нельзя не признать, что в известных пределах позитивизм дает уникальные и невозполнимые иными методологическими концепциями возможности в исследовании права. Строение и система права как раз относятся к тем проблемам, решение которых может быть оптимальным именно в его рамках и на его основе.

Итак, исходной точкой в позитивистском понимании права является его восприятие как системы правовых норм. Правовая норма здесь – центральное понятие права. В самом общем виде она представляет собой некое правило поведения, которое исходит от официальной власти в государстве и призвано урегулировать поведение людей в обществе. Переложение этой концепции в область уголовного права сразу выявляет несколько значимых проблем, решению которых в науке всегда уделялось пристальное внимание и освещение которых представляется необходимым в рамках настоящего исследования для полноценного раскрытия темы.

Первый и самый важный вопрос заключается в признании самого факта наличия уголовно-правовых норм. Повод для сомнения в данном случае был заложен еще в трудах И. Бентама, который видел в уголовно-правовых установлениях не самостоятельные, как бы мы сейчас сказали – «охранительные» нормы права, но исключительно часть общих регулятивных правовых норм. Приведем наиболее важные его суждения на этот счет: «Закон гражданский есть тот, который постановляет право. Закон уголовный тот, который вследствие права, гражданским законом постановленного, налагает какое-либо наказание на того, кто оное нарушит. Таким образом, закон, который ограничивался бы воспрещением убийства, был бы лишь законом гражданским; закон же, предписывающий смертную казнь за убийство, есть закон уголовный»; «Закон, признающий действие преступлением, и закон, предписывающий за сие преступление наказание, не

суть один и тот же закон, ниже части одного и того же закона. ... Недовольно того, чтобы воспретить воровство вообще; надлежит истолковать, что такое есть собственность и что такое есть воровство. Должно, чтобы законодатель составил между прочим две росписи, из коих в одной содержались бы все случаи определяющие право владения какою-либо вещью, в другой все случаи, уничтожающие сие право. Таковые то изъяснения и истолкования принадлежат преимущественно к Уложению гражданскому, часть законов, заключающая повеления или законы уголовные, составляют собственно Уложение уголовное»; «Всякий уголовный закон есть следствие, продолжение, заключение закона гражданского ... Надлежит всегда памятовать, что сии два Уложения по существу своему и предметам в них заключающимся, составляют одно Уложение; что разделены они единственно для удобства расположения предметов»¹.

Эти рассуждения, по сути, свидетельствуют о том, что в праве нет и не может быть отраслевого деления, что таковое может существовать исключительно как технический прием описания единых по природе своей правовых норм в различных законодательных актах. Отсюда очевидно, что сама постановка вопроса о наличии особой уголовно-правовой нормы является ошибочной, а все рассуждения о строении и системе уголовного права, если таковые возможны в принципе, должны быть ограничены исключительно областью законодательной техники, строением уголовных законов.

Такой подход был воспринят и развит в отраслевой уголовно-правовой науке XIX столетия. Продолжателем его справедливо считать К. Биндинга. Согласно его учению, уголовный закон не содержит правовых норм, которые регулировали бы поведение людей, не предоставляет им каких-либо прав и не обязывает к какому-либо поведению. Нормы содержатся не в уголовном законе, а в законах других отраслей права; уголовный же закон лишь

---

¹ Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Переведено М. Михайловым. Т. 1. – СПб.: Типография Шпора, 1805. – С. 226 – 229.

предписывает применение меры наказания за нарушение прав или неисполнение обязанностей, установленных в иных отраслях права. Правовая норма, регулирующая поведение людей, предшествует положению уголовного закона. А потому преступник нарушает лишь ту или иную правовую норму, но не уголовный закон. Уголовный закон адресуется исключительно к органам государственной власти, применяющим принуждение в виде уголовного наказания, и как таковой может быть нарушен лишь государством и его органами при применении или неприменении наказания¹.

Как можно заключить, К. Биндинг не отказывал уголовному праву в некоторой автономности и вполне признавал наличие самостоятельных уголовно-правовых норм. Но нормы эти, по его мнению, были призваны регулировать не поведение людей в обществе, а поведение государства по отношению к лицам, совершившим преступление. Такое понимание уголовного права и уголовного закона нашло широкую поддержку у дореволюционных специалистов², отчасти признавалось советскими авторами³ и поддерживается некоторыми современными исследователями⁴.

Вектор анализа уголовно-правовых норм как правил поведения государства задает весьма специфическое толкование структуры, содержания и видов этих норм. Оно в значительной степени соответствует пониманию уголовного права в качестве способа или формы самоограничения государства, как отрасли, которая легитимирует круг деяний, признаваемых

---

¹ Binding K. Die Normen und ihre Übertretungen, Erster Band, Vierte Aufl. – Leipzig, 1922. – S. 3, 67, 134 – 138. Обзор теории К. Биндинга см.: Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. – С. 94 – 95.

² См., например: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 73 – 77; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3-е. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1896. – С. 42 – 44.

³ Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 21 – 22.

⁴ Сумачев А.В. О структуре уголовно-правовой нормы // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 4 (10). – С. 49 – 56.

преступлениями, и применение в строго определенном объеме государственного насилия к лицам, их совершившим¹.

Нельзя не заметить, что такое понимание уголовного права, очевидно восходящее к естественно-правовым и конституционным принципам приоритета интересов личности и разумного ограничения государственной власти в ее отношениях с человеком, является, если допустимо так выразиться, «не самым удобным» для государства. Это «неудобство» с особенной очевидностью проявило себя в период революционной и постреволюционной истории России XX столетия, когда на смену леворадикальным идеям об отмирании права пришло понимание права как одного из важнейших, принудительных средств социального управления, понимание права не в качестве средства ограничения государства, а в качестве государственного средства регулирования общественных отношений.

Такой поворот с необходимостью сопровождался принципиальной корректировкой представлений о сущности уголовно-правовой нормы, ее адресатах, содержании и структуре. Поворот этот состоял в признании прямого регулирующего воздействия норм уголовного права не только (а зачастую не столько) на поведение государства, но и на поведение граждан в обществе. В одной из первых советских работ по проблемам функций уголовного права было прямо указано: «Нормы уголовного права регулируют не только отношения, возникающие вследствие совершения преступлений, но и отношения, которые посредством уголовного права получают только одно из государственных обеспечений их осуществления и беспрепятственного развития»². Эта мысль впоследствии нашла широкую поддержку. Ее раскрытие позволило А.В. Наумову сформулировать следующие суждения: «уголовно-правовые нормы призваны воздействовать на волевое поведение людей в двух направлениях: чтобы заставить

---

¹ См.: Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 50.

² Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). – Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1965. – С. 26.

аморально и асоциально настроенных лиц воздержаться от совершения преступлений и чтобы применить к лицам, нарушившим уголовно-правовой запрет, санкцию, предусмотренную нормой Особенной части. ... Установление государством правового запрета означает наложение юридических обязанностей на участников регулируемых им общественных отношений, так как они после этого должны воздерживаться от нежелательного для государства поведения. Отрицать за уголовно-правовыми запретами роль праворегулирующего начала – значит утверждать, что они не упорядочивают поведение людей в обществе»¹.

Подход этот, как ни странно прозвучит, весьма близок позиции И. Бентама в той части, что право, как некое единое целое образование, не может иметь отдельных, жестко обособленных «участков» и его нормы «едины» в деле регулирования поведения людей. Существенное же отличие состоит в том, что если Бентам говорил о праве как феномене, не имеющем отраслевого деления, здесь, в советской науке, отраслевой уголовно-правовой норме было придано значение регулятора едва ли не всех общественных отношений, в сохранении и развитии которых государство заинтересовано.

Это особенно важно в связи с теоретическими дискуссиями о предмете отрасли уголовного права как одном из критериев ее самостоятельности² и механизме функционирования отрасли. Распространение действия уголовно-правовой нормы на самый широкий круг общественных отношений (включая так называемые «регулятивные» или «позитивные»), с одной стороны, вызвало критические нарекания в литературе, крайней точкой выражения которых можно считать тезис об отсутствии у уголовного права собственного предмета правового регулирования³ и необходимости

---

¹ Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Учеб. пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. – С. 14 – 15.

² См. об этом: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. – М.: Норма, 2011.

³ См.: Тиунова Л.Б. Система правовых норм и отраслевое подразделение права // Советское государство и право. – 1987. – № 4. – С. 67; Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 4, 5.

разграничении отраслей права не по предмету, а по методу, функциям и механизму правового регулирования¹. По сути, это означало возврат к концепции И. Бентама и закреплению за уголовным правом функции упорядочения общественных отношений лишь одним специфическим методом. С другой стороны, идея наделения уголовного права функцией регулирования не только отношений, возникающих в связи с совершением преступления, но и всех иных отношений, потребовала новой концепции уголовно-правовой нормы, которая учитывала особенности ее действия в рамках различных типов общественных отношений.

На сегодняшний день единства мнений специалистов по поводу того, к кому обращена уголовно-правовая норма, кого она наделяет правами и обязанности, какие виды общественных отношений призвана урегулировать, не наблюдается. Консенсус специалистов (и то, как будет показано далее, неполный) ограничен лишь одним фактом признания наличия уголовно-правовых норм. В нашу задачу не может входить детальный анализ этой большой и сложной темы², однако для продолжения исследования необходимо определить хотя бы на уровне констатации свое отношение к поднятой проблеме.

Представляется, что в решении поставленной проблемы надо исходить из общего понимания функций уголовно-правовой нормы. Можно считать доказанным тезис о наличии у правовой нормы одновременно регулятивной и охранительной функции³. Для нас также очевидно, что эти функции в уголовном праве обеспечиваются различным способом или механизмом действия нормы. В общей теории права признается, что воздействие норм права на общество может иметь два основных направления: правовое

---

¹ Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск: Изд.-во Красноярск. Ун-та, 1989.- С. 33.

² Из современных работ на эту тему см., например: Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003; Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004; Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. II. Уголовный закон. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 227 – 253.

³ Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 8.

регулирование и идеологическое воздействие¹. Правовое регулирование – это особый вид социального действия нормы права, который состоит в наделении участников общественного отношения некоторыми правами и обязанностями и установлении гарантий их правового статуса. Воздействие же имеет иные механизмы информационного, ценностно-ориентирующего, психологического характера². Правовое регулирование и воздействие – несовпадающие процессы. Анализируя их с содержательной стороны, нет оснований исключать, что уголовно-правовые нормы оказывают на поведение граждан в обществе важное предупредительное воздействие, удерживая их от совершения преступлений, но в равной мере нет оснований полагать, что эти нормы наделяют граждан какими-либо правами и обязанностями за пределами их взаимосвязи с государством после факта совершения преступления. Следовательно, нормами уголовного права регулируются исключительно так называемые охранительные уголовно-правовые отношения, возникающие между государством и личностью в связи с фактом совершения преступления. Такое регулирование состоит, прежде всего, в установлении гарантий прав человека за счет ограничения прав и возможностей государства в применении репрессии.

Такой взгляд входит в определенный диссонанс с общим, распространенным в отечественной науке подходом. Однако он, как нам представляется, в лучшей степени соответствует пониманию социального предназначения уголовного права в современном правовом государстве. Он же предполагает особую форму реализации уголовно-правовых норм, которой в рамках уголовно-правовых отношений может выступать исключительно применение правовой нормы³. Он же задает и особое направление в исследовании содержания и структуры уголовно-правовой нормы.

---

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 211 – 213; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юридическая литература, 1978. – С. 72 и сл.

² См. об этом также: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. – М.: Норма, 2011. – С. 76 – 80.

³ См. об этом: Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 126 – 135.

Взаимосвязанные вопросы определения содержания и структуры уголовно-правовой нормы являются весьма сложными и, как многие вопросы теории уголовного права, не имеющими однозначного решения в науке. Это обстоятельство не есть исключительно отраслевая проблема, таково общее положение дел и в теории права. Как отмечают специалисты, «существующие в нашей литературе определения понятия "норма права" во многом противоречивы и не в полной мере отражают, с одной стороны, признаки всех видов правовых норм, а с другой, - все особенности этого явления применительно к различным правовым системам»¹; «в учении о нормах права существует множество подходов, в рамках которых имеется ряд как устаревших и требующих своего уточнения положений, так и отдельных новаций, не получивших своего полноценного отражения»².

Исходной точкой всех существующих дискуссий является понимание нормы права как общеобязательного, формально-определенного правила поведения, закрепляющего права и обязанности, направленного на регулирование общественных отношений, установленного и охраняемого государством³. Классическая структура такой нормы включает три элемента: гипотезу, содержащую условия ее применения, диспозицию, раскрывающую само правило поведения в виде прав и обязанностей участников отношения, и санкцию как последствие нарушения прав или неисполнения обязанностей.

Парадокс ситуации состоит в том, что такой подход, с одной стороны, является общепринятым, а с другой стороны, оспаривается или корректируется едва ли не всеми специалистами, пишущими на тему нормы права.

Учитывая масштаб проблем, связанных с исследованием правовой нормы, полагаем возможным для целей настоящего исследования

---

¹ Афанасьева Л.В. Нормы права и их действие: вопросы теории: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 8 – 9.

² Валиев Р.Г. О гносеологическом статусе категорий норма права и нормативно-правовое предписание // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, № 6. – С. 15.

³ Явич Л.С. Право развитого социалистического общества: Сущность и принципы. – М.: Юридическая литература, 1978. – С. 200.

ограничиться освещением лишь некоторых базовых моментов, необходимых для построения учения о системе Особенной части уголовного права. При этом, учитывая многообразие научных позиций, воспользуемся методом типологизации и моделирования с тем, чтобы, с одной стороны, охватить все высказанные в литературе суждения, а с другой стороны, чтобы не углубляться в частные аспекты различных теоретических построений учения о норме права. Обобщение и анализ научных концепций позволил выявить три основные модели учения о правовой (и соответственно – уголовно-правовой) норме в контексте ее соотношения с нормативным предписанием (сразу заметим, что тезис о тождественности нормы и предписания получил неоднозначную оценку среди опрошенных специалистов: 37% признали их тождество, тогда как большая часть – 63% согласилась с тем, что это не совпадающие феномены).

Первая модель (условно назовем ее «логической») опирается на понимание нормы права как правила поведения. «Норма уголовного права, – пишет Н.М. Кропачев, – есть общеобязательное правило поведения, соблюдение которого обеспечивается принудительной силой мер уголовно-правового воздействия. Она фиксирует границы свободы и ответственности участников общественной жизни, предписывает им определенное поведение во взаимоотношениях друг с другом»¹. Опираясь на эти суждения, надо признать, что уголовный закон ни в одной своей статье не фиксирует полноценное правило поведения ни государства (если считать, что норма определяет меру его возможного поведения в рамках уголовно-правовых отношений), ни человека (если допустить, что норма уголовного права регулирует его поведение в обществе). Реальное содержание нормы права и ее текстуальное изложение не совпадают, что обуславливается

---

¹ Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – С. 61.

соответствующими способами формально-юридического закрепления и изложения юридических норм¹.

Необходимость согласования учения о норме как о целостном правиле поведения и учение о законе как о форме выражения этого правила логично приводит специалистов к суждению о том, что под нормой права может мыслиться исключительно «логическая», «реальная» норма, т.е. правило, которое выявляется логическим путем на основе текстов правовых источников². Основой же для «собираания» такой правовой нормы выступают закрепленные в правовых актах правовые предписания. «Понятие "норма", – пишут В.П. Коняхин и А.Г. Князькина, – целесообразнее употреблять для обозначения виртуальной (логической) нормы, а «нормативное предписание» – для обозначения реальной нормы, отраженной в той или иной структурной единице текста соответствующей международной конвенции»³. Нормативное предписание уголовного права в этом случае трактуется как закрепленный в рамках отдельного тезиса статьи уголовного закона структурный элемент уголовно-правовой нормы, содержащий описание наиболее общих и (или) специфических признаков конкретных преступлений и наказаний, либо иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных за их совершение⁴. В итоге, уголовно-правовая норма, как пишет Т.В. Кленова, имеет сложное содержание и выражается в системе правовых предписаний Общей и Особенной частей УК РФ, а соотношение между нормой и предписанием определяется как соотношение части и целого⁵.

Такой подход кардинальным образом меняет представления о системном строении уголовного права. Развивая логику признания правовой

---

¹ Петрова Е.А. Основные подходы к структуре нормы права в различных правовых традициях// *Lex Russica*. – 2015. – № 1 (Т. ХСVIII). – С. 87.

² Алексеев С.С. *Общая теория права*. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 295.

³ Коняхин В.П., Князькина А.К. Нормативные предписания международного уголовного права: понятие, виды, структура // *Союз криминалистов и криминологов*. – 2020. – № 4. – С. 21 – 22.

⁴ *Уголовное право. Общая часть. Преступление*. Академический курс: в 10 т. Т. 2. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 213 (авторы соответствующего раздела – М.С. Жук, В.П. Коняхин).

⁵ Кленова Т.В. *Основы теории кодификации уголовно-правовых норм*. – Самара: Самарский ун-т, 2002. – С. 159.

нормы лишь «виртуальной моделью», специалисты признают, что в реальности именно нормативное предписание должно быть признано первичным неделимым элементом системы уголовного права¹. Отсюда вывод о невозможности выделения в структуре уголовного права самостоятельных норм Общей и Особенной части и о том, что система уголовного права должна мыслиться не столько как система уголовно-правовых норм, сколько как система нормативных уголовно-правовых предписаний².

Вторая модель (назовем ее условно «нормативной») исходит из принципиально иного понимания нормы права. «Вряд ли правильно, - пишет В.Д. Перевалов, - замыкаться на понимании норм права только как правил поведения. ... С долей условности и допуска к дискуссиям можно считать правовыми нормами и те установления, которые не являются непосредственно правилами поведения, носят государственно-властный характер, закреплены в текстах нормативных правовых актов и прямо или косвенно затрагивают интересы, права и обязанности людей»³. Норма права, при таком подходе, представляет собой не правило поведения, а правило вообще, правило общего характера, выраженное в виде властного предписания⁴. С.В. Жилиев в рамках этого подхода определяет уголовно-правовую норму в качестве первичного элемента уголовного права, который представляет собой общеобязательное властное веление, посредством которого устанавливаются основание и принципы уголовной ответственности, определяется, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и устанавливаются виды

---

¹ Идрисов Н.Т. Об уголовном нормативно-правовом предписании в системе законодательства и правоприменения // Право и политика. – 2017. – № 10. – С. 64; Идрисов Н.Т. О признаках нормативно-правового предписания в теории уголовного права // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 67.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 78 – 83; Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, систем и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 112 – 118.

³ Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5. – С. 16.

⁴ Валиев Р.Г. О гносеологическом статусе категорий норма права и нормативно-правовое предписание // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, № 6. – С. 19.

наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений¹.

При таком подходе различие между нормой уголовного права и статьей уголовного закона практически исчезает, а потому, оставаясь в его рамках, с полным основанием можно говорить о том, что в каждой статье УК РФ содержится отдельная уголовно-правовая норма², что существуют нормы Общей и нормы Особенной части уголовного права³. Следовательно, такой подход создает предпосылки для построения системы уголовного права с исключительной опорой на текст уголовного закона⁴.

Третья модель (условно именуемая нами «смешанной») основывается на совмещении двух изложенных выше подходов к пониманию правовой нормы. Теоретики пишут, что норма права это исходящее от государства общее, обязательное, формально-определенное веление, выраженное в форме отправного установления или правила поведения⁵; «содержащиеся в законах и иных признаваемых государством источниках стандарты (правила, образцы) поведения, а также другие связанные с ними установления, направленные на регулирование общественных отношений и обеспеченные, в случае необходимости, мерами государственного принуждения или поощрения»⁶. Соответственно, предлагается выделять, например, «нормы – начала», которые закрепляют основополагающие принципы правотворчества и правореализации; и «нормы – правила», которые выступают в качестве

---

¹ Жилияев С.В. Кумулятивные санкции в уголовном праве России и зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2000. – С. 12.

² Загинея З.А. Уголовно-правовые предписания Особенной части уголовного кодекса Украины: особенности композиционно-графического оформления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 47.

³ Уголовное право. Общая часть / науч. ред. В.Д. Меньшагин. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1948. – С. 229 – 233.

⁴ Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – С. 9 – 10 (автор главы – А.В. Бриллиантов); Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Векленко. – М.: Юрайт, 2017. – С. 26 – 27 (авторы главы – В.В. Бабурин, В.Н. Баландюк).

⁵ Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 93.

⁶ Афанасьева Л.В. Нормы права и их действие: Вопросы теории: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 8 – 9.

инструментального основания системы права¹. В отраслевой науке этот подход поддержан многими авторами. К примеру, Н.А. Лопашенко пишет: «норма уголовного права – это обязательное для исполнения или руководства при совершении действий правовое положение, которое может иметь форму правила поведения, в том числе с мерой уголовной ответственности за его нарушение, и форму принципа, правового определения, декларации, т.е. форму правоположения, которые закрепляют важнейшие понятия уголовного права². В.В. Мальцев указывает, что уголовно-правовая норма – это социально-теоретическое положение, предусмотренное в определенной статье Общей части, относящееся к совокупности или отдельным существенным свойствам (признакам) преступления или наказания либо уголовного законодательства в целом; или выраженный в уголовно-правовой норме вид преступления, обособленный в диспозиции и санкции определенной статьи УК РФ³. В этом же направлении выдержаны рассуждения М.А. Тулиглович, который указывает на необходимость понимания нормы уголовного права в двух аспектах – как нормы-предписания (нормы уголовного права в узком смысле) и как реальной нормы (нормы уголовного права в широком смысле). Под нормой уголовного права в узком смысле им понимается элементарное, логически завершенное государственно-властное положение, находящее непосредственное выражение в тексте УК РФ. Норма уголовного права в широком смысле – установленное государством, формально определенное правило наиболее целесообразного регулирования уголовно-правовых отношений⁴.

---

¹ Фокин Т.Б. Социально-юридическая природа нормы права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – С. 9; см. также: Пузырева Е.В. Нормы российского права: теоретические аспекты понимания и качественного выражения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – С. 9.

² Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 17; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. 4. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 143 (автор соответствующего раздела – Н.А. Лопашенко).

³ Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. II. Уголовный закон. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 233 – 234.

⁴ Тулиглович М.А. Структура уголовно-правовой нормы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – С. 6 – 7.

При таком двойственном понимании нормы права вопрос о структурно-системном строении отрасли решается, как нам представляется, не вполне четко. К примеру, Н.А. Лопашенко, с одной стороны, утверждает, что сформулировать норму – правило поведения без определений и принципов (то есть без норм – «установлений») невозможно, что со всей очевидностью предполагает необходимость их сочетания неким определенным образом, но с другой стороны, полагает, что систематизация уголовного права находит свое воплощение в системе уголовного законодательства, что столь же очевидно означает и жесткое расчленение норм-правил и норм-установлений по элементам системы отрасли уголовного права. В итоге, к примеру, Общая часть уголовного права по Н.А. Лопашенко складывается из норм и институтов, а Особенная – только из норм, причем при описании норм Общей и Особенной части, по нашему мнению, автор отходит от сформулированного ею же понятия правовой нормы¹. Не менее запутанные представления о системе уголовного права складываются и на основе изучения работ В.В. Мальцева, согласно которому, к примеру, следующий после нормы структурный элемент отрасли – институт уголовного права – образуют нормы, предусмотренные только в статье или статьях Общей части, «в основе которых находится целостная совокупность норм Особенной части»².

Указанные три модели понимания нормы уголовного права охватывают собой основные подходы к пониманию нормы уголовного права, хотя, разумеется, и не исчерпывают всех разнообразных теоретических построений, многие из которых находятся как бы в промежуточном поле, в различных комбинациях сочетая идеи каждой из них.

Так, например, В.Д. Филимонов в определении нормы уголовного права тяготеет к принципиальным положениям «логической модели». Он пишет, в частности, что норма уголовного права это «установленное

---

¹ Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 17, 18, 20 – 21.

² См.: Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. II. Уголовный закон. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 136.

государством общеобязательное правило социального поведения, получившее выражение посредством системы нормативных предписаний и регламентирующее поведение участников отношений, связанных с совершением преступления и назначением за него наказания либо иной меры уголовно-правового характера»¹. В тоже самое время он допускает деление правовых норм на те, что регулируют уголовно-правовые отношения непосредственно (например, нормы об ответственности за то или иное преступление), и нормы, которые регулируют отношения «через использование других норм» (например, нормы-принципы), что по нашему мнению, противоречит самой идее нормы права как правила регулирования отношений.

Другой пример – позиция Л.В. Иногамова-Хегай, которая, с одной стороны, понимает норму права как веление государства, отождествляет понятия «норма права» и «правовое предписание», то есть выраженное в статье закона положение, но с другой стороны, признает наличие «логической нормы права», которая только и способна сформировать правило поведения в случае совершения лицом того или иного преступления².

Эклектический характер носит и позиция В.Ф. Цепелева, который пишет о том, что уголовно-правовая норма отличается от статьи уголовного закона (ка форма отличается от содержания), допускает самостоятельное существование норм Общей и Особенной части, и в тоже время указывает, что норма Общей части выступает диспозицией в структуре нормы Особенной части уголовного права³.

Еще раз подчеркнем – анализ всех существующих подходов к пониманию уголовно-правовой нормы не является необходимым в рамках нашей диссертации, но может составить предмет отдельного,

---

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 213.

² Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. – М.: Норма, 2015. – С. 45 – 47.

³ Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011. – С. 207.

самостоятельного исследования. Нам для продолжения работы необходимо и достаточно определить свое отношение к проблеме понимания нормы уголовного права в рамках уже существующих теоретических построений.

Изучение представленных в литературе концепций убеждает нас в безупречности следующих исходных тезисов:

- норма права не может и не должна, хотя бы с точки зрения формальной логики, пониматься одновременно и как правило поведения, и как некое властное веление или правоположение; суть нормы права всегда едина;

- норма права не может отождествляться с властным велением, поскольку это, во-первых, лишает ее свойства логической целостности и завершенности, и во-вторых, с неизбежностью приводит к отождествлению нормы права и статьи закона, и как следствие – права и закона в целом, отсюда – короткий путь к легистскому типу позитивизма со всеми известными присущими ему недостатками;

- норма права содержит идеальную модель правоотношения, то есть включает в себя весь необходимый набор элементов, воплощение которых упорядочивает эти отношения не только с точки зрения их формального соответствия тексту закону, но и с позиций соответствия принципам права, норма права есть всегда целостное правило поведения субъектов правоотношения.

Отсюда вывод – норма уголовного права это признанный государством эталон, образец отношения между лицом, совершившим преступление, и государством, который содержит в себе описание взаимных прав и обязанностей участников уголовного правоотношения, модель их легитимного поведения. В каждом конкретном случае применения уголовно-правовой нормы, при отсутствии извинительных и неизвинительных ошибок, эта идеальная модель воплощается в жизнь, что свидетельствует о торжестве права, его реальном действии и выполнении функциональной нагрузки.

Такой подход заставляет дополнительно обсудить принципиальный в теоретико-прикладном отношении вопрос: является ли норма права исходной «клеточкой» в построении системы уголовного права, «минимальной и неделимой» частицей системы права. Этот вопрос, при всей внешней его простоте и малозначимости, самым непосредственным образом связан с фундаментальными проблемами правопонимания.

Должно быть очевидным, что если норма права – это всегда целостное правило поведения (так называемая «логическая» или «реальная» норма), то такая норма никогда не «дана нам в ощущениях». Она есть результат логических построений субъекта, который желает выявить норму права и (или) ее применить. Без этой субъективной деятельности норму права не обнаружить. Субъективный компонент неизбежно связан с расхождением во мнениях о содержании нормы права, с возрастанием значимости толковательной деятельности и развитием правовых коммуникаций между субъектами создания права, его применения и адресатами¹. Он создает предпосылки к восприятию права не только (а возможно и не столько) как объективных правил, выраженных в законах, сколько в качестве итога договоренностей и компромиссов.

Сложности этого момента признаны и многократно отмечены Конституционным Судом РФ, который в целом ряде своих решений обращал внимание на важность единообразного понимания правовых норм в контексте принципов правовой определенности и конституционного равенства граждан:

---

¹ Не случайно эти обстоятельства стимулируют развитие и широкое распространение коммуникативного типа правопонимания, см., например: Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2000; Яни П.С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в Российском законодательстве. – 2008. – № 1; Долотов Р.О. Переход к интегральному типу правопонимания – актуальная цель науки уголовного права // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2009; Пудовочкин Ю.Е. К вопросу о возможностях коммуникативного понимания уголовного права // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 3 окт. 2014 г. : в 3 т. Т. 1. / под ред. А. Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014.

- «конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что противоречит конституционному принципу равенства, предполагающему одинаковый подход к лицам, находящимся в равных или сходных условиях, и ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан¹;

- «любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы – при необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий или бездействия»²;

- «определенность обеспечивается в правовом регулировании как содержанием конкретных нормативных положений, включая Уголовный кодекс Российской Федерации, так и наличием между различными правовыми предписаниями системных и иерархических связей, путем выявления которых и должна оцениваться ее степень»³.

Подтверждением наличия серьезных проблем и сложностей в установлении содержания нормы могут служить и показатели апелляционной практики, отражающие наличие судебных правоприменительных ошибок. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ⁴ в 56,1% случаев основанием отмены или изменения приговора в

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 19. – Ст. 2812.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 5.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демьшиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 2.

⁴ См. информацию на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в сети «Интернет» по адресу URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 24.02.2021). Расчеты выполнены нами на основании данных, отраженных в Форме № 6 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке».

апелляционном порядке выступает неправильное применение судом первой инстанции уголовного закона. Это значит, в том числе, что суд, принимая решение по делу, неверно определил содержание уголовно-правовой нормы, подлежащей применению.

Представление о норме уголовного права как о некоем итоге интеллектуальной, познавательной деятельности существенным образом меняет, во-первых, теорию правоприменения, и во-вторых, учение о системе уголовного права.

Долгое время считалось общепринятым мнение о том, что законодатель создает уголовно-правовые нормы, а правоприменитель лишь оформляет их положения в практических отношениях. Отсюда – острая критика правотворческой функции суда, исключение суда из числа субъектов создания правовых норм и ограничение его функций подчеркнуто реализацией созданных вне суда и без суда правовых норм¹. Между тем, признание нормы права целостной моделью должного поведения предполагает, что эта модель должны быть выявлена судом, прежде чем он воплотит ее положения в фактических отношениях. «Поиск» уголовно-правовой нормы не может быть ограничен подбором тех или иных статей уголовного закона. Он требует особого интеллектуального напряжения и определенной творческой активности суда. Еще В.Н. Кудрявцев, разрабатывая формальные логические правила квалификации преступлений, писал: «Главная трудность при квалификации заключается не в том, чтобы из двух готовых посылок сделать вывод, а в том, чтобы решить, какие именно посылки должны быть взяты для построения умозаключения»². Формирование «большой посылки», то есть правовой нормы, это особый и значимый момент судебной практики. Как замечает В.И. Гойман, «представления сторонников нормативного подхода о том, что норма права уже сама по себе с момента введения ее в действие становится регулятором,

---

¹ См. об этом, например: Ершов В.В. «Судебное правотворчество»: pro et contra // Правосудие. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 7 – 35.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999. – С. 54.

весьма спорны. Такой вывод основан на представлениях о самопроизвольности, автоматизме действия юридических установлений, что в общем согласуется с нормативным подходом к проблеме правопонимания. Но если бы государственные установления действительно изначально становились регулятором в специально-юридическом значении, то в этом случае достаточно было бы издания законодательного акта, чтобы предусмотренные его целями отношения возникли в общественной жизни»¹. Следовательно, одного лишь законодательного уровня конструирования уголовно-правовой нормы явно недостаточно для того, чтобы она обнаружила свое содержание и начала действовать. «Законодательство и правоприменение настолько взаимосвязаны, что образуют единый правовой феномен, и формирование нормы права не завершается на законотворческой стадии. Она может быть не только непосредственно применена, но и сконструирована из отдельных правовых предписаний, например, в процессе квалификации преступления»². Здесь уместно вспомнить также Г. Кельзена, который называл акты применения права индивидуальными нормами права, фактически нивелируя столь подчеркиваемое многими отечественными учеными-юристами различие между общими и индивидуальными предписаниями³.

Взгляд на норму уголовного права как на целостное правило, являющееся итогом коммуникации субъектов права, позволяет уточнить представления о правоприменительной деятельности. Общая логика видится нам в данном случае следующим образом: законодатель конструирует отдельные правовые предписания → на их основе суд формирует несколько подходящих для данного конкретного случая правовых норм → и затем, с учетом фактических обстоятельств дела выбирает одну конкретную норму, активируя ее положения в конкретном правоотношении. Норма права при

---

¹ Гойман В.И. Действие права (Методологический анализ). – М.: РИО Акад. МВД РФ, 1992. – С. 77.

² Идрисов Н.Т. Об уголовном нормативно-правовом предписании в системе законодательства и правоприменения // Право и политика. – 2017. – № 10. – С. 63.

³ Kelsen H. Pure Theory of Law. Berkeley and Los Angeles, 1967. – P. 230 – 231, 233 – 235.

таким подходе выступает конструкцией, на основе которой из отдельных правовых предписаний «собираются» подходящие для конкретного случая правила поведения. С этой точки зрения стоит согласиться с мнением В.Г. Валиева о том, что «нормы права могут рассматриваться в качестве матрицы процессов правовой институционализации, в рамках которых так или иначе происходит опредмечивание и распределенное социальная сущности права. Если на гносеологическом макроуровне средством внешнего выражения права является категория форма права, то на микроуровне таким средством познания выступает норма права, которую можно рассматривать как микроформу права. ... Норма права как категория юридической доктрины, на наш взгляд, олицетворяет собой микроформу абстрактного отражения реального объекта – объективно существующего права»¹.

Признание роли суда в формировании нормы уголовного права и установление жесткой ориентации нормы на конкретный случай, требующий правового регулирования, то есть на фактические отношения, позволяет утверждать, что норма уголовного права содержательно и сущностно в большей степени связана с этим конкретным случаем, то есть с жизненными реалиями, нежели с правом как идеальной системой правовых норм. А следовательно, на основе правовой нормы строить систему уголовного права просто невозможно» норма уголовного права и система уголовного права – это логически несоподчиненные понятия и содержательно различные феномены. Первое – модель поведения, собранная судом из отдельных предписаний, второе – созданные законодателем исходные элементы этой модели.

Отсюда – и суждения о построении системы уголовного права. Вполне логичным и обоснованным, на наш взгляд, будет утверждение о том, что именно нормативно-правовое предписание, а не норма права, должно признаваться начальным элементом системы права. Основная трудность, с

---

¹ Валиев Р.Г. О гносеологическом статусе категорий норма права и нормативно-правовое предписание // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, № 6. – С. 13, 15.

которой при этом приходится сталкиваться, состоит в укоренившейся и почти незыблемой традиции видеть таким исходным элементом системы права именно правовую норму. «Признание нормативного правового предписания начальным элементом системы права неизбежно приводит к принижению теоретического значения категории правовой нормы (в ее классическом понимании), - пишет М.Л. Давыдова, - так как правовая норма либо приравнивается к другим правовым велениям, выполняющим вспомогательные функции в системе права, либо перестает восприниматься как первооснова права»¹. Именно этот довод, - вторит ей С.А. Маркунцов, - не позволил ученым советского периода рассматривать нормативные предписания как самостоятельный элемент системы права, а вынудил предлагать несколько искусственные конструкции и уголовно-правовой нормы, и системы уголовного права².

Однако всецело следовать традициям и привычкам в исследовании теории уголовного права (и права в целом) – дело совершенно бесперспективное. И если догма противоречит реальности и логике, она должна быть с неизбежностью пересмотрена и при необходимости опровергнута.

В этой связи применительно к проблеме изучения системы уголовного права в современных условиях, как полагаем, стоит актуализировать и развить суждение С.С. Алексеева о том, что именно нормативное предписание – это «первичное подразделение, живая клеточка права как институционального образования»³. Именно уголовно-правовые предписания должны быть признаны нижним звеном системы уголовного права, исходным элементом ее построения.

---

¹ Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009. – С. 13.

² Маркунцов С.А. О соотношении понятий «уголовно-правовой запрет» и «запрещающая уголовно-правовая норма» // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 122 – 129.

³ Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 293.

Такое утверждение открывает ряд значимых перспектив в теоретическом осмыслении уголовного права, которые заслуживают хотя бы тезисного изложения:

- Отнесение нормативного предписания к сфере системного строения отрасли уголовного права не позволяет поддержать распространенное в науке мнение о том, что предписание является начальным элементом системы законодательства¹, не позволяет отождествлять предписания и статьи уголовного закона, а следовательно и сводить систему уголовного права всецело к системе уголовного закона;

- Нормативное предписание уголовного права выражается в отраслевых правовых источниках, круг которых не ограничивается исключительно Уголовным кодексом РФ², следовательно, нормативные предписания (как Общей, так и Особенной части) могут быть обнаружены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в постановлениях Государственной Думы об амнистии, в решениях Конституционного Суда РФ и иных формальных отраслевых источниках;

- Разграничение уголовно-правового предписания и статьи источника отрасли уголовного права не только подтверждает известные рассуждения о различии права и закона, но и заставляет констатировать наличие разноуровневых по юридической силе предписаний, соответствующих отдельным источникам их выражения;

- Разграничение уголовно-правового предписания и нормы уголовного права, подлежащей применению в том или ином деле, позволяет решить теоретическую проблему понимания бланкетных правовых норм, которые конструируются посредством использования как собственно уголовно-правовых, так и иноотраслевых правовых предписаний.

В итоге, развитие теории уголовно-правового предписания в контексте его отграничения от закона и уголовно-правовой нормы позволяет

---

¹ Давыдова М.Л. Правовая норма и нормативно-правовое предписание: проблема соотношения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. – 2006. – № 3. – С. 55.

² См. об источниках уголовного права, например: Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015.

упорядочить и наши представления об уголовном праве в целом, о системе его создания и функционирования.

В науке уже верно отмечено: «нормативно-правовое предписание выступает как универсальная категория, объединяющая систему права и систему законодательства»¹. Полагаем, надо продолжить эту логику: если предписание объединяет право и закон, то уголовно-правовая норма выступает категорией, объединяющей систему права и реальные правоотношения. В итоге получаем следующую цепочку рассуждений: закон (и иные источники уголовного права) являются формой выражения уголовно-правовых предписаний; уголовно-правовые предписания являются частью уголовно-правовой нормы; уголовно-правовая норма выступает нормативной моделью идеального состояния отношения, возникающего в связи с совершением преступления; уголовно-правовое отношение является фактическим воплощением требований уголовно-правовой нормы. Исходя из этого, можно «развести» и исследовательские сферы уголовно-правовой науки:

- уголовный закон – область изучения законодательной техники (всего того, что связано с языком закона, юридическими понятиями, конструкциями, фикциями, презумпциями и т.п.)²;

- уголовное предписание – предмет изучения догмы уголовного права и уголовной политики (всего, что связано с правом государства устанавливать положения уголовного права и раскрытием их смысла); и здесь очевидно два направления в исследованиях – собственно догматическое (оно не требует иллюстраций ссылками на литературу, поскольку основной массив научных источников по уголовному праву выполнен именно в этом русле, исследуя

---

¹ Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. – Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2001. – С. 10; Чирков А.П. Нормативно-правовое предписание: общетеоретический и уголовно-правовой аспекты // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 9. – С. 33 – 37.

² См. об этом: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. и с предисл. А.В. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004; Паныко К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2011; Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. – М.: Юрлитинформ, 2011.

уголовное право как «сущее») и уголовно-политологическое, ориентированное на изучение уголовного права как «должного»¹;

- уголовно-правовая норма – сфера интересов социологии уголовного права (всего, что связано с реальным применением уголовного права, его фактическим проявлением); эта область научного знания – одна из наименее развитых в нашей науке, но одна из наиболее перспективных².

Каждое из этих направлений в исследовании уголовного права требует своих методологических принципов и подходов, что отражает одновременно и ограниченность любой методологии, и необходимость методологического плюрализма в процессе познания права, на что мы указывали в начале параграфа. Это лишний раз доказывает возможность и целесообразность опоры на принципы позитивизма при проведении догматических исследований уголовного права, к разряду которых относится и познание системного строения отрасли.

Резюмируя сказанное по поводу теоретико-методологических оснований изучения проблем строения Особенной части уголовного права, зафиксируем главную мысль, необходимую для продолжения исследования. Методологические возможности позитивизма в уголовном праве не могут и не должны считаться исчерпанными, а безапелляционная критика этого направления в юридической науке безосновательна. Требуемый современной науке методологический плюрализм и интегративное правопонимание не исключают, но напротив предполагают совмещение различных принципов и подходов к изучению феномена права. Позитивизм, ориентированный на исследование позитивных, внешне выраженных установлений права дает безусловные преимущества в исследовании такого сложного предмета, как

---

¹ См. об этом, например: Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний. – М.: Юрлитинформ, 2018; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. – М.: Юрлитинформ, 2019; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. – М.: Юрлитинформ, 2020.

² См., например: Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. – М.: Юрлитинформ, 2009; Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. – М.: Статут, 2012; Тимошина Е.В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 73 – 102.

система уголовного права. Опираясь на него и развивая сформулированные в отечественной юридической науке суждения относительно строения позитивного права и его внешнего выражения, надо признать, что в одной из возможных теоретических интерпретаций уголовное право может мыслиться как система санкционированных или предписанных государством установлений. Эти установления – суть уголовно-правовые нормативные предписания, которые выступают элементарной единицей уголовного права, неделимым элементом его системы. Они же служат основой для конструирования реальной уголовно-правовой нормы, посредством применения которой право проникает в фактические общественные отношения, упорядочивает и организует их. Переоценка распространенных суждений о соотношении нормы права, правового предписания и системы права требует вынесения «за скобки» рассуждений о системе уголовного права учения об уголовно-правовой норме. Система уголовного права должна мыслиться только как система уголовно-правовых нормативных предписаний.

§ 2. Понятие, содержание и структура нормативного предписания Особенной части уголовного права

Нормативное правовое предписание, как было установлено в предшествующем изложении, может быть признано элементарной единицей системы права. Этот общий тезис воспринят отраслевой наукой в качестве возможной методологической основы познания системы уголовного права. Однако такое признание, насколько свидетельствует анализ литературных источников, либо остается общей констатацией, либо ограничено областью изучения внутреннего строения Общей части уголовного права. Нормативные предписания системы Особенной части уголовного права в качестве самостоятельного предмета исследования в науке не

проанализированы в должной степени, что обуславливает необходимость дополнительного и специального исследования данного вопроса.

Начать анализ необходимо с уточнения исходного понятия – «нормативное предписание Особенной части уголовного права» и его основных признаков¹. Наиболее серьезные проблемы в данном случае вызывает два взаимосвязанных вопроса: как соотносится предписание и норма, а также как соотносится предписание и текст закона.

По этому поводу ни в правотворческой практике, ни в теории права нет единства мнений. Так, например, Приказ Министерства юстиции РФ от 04.05.2007 № 88, который определял правила подготовки нормативных правовых актов, в дефиниции правовой нормы ссылался на постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации», согласно которому под правовой нормой предлагалось понимать «общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение»². Этот подход, по сути, отражал известную позицию отождествления нормы и предписания. Однако данный приказ утратил силу с 2020 года.

В пришедшем ему на смену Приказе Министерства юстиции РФ от 23.04.2020 № 105 определение правовой нормы дается со ссылкой на п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», исходя из которого правовая норма отождествляется с правилом поведения, обязательным для неопределенного круга лиц, рассчитанным на неоднократное применение, направленным на

---

¹ См. подробнее: Асланян Р.Г. Понятие и содержание нормативного предписания особенной части уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 82 – 90.

² Приказ Минюста РФ от 04.05.2007 № 88 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 14.05.2007 № 9449) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 23.

урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений¹. Здесь, как видим, норма права определяется в иной концептуальной рамке, как целостное правило поведения. Что касается слова «предписание», то оно в данном приказе используется, как можно понять, для характеристики текста нормативного правового акта: нормативные правовые акты содержат предписания нормативно-правового характера, тогда как акты рекомендательные не должны содержать таких предписаний.

К такому пониманию предписаний склоняется и Конституционный Суд РФ в своих решениях. В одном из постановлений, определяя понятие нормативного правового акта, он указал, что нормативный правовой акт – это акт общего действия, адресованный неопределенному кругу лиц, рассчитанный на многократное применение, который содержит конкретизирующие нормативные предписания, общие правила и является официальным государственным предписанием, обязательным для исполнения². Слово «предписание» в решениях Конституционного суда РФ связывается с конкретными статьями Конституции РФ³, с текстом федерального закона⁴, региональных нормативных правовых актов⁵, с текстом уголовного и корреспондирующего бланкетного законодательства¹.

---

¹ Приказ Минюста России от 23.04.2020 № 105 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.04.2020 № 58222) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.04.2020.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД "О некоторых вопросах применения Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и от 11 октября 1996 г. N 682-П ГД "О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 6.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 3.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области "Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 2.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1997 № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 "О порядке переноса

Исходя из этих официальных документов, можно сделать вывод, что правовая норма (в том числе и уголовно-правовая) – это официальное правило, текстуально воплощенное в отдельном или множестве нормативных предписаний, которые являются частью текста нормативного правового акта.

Такой подход достаточно широко представлен в научной литературе. Еще А.В. Мицкевич, автор идеи нормативно-правового предписания, определял его как то или иное логически завершенное положение, прямо отраженное в тексте нормативного акта государственного органа и содержащее обязательное для других субъектов, учреждений решение государственной власти. Правовое предписание, - писал он, - это самый текст статей, пунктов или других грамматически и логически завершенных частей нормативных актов². Об этом же пишет В.М. Сырых, когда трактует нормативно-правовое предписание как цельное, логически законченное и формально подкрепленное в тексте нормативно-правового акта властное веление правотворческого органа³.

В отраслевой науке эта идея также поддерживается. Денисова А.В., например, определяет нормативное предписание как элементарную частицу нормативно-правового акта⁴; а В.П. Коняхин пишет, что предписание Общей части уголовного права – это закрепленный в рамках отдельного тезиса, пункта части статьи или статьи Общей части уголовного закона структурный элемент (субэлемент) уголовно-правовой нормы или связанный с ним

срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации", Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года "О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области" и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года "О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области" (в редакции от 9 ноября 1995 года) // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 4.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 6.

² Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. – М.: Юридическая литература, 1967 // Мицкевич А.В. Избранное / сост. и авт. предисловия Е.А. Юртаева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – С. 36.

³ Сырых В.М. Теория государства и права. Учебник для вузов. – М.: Юстицинформ, 2006. – С. 86.

⁴ Денисова А.В. К вопросу о системе уголовного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2013. – № 1 (13). – С. 90 – 102; Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 63 – 64.

структурный элемент (субэлемент) нормы другой отрасли права, который содержит описание наиболее общих признаков преступности и наказуемости общественно опасных деяний либо способа применения (идентификации) данных признаков уполномоченными государственными органами и их должностными лицами¹.

Признавая принципиальную допустимость такого понимания, полагаем все же, что оно нуждается в определенной корректировке. Нормативное предписание как некое веление правотворческого органа с необходимостью должно быть облечено в некую логически завершенную форму, которая позволяла бы адекватно воспринимать смысл этого веления. М.Л. Давыдова верно пишет: «Обязательной чертой нормативного правового предписания считается его логическая завершенность. С синтаксической точки зрения, существенным признаком завершенности коммуникативной единицы языка является ее контекстная свобода, или самодостаточность единицы. Она предполагает отсутствие необходимости обращения к внешним источникам информации. Мысль законодателя выражена здесь от начала и до конца, смысл веления может быть понят без учета контекста»².

Заметим, однако, что требование логической завершенности подчеркивается в приведенных общетеоретических определениях нормативного предписания, но упускается из вида в процитированных выше суждениях отраслевых специалистов. Между тем, это принципиальное обстоятельство. Вне логической формы, обеспечивающей восприятие текста, смысл этого текста будет совершенно неясным.

В логике общепризнанно, что основными формами, с помощью которых отражается действительность в мышлении, выступают понятие, суждение и умозаключение, они выступают способом связи элементов

---

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 185.

² Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009. – С. 27.

мысли, ее строением¹. Если какой-либо элемент текста закона, обособленный на уровне статьи, части статьи или пункта статьи не облечен в одну из этих форм, в рамках существующей сегодня логической системы мышления понять смысл этого текста не представляется возможным. Возьмем, к примеру, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это отдельный структурный элемент текста закона, обособлен в отдельном пункте отдельной части статьи Особенной части закона. Его текст дословно звучит: «двух или более лиц». Сам по себе он не выражает никакой мысли. Для того, чтобы эту мысль выявить данный пункт должен быть истолкован, как минимум, в связи с предыдущим словом – «убийство», которое структурно в тексте закона обособлено от пункта «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Только два слова вместе «убийство» и «двух или более лиц» могут составить понятие как элементарную форму логического мышления. Предписание, таким образом, не выражено в тексте закона непосредственно, оно устанавливается нами путем контекстуального толкования, как минимум, двух единиц текста.

Кроме этого, возможны и иные ситуации, когда в рамках одной структурной единицы текста закона содержится несколько нормативных правовых предписаний. Как указывает В.М. Сырых, «по своему словесно-логическому построению нормативное предписание представляет собой отдельное предложение или даже отдельную фразу. При этом необязательно, чтобы оно было оформлено в виде отдельной статьи, пункта или иной структурной единицы нормативно-правового акта»². К примеру, ч. 1 ст. 132 УК РФ содержит веление законодателя о криминализации трех видов опасного поведения, каждый из которых облечен в самостоятельное понятие – «мужеложство», «лесбиянство», «иные действия сексуального характера».

Уже только эти примеры, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что между структурной единицей текста уголовного закона и уголовно-правовым предписанием нельзя ставить знак равенства. «Положение о том, что каждое

---

¹ Сковиков А.К. Логика. Учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2015. – С. 14, 17; Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. Учебник для юридических вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 12.

² Сырых В.М. Теория государства и права. Учебник для вузов. – М.: Юстицинформ, 2006. – С. 86.

предложение текста закона содержит нормативно-правовое предписание, может быть принято лишь с оговоркой о различной степени самостоятельности этих нормативных правовых предписаний»¹. Но такие оговорки в отраслевой науке, как правило, не делаются.

В нашем представлении текст уголовного закона есть просто знаковая система, посредством которой законодатель выражает свои веления. Отсюда и соотношение нормативного правового предписания и текста закона стоит рассматривать с позиций соотношения содержания и формы. Тезис о том, что уголовно-правовое предписание формулируется в статье, части, пункте статьи уголовного закона может рассматриваться в качестве общего, но далеко не универсального правила, поскольку конструирование текста уголовного закона подчинено своим, юридико-техническим требованиям, а конструирование нормативного предписания – своим, логическим законам. Уголовно-правовое нормативное предписание, таким образом, это логически завершенная законодательная мысль, выраженная в тексте нормативного акта.

Это утверждение является важным шагом к последующему уточнению, касающемуся логической формы этой мысли². В данном случае, в первую очередь, нас интересует вопрос о начальной, если допустимо так выразиться, минимальной логической форме законодательного веления: выступает в качестве таковой понятие или суждение. Вопрос о соотношении понятий и суждений в логике – весьма сложный³. Однако общий подход состоит в признании наличия между ними тесных связей: всякое суждение формулируется посредством понятий, но понятие не может быть определено без суждения. С точки зрения языковых форм выражения, понятие формулируется словом, суждение – предложением. Следовательно, если

---

¹ Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009. – С. 30.

² См. подробнее: Асланян Р.Г. Логическая форма выражения нормативного предписания особенной части уголовного права // Российский следователь. – 2021. – № 11. – С. 51 – 54.

³ Обзор позиций см., например: Лупандин В.Н., Магомедова З.Г. О соотношении понятия и суждения в мыслительном процессе // Среднерусский вестник общественных наук – 2015. – № 2 (38). – С. 12 – 15.

нормативное предписание является понятием (как элементарной формой выражения мысли законодателя), то такое понятие всегда представляет собой некое суждение. К примеру, понятие «кража», которое дается в ч. 1 ст. 158 УК РФ выражается суждением: «кража есть тайное хищение чужого имущества». Суждение, таким образом, может быть признано главным содержанием нормативного предписания. Это обстоятельство представляется крайне важным в контексте обсуждения связи предписания и текста закона. Если суждение – это и есть предписание, а грамматическим выражением суждения выступает предложение, то есть все основания поддержать А.И. Ситникову, которая, исследуя предписания уголовного права в текстологическом контексте, указывает, что «уголовно-правовое предписание представляет собой законченный нормативный текст, то есть законодательное высказывание, которое исчерпывает целевую заданность этого предписания, имеет смысловую и формальную завершенность». И далее, что важно: нормативное предписание – это нормативное предложение, которое являет собой фрагмент нормативного текста; модель, при которой одному предложению в тексте закона соответствует одно нормативное предписание является оптимальной¹. Мысль о том, что единицей текста, соответствующей отдельному нормативному правовому предписанию, является предложение, широко распространена и среди теоретиков права².

С учетом сказанного, можно на данном этапе исследования сделать технический вывод о том, что уголовно-правовое предписание Особенной части являет собой логически завершенное суждение законодателя, выраженное в предложении Особенной части уголовного закона.

Принципиальный вопрос, который необходимо обсудить в связи с этим, состоит в выяснении конструкции данного предложения и его смысла. В уголовно-правовой литературе, с одной стороны общепризнанным

---

¹ Ситникова А.И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 73, 75, 76.

² Антропов В.Г. Правовая логика: структура правовой нормы. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5 – 6; Парфентьев А.Л. Нормативно-правовое предписание и его виды: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1980. – С. 7.

является мнение о том, что Особенная часть уголовного права содержит описание преступлений и наказаний, с другой стороны, встречаются весьма существенные различия, касающиеся детализации этого описания. Так, В.Н. Борков и А.А. Нечепуренко пишут, что Особенная часть содержит описание перечня преступлений и мер наказаний за их совершение¹. А.В. Грошев указывает, что в ней содержится описание признаков деяний, признаваемых преступлениями, виды и размеры наказаний, а также специальные основания освобождения от ответственности за их совершение². Очевидно, что между перечнем деяний и признаками деяний есть существенная разница, а описание признаков деяний и описание возможной реакции государства на их совершение – это разные виды описаний. В связи с чем вопрос о содержании предложений, составляющих Особенную часть уголовного закона или иначе – о содержании нормативных предписаний Особенной части уголовного права, требует уточнения.

Прежде всего, полагаем необходимым высказать несколько соображений по поводу того, что Особенная часть уголовного права содержит перечень преступлений. Само слово «перечень», с одной стороны, является вполне подходящим для описания Особенной части уголовного права в том отношении, это некий упорядоченный список деяний, признаваемых преступлениями. С другой стороны, акцент на номенклатуре преступных деяний дезавуирует описание самих деяний, составляющих перечень. В связи с чем возникает важнейший вопрос, выходящий далеко за рамки простого исследования системы уголовного права: должен ли уголовный закон содержать описание признаков преступных деяний или же достаточно, чтобы в нем содержался их перечень. Эта проблема непосредственно связана с традиционными рассуждениями о простых (назывных) и описательных диспозициях статей Особенной части уголовного

---

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 5.

² Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – С. 43.

закона, приобретающих особое звучание в свете принципа правовой определенности.

Согласно нашим подсчетам (по состоянию на 28.02.2021) в Особенной части УК РФ содержится 34 назывные диспозиции (3,6% от общего числа)¹; остальные в той или иной степени содержат указание на отдельные признаки описываемых преступлений. Назывные диспозиции фактически не раскрывают, не описывают признаков преступления. С точки зрения логической формы выражения законодательного веления они являют собой не суждение, а понятие. Толкование и раскрытие этого понятия – удел правоприменителя, а также задача толковательной деятельности Верховного Суда РФ. Конституционный Суд РФ не усматривает в таких диспозициях повода для сомнений в качестве уголовного закона и выраженных в нем предписаний. Он исходит из того, что «запреты и иные установления, закрепляемые в законе, должны быть определенными, ясными, недвусмысленными»²; однако указывает в ряде своих решений, что «отсутствие в законе формально определенных критериев тех или иных понятий ... само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционные права граждан»³, «не дает оснований считать, что эти понятия не имеют законодательно установленных рамок, вследствие чего допускается их произвольное истолкование»⁴, признает, в конечном итоге, что «определение степени формализации признаков того или иного

---

¹ К числу назывных нами отнесены диспозиции ч.1, ч. 2 ст. 108; ч. 1 ст. 109; ч. 1, ч. 2 ст. 114; ч. 1 ст. 118; ч. 1 ст. 122, ч. 1 ст. 126; ч. 1 ст. 128; ч. 1 ст. 138; ч. 1. Ст. 159.3; ч. 1 ст. 166; ч. 1 ст. 205.2; ст. 210.1; ч. 1 ст. 221; ч. 1 ст. 221.1; ч. 1 ст. 223.1; ч. 1 ст. 228.1; ч. 1 ст. 228.3; ч. 1 ст. 228.4; ч. 1 ст. 229; ч. 1 ст. 230; ч. 1 ст. 232; ст. 233; ч. 1 ст. 243; ч. 1 ст. 243.3; ч. 1 ст. 280; ч. 1 ст. 299; ч. 1, ч. 2 ст. 301; ст. 322.2; ст. 322.3; ст. 329; ч. 1, ч. 2 ст. 353; ч. 1 ст. 354 УК РФ.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 4.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 6.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 № 431-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чавкина Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации». Текст официально не опубликован; URL: http://www.ksrf.ru:8081/SESSION/S_U3Kzndh2/PILOT/main.html (дата обращения: 28.02.2021).

преступления как составная часть нормотворческого процесса – исключительная компетенция законодателя»¹.

Однако в научной литературе отношение к назывным диспозициям весьма настороженное, а А.В. Наумов прямо называет их дефектом законодательной техники². Не углубляясь в детальное исследование вопроса о назывных диспозициях выразим принципиальное согласие с этой позицией, что в контексте рассматриваемых нами вопросов позволяет утверждать: Особенная часть уголовного права не должна содержать «банального» перечня преступлений, она должна содержать описание (в идеале – развернутое) признаков этих преступлений. В связи с этим приведенное выше суждение А.В. Грошева в рассматриваемой части признается нами более убедительным. Основной массив диспозиций статей Особенной части уголовного закона – 96,4% - в той или иной степени подробности описывают признаки запрещенных деяний, а сами статьи устанавливают, кроме того, и размеры возможного наказания за совершение данных преступлений.

В рассуждениях о содержании уголовно-правового предписания Особенной части стоит обратить внимание на способ описания признаков состава преступления в диспозиции статьи. Исследование показало, что 30 диспозиций (3,2% от общего числа или 3,3% от числа описательных диспозиций) содержат уникальный прием описания, включающий в себя указание и на название преступления, и на его признаки (по типу ч. 1 ст. 158 УК РФ – «кража, то есть тайное хищение чужого имущества»³). Остальные (большинство) диспозиции статьи Особенной части УК РФ не включают в описание преступления его наименование (по типу ч. 1 ст. 336 УК РФ –

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 54.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 216.

³ Такой способ описания преступления установлен в ч. 1 ст. 105; ч. 1 ст. 128.1; ч. 1 ст. 131; ст. 136; ч. 1 ст. 158; ч. 1 ст. 159; ч. 1 ст. 159.1; ч. 1 ст. 159.5; ч. 1 ст. 159.6; ч. 1 ст. 160; ч. 1 ст. 161; ч. 1 ст. 162; ч. 1 ст. 163; ч. 1 ст. 185.3; ч. 1 ст. 196; ч. 1 ст. 197; ч. 1 ст. 204.1; ч. 1 ст. 205.4; ч. 1 ст. 213; ч. 1 ст. 214; ст. 275; ст. 276; ч. 1 ст. 282.1; ч. 1 ст. 291.1; ч. 1 ст. 292; ч. 1 ст. 293; ст. 304; ч. 1 ст. 330; ч. 1 ст. 338 УК РФ.

оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы).

Это, на первый взгляд, малозначимое обстоятельство вызывает серьезный вопрос о структуре нормативного предписания Особенной части уголовного права. Дело в том, что в ситуации, когда определение признаков преступления сопровождается указанием на понятие этого преступления, предложение, формулирующее нормативное правовое предписание, приобретает сложный состав. В таких ситуациях «происходит своеобразное наложение одного предложения на другое, одной логической фразы на другую»¹. В итоге, в одном предложении обнаруживается одновременно и понятие определенного деяния, и суждение о наказуемости этого деяния. Предписание, таким образом, последовательно отражает две формы логического мышления: и понятие, и суждение. Анализируя эти случаи на примере ч. 1 ст. 158 УК РФ, М.Л. Давыдова пишет: «в ч. 1 ст. 158 УК РФ говорится: «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, наказывается штрафом...». В данном случае в виде вставочной конструкции (части предложения) сформулирована правовая дефиниция, которая выступает как самостоятельное нормативное правовое предписание. Если это предложение разбить на два, смысл правовых велений не изменится: «Кража – это тайное хищение чужого имущества» и «Кража наказывается...»².

Такой прием построения предложений и структурирования нормативных предписаний заставляет обсудить несколько вопросов: может ли нормативное предписание Особенной части уголовного права ограничиваться выражением лишь понятия, а не суждения; может ли нормативное предписание выражаться частью предложения нормативного акта; является ли основной задачей нормативных предписаний Особенной части формулирование признаков преступного деяния или же формулирование суждение о пределах их наказуемости.

---

¹ Чесноков П.В. Логическая фраза и предложение. – Ростов-на-Дону: Изд. Рост. ун-та, 1961. – С. 30.

² Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009. – С. 30, 31.

Начать следует с последнего. Опыт создания и теоретического обоснования уголовных законов, не определяющих границы наказуемости преступления, как показал историко-правовой анализ, отечественному праву был известен, и справедливо отвергнут. В современных условиях нормативное предписание о преступности того или иного деяния, не сопровождаемое указанием на параметры его наказуемости, представляется немислимым. Тем не менее, исключительно с теоретической точки зрения такие предписания вполне могут быть смоделированы. В этом случае предписания Особенной части уголовного права будут содержать понятия преступлений отдельных видов, а вопросы их наказуемости будут отнесены к сфере регулирования Общей части с предоставлением суду широких полномочий по определению вида и размера уголовного наказания. Очевидно, что такая модель не может обсуждаться всерьез, поскольку содержит недопустимо высокие риски нарушения прав человека. Можно в качестве общего тезиса сформулировать идею о том, что в принципе, предписание Особенной части уголовного права, должно представлять нормативное суждение именно о наказуемости того или иного преступления. Такой подход в большей степени коррелирует установленному нами ранее пониманию уголовного права как средства ограничения свободы усмотрения государства в противодействии общественно опасным посягательствам.

Теперь – об описании преступного деяния в статье Особенной части УК РФ. Представляется, что с точки зрения и логики построения нормативного предписания, и текстологических правил отражения их в законе, «вставочные конструкции», о которых пишет М.Л. Давыдова, являются излишним и неоправданным приемом, поскольку не привносят в содержание предписания никакой новой информации. У законодателя имеется две потенциально возможные альтернативы: а) ограничиться назывными диспозициями и оставить раскрытие понятия преступления того или иного вида судебной практике (как это имеет место, к примеру в ситуации с криминализацией похищения человека, где ч. 1 ст. 127 УК РФ

лишь называет преступление, а признаки его толкуются в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»); б) отказаться от воспроизведения понятия преступления в диспозиции статьи Особенной части, оставив понятие лишь в качестве обозначения соответствующей статьи (как это имеет место, к примеру, в ситуации с преступлением, предусмотренным ст. 131 УК РФ). С учетом высказанных ранее соображений относительно назывных диспозиций, а также принимая во внимание требования принципа законности, идеальное воплощение которого требует максимально подробного и полного описания признаков состава преступления в тексте уголовного закона, следует подтвердить недопустимость первой из указанных альтернатив. Опираясь же на законы логики и требования экономии нормативного текста, следует признать перспективный характер второго варианта оформления нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

При таком подходе логическая структура нормативного предписания будет упрощена, а само предписание будет содержать в себе суждение о пределах наказуемости определенного в этом предписании преступного деяния. Формой его языкового выражения останется предложение, которое будет строиться по схеме: «такое-то деяние наказывается так-то».

Все изложенное позволяет на данном этапе исследования предложить следующую дефиницию нормативного правового предписания Особенной части уголовного права. Нормативное предписание Особенной части уголовного права представляет собой закрепленное на уровне самостоятельного предложения статьи или части статьи Особенной части УК РФ логически завершённое суждение законодателя о пределах наказуемости преступления, признаки которого определены в этом предписании (с таким пониманием предписания согласились 74% опрошенных специалистов).

Этот вывод является исходной точкой в обсуждении вопроса о соотношении нормативного предписания Особенной части уголовного права

и уголовно-правовой нормы в контексте познания ее структуры. Вопрос о структуре уголовно-правовой нормы – крайне сложный и дискуссионный. В его обсуждении высказаны едва ли не все возможные теоретические позиции, детальное обсуждение которых выходит за пределы рассматриваемой нами темы. А потому, с учетом направленности нашего анализа, обратим внимание лишь на некоторые принципиальные аспекты, касающиеся, прежде всего, соотношения уголовно-правового предписания и структуры уголовно-правовой нормы.

Прежде всего, заметим, что в рамках концепции, признающей уголовно-правовую норму цельным правилом поведения («реальной», «логической» нормой), градация норм уголовного права на нормы Общей и Особенной части представляется бесперспективной и, более того, невозможной. Вполне определенно по этому поводу высказался Е.В. Благов: норм Общей части, равно как и норм Особенной части уголовного права, «нет в природе»¹. Этот тезис поддержан и иными авторами. Ю.Е. Пудовочкин, к примеру, пишет, что «деление уголовного права на Общую и Особенную часть справедливо исключительно для внешней формы выражения права – уголовного закона; только в законе возможно выделение Общей и Особенной части, уголовное право (если рассматривать его как систему норм) не может знать такого деления, поскольку состоит из единых уголовно-правовых норм»². А.П. Чирков дополнительно указывает, что «реальная уголовно-правовая норма представляет собой довольно громоздкую конструкцию. ...весь перечень реальных уголовно-правовых норм мы можем определить исходя из того их количества, которое находит отражение в статьях Особенной части УК»³.

---

¹ Благов Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Благов. – Ярославль: ЯрГУ, 1993. – С. 94.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 79.

³ Чирков А.П. Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 9. – С. 81 – 84.

Далее, что касается структуры уголовно-правовой нормы. Вопрос этот многократно осложняется отсутствием единства в понимании уголовно-правовой нормы и допускаемой в науке градацией уголовно-правовых норм на нормы Общей и Особенной части, причем, как отмечают специалисты, «при исследовании проблемы структуры уголовно-правовой нормы в общем плане, обычно речь идет о нормах, изложенных в Особенной части уголовного законодательства»¹. Спектр высказанных суждений по поводу структуры уголовно-правовой нормы (либо структуры нормы Особенной части уголовного права) крайне широк. Вот только некоторые из них:

- «Количество структурных элементов в нормах зависит ... от фактических общественных отношений и воли, целенаправленных действий законодателя. ... Можно утверждать, что та или иная правовая норма содержит столько структурных логических элементов, сколько этого требует данное общественное отношение»²;

- Основным элементом, без которого правовая норма немислима, является само правило поведения, именуемое диспозицией; все же остальные элементы структуры нормы являются для нее акциденциями, т.е. такими элементами, наличие или отсутствие которых зависит от внешних обстоятельств; а потому норма права может содержать в своей структуре и один, и два, и три элемента³;

- Каждая правовая норма, и уголовно-правовая норма, в том числе, состоит из двух элементов: из определения условий применения правила (гипотезы) и изложения самого правила (диспозиции) и может быть выражена в форме «если – то»⁴; причем по мнению некоторых авторов, «гипотезу» следует заменить категорией «условие», определив ее как часть нормативно-правового предписания (нормы права), в которой содержится

---

¹ Шевченко Е.В. К вопросу о структуре уголовно-правовой нормы // Проблемы законности. – 2012. – № 118. – С. 136 – 145.

² Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5. – С. 15.

³ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2001. – С. 469 – 470, 479.

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 162.

описание юридических оснований (фактов), при наступлении которых правовое предписание подлежит реализации; а «диспозицию» нужно заменить категорией «следствие» и понимать под ней структурный элемент нормативно-правового предписания (нормы права), содержащий правило поведения адресатов предписания¹;

- Нормы Особенной части уголовного права четко разделены на две части: диспозицию, описывающую запрещенное деяние, и санкцию, описывающую возможное наказание²;

- Нормы уголовного права имеют классическую трехчленную структуру по типу «гипотеза – диспозиция – санкция»³, содержание которых меняется в зависимости от того, действует ли эта норма в позитивном аспекте, обращенном к гражданам, или в ретроспективном аспекте, обращенном к государству⁴;

- Такого элемента, как санкция в структуре нормативно-правового предписания не существует; конструкция «иначе», предлагаемая сторонниками трехчленной структуры нормы права, может быть рассмотрена как новое (дополнительное) нормативно-правовое предписание; санкции в охранительных нормах выступают правилом поведения – «следствием» для субъектов, полномочных применять данные нормы⁵.

Как видим, в науке представлены суждения, доказывающие, однокомпонентный, двухкомпонентный (в различных сочетаниях), трехкомпонентный характер уголовно-правовой нормы. Высказана и интегрирующая эти суждения концепция. Согласно мнению некоторых теоретиков права, каждая норма права имеет три проявления: 1) первичная

---

¹ Рябинин Н.А. К вопросу о построении нормы права и понимании составляющих ее элементов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 4 (83). – С. 205.

² Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Городец, 2006. – С. 32.

³ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самарский ун-т, 2001. – С. 166; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. М.А. Кауфмана, А.В. Бриллиантова. – М.: Юстиция, 2020. – С. 17 (авторы главы – В.А. Блинников, В.М. Волошин).

⁴ Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Изд. Дом С.- Петерб. гос. ун-та, 2006. – С. 31 – 32 (автор главы – А.И. Бойцов); Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 19 – 22.

⁵ Рябинин Н.А. К вопросу о построении нормы права и понимании составляющих ее элементов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 4 (83). – С. 207.

норма (норма-предписание), которая содержится в нормативном акте; 2) логическая двучленная норма (регулятивная или охранительная), которая формируется на базе первичных и необходима для определения, действует ли соответствующее правило (установление); 3) логическая трехчленная норма, которая формируется из первичных и двучленных, и необходима для прогнозирования (определения) последствий нарушения регулятивных норм или установления при реализации охранительных, какие регулятивные нормы нарушены¹.

В нашем представлении норма уголовного права, как уже неоднократно отмечалось, есть полноценное правило поведения субъектов правоотношения, определяющее ее взаимные права и обязанности; при этом главным адресатом уголовно-правовой нормы выступает государство, мера возможного поведения которого этой нормой ограничивается. Государство в рамках уголовно-правовых отношений имеет возможность применить к лицу, совершившему преступление, те или иные меры уголовно-правового воздействия. Соответственно, основания применения этих мер, содержание и порядок применения – это то, что квинтэссирует содержание уголовно-правовой нормы; а сама норма в структурном и логическом отношении распадается как бы на две части: собственно основание применения мер воздействия, и ограничение применяемых мер. Первая часть в академической интерпретации структуры правовой нормы представляет собой условие, при котором государство наделяется определенными правами и обязанностями, или иными словами, - гипотеза нормы. Вторая часть описывает меру возможного поведения, права и обязанности государства, что соответствует представлениям о содержании диспозиции правовой нормы².

Представляется, что этим содержание и структура нормы уголовного права исчерпываются, что дает основание (без долгих дополнительных

---

¹ Афанасьева Л.В. Нормы права и их действие: вопросы теории: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 8 – 9.

² См. подробнее: Асланян Р.Г. Структура уголовно-правовой нормы, предписания особенной части и статьи особенной части уголовного закона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 129 – 135.

аргументов) поддержать высказанное в литературе суждение о двухкомпонентном строении уголовно-правовой нормы в трактовке, которая была предложена Н.М. Коркуновым. Последствия нарушения государством тех прав и обязанностей, которые устанавливает для него норма уголовного права, находятся за пределами сферы уголовно-правового регулирования и определяются положениями конституционного права, как регулятора отношений государства и личности (а в некоторых случаях – и международного права, как средства, обеспечивающего исполнение обязательств государства перед международным сообществом).

Таким образом, гипотеза (как часть нормы, описывающая основания применения уголовно-правового воздействия) и диспозиция (как часть нормы, описывающая меру возможного поведения государства по отношению к лицу, совершившему преступление) образуют в своем единстве уголовно-правовую норму.

С этих позиций целесообразно теперь рассмотреть вопрос о соотношении уголовно-правовой нормы и нормативного предписания Особенной части уголовного права.

В научной литературе (если исключить теории, отождествляющие нормы права и предписание либо признающие предписание видом правовой нормы) имеется определенный консенсус специалистов в общем решении поставленного вопроса. Хотя в деталях позиции специалистов расходятся, что требует специального внимания.

Так, Р.Г. Валиев пишет: «нормативно-правовое предписание может рассматриваться в качестве формы отдельного структурного элемента нормы права, например диспозиции, которая предписывает что-либо (правила поведения, правила-дефиниции, правила учредительного, декларативного характера и т. п.)»¹. Его, с одной стороны, поддерживает А.И. Илалутдинов, когда указывает, что «нормативные правовые предписания являются

---

¹ Валиев Р.Г. О гносеологическом статусе категорий норма права и нормативно-правовое предписание // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, № 6. – С. 18.

текстуальной формой выражения составных частей норм-правил, поэтому их следует рассматривать как форму содержания норм права». С другой стороны, этот же автор отмечает: «Если норма права – это всегда полноценная модель (регулятор), содержащая все информационные значения поведения субъектов, то нормативное правовое предписание может отражать только часть этой модели»¹. Как часть и целое рассматривает соотношение нормы и предписания Т.В. Кленова: «Соотношение между правовым предписанием и нормой определяется как соотношение части и целого»; «будучи элементом системы, каждое предписание играет заданную роль, выполняя функцию отдельного структурного элемента правовой нормы»². Об этом же рассуждает В.П. Коняхин, уточняя, что нормативное правовое предписание может выполнять роль не только гипотезы, диспозиции или санкции уголовно-правовой нормы, но и роль части структурной единицы уголовно-правовой нормы³.

Прежде всего, отметим, что норма и предписание, в зависимости от исследовательских задач, могут рассматриваться и с позиций соотношения формы и содержания, и с позиций части и целого. Единственное, в чем надо возразить Р.Г. Валиеву, так это в том, что именно норма права или ее структурный компонент выступают логической формой, которая отражает содержание нормативных предписаний, а не наоборот. С точки зрения соотношения части и целого, предписание, безусловно, является частью нормы. При этом было бы большой неточностью считать, гипотеза или диспозиция уголовно-правовой нормы, каждая в отдельности, состоит из одного предписания. Несколько предписаний могут объединяться (и как правило, объединяются) для того, чтобы выразить условие применения или содержание применяемого правила. И в этом отношении изложенная выше позиция В.П. Коняхина представляется более убедительной.

---

¹ Илалутдинов А.И. Конструирование нормы права // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 14.. – 2015. – Вып. 1. – С. 28 – 29.

² Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самарский ун-т, 2001. – С. С. 159, 167

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 182.

Обращаясь теперь к вопросу о соотношении нормативного предписания Особенной части уголовного права и уголовно-правовой нормы, важно отметить, что само нормативное предписание, будучи суждением об основании ответственности и пределах государственной реакции на преступление, по логике своей также как и норма является двухкомпонентным. Детальное исследование вопроса о структуре уголовно-правового нормативного предписания применительно к проблематике Общей части уголовного права позволило В.П. Коняхину сделать убедительный вывод о том, что структура нормативного предписания включает в себя гипотезу и диспозицию¹. Полагаем, что этот вывод обладает свойством универсальности и может быть в полной мере экстраполирован на понимание структуры нормативного предписания Особенной части уголовного права.

В итоге, можно констатировать наличие корреспондирующей структуры уголовно-правовой нормы и нормативного предписания Особенной части уголовного права: в каждой из них выделяется гипотеза и диспозиция, памятуя, естественно, о том, что гипотеза и диспозиция предписания содержательно не исчерпывают гипотезу и диспозицию уголовно-правовой нормы (такое понимание структуры предписания признали справедливым 89% опрошенных при проведении исследования экспертов).

Это совпадение не случайно. Нормативное предписание Особенной части уголовного права вполне справедливо рассматривать в качестве структурированного содержательного «ядра» уголовно-правовой нормы, которое в процессе построения логической нормы «обрастает» дополнительными предписаниями, каждое из которых должно «вписываться» в заданную структуру. Здесь вполне уместны параллели с известной проблемой соотношения «состава преступления» и «преступления». Равно как состав преступления (в трактовке А.Н. Трайнина

---

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 207 – 210.

и Н.Ф. Кузнецовой¹) выступает одновременно частью преступления и его минимальной моделью, так и предписание Особенной части уголовного права является частью уголовно-правовой нормы и ее моделью, которая в реальной жизни наполняется множеством иных предписаний.

Неполнота нормативного предписания Особенной части уголовного права для полноценного регулирования уголовно-правового отношения отчетливо проявляет себя при исследовании содержания предписания.

Его гипотеза (традиционно, и как было показано, необоснованно именуемая диспозицией) посвящена описанию состава преступления. При этом общепризнанным в научной литературе является тот факт, что статья Особенной части УК РФ описывает состав преступления далеко не в полной мере. Еще А.Н. Трайнин писал: «было бы глубоким заблуждением всегда и для всех случаев рассматривать диспозицию как единственный источник распознавания состава или как источник распознавания одного-единственного состава, – порой нужна тщательная аналитическая работа, чтобы из текста диспозиции построить предусмотренный... законом состав преступления»². Его поддерживала Н.Ф. Кузнецова, когда писала: «Диспозиция уголовно-правовой нормы описывает все признаки состава преступления. Диспозиция статей Особенной части УК описывает не все, а лишь специфические для данного состава преступления признаки»³. В.Н. Кудрявцев, специально исследовавший данный вопрос, также пришел к убедительному выводу: «Если состав преступления можно рассматривать как логическое суждение о преступлении определенного вида, то диспозиция статьи закона содержит словесную форму выражения указанного суждения, да и то не в полной мере»⁴. Признается эта мысли и современными авторами¹.

---

¹ См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

² Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957 // Трайнин А.Н. Избранные труды. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 202.

³ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969 // Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 491.

⁴ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999. – С. 70.

Диспозиция уголовно-правового предписания Особенной части уголовного права (традиционно, и опять же необоснованно именуемая санкцией) посвящена описанию тех мер воздействия, которые государство вправе применить к лицу, совершившему преступление. Как верно пишет А.П. Козлов, это часть уголовно-правовой нормы, «носящая государственно-принудительный качественно-количественный характер и представляющая собой формально определенную объективно-субъективную модель мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступления»². При этом очевидно, что, во-первых, предписания Особенной части уголовного права ограничены указанием только на один вид воздействия, а именно на уголовное наказание, в то время как наказанием уголовно-правовое воздействие на преступника не исчерпывается. Специалистами отмечено: «В юридической науке преобладает мнение, согласно которому в санкции отражается исключительно негативная реакция государства на неисполнение или ненадлежащее исполнение правовой нормы... Однако государство обеспечивает исполнение правовых норм не только мерами принуждения, но и предупредительными, восстановительными, поощрительными мерами... Санкции по характеру правовых последствий могут быть не только карательными («негативная санкция»), но и правовосстановительными («нейтральная санкция»), предупредительными и поощрительными («позитивная санкция»)³. Это обстоятельство нельзя недооценивать, учитывая развивающуюся в уголовном праве систему мер уголовно-правового характера, которая содержит и значимые дополнения к наказанию (например, конфискацию имущества и принудительные меры медицинского характера), и его альтернативы (например, судебный штраф или принудительные меры воспитательного

---

¹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учеб. пособ. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 7; Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. – М.: Проспект, 2014. – С. 65 – 67.

² Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции: проблемы построения, классификации и измерения. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1989. – С. 17.

³ Пузырева Е.В. Нормы российского права: теоретические аспекты понимания и качественного выражения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – С. 7 – 8.

воздействия). Все эти меры также выступают компонентом санкции уголовно-правовой нормы¹. Второе же обстоятельство состоит в том, что, даже если и ограничивать рассматриваемый компонент нормы наказанием, предписаний Особенной части уголовного права явно недостаточно для реализации самой нормы, поскольку они с необходимостью корректируются и дополняются иными предписаниями, в частности, Общей части уголовного права, связанными с полом преступника, его возрастом, количеством совершенных преступлений и т.д.

Обобщенный взгляд на содержание уголовно-правовой нормы и уголовно-правового предписания Особенной части уголовного права показывает, кстати, что именно государственная реакция на преступление в предписаниях Особенной части описана наименее полно. При всей громоздкости и многословности соответствующей части уголовно-правового предписания оно посвящено описанию исключительно наказания. Однако вряд ли стоит полагать, что эта ситуация в текущих условиях развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории нуждается в корректировке. Совершенно отсутствует необходимость наполнения предписаний Особенной части указанием на иные, не зависящие от особенностей конкретного состава преступления, меры воздействия, которые вправе применять государство. Для этих целей, собственно, и существует Общая часть уголовного права. Альтернативный вариант корректировки нормативного описания модели поведения государства в случае совершения того или иного преступления, предполагающий указание не только на наказания, но и на иные допустимые меры воздействия, может состоять в переносе описания всех возможных мер, включая, прежде всего, наказание, в Общую часть кодекса, как это имело место в проекте Уголовного Уложения 1813 года, как это имеет место в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк или

---

¹ См. об этом подробнее: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 236.

Пенсильвании¹, и к чему призывал Л.Д. Гаухман². При таком подходе статья Особенной части об ответственности, например, за убийство, могла бы выглядеть следующим образом: «Лицо виновно в убийстве первой степени, если оно умышленно причиняет смерть другому человеку. Убийство первой степени является особо тяжким преступлением». Однако такой вариант в существенной степени противоречит теоретическим представлениям об уголовно-правовых предписаниях, в том числе развитых в настоящей работе. К тому же, усилия, которые потребуются на его реализацию (включая корректировку категоризации преступлений и практически всех правил Общей части), вряд ли будут адекватны результату. По меньшей мере, ожидать повышения качества только от такой перестройки предписаний Особенной части уголовного права вряд ли возможно. Единственный потенциальный «плюс» в данном случае – это систематизация подходов и устранение противоречий в установлении наказуемости преступлений. Однако эта крайне важная и актуальная задача может быть решена и иными средствами, не требующими пересмотра фундаментальных положений учения об уголовно-правовом предписании и системе уголовного права.

В завершение анализа – еще несколько методических замечаний о соотношении нормативного предписания Особенной части уголовного права и статьи Особенной части уголовного кодекса. В литературе, которая исходит из признания нормативного предписания элементом текста закона, структура нормативного предписания отождествляется со структурой статьи Особенной части УК РФ. Авторы указывают, в частности: «первичными единицами нормативного текста признаются пункты, части, статьи. ... для выделения юридически значимых фрагментов уголовно-правовых предписаний используется абзац. Он выполняет двоякую функцию. Во-первых, абзац выделяет части статьи ... и, во-вторых, ... является средством

---

¹ Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. Глава 40. Свода законов штата // Уголовное право Соединенных Штатов Америки. Сб. норм. Актов / сост., отв. ред. и авт. вступит. ст. И.Д. Козочкин. – М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1986. – С. 77 – 158; Уголовный кодекс Пенсильвании. Свод законов Пенсильвании. Титул 18 // США: Конституция и законодательные акты / пер. с англ. под ред. О.А. Жидкова. – М.: Прогресс, 1993. – С. 648 – 684.

² Гаухман Л.Д. Нужен новый УК РФ // Законность. – 1998. – № 7. – С. 22 – 25.

членения уголовно-правовых предписаний на диспозиции и санкции»¹. Рассуждения такого рода, как мы стремились показать, основываются на неверной посылке. Предписание – это элемент системы права, статья – элемент текста закона. Исходя из этого, методически неверно приписывать структуре текста закона структуру элемента системы права. Если предписание состоит из гипотезы и диспозиции, то текст закона состоит из статей, частей, абзацев. С учетом этого, в статье не может существовать гипотезы, диспозиции или санкции. Нормативное предписание Особенной части уголовного права описано в статье (или части статьи) Особенной части УК РФ, при этом гипотеза предписания указывается в абзаце первом статьи (или части статьи), а диспозиция – в абзаце втором статьи (или части статьи). Такой подход не только соответствует теории права, но и в полной мере подтверждается законотворческой практикой. Изменения, которые законодатель вносит в текст УК РФ, текстуально оформляются именно таким образом. К примеру, закон, которым корректировалась ст. 171 УК РФ, предписывал: «в абзаце первом части первой статьи 171 слова "регистрации либо" заменить словами "регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности"»². Соблюдение терминологической точности в части описания структуры предписания и структуры статьи уголовного закона, как полагаем, выступает необходимым условием адекватного восприятия теории и условием ее дальнейшего непротиворечивого развития.

Подводя итоги исследования вопроса о понятии нормативного предписания Особенной части уголовного права, представляется возможным резюмировать следующее. Нормативное предписание Особенной части

---

¹ Загинея З.А. Уголовно-правовые предписания Особенной части Уголовного кодекса Украины: особенности композиционно-графического оформления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 47.

² Федеральный закон от 25.06.2002 № 72-ФЗ «О внесении изменений в статьи 169 и 171 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2518.

уголовного права как структурный элемент системы права находит отражение в тексте статьи (или части статьи) Особенной части УК РФ; предписание и текст, с этих позиций, соотносятся как содержание и форма. Содержанием предписания выступает логически завершенное, цельное суждение законодателя, которое структурно распадается на два элемента: гипотезу, описывающую признаки состава преступления, выступающего основанием для применения мер уголовно-правового реагирования на него, и диспозицию, описывающую меру возможного поведения государства в случае установления преступления, в виде спектра уголовных наказаний. Логическая завершенность предписания, тем не менее, не предполагает наличие у него полноценных регулятивных возможностей. Такие возможности заключены в уголовно-правовой норме, которая формируется несколькими нормативными предписаниями уголовного права, из которых предписание Особенной части является ядром или сердцевиной, определяющей содержательно и структурно всю уголовно-правовую норму в целом.

§ 3. Виды нормативных предписаний Особенной части уголовного права

Важным средством познания любого системного объекта, к разряду которых принадлежат и предписания Особенной части уголовного права, является их градация на виды на основе методов классификации и типологизации. «Весь ход развития научного знания убеждает в том, что метод классификации применялся в различного рода исследованиях с самого момента зарождения науки и являлся необходимым и значимым элементом донаучного (преднаучного), а затем и научного познания»¹.

---

¹ Степкина М.В. Гносеологический статус классификации как формы познания: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – Самара, 2006. – С. 10.

Вопросам классификации нормативных правовых предписаний в теории права уделяется пристальное внимание. Более того, значение классификационного метода было признано и на нормативном уровне. В одном из документов, регламентирующих порядок составления нормативных правовых актов, разработчикам рекомендовалось применять следующие виды нормативных правовых предписаний: предписание-принцип, предписание-цель, предписание-дефиниция, управомочивающее предписание, императивное предписание (обязывающее или запрещающее), диспозитивное предписание, предписание-стимул, бланкетное предписание, отсылочное предписание, обеспечивающее предписание¹.

Однако в отраслевой уголовно-правовой науке, где метод классификации также широко востребован, его применение для познания нормативных предписаний уголовного права имеет выраженные особенности, которые не позволяют утверждать ни об эффективности использования самого метода, ни о достоверности результатов его применения. Прежде всего, в силу отсутствия единообразного решения вопроса о соотношении нормы права и нормативного предписания, нормативного предписания и статьи уголовного закона, имеющиеся исследования, как правило, ограничиваются выделением тех или иных уголовно-правовых норм (не предписаний), которое происходит без жесткой привязки к определенному типу понимания самой уголовно-правовой нормы. Выделяют, в частности, обязывающие и управомочивающие нормы², поощрительные нормы³ и запретительные нормы⁴, нормы, регулирующие поведение граждан, и нормы, регулирующие поведение правоохранительных

---

¹ Приказ Минпромэнерго РФ от 21.12.2004 № 176 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и подготовке к принятию проектов технических регламентов» // Бюллетень строительной техники. – 2005. – №№ 2, 3, 4. Документ утратил силу в связи с изданием Приказа Минпромэнерго РФ от 12.04.2006 № 78 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и подготовке к принятию проектов технических регламентов» // Еженедельник промышленного роста. – 2006. – №№ 21, 22, 23, 24, 25, 27, 31, 32.

² Поройко М.С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000.

³ Семенов И.А. Поощрительные нормы в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

⁴ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 55.

органов¹, нормы общие и специальные², регулятивные и охранительные³ и т.д. Даже в тех исследованиях, которые специально посвящены уголовно-правовым нормам и выдержаны в рамках разделяемого нами подхода к их пониманию, согласно которому норма формируется предписаниями, детально исследуются вопросы классификации норм, но не уделяется внимания проблеме градации нормативных предписаний уголовного права⁴. Едва ли не единственное заметное исключение, в котором анализируются виды нормативных предписаний уголовного права – работа В.П. Коняхина, которая, однако, в силу избранного автором направления анализа ограничена классификацией предписаний только Общей части уголовного права⁵. Можно вполне уверенно констатировать, что общий вопрос о классификации нормативных предписаний в уголовном праве остается крайне малоисследованным, а такой его аспект, как классификация нормативных предписаний Особенной части уголовного права – не разработанным вовсе на уровне самостоятельного предмета анализа.

Обращаясь к решению данной задачи, полагаем необходимым отметить несколько важных замечаний методологического характера:

- Во-первых, классификация какого-либо множества должна строиться на основе четкого понимания объема, состава этого множества, и признаков, присущих каждому элементу множества. В силу этого классификация нормативных предписаний Особенной части уголовного права предполагает наличие четкого представления о границах этой системы. Учитывая, что предписания Особенной части – это только некоторая часть уголовно-правовых предписаний, их классификация, по логике вещей не должна включать в себя предписания Общей части уголовного права. Вместе с тем,

---

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 16 – 17.

² Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. – М.: Норма, 2015. – С. 94.

³ Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – С. 7, 9.

⁴ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самарский ун-т, 2001.

⁵ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 185 – 205.

учитывая, что предписания Особенной части права не равны тексту Особенной части УК РФ, их классификация не может быть ограничена только и исключительно рамками нормативных велений, закрепленных в тексте закона;

- Во-вторых, классификация столь сложного множества, как нормативные предписания Особенной части уголовного права не может быть построена на основе линейного принципа или с использованием какого-либо одного критерия; она объективно будет основана на использовании нескольких оснований для градации, или иначе – представлять собой множество классификаций;

- В-третьих, (и на это обращал специальное внимание В.П. Коняхин в рассуждениях о классификации предписаний Общей части¹) качественное своеобразие нормативных предписаний Особенной части уголовного права предполагает, что их классификация не может механически копировать известные подходы к градации правовых норм вообще и уголовно-правовых норм, в частности.

- В-четвертых, классификация нормативных предписаний Особенной части уголовного права, хотя и является самостоятельным видом отраслевой классификации, не может не учитывать сложившихся в теории права подходов, должна опираться на них, в том числе в части соблюдения единства терминологии.

С учетом этих оговорок, представим свое видение возможного решения проблемы классификации нормативных предписаний Особенной части уголовного права. Такая классификация должна, как представляется, должна строиться с учетом взаимосвязанных общих характеристик таких предписаний, а именно, их содержания, внешней формы выражения, структуры и функций.

---

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 188.

Как было установлено в предшествующем изложении, содержание нормативного предписания Особенной части уголовного права образует суждение законодателя об основаниях (в гипотезе) и пределах (в диспозиции) наказуемости того или иного преступления. Признаки конкретного состава преступления, отличающие его от иных составов, и размер санкции определяются в предписании, закрепленном в тексте уголовного закона, и не могут в силу требований принципа законности быть фиксированы в иных нормативных правовых актах.

Такое нормативное предписание, отвечающее всем его общим признакам, соотносится с разработанным в теории права понятием «типичной правовой нормы». И хотя четкого определения типичной нормы в литературе встретить не удалось (как правило, основное внимание специалистов сосредотачивается на формулировании признаков ее антипода – «нетипичной нормы»), можно утверждать, что типичная правовая норма это та, что содержит все требуемые для определения поведения субъектов правоотношения содержательные и структурные элементы. В нашем случае типичное уголовно-правовое предписание Особенной части – это то, что содержит в полном виде законодательное суждение о специфических признаках отдельного преступления и его наказуемости (например, «разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, - наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового»). Объем таких предписаний исчерпывается статьями Особенной части УК РФ. И если ориентироваться в их поиске на части статьи Особенной части УК РФ, то типичных предписаний в действующем законе (по состоянию на 28.02.2021) насчитывается 944.

Этот массив предписаний Особенной части уголовного права не является монохромным и вполне может быть разбит на группы. В частности,

- в зависимости от содержания и направленности описываемого преступления, они могут быть классифицированы на предписания, содержащие основания ответственности за преступления против жизни, против здоровья, против собственности и т.д.;

- в зависимости от степени опасности закрепленного в предписании состава преступления, на те, что содержат основной, привилегированный, квалифицированный состав;

- в зависимости от специфики описания состава преступления, на предписания с бланкетными (ч. 1 ст. 264 УК РФ и др.), отсылочными (ч. 1 ст. 117 УК РФ), описательными (ч. 1 ст. 111 УК РФ), назывными (ст. 329 УК РФ) гипотезами;

- в зависимости от особенностей описания государственных возможностей в части назначения наказания, на предписания с абсолютно-определенными (теоретически моделируемые), относительно определенными (ч. 1 ст. 205 УК РФ), альтернативными (ч. 2 ст. 172 УК РФ), кумулятивными (ч. 2 ст. 205 УК РФ) диспозициями.

Вместе с тем, должно быть очевидно, что классификации подобного рода, по большому счету, являются искусственными и мало что дают для познания самих предписаний. Они имеют значение для исследования проблем преступления, состава преступления, юридической техники, но не привносят новой информации в процесс изучения собственно предписаний Особенной части уголовного права. По этой причине градацией типичных предписаний в последующем изложении можно, до известной степени, пренебречь. Не случайно, по-видимому, и в общей теории права вопросам классификации типичных правовых норм практически не уделяется особого внимания, а если это и происходит, то такая градация непосредственно

связывается с функциями права, то есть опять же выходит за пределы познания собственно правовых норм¹.

Гораздо больший познавательный интерес в плане классификации традиционно вызывают «нетипичные» правовые нормы или правовые предписания². Объективное развитие право таково, что стандартных предписаний, строящихся по типу «если – то», становится все более недостаточно для упорядочения правоотношений. Процессы специализации, дифференциации, конкретизации, интеграции, унификации и т.д. приводят к появлению целого ряда нормативных предписаний, которые не укладываются в эту традиционную логику, и которые в силу этого получили в теории права именование «нетипичных».

Надо отметить, что при общем понимании самого факта наличия таких предписаний, их интерпретация в теоретической науке далека от единообразия, причем, начиная с терминологии, которая используется для их описания. Их называют «нетипичными» нормативными предписаниями³, «предписаниями, не выражающими нормы права»⁴, «исходными нормами права»⁵, «специализированным» нормами⁶, «нестандартными»⁷. Нет единства и в части понимания признаков, по которым эти предписания отличаются от «типичных» или «стандартных». Высказаны суждения о том, что нетипичные предписания лишены некоторых свойств типичных (например,

---

¹ К примеру, С.С. Алексеев в своем классическом произведении, фактически ограничивается делением типичных правовых норм на охранительные и регулятивные, а также отмечает, что логические нормы права, как правило, вообще не подразделяются на какие-либо виды, разве что по сфере действия и юридической силе. См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. 2009. – С. 314.

² См. об этом: Аслаян Р.Г. Система типичных и нетипичных нормативных предписаний особенной части уголовного права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 6. – С. 67 – 73; Аслаян, Р.Г. Нетипичные нормативные предписания особенной части уголовного права: понятие, виды, закономерности // Философия права. – 2021. – № 3. – С. 154 – 158.

³ Рыбаков В.А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 3. – С. 24.

⁴ Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. Учебное пособие. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2001. – С. 13.

⁵ Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Инфра-М, 2014. – С. 230.

⁶ Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 4 (53). – С. 14.

⁷ Барахоева А.Р. Нестандартные нормативные предписания как элемент права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2015. – № 14 (14).

нормативности, завершенности, общеобязательности) и (или) не выполняют главной функции права – не регулируют правоотношения. При этом специалисты по-разному расставляют акценты на этих обстоятельствах. Некоторые авторы подчеркивают функциональные особенности нетипичных предписаний. Так, например, В.А. Рыбаков пишет, что «нетипичные нормы права не являются правилами поведения субъектов права в конкретной ситуации, а содержат определенные положения, обеспечивающие действие типичных норм права»¹. Равным образом А.В. Баранов отмечает, что эти нормы «не имеют своей целью непосредственное воздействие на общественные отношения, установление конкретных правил поведения людей и их коллективов»². О.Ф. Скакун подтверждает, что специализированные нормы «сами не регулируют общественные отношения и как бы присоединяются к регулятивным и охранительным нормам»³. Другие специалисты в большей степени образуются к признакам нетипичных предписаний. В.Ю. Чуфаров видит в них нормативные предписания, закрепленные в тексте нормативно-правового акта, в котором отсутствуют какие-либо существенные признаки, присущие классической модели правовой нормы, но призванное регулировать определенным образом общественные отношения⁴. А.Р. Барахоева также указывает, что нестандартные нормативные предписания лишены некоторых классических нормативных свойств, но выполняют важную вспомогательную функцию в нормативно правовом регулировании⁵. В.М. Горшенев отмечает, что они «лишены традиционной логичности нормы права, не содержат или почти не содержат некоторых ее естественных элементов, в силу чего выглядят

---

¹ Рыбаков В.А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 3 (36). – С. 24.

² Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 4 (53). – С. 13.

³ Скакун О.Ф. Теория государства и права: учебник. – Харьков: Консум, Ун-т внутр. дел, 2000. – С. 296 – 297.

⁴ Чуфаров В.Ю. Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 11 (59). – С. 44.

⁵ Барахоева А.Р. Нестандартные нормативные предписания как элемент права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2015. – № 14 (14). – С. 108.

композиционно несовершенными, структурно незавершенными»¹. Ю.В. Блохин полагает, что эти предписания отличаются от типичных, традиционных форм изложения нормативно-правового материала по своим текстуальным, логико-грамматическим параметрам².

По нашему представлению, нет оснований в определении нетипичных предписаний ограничиваться только их функциональными или структурными особенностями. Истина в данном случае лежит в области совмещения подходов. Обсуждаемые нормативные предписания, во-первых, являются собственно нормативными, так как содержат официальные, общеобязательные, государственные веления; во-вторых, вполне типичными, поскольку активно используются, а темпы и объемы их использования только нарастают. Нетипичность или нестандартность этих предписаний следует усматривать в иных их особенностях. А именно:

- такие предписания не содержат в цельной логической форме указания одновременно на преступность и наказуемость деяний, если они содержательно посвящены этим вопросам, то только части из них, в связи с чем они обладают нетипичной структурой, не имеют в своем составе гипотезы и диспозиции;

- если в таких предписаниях структурно выделяются гипотеза и диспозиция, то содержательно они могут охватывать только один компонент уголовно-правовой нормы – или ее гипотезы или диспозиции;

- в силу своих содержательно-структурных особенностей такие предписания необязательно должны быть зафиксированы в статьях Особенной части уголовного закона;

- эти предписания призваны выполнять в правовом регулировании ряд функций, которые не доступны для типичных предписаний.

---

¹ Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 115.

² Блохин Ю.В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 13 – 14.

С учетом этих теоретических положений, полагаем возможным поддержать суждения А.Р. Барахоевой, которая заключает, что нестандартные предписания: 1) представляют собой логически завершенные и цельные веления (требования, распоряжения и т.п.); 2) выражены и непосредственно закреплены в соответствующих единицах (статьях, абзацах, частях и т.п.) текста нормативного акта (договора, судебного прецедента и т.п.); 3) носят неперсонифицированный по отношению к субъектам характер и отражают наиболее типичные социальные ситуации; 4) рассчитаны на конкретно неопределенное число жизненных обстоятельств и случаев, обязательны для исполнения (применения и т.п.); 5) закрепляются в нормативных актах, подкреплены практикой и поэтому имеют общеобязательный характер; 6) обеспечены мерами государственного и иного воздействия, регулируют поведение людей, их коллективов и организаций¹.

Таких нетипичных предписаний, содержательно тяготеющих к Особенной части уголовного права, гораздо больше, нежели предписаний типичных. В этой связи их познание с необходимостью требует отдельной, самостоятельной классификации. Стоит отметить, однако, что в теории права не сложилось единого подхода к классификации нетипичных предписаний. Более того, анализ показывает, что целостной и развернутой их градации, которая бы совмещала различные критерии и позволяла бы охватить нетипичные предписания целиком и всесторонне, в литературе не представлено. Некоторые авторы вовсе ограничиваются простым перечислением исследуемых предписаний, указывая, что к таковым относятся принципы права, определения (дефиниции), декларации, правовые презумпции, фикции, оперативные и коллизионные предписания². Очевидно,

---

¹ Барахоева А.Р. Нестандартные нормативные предписания как элемент права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2015. – № 14 (14). – С. 108.

² Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. 2009. – С. 319; Барахоева А.Р. Нестандартные нормативные предписания как элемент права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2015. – № 14 (14). – С. 108; Баранов А.В. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 1 (50). – С. 26.

что такой подход не может быть взят за основу. В решении задачи классификации нетипичных предписаний Особенной части уголовного права следует, на наш взгляд, учитывать, что таковые: а) являются элементом системы уголовно-правовых предписаний и потому должны отражать системные свойства права; б) являются системным элементом уголовно-правовой нормы и потому должны отражать ее содержание. С учетом этого, полагаем, что классификация нетипичных нормативных правовых предписаний Особенной части уголовного права должна строиться, в первую очередь, с точки зрения их роли и места именно в системе уголовного права.

В общей теории права отдельными специалистами отмечается это принципиальное обстоятельство. Так, А.В. Баранов указывает, что специализированные нормы оказывают системоопределяющее, системообеспечивающее и системоадаптирующее воздействие на систему права в целом и на формирование и состояние отдельных отраслей и институтов права в частности¹. Аналогичные суждения высказывает В.Ю. Чуфаров, когда классифицирует нетипичные нормативные предписания в зависимости от функциональной роли, на системоформирующие (нормы-цели, нормы-задачи, дефиниции), системооптимизирующие (презумпции, фикции), системоразвивающие (рекомендации, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации)². В рамках этой же логики выдержана позиция А.И. Бойко, который в системе уголовного права выделяет два типа положений: гомеостазисные (обеспечивающие сохранение цельности уголовного права) и адаптационные (обеспечивающие приспособление уголовного права к давлению внешней среды)³. Особое внимание системосохраняющему механизму уголовного права, структуру которого образуют принципы, цели, задачи, презумпции, фикции,

---

¹ Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 4 (53). – С. 13.

² Чуфаров В.Ю. Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – С. 6.

³ Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3 т. Т. III. Структура уголовного права и ее идентификация в национальной юриспруденции. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2008. – С. 38 – 42.

преюдиции, пробельные и коллизионные правила, правоположения, уделяет в своей работе А.В. Денисова¹.

Этот подход заслуживает пристального внимания. Взяв его за основу, можно предложить следующую градацию нетипичных нормативных правовых предписаний Особенной части уголовного права.

В зависимости от функциональной роли в обеспечении системного функционирования уголовного права, нетипичные нормативные предписания Особенной части уголовного права могут быть классифицированы на две большие группы: системосохраняющие и системоразвивающие. Как и в любом теоретическом построении используемая здесь терминология одновременно и условна, и конвенциональна.

1. К **системосохраняющим** нами отнесены такие нетипичные предписания, которые обеспечивают единство и целостность Особенной части уголовного права, ее функционирования в качестве системного, внутренне непротиворечивого механизма. Конечно, большую роль в решении этой задачи играют предписания, имеющие всеобщий, универсальный характер, распространяющие свое действие на всю область уголовного права и расположенные в силу такой универсальности в Общей части уголовного закона. Речь идет, прежде всего, о задачах уголовного права, его принципах, определении фундаментальных категорий преступления и наказания. К ним же следует отнести и выработанные Конституционным Судом РФ общие правила криминализации общественно опасных деяний². Однако, учитывая, что содержательно такие предписания не ограничены исключительно сферой Особенной части уголовного права, в рамках нашего анализа они не могут рассмотрены. К специфическим системосохраняющим предписаниям именно Особенной части уголовного права следует отнести только те, что имеют

---

¹ Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 369.

² См. об этом, например: Пудовочкин Ю.Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. – 2008. – № 5 (25). – С. 76 – 84; Елинский А.В. Конституционные основания криминализации общественно опасных деяний в свете решений Конституционного Суда России // Российский следователь. – 2010. – № 17. – С. 21 – 24; Гузеева О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции. – М.: Юрлитинформ, 2020.

более узкую направленность, и распространяют свое действие либо исключительно на предписания Особенной части (не включая Общую часть уголовного права), либо на отдельные группы и виды предписаний Особенной части уголовного права. Такие нетипичные нормативные правовые предписания могут иметь несколько видов. В теоретическом отношении полезным представляется их членение на те, которые состоят из правил о содержании норм права, и на те, которые содержат правила о действии и применении норм права¹.

А) Правила о правилах:

- *Нормативные принципы криминализации отдельных видов преступлений* относятся к разряду правил о содержании норм права. Как пишет А.В. Баранов, они, хотя и непосредственно правила поведения не выражают, но тем не менее выступают в качестве общего образца узаконенного установления, определяя не столько модель поведения субъектов права, сколько модель содержания и характера правового регулирования в целом².

Такие принципы соотносятся с разработанным в науке понятием «принцип правового института». Как пишет М.С. Жук, «принципы институтов уголовного законодательства – менее емкое по объему образование, нежели принципы уголовного права, и находятся с ними в отношении подчинения. Они оказывают более детальное и конкретное воздействие на относительно самостоятельную совокупность общественных отношений, составляющую предмет регулирования со стороны правового института, и представляют собой основные идеи и требования, которые лежат в основе его создания и применения»³. Такие принципы в тексте

---

¹ Леканова Е.Е. Системоопределяющие нормативно-правовые предписания // Антиномии. – 2019. – Т. 19, Вып.1. – С. 76.

² Баранов А.В. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 1 (50). – С. 22, 23.

³ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 110.

действующего УК РФ непосредственно не закреплены¹, но они могут быть установлены на основании исследования решений Конституционного Суда РФ.

Так, например, Суд сформулировал принципиальное правило определяющее допустимость уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности: «предпринимательская деятельность является объектом государственной защиты постольку, поскольку она осуществляется лицами, которые имеют соответствующий статус и выполняют обусловленные этим статусом предусмотренные законом и (или) не противоречащие ему экономические функции, направленные на получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг»². В этом же постановлении сформулирован, по сути своей, принцип равного подхода к определению размера ущерба в преступлениях против собственности: «Исходя из того, что Конституцией Российской Федерации равным образом признаются и защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (статья 8, часть 2), и что одним из основных признаков, характеризующих преступное посягательство на собственность, является причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества (пункт 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации), стоимость похищенного путем мошеннических действий имущества не может принципиально по-разному учитываться и оцениваться в качестве критерия определения и разграничения размера ущерба как квалифицирующего признака преступного посягательства на собственность». В известном постановлении по делу И. Дадина Конституционный Суд РФ сформулировал

---

¹ Здесь важно различать принципы как нормативные предписания, то есть оформленные в правовых актах, официально признанные государством, и принципы, как некие идеи и теоретические положения, которые конструируются наукой и принадлежат области не столько собственно права, сколько правосознания. См. об этом: Грошев А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 2.

положение о принципиальной допустимости криминализации деяний, заключающихся в неоднократном совершении административных правонарушений и запрета на признание преюдициального характера решения по делу об административном правонарушении для квалификации таких преступлений¹. В решении по делу Москалева Суд сформулировал принципиальные положения о криминализации и толковании преступлений, связанных со злоупотреблением субъективным правом².

В рамках нашего исследования не представляется возможным провести полную ревизию решений органа конституционной юстиции на предмет выявления и формулирования принципов криминализации отдельных видов преступлений или принципов отдельных институтов Особенной части уголовного права. Это большая и совершенно отдельная работа, которая, теме не менее, должна быть проведена в науке при проведении исследований, посвященных отдельным институтам Особенной части уголовного права.

- *Нормативные понятия.* Эти предписания также относятся к группе тех, что определяют содержание правовых норм. Нормы-дефиниции «выступают соединительной тканью определенной структуры законодательства, обеспечивают надежную связь нормативных предписаний определенных видов между собой»³. Как отмечает Л.Ф. Апт, дефиниции в современных условиях все более утрачивают свойства нетипичности, превращаясь в традиционные и едва ли не обязательные предписания любой отрасли права⁴. По этой причине, видимо, объем общетеоретической и отраслевой уголовно-правовой литературы, которая посвящена

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 2.

² Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 1.

³ Заец А. П. Система советского законодательства (проблемы согласованности). – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 23.

⁴ Апт Л.Ф. Нетипичные предписания в федеральном законодательстве // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 3 (13). – С. 25 – 43.

исследованию дефиниций, достаточно велик, а сама эта тема входит в пул наиболее актуальных¹.

Тема дефиниций Особенной части уголовного права не менее обширна². Ее исследование давно и последовательно приводит специалистов к выводу о целесообразности создания терминологического словаря непосредственно в структуре УК РФ³ по аналогии с законодательными решениями, воплощенными в УК Беларуси⁴, УК Казахстана⁵ и некоторых иных стран. Очевидно, что реализация такого рода предложений выведет проблематику дефиниций за пределы Особенной части уголовного права и придаст ей всеобщее значение. Однако должно быть столь же очевидным, что дефинитивная глава уголовного закона, когда или если она будет создана, не сможет охватить собой всех понятий и терминов, в связи с чем вопросы нормативного определения понятий Особенной части уголовного права и в этом случае не утратят своей актуальности.

В рассуждениях о дефинитивных предписаниях Особенной части уголовного права следует обратить внимание на тонкое различие между

---

¹ См., например: Чиннова М.В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004; Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008; Ушакова Л.Н. Дефиниция как нетипичное правовое средство законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009; Левит В.О. Дефиниции актов официального толкования норм права (доктрина, практика техника): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2012 и др.

² См., например: Панько К.К. Анализ понятия дефиниции в уголовном праве // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 123 – 129; Тихонова С.С. Дефиниции в уголовном законодательстве Российской Федерации: способы построения и правила юридико-технического оформления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 2. – С. 194 – 200; Тихонова С.С. Легальное дефинирование как способ конкретизации уголовно-правовых предписаний в Особенной части современного кодифицированного уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2019. – Т. 9, № 1 (30). – С. 63 – 70; Караваева В.А. Конструирование структурных элементов Особенной части уголовного закона: требования нормотворческой техники // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 5. – С. 208 – 211.

³ Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке. Материалы междунар. науч. конф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 2 июня 2002). – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 7 – 12; Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал Российского права. – 2003. – № 12 (84). – С. 80 – 88; Бойко А.И. Системная среда уголовного права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – С. 47 – 48.

⁴ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З. Размещено на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 07.03.2021).

⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3.07.2014 № 226-V ЗПК. Размещено в Информационно-правовой системе нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 07.03.2021).

нормативными дефинициями понятий, используемых в Особенной части, и нормативными дефинициями Особенной части уголовного права.

Так, в Особенной части используются понятия (назовем их условно – универсальными уголовно-правовыми), которые пронизывают все содержание уголовного права. Например, в ч. 4 ст. 150 УК РФ говорится о вовлечении несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Понятие такого преступления, хотя и используется в Особенной части, не ограничено ею, имеет всеобщее значение и потому определяется Общей частью кодекса, в ст. 15 УК РФ. Эти понятия обеспечивают внутриотраслевую систематизацию и единство всех предписаний уголовного права. Другой вид понятий, используемых в Особенной части уголовного права, также является универсальным, но не собственно уголовно-правовым (назовем их – универсальными бланкетными понятиями). Например, понятие «оружие», которое использовано в ст. 222 УК РФ. Оно, как известно, определяется Федеральным законом от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», и с этой точки зрения соответствующее дефинитивное предписание, хотя и распространяется на сферу уголовного права, в чистом виде уголовно-правовым не является¹. Предписания такого рода обеспечивают межотраслевую согласованность уголовно-правовых предписаний Особенной части.

Очевидно, что оба вида дефиниций как таковые не могут быть отнесены к дефинитивным предписаниям непосредственно Особенной части уголовного права. Другое дело – дефиниции, которые определяют использованные в Особенной части уголовного права понятия, но средствами

---

¹ Стоит отметить, что бланкетная дефиниция оружия не в полной мере раскрывает соответствующее понятие, использованное в тексте ст. 222 УК РФ, на что обратил внимание Пленум Верховного Суда (см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 5). А это предполагает уточнение понятия и выработку иной дефиниции, собственно уголовно-правовой. Аналогичная ситуация имеет место, к примеру, и в случае с определением понятия «имущество», которое в своей уголовно-правовой интерпретации не соответствует цивилистическому пониманию. В связи с чем, к примеру, в литературе обосновывается идея о включении в уголовный закон определение понятия имущества в его уголовно-правовом значении в одном из примечаний к ст. 158 УК РФ. См. об этом: Филаненко А.Ю. Хищение чужого имущества: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 12 – 13.

нормативных предписаний самой Особенной части. Именно их и следует рассматривать в качестве дефинитивных нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

Такие предписания закрепляются:

- непосредственно в тексте статьи уголовного закона (в действующем УК РФ предусмотрена одна такая дефиниция – в ч. 1 ст. 331 УК РФ дано понятие преступления против военной службы, хотя известно, что УК РСФСР 1922 года непосредственно в статьях определял понятие и иных преступлений, в частности, контрреволюционного, преступления против порядка управления);

- в тексте примечаний к статьям Особенной части УК РФ (например, примечание к ст. 117 УК РФ дает понятие пытки, примечание к ст. 139 УК РФ определяет понятие «жилище», примечание 1 к ст. 158 УК РФ определяет понятие «хищение», примечание 1 к ст. 264 УК РФ – понятие «другое механическое транспортное средство» и т.д.);

- в постановлениях Правительства РФ, принятых для целей применения отдельных положений уголовного закона (например, в постановлении Правительства от 17.08.2007 № 522 определяется понятие «вред здоровью»¹, в постановлении от 13.09.2012 № 923 перечневым путем определяется понятие «стратегически важный товар»² и др.);

- в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, посвященных практике применения отдельных статей уголовного закона (например, п. 1 постановления от 17.12.2020 № 43 определяет понятие «официальный документ»³, п. 17 постановления от 09.07.2020 № 18 определяет понятие

---

¹ Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 («Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.

² Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 38. – Ст. 5133.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 - 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 296. – 30.12.2020.

«способствование раскрытию преступления»¹, п. 5 постановления от 27.04.2017 № 12 определяет понятие «перемещение товаров через таможенную границу»² и т.д.).

Исследование дефинитивных предписаний Особенной части уголовного права является весьма перспективным направлением. Полагаем, что повышение качества и эффективности правового регулирования настоятельно требует и увеличения таких предписаний. Это актуализирует проблему их отбора, содержательного направления и юридико-технического оформления в источниках уголовного права. В науке и в законотворческой практике встречаются различные варианты решения этой проблемы. Так, в цитированных выше работах Н.Ф. Кузнецовой и М.Б. Костровой предлагалось создать в структуре УК РФ самостоятельный раздел XIII, подчеркнем – раздел Особенной части УК РФ, посвященный толкованию терминов. В Уголовном кодексе Беларуси дефинитивные нормативные предписания Особенной части уголовного права оформлены либо в виде примечаний к главе кодекса (если они распространяют свою силу на все положения этой главы), либо в виде примечаний к статье кодекса (если сфера дефиниции ограничена этой статьей). Думается, что в стратегическом отношении нет причин к тому, чтобы противопоставлять эти подходы. При разумной организации юридико-технического сопровождения они вполне могут быть совмещены, опираясь на представления о сфере действия того или иного дефинитивного предписания.

Б) Правила о действии правил

- *Правоположения.* Это нетипичный вид нормативных предписаний Особенной части уголовного права, функционально предназначенный для преодоления и разрешения коллизионных ситуаций, возникающих между отдельными предписаниями закона в процессе их применения. Как верно

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 9.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 6.

отмечает Б.В. Яцеленко, в действующей системе уголовного законодательства правоположения не находят отражения в виде самостоятельных норм и объективируются вовне в актах правоприменительных органов, прежде всего в разъяснениях высших судебных инстанций¹. Такие нормативные положения составляют значительную часть в массиве предписаний, формулируемых Верховным Судом РФ. С содержательной стороны, они могут быть классифицированы на виды, в зависимости от того, какой вид конкуренции ими разрешается. В частности, можно выделить правоположения, которые разрешают:

- конкуренцию предписаний, соотносящихся между собой как часть и целого (например, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 устанавливает: «В случае, когда виновное лицо, первоначально незаконно лишившее человека свободы, в дальнейшем переместило потерпевшего в другое место, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 126 УК РФ без дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ»²);

- конкуренцию общего и специального предписания (например, п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 предписывает: «С учетом того, что нормы об ответственности за мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп являются специальными по отношению к положениям статей 290, 291, 204 УК РФ, получение или дача взятки, а равно предмета коммерческого подкупа в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, следует квалифицировать по части 1 статьи 291.2 УК РФ либо части 1 статьи 204.2 УК РФ независимо от того, за какие действия (законные или незаконные), в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также при наличии других

---

¹ См. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. – М.: МЮИ МВД России, 1996. – С. 198; Яцеленко Б.В. Правоположения в уголовном праве // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 34 – 40.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3.

квалифицирующих признаков взяточничества и коммерческого подкупа они совершены¹);

- конкуренцию специальных предписаний (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 провозгласил на этот счет: «Если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается частью 3 статьи 159 УК РФ или частью 3 статьи 160 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 285 УК РФ не требует²);

- иерархическую конкуренцию (например, п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 установил, что «международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, статьи 355 и 356 УК РФ)»³).

- *Оперативные предписания.* Это группа правил, определяющих пространственно-временные пределы действия типичных уголовно-правовых предписаний Особенной части. В силу своей всеобщности они, как правило, относятся к группе предписаний Общей части уголовного права. Однако законодатель и правоприменитель могут вырабатывать предписания, которые по сути своей имеют специальный характер, рассчитаны на случаи совершения строго определенных преступлений, и в этом отношении содержательно ограничены применением лишь некоторых предписаний Особенной части уголовного права. Таковы, к примеру:

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.

- предписания ч. 3 ст. 331 УК РФ, согласно которой уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени;

- предписания ч. 3 ст. 76.1 УК РФ, которые устанавливают правила освобождения от ответственности за преступления, жестко связывая их со временем их совершения; и несмотря на то, что эти предписания расположены в Общей части кодекса, по природе своей они не универсальны и рассчитаны на применение только преступлений, предусмотренных ст. 193, ч. 1, 2 ст. 194, ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ;

- правила применения уголовного закона об ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в ситуациях, когда последовательно вносятся изменения в текст уголовного закона и в текст постановления Правительства РФ, определяющего размеры наркотических средств для целей применения соответствующих статей уголовного закона¹;

- предписания, определяющие порядок выбора вида закона, подлежащего применению, при изменении противоправности отдельных деликтов (например, за незаконную организацию и проведение азартных игр², побои³).

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1973-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пермякова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 07.03.2021).

² См.: п. 4.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 5.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" в связи с жалобами

2. К **системоразвивающим** нетипичным предписаниям Особенной части уголовного права нами отнесены те, что обеспечивают развитие уголовного права и его приспособление, адаптацию к меняющимся условиям внешней среды. Такие предписания, в зависимости от предусмотренного в них механизма адаптации, можно условно разделить на две группы:

- предписания, которые содержат отсылку к меняющимся социальным условиям функционирования уголовно-правовой нормы (например, примечание к ст. 141.1 УК РФ связывает условия признания деяния преступным с размером избирательного фонда - крупным размером признаются размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда; аналогичный прием использован в примечании 3 к ст. 185.3 2, примечании 3 к ст. 200.1 УК РФ);

- предписания, которые содержат отсылку к меняющейся нормативной базе регулирования охраняемых уголовным законом отношений (например, примечание к ст. 143 УК РФ в обобщенном виде устанавливает, что под требованиями охраны труда понимаются государственные нормативные требования охраны труда, содержащиеся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах РФ, законах и иных нормативных правовых актах субъектов РФ; аналогичный приме использован в примечании к ст. 144.1 УК РФ, примечании к ст. 191 УК РФ).

Классификация нетипичных нормативных предписаний Особенной части уголовного права, построенная в зависимости от их роли и функций в обеспечении системности уголовного права, может быть признана основной. Она в достаточно полной степени отражают специфику этих предписаний и их значение для развития отрасли и ее эффективного функционирования.

Вместе с тем, она не является единственно допустимой. Всестороннее познание множества нетипичных правовых предписаний предполагает возможность и иных теоретических построений.

Значительным познавательным потенциалом обладают классификации, которые проводятся в контексте сопоставления (противопоставления) нетипичных и типичных нормативных предписаний.

1) Типичные предписания в своем логико-грамматическом выражении всегда объективированы в форму предложений, составляющих связанный текст и заключающих четкое, недвусмысленное суждение. В тоже время нетипичные предписания, как было установлено в исследовании Ю.В. Блохина, могут иметь (а) особое логико-грамматическое выражение в виде формул, рисунков, схем, типовых расчетов или (б) нетипичные компоненты содержания (рекомендации, нормы-примеры)¹. На первый взгляд, с точки зрения принципа законности, предписаний подобного рода в уголовном праве быть не должно. Тем не менее, внимательный анализ свидетельствует об обратном.

Так, например, предписания, определяющие значения значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств для целей применения ст. 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ, имеют табличную форму². Предписания, определяющие размер вреда, причиненного лесным насаждениям в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 260 и ст. 261 УК РФ, формулируются также в табличной форме и содержат в себе описания, в том числе, формул, посредством которых такой размер определяется (например, размер вреда при незаконной рубке одного хвойного дерева с диаметром ствола более 12 см в насаждениях, заготовка

---

¹ Блохин Ю.В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 13 – 14.

² Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 41. – Ст. 5624.

древесины которых допускается, составляет 50-кратную стоимость древесины, при этом он подлежит увеличению в 2 раза в случае рубки такого дерева в ноябре – январе).

Значительный массив примеров содержится в текстах постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Так, с использованием данного приема в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 определяется предмет преступления, предусмотренного статьей 324 УК РФ «(например, листок нетрудоспособности является основанием для назначения и выплаты работнику пособия по временной нетрудоспособности, медицинское заключение об отсутствии противопоказаний к управлению транспортными средствами предоставляет лицу право сдачи экзамена и получения водительского удостоверения)»¹; описываются действия, которые составляют превышение должностных полномочий, в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19.²

Активно Пленум Верховного Суда использует и прием рекомендаций. Так, в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 зафиксировано: «Рекомендовать судам в силу части 3 статьи 47 УК РФ обсуждать вопрос о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью лиц, совершивших преступление, предусмотренное частью 3 статьи 210 УК РФ, с использованием своего служебного положения»³, а в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 рекомендовано судам при назначении этого дополнительного наказания обсуждать вопрос о целесообразности его

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 - 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – № 296. – 30.12.2020.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.

применения в отношении лица, для которого соответствующая деятельность связана с его единственной профессией¹.

2) Типичные нормативные предписания рассчитаны на длительное и постоянное, впредь до отмены или изменения, применение. В этом – залог стабильности правопорядка и проявление правовой определенности. Вместе с тем, некоторые предписания изначально рассчитаны на временный характер применения. И это позволяет рассматривать их как нетипичные. Их нетипичность обусловлена как раз тем фактом, что они перестают действовать по истечению срока, на который рассчитаны, и никогда специально не отменяются. В уголовном праве можно встретить целый ряд таких предписаний:

- Во-первых, как уже отмечалось, законодательство специально предусматривает, что на период военного времени или во время боевой обстановки, должны действовать специальные, временные по своей природе нормативные предписания об ответственности за воинские преступления. И хотя таких предписаний в системе уголовного права не создано, сам факт их потенциального наличия или возможного создания нельзя отрицать². Специфика этих предписаний (будь они оформлены в виде отдельного нормативного акта или в виде специально сконструированных квалифицирующих признаков составов воинских преступлений) состоит в том, что они, в принципе, являются типичными по своей конструкции, но рассчитаны именно на временное применение;

- Во-вторых, особым временным характером обладают предписания, содержащиеся в решениях Конституционного Суда РФ, которыми признается неконституционными то или иное положение уголовного закона (в целом или в определенном истолковании) и формулируются правила регулирования уголовно-правовых отношений впредь до внесения изменений в уголовный

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

² О специальном уголовном законодательстве военного времени см., например: Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П. Война и уголовный закон. – М.: Норма, 2009; Зателепин О.К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации) вопросы теории, законодательства и практики). – М.: «За права военнослужащих», 2013.

закон федеральным законодателем. Таковы, к примеру, предписания Конституционного Суда РФ, которые были связаны с признанием неконституционным примечания к ст. 264 УК РФ в той мере, в какой оно ставило лицо, скрывшееся с места совершения происшествия, в преимущественное положение по отношению к лицам, оставшимся на месте происшествия, с точки зрения установления факта их опьянения. Суд определил в своем постановлении: законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения не позднее чем через год после вступления постановления в силу; впредь до внесения изменений сохраняет силу действующий порядок применения пункта 2 примечаний к статье 264 УК РФ; если до установленного срока законодатель не внесет необходимых изменений, пункт 2 примечаний к статье 264 УК РФ утрачивает силу¹.

- В-третьих, временный характер носят акты об амнистии. Постановление об амнистии, указал Конституционный Суд РФ, является «уникальным нормативно-правовым актом»; нормативные предписания, содержащиеся в нем, «могут и должны выполнять функцию законодательного регулирования»; оно распространяется на индивидуально не определенный круг лиц и деяний, т.е. носит нормативный характер, допускает отказ от реализации ранее примененных или подлежащих применению норм УК РФ; нормативное содержание акта об амнистии может существенно менять реальные основания и условия уголовной ответственности. Следовательно, резюмировал Суд, «постановления Государственной Думы об амнистии в системе действующих нормативно-правовых актов по своему уровню и материально-правовому содержанию могут быть приравнены только к принимаемым Государственной Думой законам»². Предписания постановления об амнистии, таким образом,

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 2018. – № 19. – Ст. 2812.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года N 492-III ГД "О внесении

являются именно нормативными, а учитывая, что они определяют последствия совершения отдельных преступлений, строго обозначенных в самом постановлении, есть основания отнести эти предписания именно к области Особенной части уголовного права. Но в отличие от типичных предписаний, нормативные предписания постановления об амнистии, имеют подчеркнуто временный характер.

3) Типичные нормативные предписания Особенной части уголовного структурно и содержательно включают в себя два компонента: об определении основания ответственности и об установлении пределов наказуемости преступления. Нетипичные предписания могут отличаться от них в содержательном отношении. В частности, структурно объединяя условие применения правила, и содержание самого правила, они могут быть содержательно посвящены либо вопросам правильного установления основания ответственности, либо вопросам определения меры воздействия в отношении лица, совершившего преступления.

В первом случае такие нетипичные предписания логично встраиваются в гипотезу уголовно-правовой нормы, наряду с гипотезой типичного предписания. Они выражаются:

- в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Например, примечание к ст. 131 УК РФ определяет необходимость квалификации в качестве изнасилования или насильственных действий сексуального характера совершенные в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста развратные действия, половое сношение мужеложство или лесбиянство, а примечание к ст. 151 УК РФ ограничивает сферу применения данной нормы при рассмотрении случаев вовлечения несовершеннолетних в бродяжничество родителем;

- в многочисленных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Формулировка таких предписаний, по большому счету, составляет основное

изменения в Постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 6.

содержание постановлений. К примеру, п. 2 постановления от 04.12.2014 № 16 устанавливает: «Если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера потерпевшему лицу был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК РФ; умышленное причинение тяжкого вреда его здоровью требует дополнительной квалификации по соответствующей части статьи 111 УК РФ»¹

Во втором случае, определяя специфику применения мер государственного воздействия, нетипичные предписания встраиваются в диспозицию уголовно-правовой нормы, примыкая к диспозиции типичного предписания. Они могут быть выражены:

- в специальных примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, которые содержат основания освобождения от уголовной ответственности (например, примечание к статье 126 УК РФ, примечание 1 к ст. 127.1 УК РФ, примечание 2 к ст. 199.1 УК РФ и др.);

- в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Например, в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48, согласно которому «при назначении наказания лицу, признанному виновным в одном или нескольких преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, судам необходимо руководствоваться общими началами назначения наказания, обсуждать возможность применения положений частей 1 и 2 статьи 64, статьи 73, а также части 6 статьи 15 и статьи 80.1 УК РФ. Следует иметь в виду, что содержание осужденного под стражей до постановления приговора не может предопределять назначение ему наказания в виде реального лишения свободы»².

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

4) Типичные нормативные предписания Особенной части уголовного права, в силу требований принципа законности (ст. 3 УК РФ) и прямых указаний ч. 1 ст. 1 УК РФ, могут быть сформулированы исключительно в тексте Уголовного кодекса РФ. Нетипичные предписания, как следует из изложенного, могут быть сформулированы как в тексте статьи Особенной части УК РФ, так и в тексте примечаний к этим статьям¹, а равно и в иных источниках уголовного права, в частности, в правительственных актах, решениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Как показывает исследование, нормативные предписания Особенной части уголовного права, при том, что их основная задача состоит в определении преступности и наказуемости того или иного конкретного деяния, стремятся ко все большему функциональному разнообразию, что приводит к появлению и разрастанию таких предписаний, которые по своим параметрам существенно отличаются от «типичных». Это обстоятельство выражает важный момент развития уголовного права. Если рассматривать его с точки зрения учения о формировании и развития закономерностей уголовного права², то обнаруживаются весьма показательные тенденции.

Во-первых, возникнув изначально как система предписаний собственно Особенной части, уголовное право развивалось в направлении вычленения общих положений и закреплении их в структурно обособленной части уголовного закона. Однако со временем эти общие положения стали, если так можно выразиться, «слишком общими», не учитывающими нюансов и специфики правового регулирования отношений, возникающих в связи с совершением некоторых преступлений в меняющихся социальных условиях.

---

¹ О нормативной природе примечаний к статьям УК РФ см.: Войтович А.П. Примечания в уголовном законе (сравнительно-правовое исследование). – Владимир: Б.И., 2006. – С. 55 – 60; Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011; Жинкин А.А., Батюрина Т.Ю. Некоторые проблемы законодательной регламентации и применения примечаний к статьям Особенной части УК РФ // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2014. – № 1 (18). – С. 27 – 29; Бойко А.И., Панько К.К. Примечания в УК РФ как особое средство уголовно-правового регулирования // Юристы-Правоведь. – 2020. – № 1 (92). – С. 86 – 91.

² Об отраслевых закономерностях см.: Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2019.

Исправление ситуации потребовало специального приспособления этих общих положений к нуждам отдельных правоотношений, в связи с чем специальные изъятия из них стали «возвращаться» в Особенную часть уголовного права в виде нетипичных правовых предписаний, ограниченных по предмету, времени, субъектам регулирования. Сейчас идет процесс «накопления» таких предписаний, что не исключает в будущем их последующего обобщения, укрупнения и формирования либо на уровне предписаний Общей части уголовного права, либо на некоем «среднем уровне» - предписаний Особенной части, распространяющих свою силу не на конкретное правоотношение, а на определенный вид правоотношений, что структурно может быть оформлено в виде статей или примечаний, относящихся к предписаниям той или иной главы уголовного закона, либо в виде толковательного раздела Особенной части кодекса.

Во-вторых, логика развития уголовного права как системы строго определенных в формальном отношении суждений и понятий, исчерпывающе описывающих императивные правила правового регулирования, обуславливая формирование в законе исчерпывающих текстовых предписаний, которые могли толковаться только в буквальном соответствии с этим текстом, в настоящий момент встречает определенное сопротивление условий неопределенности общественного развития. Это обстоятельство приводит к корректировке традиционного подхода изложения нормативных предписаний в тексте правовых источников, а именно к появлению табличных, графических форм представления предписаний, к появлению рекомендательных, мягких норм и т.д., то есть к развитию предписаний, которые сложно именовать «типичными». Формальные требования законности оказываются в данном случае ненадежным фильтром, все больше допуская проникновение таких предписаний в Особенную часть уголовного права. Однако препятствовать этому процессу, только оперируя соображениями формальной законности, нельзя. Это объективный и

закономерный процесс, отражающий смену общего подхода к пониманию и формированию права в современном обществе.

Признание этих закономерностей, их раскрытие и толкование составляют важный методологический фундамент исследования уголовного права в части познания его внутренней структуры и систематизации, а также динамично меняющегося внутреннего содержания.

Глава 4.

ИНСТИТУТЫ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Теоретико-методологические основы исследования институтов Особенной части уголовного права

Исследование системы уголовного права вообще и непосредственно системы его Особенной части с необходимостью предполагает обращение к вопросам понимания, строения и классификации уголовно-правовых институтов. Не боясь преувеличения, можно сказать, что проблема системы отрасли уголовного права есть одновременно и прежде всего проблема ее институционального строения. «Институт – обязательное подразделение отрасли права», - писал О.С. Иоффе¹. Однако, несмотря на всю свою значимость, тематика институтов уголовного права остается все еще недостаточно изученной. Если не брать в расчет отдельные публикации в периодической печати и учебную литературу², на сегодняшний день можно назвать, пожалуй, лишь два крупных монографических сочинения, посвященных институтам уголовного права – диссертацию М.С. Жука и книгу, подготовленную в соавторстве В.Д. Филимоновым и О.В. Филимоновым³. Очевидно, что и общий объем имеющейся литературы, и отсутствие заметного интереса к теме после публикации отмеченных работ, не могут быть оправданы отсутствием или однозначным и консенсуальным решением проблем институционального строения уголовного права. Напротив, в совокупности с нарастающей десистематизацией, внутренним и

---

¹ Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968 // Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 томах. Т. IV. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009. – С. 96.

² Заметим, однако, что в некоторых авторских курсах проблемы институтов уголовного права в принципе не затрагиваются. См., например: Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть В 4 т. Т. II. Уголовный закон. – М.: Юрлитинформ, 2016; Козлов А.П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. – М.: Юрлитинформ, 2018.

³ См.: Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013; Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014.

внешним рассогласованием уголовно-правовых предписаний, тема институтов уголовного права должна выйти на передний край актуальности научных исследований, а ее обсуждение должно способствовать устранению или минимизации имеющихся издержек уголовно-правового регулирования как на правотворческом, так и на правоприменительном уровнях.

По этой причине исследование институтов Особенной части как компонента общей системы уголовного права и оправданно, и необходимо. Однако, прежде чем перейти к вопросам внутреннего строения и систематизации самих институтов Особенной части уголовного права, представляется необходимым уточнить и модернизировать некоторые общие теоретико-методологические аспекты понимания институтов уголовного права в целом¹. Тем более, что вопрос этот, насколько мы можем судить, специальному обсуждению в отраслевой науке не подвергался.

Еще в середине прошлого столетия Л.И. Дембо отмечал, что исследователи права злоупотребляют термином «институт права», применяя его очень широко к любому правовому явлению, не вкладывая в этот термин по существу какого-либо конкретного содержания². С тех пор ситуация мало изменилась. Термин «институт», как свидетельствует анализ библиографии, употребляется для обозначения отдельных нормативных предписаний Особенной части уголовного права («институт кражи»³), некоторых структурных элементов этих предписаний («институт уголовно-правовых санкций»⁴) и даже ненормативных конструкций («институт состава преступления»⁵). При этом авторы, по преимуществу, не оговаривают особенности используемой ими терминологии. О.С. Иоффе писал по этому поводу, что «если иметь в виду обычное словоупотребление, то никаких

---

¹ См. об этом: Асланян Р.Г. Теоретико-методологические основы исследования институтов особенной части уголовного права // Союз криминалистов и криминологов. – 2022. – № 2.

² Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 93.

³ Харитоновна А.Н., Савельева С.Е. История развития института кражи в отечественном уголовном законодательстве // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (61). – С. 126 – 132.

⁴ Густова Э.В. Особенности понятия уголовно-правовой санкции и ее функций // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 209 – 214.

⁵ Варламова Ю.А. К вопросу о составе преступления // Человек: преступления и наказание. – 2013. – № 1 (80). – С. 84 – 85.

погрешностей здесь нет, ибо «институт» означает «установление», и тогда все в области права можно называть институтом, начиная от самого права и кончая его единичными нормами¹. Но когда речь заходит о юридическом институте как строго научном понятии, оно должно обладать необходимой определенностью, точностью и недвусмысленностью. Как отмечал В.В. Мальцев, нельзя один и тот же термин использовать на всех уровнях обобщения уголовного законодательства: это ведет к словесной путанице, угрожающей искажением восприятия действительного положения вещей².

Если рассуждать об институте уголовного права как элементе структурного строения правовой отрасли, то в целом в науке есть некоторое согласие относительно того, что он представляет собой совокупность (комплекс, систему) правовых норм (правовых предписаний), которые призваны обеспечить регулирование определенной разновидности (элемента) общественных отношений, составляющих предмет отраслевого регулирования. При этом правовой институт рассматривается в качестве промежуточного звена между отраслью права и нормой права (нормативным предписанием). Такое понимание правового института (разумеется, с имеющимися, порой существенными, но все же относительно частными отличиями у отдельных авторов) сложилось достаточно давно и является вполне устойчивым³ (разделяется оно и 93% опрошенных экспертов). Оно может использоваться в качестве основы и отправной точки для нашего предстоящего исследования.

Стоит, однако, обратить внимание на один принципиальный факт: *практически все наличные разработки проблемы правовых институтов*

---

¹ Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968 // Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 томах. Т. IV. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009. – С. 99.

² Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград: ВА МВД России, 2001. – С. 250.

³ См., например: Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 93; Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 120; Киримова Е.А. Правовой институт: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – С. 17; Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 13.

основаны на двух методологических допущениях: во-первых, они выполнены в подчеркнуто позитивистском ключе, определяя институт как множество правовых норм или нормативных предписаний; и во-вторых, исходят из неоспоримости факта отраслевого строения системы права. По этой причине такие исследования жестко привязаны к тексту отраслевых источников права, воспринимают их одновременно как исходную точку и финал рассуждений о структуре отрасли. Тем самым, по сути, нарушается одно из важнейших требований диалектической методологии научного анализа, которой формально придерживаются все отечественные юристы: предмет анализа не изучается в единстве и многообразии своих проявлений, в контексте единства процессов становления и развития, с учетом взаимосвязи содержания и формы явления, с пристальным вниманием к принципу всеобщей связи. В итоге проблематика институционального строения отрасли уголовного права оказывается «оторванной» от истории уголовного права, его межотраслевых связей, и по сути сводится к вопросам организации текста уголовного кодекса, как нормативного акта, фиксирующего в упорядоченном порядке нормативные правовые предписания. При всей своей значимости для решения текущих и перспективных проблем законодательства и юридической техники, такой подход, на наш взгляд, выглядит явно недостаточным для исследования структуры и системы уголовного права и нуждается в модернизации.

Такая модернизация должна начинаться, по-видимому, с обновления и уточнения самого подхода к праву. В нашу профессиональную задачу, разумеется, не может входить сколько-нибудь детальный анализ типов правопонимания и их влияния на решение отраслевых уголовно-правовых задач. Единственное, на что мы можем обратить внимание, так это, во-первых, на *недопустимость абсолютизации какого-либо одного типа правопонимания*¹, ибо в современном мире нет и не может быть единственно

---

¹ Полагаем, в частности, глубоким методологическим заблуждением следующие рассуждения В.С. Веденина: «Системно-нормативное правопонимание (основой которого является современное нормативное правопонимание, основоположник -М.И. Байтин) должно являться основой формирования правосознания

верной методологии познания права, а любое методологическое ограничение с неизбежностью грозит односторонностью и неполнотой научного знания; и во-вторых, на то, что любая методология права есть определенный «интервал» исследования, имеющий свои объективные границы¹, в силу чего от современного исследователя всегда требуется *преодоление ограниченных возможностей любого метода через методологическую триангуляцию*, то есть совместное использование (синтез) различных методов, взаимодополняющих друг друга и минимизирующих недостатки каждого, что исключает фрагментарность и ограниченность выводов проводимых исследований².

С учетом этих обстоятельств, надо признать, что юридический позитивизм, преимущества которого для познания нормативных правовых предписаний были оговорены в предыдущей части исследования, хотя и сохраняет свой потенциал для изучения уголовно-правовых институтов и в целом структурного строения отрасли уголовного права, имеет здесь некоторые пределы, которые должны быть компенсированы органичным применением иных методов и методологических подходов.

Попытка расширить границы позитивистской методологии в целях познания институтов уголовного права была предпринята в диссертации М.С. Жука. Взяв за основу структурно-функциональный подход к праву Р.З. Лившица³, интегрирующий в себе аксиологическое, нормативистское и социологическое понимание права, автор представляет оригинальное и нетрадиционное для отраслевой науки понимание содержания и структуры

правоприменителя, поскольку наличие альтернативных типов правопонимания в юридической практике приносит больше вреда, чем пользы. Ни один из широких подходов к правопониманию не обеспечивает прикладного использования результатов теоретического осмысления феномена права. Юридический системно-нормативный подход является единственным подходом к пониманию права, имеющим прикладное значение и в этой связи должен находиться в основе деятельности всех ветвей государственной власти (Веденин В.С. Влияние правопонимания на становление и развитие институтов российского права (на примере патентного права): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – С. 7).

¹ Интервал – разделяющая и ограничивающая, а не исключаящая противоположные научные истины граница, в пределах которой система идей может быть истинной и справедливой. См. об этом: Пудовочкин Ю.Е., Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Интервальная методология в исследовании преступности: сущность, преимущества и перспективы // Общество и право. – 2020. – № 2 (72). – С. 55 – 60.

² Судакова Т.М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 4. – С. 658.

³ Лившиц Р.З. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – С. 62.

уголовно-правового института, включая в него, помимо собственно нормативного материала (правовых предписаний), определенные принципы правовых институтов и соответствующие уголовно-правовые отношения¹.

Такой подход, безусловно, заслуживает поддержки, позволяя включить в орбиту рассуждений об институтах уголовного права вопросы, связанные с их социально-политической и криминологической обусловленностью, а также с механизмом реального действия уголовного закона. Он подчеркнуто социологичен и ориентирован не только (и не столько) на познание нормативных предписаний, сколько на исследование, используя известное выражение Н.С. Таганцева, «нормы права в ее реальном бытии». Однако он, как представляется, базируется на априорной посылке, признающей сам факт наличия уголовно-правового института в той или иной совокупности внутренне взаимосвязанных, а еще лучше – структурно обособленных в тексте закона, уголовно-правовых предписаний. Иными словами, ориентирует исследование по логике «от закона – к жизни», не обращая внимания, по большому счету, на процессы формирования отрасли уголовного права и институтов в ее структуре. Наличие отрасли и наличие в ее структуре правовых институтов для автора – данность, не требующая специальных доказательств, а потому его исследование в большей степени социально-прогностическое, оно лишено социально-исторического обоснования (несмотря на обширный и содержательный историко-правовой раздел диссертации), не позволяет ответить на вопрос о том, как и почему в структуре отрасли уголовного права сложились те или иные институты, и в чем заключается природа этих институтов.

Еще одна попытка преодоления юридического позитивизма в исследовании уголовно-правовых институтов предпринята в работе В.Д. и О.В. Филимоновых². Здесь авторы исследуют социальную сущность

---

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 85.

² Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014 (в целях технической оптимизации

правового института, отталкиваясь от социологической интерпретации права. Основой их рассуждений выступает значимый тезис о том, что правовой институт представляет собой правовую форму социального института. «Как социальные статусы и социальные роли образуют социальный институт, так и правовые нормы, выражающие эти статусы и роли в юридической форме, образуют институт права» (с. 11). При этом социальное содержание институтов права, по мысли авторов, состоит «не столько в самих правилах поведения, предусмотренных в его правовых нормах (в этом случае оно сливается с их юридическим содержанием), сколько и главным образом в самих действиях субъектов общественных отношений, предписанных этими правилами» (с. 38 – 39). Социальное содержание юридического института, пишут они, состоит из социальных явлений – структурных элементов (в качестве которых выступают социальное благо, составляющее объект потребностей физических или юридических лиц, сами эти лица, их потребности и поведение) и функциональных связей между этими элементами (с. 53). При этом социальное содержание института уголовного права видится им не в тех общественных отношениях, которые уже сложились в объективной действительности, а в тех, которые должны возникнуть под воздействием норм, образующих этот институт (с. 151). Разворачивая эти положения, исследователи логично различают социальную сущность уголовно-правового института, усматривая ее в справедливости всей совокупности требований образующих его правовых норм, выражающих максимально возможное на данном этапе развития общества единство личных и общественных интересов и отвечающих интересам развития общества по пути прогресса (с. 49, 149), и правовую сущность юридического института – его способность осуществлять комплексное интегрированное и дифференцированное регулирование поведения лиц, способных совершить преступления, и деятельности государственных

органов по применению к лицам, совершившим преступления, уголовной ответственности и наказания (с. 51, 150). На основе проведенных исследований В.Д. и О.В. Филимоновы определяют институт уголовного права как «совокупность уголовно-правовых норм, которая объединив в своем составе взаимосвязанные правила поведения, осуществляет в целях предупреждения преступлений и восстановления нарушенной ими социальной справедливости комплексное регулирование тождественных и однородных общественных отношений, а также отношений, производных от других общественных отношений, или общественных отношений, связанных между собой иным образом» (с. 157).

Признавая безусловную ценность социологической интерпретации уголовно-правового института, нельзя между тем не отметить, что она (по крайней мере, в той трактовке, которая предложена в анализируемой монографии) не позволяет в должной степени провести разграничение между уголовным правом как самостоятельным социальным институтом и институтом уголовного права как элементом системы уголовного права. В.Д. и О.В. Филимоновы пишут, что «соотношение уголовно-правового института с отраслью уголовного права определяется тем, что институт в данном случае, как это наблюдается и в других правовых отраслях, выступает в роли основного звена ее структуры. Трудных проблем при выявлении соотношения того и другого правового образования обычно не возникает» (с. 157). Однако, нам представляется, что здесь исследователи выдают желаемое за действительное. Содержание правового института (совокупность норм), цели его функционирования (предупреждение преступлений и восстановление справедливости), предмет регулирования (некоторая совокупность взаимосвязанных общественных отношений) в равной степени присущи и отрасли уголовного права как целому.

Анализ монографии позволяет предположить, что ее авторы в принципе отказывают институтам уголовного права (понимаемым в качестве элемента структуры отрасли) в праве на существование. Они пишут, что от

юридического института следует отличать институт как правовое образование, сложившееся в результате систематизации норм права в правовом акте. Эти институты не всегда обладают общим предметом регулирования. Порой регулируемые ими общественные отношения не являются ни тождественными, ни однородными, ни взаимосвязанными между собой. Поэтому и входящие в такие институты правовые нормы и субинституты также бывают невзаимосвязанными между собой. Критерием объединения норм в такие институты, их общим признаком могут выступать функция или метод (с. 72). Но это признак, который может служить только критерием систематизации правовых норм. «Произведенная с его помощью систематизация правовых норм позволяет обеспечить необходимый уровень кодификации права и облегчить его использование в процессе правоприменительной деятельности» (с. 72). Такой признак выполняет функцию не правового регулирования, а критерия кодификации правовых норм.

Рассуждения В.Д. и О.В. Филимоновых по поводу институтов уголовного права фактически отказывают им в статусе элементов структуры отрасли и «разрывают» их связь с авторскими же рассуждениями о праве как социальном институте. Они низводят их значение до элемента структуры кодифицированного законодательного акта. Но в таком случае надо последовательно признавать, что подобное структурирование находится в полном или, как минимум, в широком усмотрении законодателя, реализующего в процессе кодификации свои собственные интересы и потребности. Однако авторы последовательно отвергают субъективный элемент в формировании правового института (с. 17 – 18), отмечая его объективный, социально обусловленный характера. Что, на наш взгляд, свидетельствует о внутренней противоречивости представленной ими концепции.

Таким образом, на основе анализа крайне немногочисленных попыток преодоления узких позитивистских рамок в целях исследования уголовно-

правовых институтов, можно констатировать, что проблема их понимания в уголовно-правовой науке не решена и требуется продолжение поиска, прежде всего, методологической основы для адекватного описания этого компонента структуры отрасли.

Восполнить имеющиеся упущения и расширить представления об институтах уголовного права призвана, как представляется, незаслуженно остающаяся в тени отраслевых исследований институциональная методология.

Институциональный подход в понимании закономерностей общественной жизни, организации и проведении научных исследований не является новым. Он берет свое начало с изучения, прежде всего, экономических отношений¹, но впоследствии, проявляя свойства универсальной методологии общественного познания, распространяется и на иные области, в том числе на сферу юридической жизни. Проблема институционализации в юридической науке – это один из аспектов институционализма как научного направления, изучающего социальные институты, которые традиционно понимаются как устойчивые системы правовых норм, на основе которых развивается социальная действительность. Право в целом в рамках этого подхода исследуется как социальный институт, имеющий свою основу и проявления в реальной общественной жизни и тесно взаимодействующий с иными институтами – экономикой, политикой, культурой и т.д.²

Фактически общепризнанным при этом является понимание социального института как «правил игры», формальных норм и неформальных ограничений, которые накладываются на взаимодействие

---

¹ Шадрин А.Е. Трансформация экономических и социально-политических институтов в условиях перехода к информационному обществу // Информационное общество. – 1999. – № 2. – С. 27 – 33; Коваленко Б.Б. Институциональное направление экономической теории: методологические особенности и эволюция // Вестник международного института экономики и права. – 2011. – № 2 (3). – С. 90 – 100.

² Del Mar, M. and Bankowski, Z. (eds, 2009). Law as institutional normative order, Edinburgh, 208 p.; MacCormik, N., Weinberger, O. (1986). An institutional theory of law: New approaches to legal positivism. Springer., 229 p.; MacCormik, N. (2007). Institutions of law: An essay in legal theory. Oxford, 317 p.; Morton, P. (1998). An institutional theory of law: Keeping law in its place. Oxford, 416 p.; Deakina, S., Gindisb, D., Hodgsonb, G.M., Huang Kainanc, Pistorid, K. (2017). Legal institutionalism: Capitalism and the constitutive role of law. Journal of Comparative Economics, Vol. 45, Issue 1, pp. 188 – 200.

людей, определяют их роли и статусы в социальной системе¹. Такая нормативная трактовка социального института была аргументирована Д. Нортом, по мнению которого содержание понятия «институт» состоит «из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их»². Нормативный характер позволяет любым социальным институтам (в том числе и праву) выполнять в обществе следующие функции: 1) регулирование поведения индивидов с целью снижения наносимого друг другу ущерба или его компенсации; 2) минимизация усилий по поиску контрагентов и достижению соглашения посредством формирования предсказуемой и относительно безопасной среды; 3) передача информации и обучение, обеспечивающие наследование институциональных норм и правил; 4) снижение неопределенности в условиях неполноты информации и стабилизация ситуации³.

В праве нормативный характер социального института становится более выраженным и приобретает дополнительные характеристики, связанные с юридическими признаками самих норм: их связью с государством и парламентскими процедурами принятия, общеобязательностью, подкрепленностью силой государственного принуждения, судебной защитой и т.д.

В итоге, нормативность в праве как бы «удваивается». С одной стороны, оно имеет своим содержанием общеобязательные нормы поведения людей, а с другой стороны, это общеобязательное содержание закономерно требует специальных норм по созданию и поддержанию права и правового порядка, которые бы легитимировали право в качестве средства социального управления. При этом право как социальные нормы и социальные нормы о праве возникают параллельно, способствуя утверждению права в качестве

---

¹ Медушевский А.Н. Социология права. – М.: ТЭИС, 2006. – С. 5.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 18.

³ Шапкин В.В. Методологические основания институционализма // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 2 (38). – С. 59.

самостоятельного социального института. Обособление правовых норм от иных социальных норм, верно замечают специалисты, имеет в качестве основания институциональный характер¹.

Применение институционального подхода к исследованию проблем права является весьма перспективным направлением обновления методологического аппарата юридических исследований. В проблематике правовой институционализации, пишет Р.Г. Валиев, преломляются многие правовые явления и процессы – от правовой политики и правового регулирования отношений до реализации права и воспроизводства правопорядка. Поэтому многие проблемные вопросы правовой действительности могут быть рассмотрены в контексте правовой институционализации².

Однако на пути применения институционального подхода к познанию институтов уголовного права существуют некоторые сложности, которые требуют отдельного освещения. Смысловое значение институционального подхода гораздо глубже и богаче ставшего привычным штампа, согласно которому правовой институт есть совокупность правовых норм. Недооценка этого обстоятельства, утверждает А.В. Курочкин, приводит к тому, что «довольно много правоведов, затрагивающих институциональные вопросы в юриспруденции, в действительности не отражают их сущности, а порой и вовсе вступают с ней в противоречие»³.

Отталкиваясь от институциональной методологии, надо признать, что *основное упущение имеющихся разработок в области анализа отраслевых институтов права вообще, и уголовного права, в частности, состоит в том, что они фиксируют внимание лишь на двух моментах: признании нормативной природы института и его понимании в качестве элемента*

---

¹ Беседина В.А. Генезис и развитие социально-правовых институтов, их функций и принципов права в условиях трансформирующегося российского общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 8, № 35. – С. 35

² Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 4. – С. 104.

³ Курочкин А.В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 6. – С. 65.

структуры права. В привычном понимании, как уже было отмечено, правовой институт мыслится в виде некоего набора нормативных предписаний (или норм), обособленных (как правило) на уровне структурной единицы определенного законодательного акта, как структурный элемент отрасли права или системы права. Этот традиционный для отечественной теории права позитивистский подход, по абсолютно точному выражению Г.В. Мальцева, законсервировал проблему юридических институтов на уровне формального и структурного анализа, что затрудняет изучение свойств и возможностей правовых институтов в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений¹. *Главное, чего не хватает такому подходу – функциональной характеристики правового института, анализа его эволюционной предназначенности.*

Попытки компенсировать это упущение опять же традиционными ссылками на то, что уголовно-правовой институт призван регулировать «отдельные виды», «некоторую часть», «отдельные стороны» отношений, составляющих предмет отрасли права², мало что решают. Прежде всего, потому что само понятие предмета отраслевого регулирования, равно как и в целом понятие отрасли права является и неустойчивым, и не общепризнанным, и в известной степени конвенциональным. Кроме того, и это особенно важно для уголовного права, едва ли возможно найти сколь-нибудь значимые отличия между отношениями, которые регулируются различными институтами Особенной части, например, институтом ответственности за преступления против несовершеннолетних, от отношений, регулируемых институтом ответственности за преступления против собственности. И в субъектном отношении, и в содержательном, эти отношения идентичны. Попытка М.С. Жука связать отличия в этих

---

¹ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – С. 395.

² Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 127; Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самарский университет, 2001. – С. 195. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 119.

отношениях с юридическим фактом, их порождающим¹, едва ли может быть признана удачной. Юридическим фактом здесь в любом случае выступает преступление, и особенности квалификации его по той или иной статье уголовного закона, не предопределяют специфики возникающих в связи с совершением того или иного преступления уголовно-правовых отношений. В итоге, как справедливо замечает В.П. Коняхин, предлагаемые определения понятия института не позволяют отделить это понятие от понятий отрасли и подотрасли права; соответственно, они могут применяться для обозначения, по сути, любой совокупности норм².

Поскольку единственным или преимущественным (главным) источников уголовного права признается Уголовный кодекс, то внутренняя структура отрасли, ее институты закономерно «выводятся» специалистами из строения уголовного закона. Но в этой логике есть одно существенное противоречие, на которое обратил внимание А.В. Курочкин. Он пишет: «Закон как определяющий признак институциональности в праве должен изначально разграничивать отношения, регулируемые им с помощью различных методов, принципов, норм и субъектов. Поскольку выделение института необходимо прежде всего по определенным специфическим чертам, свойственным тем или иным общественным отношениям и механизму их правовой регламентации, получается, что внутри каждого источника права содержатся группы норм, которые изначально наделены специальным компонентом, отличающим их не только от норм других законодательных актов, но и от норм внутри самого нормативно-правового акта. Такой подход в общем виде вступает в конфликт с юридической техникой, которая на правотворческом уровне имеет принципиальное значение»³. Действительно, если закон разграничивает общественные отношения, подлежащие регулированию с его стороны, и не подлежащие

---

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 95.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 155 – 156.

³ Курочкин А.В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 6. – С. 69, 70.

соответственно регулированию со стороны иных законов, то обособление внутри закона институтов, различающихся опять же предметом регулирования, как минимум нелогично, и свидетельствует, при возможности такого разграничения, о том, что в предмет регулирования закона включены неоднородные общественные отношения, что должно восприниматься в качестве дефекта законотворчества. Исходя из этого, А.В. Курочкин делает вполне убедительный вывод о том, что «соотношение законов и правовых институтов в качестве равнозначных понятий в настоящее время является архаизмом в правовой науке, тормозящим развитие представлений об институтах как базовых правовых категориях»¹.

Акцент на структурных и формальных характеристиках уголовно-правового института приводит к тому, что сами правовые институты становятся лишь «смысловыми конструкциями, позволяющими лучше упорядочить массу нормативных долженствований», и «люди их постигают как объективную реальность, не замечая, насколько эта реальность зависит от их истолкования. ... Правовые институты выглядят как устойчивые и даже непоколебимые основательные структуры, в то время как они являются достаточно легко изменяемыми образованиями посредством дискурсивных практик. Ведь каждый человек, интерпретируя правовую реальность, одновременно ее и порождает, конструирует, выступая сотворцом этой реальности. Таким образом, правовые институты «формируют» понимание и конструирование самих себя, а в итоге и правового порядка»². Не случайно в этой связи, что решение вопроса о наличии того или иного института права в юриспруденции целиком и полностью остается на усмотрении самого научного сообщества³.

Важную роль в формализации исследований уголовно-правовых институтов и субъективизации представлений о них сыграла жесткая

---

¹ Курочкин А.В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 6. – С. 69, 70.

² Овчинников А.И. Институциональный анализ права: герменевтико-феноменологический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 4. – С. 106.

³ Курочкин А.В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 6. – С. 67.

привязка институциональных признаков права к структуре законодательства и довлеющее значение теории отраслевого строения системы права. Все рассуждения об институтах уголовного права предполагают в качестве неопровержимой посылки тот факт, что право как таковое, как феномен реальности, представляет собой систему отраслей, что уголовное право есть самостоятельная отрасль.

Между тем, надо понимать, что идея отраслевого строения права сама по себе несет глубокий отпечаток субъективизма и является в известной степени «субъективным порождением», итогом некоей конвенциональной договоренности, к которой пришли специалисты по итогам многочисленных теоретических дискуссий о структуре советского права¹, то есть определенной условностью. Она, хотя и доминирует, но не является абсолютно общепризнанной². Уже во второй половине XX века высказывались предложения об отказе от отраслевого деления права в силу искусственности и неопределенности самих критериев такой дифференциации.³; критика продолжена и в наши дни⁴.

В нашу задачу, разумеется, не входит детальное обсуждение вопроса о строении системы права и значимости теории отраслевой дифференциации. Это – тема отдельного профессионального исследования. Нам важно лишь подчеркнуть, что безоговорочное признание этой теории внесло существенные коррективы в понимание и изучение институтов уголовного права. Отраслевое деление права ограничило область рассуждений об уголовно-правовых институтах исключительно границами самой отрасли права (не случайно в этой связи многие исследователи отмечали значимость признака «отраслевой чистоты» предписаний, образующих уголовно-

---

¹ См. об этом подробнее: Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938 – 1946 годы). – М.: Юркомпани, 2009.

² Тонков Е.Е., Синенко В.С. Методологические подходы к построению системы права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 10 (231), Вып. 36. – С. 136.

³ Ямпольская Ц.А. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 94 – 97; Лившиц Р.З. Отрасль права – отрасль законодательства // Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 26 – 32.

⁴ Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 205 – 216.

правовой институт). При этом принципиальный вопрос о предмете и методе, которые, по логике должны отграничивать один уголовно-правовой институт от другого, был поставлен в зависимость от решения вопроса о предмете и методе отрасли уголовного права. Но поскольку у отрасли уголовного права только один предмет и метод, их дифференциация в целях выделения уголовно-правовых институтов оказалась не просто затруднительной, но фактически невозможной. Как следствие, акцент в исследовании институтов был перенесен с их функционального назначения на внешние признаки, связанные со структурным обособлением нормативных предписаний в тексте закона, а по сути – со структурой уголовного закона.

Но закон, как известно, не есть право. Это, по большому счету, лишь текст, который в знаковой форме фиксирует, отражает нормативные правовые предписания. Он разрабатывается законодателем с учетом обстоятельств самого разного толка, в том числе с учетом правил юридической техники, соображений удобства и целесообразности фиксации тех или иных предписаний в том или ином законе. История убедительно свидетельствует и об опыте создания полиотраслевых кодифицированных законов, и о возможности закрепления уголовно-правовых предписаний в законах, имеющих межотраслевую природу. Выбор способа отражения нормативных предписаний в тексте закона и вида закона для закрепления уголовно-правовых предписаний во многом зависят от уровня развития юридической техники и правовой политики. «В реальности же, - справедливо отмечает Р.Г. Валиев, - субъект правотворчества руководствуется не отраслевыми, а институциональными связями норм права ... Отраслевые же связи складываются на основе институциональных связей норм права в рамках процесса кодификации, при которой, как хорошо известно, интегрируется переработанный массив норм определенной группы нормативных правовых актов»¹.

---

¹ Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 4. – С. 107.

Эти рассуждения заставляют обратить внимание на такой сложный аспект рассматриваемой проблемы (и в целом теории уголовного права), как процесс формирования уголовно-правового института. Применение институционального подхода для его анализа открывает новые и перспективные возможности.

Институциональный подход предполагает, среди прочего, выделение двух близких, но все же принципиально различающихся по своему содержанию операциональных понятий для описания процесса формирования институтов в области права. Это «институционализация права» и «правовая институционализация». По мысли Р.Г. Валиева, «институционализация права относится к процессу формирования позитивного права как социального института. Правовая же институционализация связана с созданием институтов позитивного права»¹. Различение этих аспектов, как он пишет, обуславливает «актуализацию проблемы адекватного категориального статуса институционализации и институтов в контексте их системной природы и корреляционной зависимости».

Институционализация права есть процесс его становления в качестве социального института. Это объективный процесс генезиса, отбора и закрепления норм и практик, связанных с регулированием общественных отношений, формированием моделей поведения людей, утверждением их социальных ролей и статусов, и одновременно процесс обособления права от иных социальных регуляторов. Институционализация права демонстрирует:

- во-первых, тесную, генетическую связь права с иными социальными институтами, обусловленность права социальными реалиями (правовой институт собственности, к примеру, не возникает в отрыве от становления социального института собственности);

---

¹ Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 4. – С. 105.

- во-вторых, единство процесса формирования всего комплекса правовых норм, призванных урегулировать те или иные отношения (уголовно-правовой институт ответственности за преступления против собственности не возникает в отрыве от становления правового института собственности);

- в-третьих, утверждение права в качестве самостоятельного регулятора и появившуюся в связи с этим возможность для сознательного конструирования социальной реальности и социальных институтов в интересах всего общества (или в интересах социальных групп, обладающих непосредственным доступом к процессу создания правовых норм).

Эти обстоятельства позволяют в целом согласиться с суждением специалистов, которые отмечают, что правовые институты есть отдельные правовые системы, регулирующие конкретные формы социального поведения в рамках общей правовой системы, а их отличительной чертой является то, что они могут рассматриваться как самостоятельные социальные явления¹.

Объективная потребность в упорядочении общественных отношений обуславливает тот факт, что такое «упорядочение» всегда осуществляется всесторонне и комплексно. Любые социальные нормы, в том числе и те, что в процессе эволюции станут нормами права, возникая для регулирования тех или иных отношений, всегда формируются как некий комплекс взаимосвязанных норм, как институт. Как пишет Г.В. Мальцев, «нормативное правовое регулирование оказывается вместе с тем институциональным правовым регулированием. Институт как регулятор несет в себе гораздо большую мощь, чем отдельная правовая норма или простая сумма норм. ... Институты позволяют организовать регулирование на более высоком качественном уровне, чем это возможно при многих других видах факторного и нормативного регулирования»². Можно сказать

---

¹ Ruiter D.W.P. (2001). Legal Institutions. In: Legal Institutions. Law and Philosophy Library, vol 55. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-015-9765-4_4

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – С. 396 – 397.

короче и прямолинейней: если право в целом есть социальный институт, то процесс правогенеза может рассматриваться, прежде всего, как процесс формирования отдельных правовых комплексов (институтов), призванных обеспечить целостное регулирование тех или иных общественных отношений.

Такой подход позволяет уточнить и скорректировать ставший привычным взгляд на правовой институт как на «обособившийся комплекс правовых норм», а на юридическую норму как на «исходный элемент правовой материи»¹. Он может быть призван справедливым только если оставить за рамками анализа процессы генезиса права и его институционализации, если оставаться исключительно в пределах структурного анализа той системы права, которая уже сложилась, если воспринимать ее как данность, как исходную точку научных рассуждений о строении права. Если же подключить для исследования возможности институционального подхода, ситуация меняется коренным образом: правовые институты становятся не обособившимися в структуре отрасли права образованиями, а изначальными комплексами, которые в своей совокупности сформировали отрасль права.

Понять этот момент помогает вторая из выделенных выше категорий институционального анализа – «правовая институционализация». Как пишет Р.Г. Велиев, «правовая институционализация имеет под собой системную основу и может рассматриваться как процесс образования институтов права в порядке систематизации норм права. ... в отличие от процесса объективно складывающихся социальных институтов институционализация в праве представляет собой симбиоз не только объективной, но и субъективной составляющей, поскольку этот процесс представлен деятельностью уполномоченных субъектов правотворчества». И далее: «категория «правовая институционализация», по сути, не просто смежная, а

---

¹ Пилипенко Е.А. Система российского права: структурно-сравнительный анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – С. 17

конкурирующая категория, прежде всего с категориями «правообразование», «правотворчество» и «правовое регулирование». ... если институционализация права выражает процесс его становления как социального института, то правовая институционализация как деятельность по систематизации создаваемых юридически значимых правил на уровне системы права — это системообразующая сторона правотворчества»¹.

Если право объективно возникает как система правовых институтов, обеспечивающих комплексное и всестороннее воздействие на общественные отношения, то его последующее развитие уже в рамках самостоятельного социального института требует упорядочения самих правовых норм, которое происходит при активном, непосредственном, сознательном и управляющем воздействии со стороны законодателя как субъекта правотворчества.

В процессе создания нормативных правовых актов законодатель как бы «разбивает» единые правовые комплексы на отдельные составляющие и фиксирует их в отдельных законах. Этот процесс, в отличие от процесса институционализации права, в гораздо большей степени несет на себе отпечаток субъективных представлений законодателя о природе, назначении и ценности тех или иных правовых установлений. Его субъективный компонент проявляется, как минимум, в двух аспектах:

- во-первых, процесс правовой институционализации возникает на определенном этапе развития права и законодательства, когда возросшая роль целенаправленного правотворчества обусловила потребность в систематизации правовых норм (начало тому процессу было положено в эпоху позднего средневековья и нового времени, в частности, в Соборном Уложении 1649 года, но с большей отчетливостью он проявился в тот момент, когда в качестве основы формирования законодательства утверждается пандектный принцип, что потребовало кардинального пересмотра «старых», комплексных, всеохватывающих средневековых

---

¹ Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 4. – С. 109, 110.

памятников права и создания законов на основе отраслевого единства правовых предписаний);

- во-вторых, субъективный компонент правовой институционализации отчетливо проявляет себя в усмотрительном решении вопросов о природе отдельных предписаний (например, о признании или непризнании лишения родительских прав компонентом системы уголовного законодательства, о признании или непризнании таким компонентом норм о присвоении найденного и т.д.) и их структурном оформлении в тексте нормативного правового акта.

С учетом этих обстоятельств стоит критически оценить суждения специалистов о том, что «создание правовых институтов не зависит от их формального признания со стороны законодателя», что «законодательное признание только лишь вводит их в сферу права», что «правовые институты формируются и развиваются параллельно с нормативно-правовыми актами, в отдельных случаях определяя их структурные особенности», что «первичным является тот институт, который существует до его законодательного признания», тогда как «обретение им формы, то есть образование института права в виде сегмента законодательства, есть реакция государства на потребность в императивном регулировании отношений, составляющих предмет соответствующего правового интереса»¹.

В этих тезисах, как представляется, происходит смешение представлений об институционализации права и правовой институционализации. Формирование права как социального института, действительно, до определенного момента, независимо от законодательных решений, но признание той или части этого института отраслевым образованием, правовая институционализация отдельных правовых норм происходит при прямом и непосредственном участии законодательного органа.

---

¹ Ryazanov, M. (2020). Nstytucje prawne jako obiekty dziedzictwa prawnego. Knowledge, Education, Law, Management, Vol. 2, № 6 (34), p. 196.

Изложенные теоретические рассуждения позволяют представить собственный взгляд на институты уголовного права, отражающий возможности институционального подхода к пониманию процессов их генезиса и функционирования.

В нашем представлении неправовые, доправовые и правовые нормы, призванные урегулировать поведение людей в той или иной области их социального взаимодействия, возникают как неотъемлемый компонент соответствующего социального института – необходимого набора социальных норм и практик, которые упорядочивают общественные отношения, определяя роли и статусы их участников. В процессе общественной эволюции правовые нормы обособляются от иных социальных регуляторов и утверждают право в качестве самостоятельного социального института. Этот институт представляет собой систему правовых норм, которая в структурном отношении дифференцирована на отдельные комплексы, корреспондирующие породившим их социальным институтам. Так социальному институту семьи корреспондирует правовой институт регулирования семейных отношений, социальному институту собственности корреспондирует право собственности, социальному институту церкви – группа норм, регулирующих отношения с участием церкви и т.д. Эти правовые комплексы (иными словами – правовые институты) на начальных этапах существования права еще недифференцированы изнутри, но внешне уже вполне отчетливо обособлены, как от иных социальных норм (по признакам, отличающим правовые нормы от иных регуляторов), так и, что особенно важно, друг от друга – по предметному признаку, а именно по особенностям общественных отношений, которые эти комплексы регулируют. В этом контексте правы исследователи, которые считают, что предпосылкой интеграции правовых норм в институты является наличие соответствующей разновидности общественных отношений¹.

---

¹ Петров Д.Е. Отраслевое строение права и его структура: аспекты соотношения // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2 (82). – С. 26.

Такое целостное, комплексное регулирование общественных отношений является объективной потребностью, сохраняющей свое значение на всем протяжении истории государства и общества. На начальных этапах развития права такая комплексность выражалась в виде единого правового кодекса, с одной стороны, интегрирующего в себе всю совокупность правовых норм, а с другой стороны, излагающего эти нормы опять же комплексно, в виде групп предписаний, охватывающих все аспекты правового регулирования той или иной разновидности общественных отношений. Однако развитие права как социального института, происходящее на фоне усложнения системы общественных отношений, потребовало углубленной дифференциации и систематизации правового материала.

Это привело к тому, что отмеченные правовые комплексы при прямом участии государственной власти как главного субъекта правотворчества, стали содержательно более обширными и структурно более дробными. Это привело к тому, что в структуре практически каждого правового института стала заметна особая, относительно самостоятельная группа предписаний, устанавливающих наказания за нарушение установленного порядка функционирования тех или иных общественных отношений. Первая и главная специфическая черта таких групп – их функциональная направленность; в нашем случае – охрана существующего порядка. И с этой точки зрения нет оснований возражать авторам, которые полагают, что именно функция – это главный фактор, способствующий объединению правовых норм в правовой институт¹.

Последующее развитие права обусловило интеграцию всех обособленных на основе общей функции правовых комплексов в рамки единого правового образования, каковым сегодня считается отрасль права. Если правовые институты отражают процесс дифференциации права, то

---

¹ Васильев В.В. Понятие гражданско-правового института как структурного элемента системы гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – Вып. 1 (15). – С. 100.

отрасль права – процесс интеграции правовых норм, верно замечает Е.А. Киримова¹. Становление уголовного права как социального института в этом отношении может рассматриваться как процесс интеграции в единый массив ранее разрозненных уголовно-правовых институтов. В этом процессе уголовно-правовые институты, с одной стороны, сохраняют свою объективную генетическую связь с общественными отношениями, их породившими, и демонстрируют четко выраженные межотраслевые связи уголовно-правовых норм (имеют, иными словами, вполне определенные социальные и правовые основания), но с другой стороны, отражают существенное влияние субъективных представлений и предпочтений законодателя и его интересов (иными словами, имеют отчетливые политические и уголовно-политические основания). Эта двуединая, объективно-субъективная характеристика генезиса отраслевых институтов права справедливо признается теоретиками одной из важнейших².

Подключение институционального подхода к познанию уголовно-правовых институтов позволяет не только лучше понять социальные и правовые основания их формирования, но и решать более общие вопросы теории уголовно-правового регулирования. В частности, *институциональный подход дает возможность в новом ключе рассматривать известную дискуссию о предмете уголовного права и его способности регулировать общественные отношения, существовавшие до момента совершения преступления*. Не углубляясь в существо вопроса³, заметим, что представленные рассуждения о генезисе уголовно-правовых институтов и их непосредственной связи с социальными институтами, составляющими нормативную структуру общества, дают некоторые дополнительные аргументы в пользу позиции тех ученых, которые утверждают, что «для исключения из предмета уголовно-правового регулирования общественных отношений, регламентируемых прочими

¹ Киримова Е.А. Правовой институт: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – С. 17.

² Киримова Е.А. Правовой институт: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – С. 13, 14.

³ Обзор существующих позиций на этот счет см.: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. – М.: Норма, 2011.

отраслями права, нет никаких оснований»¹. Однако здесь есть некоторые обстоятельства, которые в тоже самое время и не позволяют эту позицию полностью поддержать. Дело в том, что возникнув как элемент правового регулирования этих «прочих» отношений в процессе институционализации права, уголовно-правовые институты в процессе их последующей правовой институционализации приобрели дополнительное, новое качество и назначение. Сохраняя связь с «прочими» отношениями на уровне социального регулятора, они стали специальным юридическим регулятором иной группы отношений – тех, что сегодня традиционно именуется «уголовно-правовыми», что возникают в связи с фактом совершения преступления. Как верно отметил В.В. Мальцев, «прочие» общественные отношения «обуславливаются более фундаментальными (нежели общественно опасное поведение) реалиями социальной действительности (определенным способом производства, обмена, распределения и потребления) и их содержание, в итоге, не зависит ни от уголовного права, ни от общественно опасного поведения людей»². Развивая научные воззрения на механизм уголовно-правового регулирования, можно заключить, что:

а) уголовное право, продолжая оказывать социально-регулятивное (информационное, ценностно-ориентирующее) воздействие на базисные отношения и будучи обусловленным ими, регулирует специально-юридическими средствами (путем предоставления прав и обязанностей) все же иные отношения, возникающие в связи с фактом совершения преступления, и именно эта предметная область служит критерием, обеспечивающим общность, единство природы всех правовых институтов, формирующих отрасль уголовного права.

б) уголовное право оказывает социально-регулятивное воздействие на базисные отношения специфическим образом, путем информирования граждан об ответственности за те или иные виды поведения, путем

---

¹ Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – С. 42.

² Мальцев В.В. Введение в уголовное право. – Волгоград: ВА МВД России, 2000. – С. 84.

установления уголовно-правовых запретов. «Этот метод, - правильно указывает Н.В. Генрих, - воздействует на поведение участников базисных отношений вне рамок уголовно-правового регулирования. В данном контексте его, пожалуй, справедливо рассматривать как составную часть системы методов иных (позитивных) отраслей права – конституционного, гражданского, трудового и т.д. Запрет, таким образом, есть метод охраны базисных отношений, а не метод уголовно-правового регулирования»¹.

Отмеченный «регулятивный сдвиг» крайне важен для понимания самостоятельности уголовного права и его восприятия уже в качестве отдельного социального института со своим собственным набором институциональных характеристик. Кроме того, уточнение вопроса о предмете уголовного права имеет значение для характеристики самих отраслевых институтов,

Прежде всего, *отталкиваясь от представленного процесса формирования уголовно-правовых институтов и отрасли уголовного права, можно выдвинуть гипотезу о наличии «первичных» и «вторичных» институтов уголовного права.* К разряду «первичных» следует относить институты, именуемые сегодня институтами Особенной части уголовного права. Именно они в своей совокупности сформировали, институционализировали уголовное право в качестве самостоятельной отрасли права. «Вторичными» целесообразно считать институты Общей части, которые появились существенно позднее во времени и способствовали формированию структуры современного уголовного права.

Генезис, основания и критерии формирования этих институтов, как представляется, существенно различаются.

В теоретической литературе на роль критериев обособления правовых институтов выдвигаются либо предмет правового регулирования², либо

---

¹ Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011. – С. 227.

² Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2018. – № 2, Т. – С. 23.

метод¹, иногда с оговорками, что речь идет об отдельных участках или отдельных особенностях того либо другого. Но в любом случае здесь имеются в виду предмет и метод, которые свойственны отрасли права, а выбор критериев для выделения института изначально ограничен внутриотраслевыми характеристиками правовых предписаний.

Представляется, что это не вполне рациональный путь. Как уже отмечалось, все институты современного уголовного права общими для них методами регулируют однотипные отношения. В этом – основа интеграции всех уголовно-правовых институтов в рамки единой отрасли.

Однако если использовать идею градации институтов на первичные и вторичные, критерии и пути их формирования могут быть существенно уточнены².

Первичные институты – институты Особенной части – формируются путем обособления уголовно-правовых комплексов от общего массива правовых норм на основе общности предмета (уголовно-правовых отношений), но критерием их формирования выступает степень сформированности того социального института, который они призваны защищать, и в сохранении и развитии которого заинтересовано государство.

Вторичные институты – институты Общей части – формируются в процессе функционирования уголовного права как социального института путем выделения общих предписаний из массива уголовно-правовых норм на основе такого критерия, как участок, сторона, компонент собственно уголовно-правового отношения или уголовно-правового метода.

Такое понимание институтов Общей и Особенной части уголовного права свидетельствует об их различном социальном предназначении: если институты Особенной части призваны, в первую очередь, обеспечить охрану

---

¹ Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968 // Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 томах. Т. IV. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009. – С. 100.

² См. об этом: Асланян Р.Г. О критериях обособления институтов особенной части уголовного права // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 4. – С. 145 – 153.

сложившихся в обществе отношений, то институты Общей части предназначены, прежде всего, для того, чтобы сделать эту охрану более качественной и эффективной. Очевидно, что лишь в своей совокупности они способны надлежащим образом реализовать функции, присущие отрасли уголовного права.

Подводя итог исследованию проблем теоретико-методологических оснований познания институтов Особенной части уголовного права, представляется возможным заключить:

- позитивистское понимание права, имеет строго определенный интервал (границы) для познания уголовно-правовых предписаний и институтов уголовного права, и в этом отношении обладает ограниченными возможностями, в связи с чем на современном этапе развития правовой науке актуализируется потребность в методологической триангуляции, применении в допустимых интервалах методологических возможностей иных теорий права и правопонимания;

- в отечественной науке имеется крайне небольшой опыт расширения методологических оснований познания уголовно-правовых институтов, связанный с применением структурно-функционального и социологического понимания права, который при всей его ценности, является крайне недостаточным и неполным, не позволяющим в полной мере сформировать адекватное понимание институтов уголовного права;

- широкие возможности для исследования уголовно-правовых институтов открывает институциональный подход к праву, в рамках которого необходимо последовательное различение процессов институционализации права (становления уголовного права в качестве социального института) и правовой институционализации (образования институтов позитивного права в процессе систематизации правовых норм);

- в рамках институционального подхода к праву формирование уголовно-правовых институтов и уголовного права в целом может мыслиться как двуединый процесс, с одной стороны, дифференциации общего массива

правовых предписаний и выделения, исходя из функционального предназначения, группы предписаний уголовно-правового содержания; с другой стороны, интеграции на основе общности предмета и метода всех уголовно-правовых институтов в рамки единого отраслевого массива;

- логика формирования уголовного права как социального института позволяет выделить первичные уголовно-правовые институты – институты Особенной части, которые формируются путем обособления уголовно-правовых комплексов от общего массива правовых норм и критерием формирования которых выступает степень сформированности того социального института, который они призваны защищать; и вторичные институты – институты Общей части, которые формируются в процессе функционирования уголовного права как социального института путем выделения общих предписаний из массива уголовно-правовых норм на основе такого критерия, как участок, сторона, компонент собственно уголовно-правового отношения или уголовно-правового метода;

- институциональный подход, объясняющий процессы эволюции уголовно-правовых институтов, их функциональное назначения и межотраслевые связи, не предполагает исключения возможности иных методологических приемов для исследования институтов уголовного права в аспекте их содержательного наполнения и структуры.

§ 2. Содержание и структура института Особенной части уголовного права

Институты Особенной части уголовного права, как и любые иные правовые институты, являются столь сложной исследовательской материей, что применение какого-либо одного метода или приема для их изучения становится в современных условиях, требующих комплексного и всестороннего знания об изучаемом объекте, практически невозможным. При этом полагаем, что выбор методологических подходов для исследования

отдельных аспектов феномена уголовно-правовых институтов определяется не только спецификой данных аспектов, но и авторскими предпочтениями, его мировоззренческой позицией и субъективным пониманием права. В этом – одна из особенностей организации научного знания в области социальных и гуманитарных наук. По этой причине институциональный подход, позволивший в предыдущем изложении исследовать вопросы генезиса и функционального назначения институтов Особенной части уголовного права, полагаем вполне допустимым совместить, сочетать с иными методологическими установками, адекватными задаче познания внутреннего наполнения и структуры уголовно-правового института. Это необходимо еще и для того, чтобы «вписать» собственные рассуждения в общий дискурс об институтах права, который по преимуществу развивается в нашей науке в рамках традиционного нормативистского типа правопонимания.

Традиционно правовой институт в самом общем виде понимается как структурный элемент отрасли права, объединяющий в себе правовые нормы (или нормативные предписания), призванные урегулировать некоторую группу (или вид) отношений, составляющих элемент предмета отраслевого регулирования¹. Представлено в теоретико-правовой литературе и вполне согласованное понимание общих признаков правового института, среди которых называют:

- наличие некоторого множества правовых предписаний, системно связанных между собой и представляющих собой единый элемент структуры отрасли;

- однородный характер таких предписаний, их направленность на регулирование относительно самостоятельной группы общественных отношений;

---

¹ См., например: Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 60; Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 119; Бастрькина О.А. Системообразующие связи внутреннего содержания права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – С. 16; Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. – М.: Норма, ИНФРА-М., 2017. – С. 254.

- определенная логическая структура правового института, отражающая наличие в нем необходимого и достаточного набора функционально различных правовых предписаний;
- функциональное единство образующих институт предписаний, обеспечивающих целостное, относительно законченное регулирование той или иной разновидности общественных отношений;
- нормативное обособление института на уровне самостоятельной структурной единицы текста нормативного правового акта¹.

В той или иной словесной интерпретации эти признаки правового института воспроизводятся в работах, посвященных проблемам понимания правовых институтов в отдельных отраслях права, в частности, конституционного², гражданского³, бюджетного⁴, уголовно-исполнительного⁵ и др.

---

¹ См., например: Беляева Г.С., Кузьменко В.И., Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 103; Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 934; Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2018. – № 2, Т. 1. – С. 23.

² «Конституционно-правовой институт как структурное подразделение (компонент) системы отрасли конституционного права представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих самостоятельный вид качественно однородных общественных отношений (или их отдельные элементы) в пределах предмета отрасли, обладающий устойчивостью, нормативной обособленностью, относительной самостоятельностью и автономностью функционирования». См.: Бабошин О.А. Система конституционного права как отрасли российского права: Вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 8.

³ «Гражданско-правовой институт – это обязательный структурный элемент системы гражданского права, объединяющий в своей целостной общности совокупность правовых норм, объединенных функциональной направленностью института и обеспечивающих наиболее полной и завершённое гражданско-правовое регулирование». См.: Васильев В.В. Понятие гражданско-правового института как структурного элемента системы гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – Вып. 1 (15). – С. 102.

⁴ Институт бюджетного права определяется как обособленная внутри бюджетного права (подотрасли финансового права) группа юридических норм, определенных общностью признаков регулируемого ими вида однородных общественных отношений, связанных с формированием и исполнением бюджета или бюджетов государственных внебюджетных фондов. См.: Конюхова Т.В. Система институтов бюджетного права Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 8.

⁵ «Институт уголовно-исполнительного права как система норм уголовно-исполнительного права, регулирующих часть однородных общественных отношений, входящих в предмет уголовно-исполнительного права, должен характеризоваться следующими признаками: 1) совокупностью норм уголовно-исполнительного права; 2) наличием обособленного и замкнутого блока (звена) норм уголовно-исполнительного права; 3) однородностью отношений, регламентируемых нормами уголовно-исполнительного права; 4) наличием структуры, отражающей внешне выражение в уголовно-исполнительном законодательстве в виде глав, разделов, иногда статей; 5) отраслевой чистотой». См.: Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2019. – С. 16 – 17.

Не является исключением и уголовно-правовая наука. Наиболее распространенные дефиниции уголовно-правового института, представленные в ней, предполагают, что институт есть:

- «внешне оформленный в главе уголовного закона структурный элемент уголовно-правовой отрасли, который представляет собой систему уголовно-правовых норм, призванных целостно и беспробельно регулировать часть уголовно-правовых отношений либо выполнять определенную функцию в уголовно-правовом регулировании»¹;

- «системный элемент структуры уголовного права, представляющий собой совокупность нормативных предписаний, предназначенных для регулирования обособленной группы отношений, возникающих по поводу или в результате установления ... преступности и наказуемости общественно опасных деяний»²;

- «элемент системы отрасли уголовного права, сложное образование, объединяющее полностью или частично уголовно-правовые нормы определенного вида, а также повторяемые в них предписания, регулирующие относительно самостоятельную совокупность общественных отношений или какие-либо ее компоненты»³;

- «определенные совокупности уголовно-правовых норм, которые обеспечивают регулирование достаточно близких групп общественных отношений или осуществление особой функции в этом регулировании»⁴.

В первом приближении к исследованию уголовно-правовых институтов Особенной части уголовного права некоторыми различиями в приведенных определениях можно до известной степени пренебречь, чтобы продемонстрировать главное: в уголовно-правовой литературе, вслед за наукой теории права и в согласии с иной отраслевой юридической

---

¹ Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. М.А. Кауфмана, А.В. Бриллиантова. – М.: Юстиция, 2020. – С. 18 (авторы определения – В.А. Блинников и В.М. Волошин).

² Коняхин В.П. – Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 168.

³ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самарский университет, 2001. – С. 195.

⁴ Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. – М.: МЮИ МВД России, 1996. – С. 51.

литературой, сложилось общее, консенсуальное понимание института права как обособленной в системе отрасли совокупности нормативных предписаний, которые целостно и комплексно регулируют определенный участок правовых отношений, составляющих предмет уголовного права.

Однако этот тезис следует рассматривать не столько как итог имеющихся рассуждений об уголовно-правовых институтах, а как отправную точку в их более детальном, предметном анализе.

Начать его необходимо, как представляется, с уточнения вопроса о содержании уголовно-правового института Особенной части. Вопрос этот напрямую связан с пониманием права как такового. *Если институт права есть элемент системы права, то содержательно он не может отличаться от системы в целом: однородность всех элементов права обеспечивает его системность и целостность, и институты права могут включать в свое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового.*

Разумеется, мы не можем на страницах данной работы входить в обсуждение проблем, связанных с пониманием права в рамках различных подходов к его интерпретации. Отметим, что общий контур понимания права в современной российской науке, а равно общее направление теоретических дискуссий было задано еще в 30-е годы прошлого столетия в острых и идеологизированных дискуссиях о существовании права. В частности, известным противостоянием теорий А.Я. Вышинского и Е.Б. Пашуканиса.

Если А.Я. Вышинский (при всех идеологических оговорках и ссылках на марксизм) отстаивал нормативное видение права и определял его как «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается всей принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков,

выгодных и угодных господствующему классу»¹. То Е.Б. Пашуканис, имея в качестве основы тот же марксизм, развивал социологическое понимание права. Он указывал, в частности: «Юридическое отношение – это первичная клеточка правовой ткани, и только в ней право совершает свое реальное движение. Право как совокупность норм наряду с этим есть не более как безжизненная абстракция. ... В материальной действительности отношению принадлежит примат над нормой. ... Право как объективное социальное явление не может исчерпываться нормой или правилом, все равно записанным или незаписанным. Норма как таковая, т.е. логическое содержание, или прямо выводится из существующих уже отношений, или, если она издана как государственный закон, представляет собой только симптом, по которому можно судить с некоторой долей вероятности о возникновении в ближайшем будущем соответствующих отношений»².

Это противостояние нормативной и социологической концепции отчасти сохраняется сегодня, отчасти приводит к формированию интегративных теорий права, что находит прямое отражение в авторских построениях правовых институтов.

Так, например, В.П. Коняхин, исследуя уголовно-правовые институты, последовательно исходит из того, что они состоят лишь из «совокупности нормативных предписаний»³, тогда как Н.М. Казанцев, рассуждая о финансово-правовых институтах, отмечает, они образуют «устойчивую группу однородных общественных отношений»⁴. Разграничивают «социальное» и «юридическое» в уголовно-правовых институтах В.Д. и О.В.

---

¹ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Советское государство и право. – 1938. – № 4. – С. 27.

² Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм (3-е изд., 1929) // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980. – С. 78, 79 – 80. Понятие уголовного права как системы отношений можно встретить у А.Я. Эстрина: «Советское уголовное право есть служащая делу построения социализма система отношений особого рода, которая выражается в применении пролетарской диктатурой «наказания» для борьбы с преступлениями как проявлением сопротивления классовых врагов и мелкобуржуазной стихии, для борьбы с классово опасными элементами вообще». См.: Эстрин А.Я. Советское уголовное право. Часть Общая. Вып. 1. Основы и история уголовного права. – М.: Советское законодательство, 1935. – С. 40.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. - СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 164 – 168.

⁴ Институты финансового права / под ред. Н.М. Казанцева. – М.: Юриспруденция, 2009. – С. 7.

Филимоновы. Под социальным содержанием уголовно-правового института они понимают общественные отношения, но не те, которые уже сложились в объективной действительности, а те, которые должны возникнуть под воздействием норм, образующих эти правовые институты; а под правовым содержанием – правовые нормы, объединенные смысловой связью, формирующей их общую социальную направленность¹. Напротив, интегрирует нормативный и социологический элемент уголовно-правового института М.С. Жук, включая в его содержание и нормативные предписания, и правоотношения, возникающие на их основе².

Дискутировать с каждой из представленных точек зрения, на наш взгляд, вряд ли возможно без учета того очевидного обстоятельства, что каждая из них является продолжением авторского понимания права как такового. Критика же этих позиций может считаться допустимой и эффективной только в том случае, если мы примем соответствующее авторское понимание права. Определяя свое отношение к содержанию института Особенной части уголовного права, отметим, что оно может быть адекватно исследовано лишь в контексте плюралистической методологии познания и осознания интервальных возможностей каждого из методологических подходов. В связи с этим, принимая во внимание общую направленность настоящей диссертации на познание системы Особенной части уголовного права, считаем возможным в качестве исходной методологической платформы продолжить использование нормативистского подхода к праву и ограничить содержание уголовно-правового института исключительно правовыми предписаниями³.

Социальное содержание уголовно-правового института, безусловно важное, должно быть исследовано, однако в рамках принципиально иного

---

¹ Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 150 – 152.

² Жук М.С. Понятие и признаки института уголовного права // Российский ежегодник уголовного права. – 2011. – № 3-5. – С. 7 – 21.

³ См.: Асланян Р.Г. Юридическое содержание института особенной части уголовного права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 46 – 54.

научного направления, ассоциированного с социологией уголовного права¹. При этом, вопреки представленному выше мнению В.Д. и О.В. Филимоновых, предметом ее внимания должны стать не «потенциальные» отношения, которые должны возникнуть в связи с реализацией заложенной в уголовно-правовой норме программы, а реальные отношения, «реальная жизнь» уголовно-правовой нормы, ибо предметом познания социологии не могут быть футуристические объекты. Вопреки же мнению М.С. Жука², полагаем, что социологическое содержание уголовно-правового института не может быть ограничено лишь уголовно-правовыми отношениями или практикой применения уголовно-правовых институтов. При таком подходе возможно исследование лишь одного из аспектов их функционирования, однако игнорируется социальное предназначение и роль в нормативной структуре общества. Нельзя изучать институт ответственности за преступления против собственности, исследуя только практику применения судами соответствующих правовых предписаний, без обращения к институту собственности как таковому, без познания степени его защищенности и без выявления существующих для собственности угроз безопасности. Таким образом, социальное содержание любого уголовно-правового института, в том числе института Особенной части, по большому счету, выходит за пределы предмета науки уголовного права и требует для своего изучения качественно иных методических приемов и эмпирических источников. По этой причине в рамках нашей работы оно рассмотрено быть не может.

Ограничивая содержание института Особенной части уголовного права исключительно нормативными предписаниями, стоит особо оговорить вопрос о роли и месте принципов права в этом содержании. Значимость принципов в праве не оспаривается, пожалуй, никем. Еще А.Я. Вышинский

---

¹ См., например: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука 1983; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – М.: Юридическая литература, 1986; Лунеев В.В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Т. 2, № 4. – С. 45 – 52.

² Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 132; Жук М.С. Институты уголовного права и способы (формы) их объективизации // Государство и право. – 2013. – № 8. – С. 46 – 55.

писал, что «нормы позитивного права, как и все позитивное право в целом, должны строиться в соответствии с началами, принципами, установленными теорией права»¹. Развивают эту мысль применительно к институтам права и современные теоретики права. По мнению С.А. Авакьяна, «политико-правовые принципы являются стержнем, вокруг которого объединяется определенная совокупность общественных отношений, а, следовательно, и совокупность норм, их регулирующих»². «Для правового института специфичны определенные общие положения, принципы, специфические юридические понятия, определяющие особый режим регулирования», - утверждает А.С. Пиголкин³. В отраслевых исследованиях настаивает на включении принципов в содержание уголовно-правового института М.С. Жук в своей диссертации, особо оговаривая при этом наличие принципов зафиксированных в тексте нормативных актов и принципов, не отраженных в правовых источниках, то есть доктринальных⁴.

Вряд ли можно оспаривать тот факт, что принципы играют важнейшую роль на уровне права в целом и на уровне отдельных его институтов. Однако стоит отметить, что в науке не предпринимались масштабные усилия в направлении поиска принципов институтов Особенной части уголовного права и раскрытия их содержание. Попытки исследователей, к примеру, проанализировать принципы криминализации отдельных видов общественно опасных деяний⁵, по сути своей представляют не обоснование каких-либо специфических принципов, а анализ практики соблюдения общих принципов

---

¹ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Советское государство и право. – 1938. – № 4. – С. 18

² Авакьян С.А. Государственно-правовые институты: понятие и формирование (применительно к деятельности Советов) // Советское государство и право. – 1977. – № 2. – С. 19.

³ Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшее образование, 2008. – С. 466.

⁴ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 128 – 129.

⁵ См., например: Чилингаров К.В. Основания и принципы криминализации преступлений против общественной нравственности // Общество и право. – 2011. – № 4 (36). – С. 200 – 202; Скворцова О.В., Лаговская Е.В. Криминализация и декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67), № 4. – С. 98 – 108; Иващенко М.С. К вопросу о криминализации деяний, направленных против здоровья населения // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 11. – С. 162 – 167.

криминализации общественно опасных деяний применительно к различным сферам уголовно-правового воздействия. Однако, как обоснованно отметил Ж.-Л. Бержель: «Общие принципы, от которых происходят юридические правила, не следует смешивать с институтами, которые они питают. ... Обеспечивая институты главной идеей и конечной целью, они не несут в себе ни конкретного их содержания, ни технического выражения»¹. На роль принципов отдельных институтов Особенной части уголовного права общие принципы права не могут претендовать.

В целом можно уверенно утверждать, что вопрос о принципах институтов Особенной части уголовного права остается все еще открытым. Таковые принципы должны быть, с одной стороны, общеобязательными, а с другой стороны, ограничивать свое проявление исключительно рамками того или иного института и не распространять своей действие на иные институты Особенной части уголовного права (в противном случае они выйдут за рамки понятия «принцип правового института»). Стоит, однако, учитывать, что *если речь идет о принципах как элементе содержания права, они должны обладать также общими свойствами правовой материи, то есть быть, как минимум, общеобязательными и обладать регулятивными свойствами, способностью участвовать в регулировании правоотношений*. По этой причине однозначно и, пожалуй, категорично, нельзя согласиться с мнением М.С. Жука о том, что в разряд принципов уголовно-правовых институтов могут входить доктринальные идеи. Такие идеи не есть собственно принципы права, это элементы правового, научного мировоззрения, которые могут лишь косвенно участвовать в правовом регулировании, притом не прямо, а через сознание правотворческих и правоприменительных работников. Но правовое мировоззрение не есть еще право. На роль принципов могут претендовать лишь общеобязательные положения, составляющие фундамент права (этот тезис признали справедливым 69%

---

¹ Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. – М.: NOTA BENE, 2000. – С. 326 – 327.

опрошенных нами респондентов). Правовой принцип как элемент содержания права, по верному замечанию В.В. Ершова, обладает «максимальной универсальностью, высшей императивностью и абстрактностью»¹.

Если же говорить об «идеях», то они, как пишет Ж.-Л. Бержель, могут, конечно, организовать вокруг себя некий институт права и выступать его «духовной основой», но эти идеи не есть принципы². Полагаем, что в данном случае «идеями» или «основой» выступает некий социальный интерес, который обуславливает, детерминирует сам факт наличия того или иного социального и правового института (как, например, интерес защиты детей формирует институт уголовно-правовой охраны семьи), а следовательно, такая «идея» выходит за пределы юридического содержания права как непосредственного регулятора общественных отношений.

С учетом сказанного, можем заключить, что *юридическое исследование институтов Особенной части уголовного права в рамках предмета уголовно-правовой науки должно быть ограничено изучением лишь их юридического содержания, в качестве которого могут выступать исключительно нормативные предписания и нормативные принципы*. И по этой причине полагаем возможным (с поправкой на отмеченную интервальную возможность любой методологии познания и поправкой на очевидные различия между типичными предписаниями Особенной части и нетипичными, к каковым и относятся принципы) поддержать тех теоретиков права, которые утверждают, что «правильное понимание юридической сущности, содержания и структуры системы права возможно лишь в рамках нормативного подхода к пониманию права как системы действующих в

---

¹ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2018. – С. 294.

² Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. – М.: NOTA BENE, 2000. – С. 313 – 314, 327.

государстве юридических норм»¹, что «в структуре правового института неразличимы иные правовые образования, кроме юридических норм»².

Нормативная природа и содержание института Особенной части уголовного права закономерно ставят вопрос относительно области поиска нормативных предписаний, составляющих институт. Он, в свою очередь, распадается на несколько связанных составляющих.

Во-первых, это проблема исчерпывающего перечня уголовно-правовых предписаний, а следовательно, и лимитированного в каждый конкретный момент времени объема уголовно-правовых институтов Особенной части. Отечественная история известен опыт функционирования института аналогии. Его недолгая поддержка законодателем и отдельными юристами³, как известно, завершилась однозначной оценкой аналогии в качестве идеи, «враждебной Особенной части Уголовного Кодекса»⁴. Применительно к нашей проблематике это означает, что гарантии принципа законности (ст. 3 УК РФ) предполагают запрет на произвольное конструирование уголовно-правовых предписаний правоприменительными органами и соблюдение законодателем требований правовой определенности при конструировании уголовно-правовых положений. При этом, однако, как указал Конституционный Суд РФ, «требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-

¹ Киримова Е.А. Правовой институт: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – С. 9.

² Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – С. 14.

³ «Установка на отрицание аналогии в социалистическом уголовном праве, - писал Б.С. Маньковский, - ведет к разоружению суда в борьбе с теми общественно-опасными социалистическому правопорядку действиями, которые законом не предусмотрены. Такое понимание стабильности социалистического закона является механистическим» (Маньковский Б.С. Принципы системы уголовного права // Советское государство. – 1938. – № 6. – С. 43). О поддержке аналогии см. также: Тадевосян В.С. К разработке проекта Уголовного Кодекса СССР // Советское государство и право. – 1954. – № 4. – С. 72 – 80.

⁴ Тагер А.С. Проблема законности в Уголовном кодексе РСФСР // Право и жизнь. Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. – 1922. – Кн. 1 (июнь); Пионтковский А. Полностью разоблачить порочные положения Вышинского в теории советского уголовного права // Социалистическая законность. – 1962. – № 7.

правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций»¹.

Не углубляясь в проблему качества и определенности уголовно-правовых предписаний, а равно в детальное обсуждение проблемы допустимости аналогии в уголовном праве² подчеркнем следующее. Аналогия, по нашему мнению, есть лишь способ формулирования уголовно-правового предписания. Но допустимость его применения зависит: а) от субъекта, который им пользуется (законодатель, к примеру вполне активно использует прием аналогии для конструирования уголовно-правовых предписаний в Особенной части УК РФ, достаточно посмотреть на статьи, которые посвящены противодействию терроризма и экстремизма, и которые, по сути, представляют собой некие параллельные ряды), б) от содержания самого предписания (по технике аналогии, к примеру, сформулированы правила квалификации всех преступлений, которые, согласно законодательной конструкции, «сопряжены» с иными посягательствами, достаточно вспомнить правила оценки деяний, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ). В этой связи надо признать, что *предписания, образующие институт Особенной части уголовного права, в принципе, могут быть сформулированы путем применения аналогии. Однако это правило имеет жесткое ограничение в виде запрета на*

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2521-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки АLEXИНОЙ МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован.

² В ряде работ аргументируется целесообразность и возможность применения аналогии в уголовном праве, правда, с некоторыми ограничениями и однозначным запретом на создание по принципу аналогии не предусмотренных в уголовном законе оснований уголовной ответственности. Так, В.В. Мальцев пишет: «наличие в уголовном законодательстве пробелов, обусловленных преимущественно его конструктивно-юридическими недостатками, реальная потребность при разрешении уголовных дел в их немедленном восполнении, осуществляющаяся, прежде всего, за счет норм, выражающих системные свойства уголовного права, не позволяют считать достаточными социально-юридические основания полного отказа от аналогии при применении уголовного закона». См.: Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград: ВА МВД России, 2001. – С. 244. Аналогичного мнения придерживаются и иные авторы. См., например: Морозов Б.П. Толкование и аналогия в уголовном праве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2004. – № 4. – С. 182 – 183; Сланьке Г. Аналогия в уголовном праве – действительно ли недопустима? // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 4 (7). – С. 112 – 115; Тюнин В.И., Радошнова Н.В. Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 2 (58). – С. 83 – 86; Савенок А.Л. Правоприменение при пробелах в уголовном законе // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2014. – № 1 (27). – С. 90 – 95.

конструирование судами предписаний, создающих непредусмотренные законом основания уголовной ответственности.

Вторая проблема, связанная с поиском нормативных предписаний, образующих институт Особенной части уголовного права, связана с характеристикой источников (или иначе – внешних форм выражения) уголовного права. Вопрос этот получил детальное обсуждение в отечественной науке¹, что в известной степени избавляет нас от необходимости его самостоятельного анализа. Выражая свою поддержку идеи полиисточникового характера отрасли уголовного права, полагаем возможным без дополнительных аргументов присоединиться к точке зрения М.С. Жука о том, что *различные по своему содержанию нормативные предписания, образующие институт Особенной части уголовного права могут получить закрепление в различных по своему виду источниках уголовного права*, а несоответствие вида нормативного предписания уровню источника, в котором оно закреплено, следует рассматривать как существенный дефект правотворчества². В связи с этим предписания, формулирующие основание уголовной ответственности и модель санкции, могут быть предусмотрены только и исключительно в федеральном уголовном кодексе, тогда как предписания дефинитивного характера, коллизионные и операциональные нормы вполне могут получить закрепление на уровне иных источников уголовного права.

И, наконец, третий аспект, связанный с областью поиска предписаний, составляющих институт Особенной части уголовного права, связан с пониманием границ отрасли уголовного права. В современной российской науке этот вопрос с особенной остротой встал в связи с обсуждением проблемы соотношения уголовного и административно-деликтного права в свете концепции «уголовной сферы», разработанной в прецедентной

---

¹ См., например: Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015.

² Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 139 – 143; Жук М.С. Уголовно-правовой институт: внешняя форма и внутреннее содержание // Вестник СевКавГТИ. – 2014. – № 16. – С. 152 – 157.

практике Европейского Суда по правам человека¹. Статус административно-деликтного права как самостоятельной, формально обособленной, и по большому счету не связанной с уголовным правом отрасли², в последнее время все активнее подвергается критической оценке, как с точки зрения дефектов самого административно-деликтного права, которое «замкнувшись» на себе и оторвавшись от уголовного права, стало развиваться по пути «расползания репрессивности»³, так и с точки зрения нарастающей рассогласованности предписаний уголовного и административно-деликтного права⁴, при том, что согласно позиции Конституционного Суда РФ, «административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель охраны публичных интересов, прежде всего таких как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка», «имеют схожие задачи, принципы и тем самым дополняют друг друга»⁵.

Это обстоятельство актуализирует вопрос о существовании уголовного права «в широком смысле», включающего в свой объем все предписания, сегодня дифференцированные в отрасли собственно уголовного и административно-деликтного права, и соответственно – об уточнении границ уголовного права. Л.В. Головкин высказывается на этот счет вполне

---

¹ См.: Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 65 – 74; Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком смысле» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 37 – 45; Корчагин А.Г., Иванов А.М. Современное понимание уголовного права. // Право и политика. – 2014. – № 11. – С. 1647 – 1660; Гурин Д.В. Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 257 – 262.

² См.: Кириин А.В. Уголовное и административно-деликтное право: партнерство, а не патернализм // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 126 – 135.

³ Никонов М.А. Автономное значение понятия «уголовное обвинение» в практике Европейского Суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. – 2016. – № 2. – С. 175 – 194.

⁴ Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. – М.: РГУП, 2017. – С. 77 – 78.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 5.

определенно. Он пишет: «российская система с советских времен закупорила себя в сугубо формальном подходе к уголовному праву, сведенному исключительно к Уголовному кодексу, что вызвало, с одной стороны, кристаллизацию границ права, официально объявленного «уголовным», а с другой стороны – размывания границ права, не удостоенного такого наименования». Такое положение вещей аргументированно оценивается им весьма критически. Настаивая не на формальном, а на функциональном понимании уголовного права, Л.В. Головкин заключает: «современное российское уголовное право не может более укрываться за формальным фасадом Уголовного кодекса»; «следует наконец-то отказаться от устаревшей советской концепции о том, что уголовное право содержится только в Уголовном кодексе – данная концепция реальности не соответствует»¹.

Мы сознаем, что обсуждение отраслевых границ уголовного права, теоретических основ, принципов и методики интеграции уголовного и административно-деликтного законодательства должно составлять предмет широкого и самостоятельного дискурса. Исследование же вопросов институционального строения уголовного права может выступать лишь следствием, вторым этапом решения принципиального вопроса о том, составляют ли эти отрасли единое правовое образование. С учетом этого обстоятельства, вполне логично рассуждать, что *сфера институтов Особенной части уголовного права может рассматриваться, с одной стороны, как сущее, то есть с предметным ограничением нормативных предписаний исключительно положениями УК РФ, и как возможное (или должное), то есть, исходя из признания единства природы уголовного и административно-деликтного законодательства. Полагаем, что именно второй подход в лучшей степени отвечает истинной природе уголовного права как публичной отрасли, призванной защитить общество от*

---

¹ Головкин Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 78, 85 – 86.

противоправных посягательств, обладающих общественной опасностью. Он же в большей степени отвечает задаче уголовного права защитить личность от необоснованных ограничений со стороны государственной власти. В силу этого на уровне теоретического анализа в качестве одного их элементов общей дискуссии о границах уголовного права вполне допустимо и оправданно говорить об институтах уголовного права (в том числе его Особенной части) как о системе предписаний, в настоящее время рассредоточенных в УК РФ и КоАП РФ.

Ограничение содержания институтов Особенной части уголовного права нормативными предписаниями закономерно связано с обсуждением значимого теоретического вопроса о содержании, видах и количестве самих предписаний, которые могут составлять институт.

Формальная сторона этого вопроса состоит в том, сколько предписаний могут образовать институт, как соотносятся эти предписания со структурой уголовного закона и могут ли существовать в системе отрасли права нормативные предписания, не входящие в какой-либо институт.

В науке уголовного права есть вполне согласованное мнение (хотя оно и оспаривается некоторыми представителями теории права¹) о том, что *институт права не может состоять из одного нормативного предписания (правовой нормы)*². Как образно выразился Г.В. Мальцев, «подобно тому, как одна ласточка не делает погоды, одна юридическая норма не создает правовой ситуации»³. Это мнение разделяют и специалисты иных отраслей права. В.В. Васильев, к примеру, указывает: «Правовой институт и норма – это структурные элементы системы права, при этом правовой институт

---

¹ Примечательна в этом плане позиция Е.А. Киримовой, которая утверждает: «Теоретически правовой институт может состоять и из одной правовой нормы, если она обеспечивает самостоятельное регулятивное воздействие на определенный участок отношений. Практически таких институтов не бывает, так как единичная норма не в состоянии охватить все аспекты опосредуемого общественного отношения». См.: Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: СГАП, 2000. – С. 15.

² Коняхин В.П. – Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 168; Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 83; Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 155.

³ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – С. 396.

сформирован из норм права. В связи с этим с точки зрения методологического подхода отождествление понятий «норма» и «институт» является ошибочным, поскольку, формируя институт, сами нормы не могут являться институтами». И далее делает важное дополнение, акцентируя внимание уже не столько на формально-логической стороне дела, сколько на функциональном предназначении института: «Ценность ... института и объективная необходимость его существования обусловлена и тем обстоятельством, что обособленная ... норма не способна обеспечить эффективное правовое регулирование. Воздействие обособленной нормы на общественные отношения не будет всесторонним и полным, в силу разнообразия жизненных ситуаций. Восполнение неполноты правового регулирования, осуществляемого отдельно взятой ... нормой, возможно только путем ее сочетания и взаимодействия с другими ... нормами, направленными на регулирование общественных отношений этого же вида»¹.

Действительно, один из общепризнанных признаков правового института – комплексность, всесторонность, полнота, беспробельность правового регулирования определенного участка правоотношений. Добиться этого посредством одного единственного предписания не представляется возможным. Даже в тех относительно редких ситуациях, когда в уголовном законе предусмотрено одно единственное предписание об ответственности за то или иное преступление – в одной статье, состоящей из одной части (например, как это имеет место в ситуации криминализации геноцида или экоцида), уголовно-правовой институт образуется не самим по себе этим предписанием, но совокупностью предписаний, закрепленных в иных правовых источниках (в частности, например, в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 09.12.1948 г., постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм

---

¹ Васильев В.В. Понятие гражданско-правового института как структурного элемента системы гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – Вып. 1 (15). – С. 98, 101.

международного права и международных договоров Российской Федерации» и др.)¹.

Это позволяет согласиться с суждением С.С. Алексеева о том, что в праве нет правовых норм, входящих в его систему, минуя правовые институты. Он писал: «Юридические нормы образуют отрасль права не непосредственно, а через правовые институты»².

Такое замечание дополнительно акцентирует внимание на принципиальном несовпадении системы права и системы законодательства, которое применительно к нашей теме обнаруживает себя и в вопросе о том, должен ли институт Особенной части уголовного права получить нормативное выражение на уровне укрупненной единицы текста уголовного закона.

Нормативное обособление норм в качестве формального признака правового института признается иногда одним из важнейших и связывается со спецификой юридического режима той или иной отрасли права. Юристы пишут: «В тех отраслях права, где превалирует императивный метод регламентации общественных отношений, правовые институты всегда поставлены в зависимость от соответствующего нормативного правового акта. Это особенно наглядно прослеживается в уголовном, административном, финансовом, трудовом, экологическом праве, а также во всех процессуальных отраслях. Напротив, при преобладании диспозитивного метода, особенно в сфере частного права, наблюдается наибольшее количество неформальных институтов»³. Применительно к уголовному праву

---

¹ Интересно отметить, что в некоторых исследованиях аргументируется обязательность введения в науку понятия «миниинститут» для характеристики мелких групп правовых норм, имеющих специфику правового регулирования и определяющих их место в системе институтов отрасли права. См.: Конохова Т.В. Система институтов бюджетного права Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 8.

² Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 119.

³ Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2018. – № 2, Т. – С. 26.

некоторые авторы прямо указывают: «уголовно-правовой институт должен быть выражен совокупностью норм отдельной главы кодекса»¹.

Однако такое «долженствование» не вытекает из теоретических признаков уголовно-правового института. Как вполне обоснованно пишет А.В. Денисова: «выделенные в уголовном праве институты не совмещены с разделами и главами конкретных правовых актов, поэтому такой критерий выявления конкретного правового института, как обособление правовых норм и предписаний, его образующих, в главы, разделы, части и иные структурные единицы нормативно-правовых актов, для уголовного права, как правило, не характерен»². Действительно, *уголовное право не сводится к уголовному закону, а институт Особенной части уголовного права не является законодательной конструкцией, в связи с чем недопустимо отождествлять структуру права как объективное явление со структурой законодательства, которая определяется под существенным влиянием субъективных факторов*. Этот момент, как представляется, не вполне учитывают те специалисты³, которые рассматривают институциональное строение отрасли уголовного права в контексте ее полиисточникового характера. Их утверждения о том, что институт уголовного права может быть выражен в статье, группе статей, главе или разделе УК РФ, входят в противоречие с их же позицией, признающей, что нормативные предписания уголовного права, являющиеся составной частью уголовно-правового института, закрепляются во множестве иных отраслевых источников. При таком подходе надо признать, что *структура Особенной части уголовного закона может служить лишь некоторым ориентиром в познании институционального строения отрасли, определенным «каркасом», отражающим систематизацию некоторых нормативных предписаний*.

---

¹ Абдулаев А.А., Гитинова М.М. К вопросу о сущности уголовно-правовых институтов // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 9А. – С. 112.

² Денисова А.В. Система уголовного права Российской Федерации: оценка современного состояния // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 85.

³ Коняхин В.П. – Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002; Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013.

Уголовный закон систематизирует лишь отдельные предписания, составляющие институт Особенной части уголовного права и в этом отношении его структурные элементы, с одной стороны, коррелируют структуре уголовного права (хотя и не совпадает с ней), а с другой стороны, никогда не заключают в себе всего содержания уголовно-правового института (тезис о несводимости текста той или иной главы УК РФ к уголовно-правовому институту признали верным 82% опрошенных при проведении исследования экспертов).

В этой точке рассуждений мы подходим к материальной стороне вопроса о характеристике предписаний, составляющих институт Особенной части уголовного права. Ранее было установлено, что предписания Особенной части являют собой суждение законодателя об основании ответственности и пределах государственной реакции на преступление, и вполне отчетливо распадаются на типичные (закрепленные исключительно в статьях Особенной части и описывающие признаки преступления и меру возможного наказания) и нетипичные (закрепленные в иных источниках и обладающие системосохраняющими и системоразвивающими свойствами). Институт Особенной части уголовного права формируется совокупностью этих предписаний. В работе М.С. Жука была представлена «идеальная модель» оптимального набора предписаний, образующих институт уголовного права, который включает в себя общие, декларативные, дефинитивные, основные, оперативные и коллизионные предписания¹. Не оспаривая этой идеи по существу, обратим дополнительное внимание на два аспекта.

Во-первых, соотношение основных (типичных) и иных (нетипичных) предписаний в структуре института Особенной части уголовного права не является константным. Оно во многом определяется уголовной политикой и юридической техникой. Существенное значение имеют, в частности,

---

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 122 – 123. См. также: Киримова Е.А Правовой институт: понятие и виды / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: СГАП, 2000. – С. 16 – 17.

используемые законодателем языковые правила описания состава преступления в уголовном законе.

Вопрос о том, каким образом лучше описать состав преступления в законе можно считать извечным и краеугольным. Активная дискуссия по этому поводу идет, как минимум, с середины прошлого столетия. Так, если Н.Д. Дурманов выступал за более точное отграничение в законе уголовно-наказуемых деяний от ненаказуемых путем перечисления признаков, которые превращают деяние из дисциплинарного или административного проступка в уголовно-наказуемое преступление¹, то В.С. Тадевосян ратовал за максимально краткие законодательные формулы. «Кодекс не является учебником, - писал он, - и нет нужды загружать его дефинициями, многие из которых, кстати сказать, ничего по существу и не определяют. ... лучше воздержаться от неизбежно расплывчатых, неточных, а следовательно, и неправильных определений, от которых мало пользы для практики. Уголовный кодекс ... должен быть не только простым и ясным законодательным актом, но и кратким. ... Следует далее признать целесообразным не детализировать в кодексе составы преступлений, а по возможности излагать их в обобщенном виде»². Не теряет актуальности вопрос о правилах изложения состава преступления в законе и в наши дни³.

Определенный недостаток в его исследовании видится нам в том, что он обсуждается по преимуществу как вопрос юридической техники, в то время как в реальности, она выходит далеко за пределы этой отрасли правоправедения и сопрягается с фундаментальными вопросами права, правоприменения, разделения властей, роли и места суда в процессе правового регулирования общественных отношений⁴, иными словами, с

---

¹ Дурманов Н.Д. К подготовке проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 7 – 8 (июль – август). – С. 3.

² Тадевосян В.С. К разработке проекта Уголовного Кодекса СССР // Советское государство и право. – 1954. – № 4. – С. 76, 77.

³ См. об этом, например: Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. – М.: Проспект, 2014. – С. 246 – 247 и др.

⁴ См., например: Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-политические риски и противоречия «сдерживания» суда // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-

областью уголовной политики. Можно сколько угодно долго рассуждать о преимуществах абстрактного способа описания признаков состава преступления, но до тех пор, пока в политико-правовом пространстве не будет признана активная, созидательная роль суда в части толкования права и правотворчества, пока не будет признана общеобязательность позиции высшей судебной инстанции по тому или иному вопросу уголовного права, закон по прежнему будет стремиться к казуистичности, отражая особый взгляд на суд как на орган, наделенный возможностью лишь «слепо» реализовывать те положения, которые законодатель зафиксировал в тексте нормативного акта. По этой причине *на теоретическом уровне в принципе не представляется возможным рассчитать, какие именно по видовой принадлежности и сколько предписаний могут или должны образовывать институт Особенной части уголовного права*. Очевидно, что чем более абстрактно будет сформулировано законодателем основное типичное предписание об ответственности за какое-либо преступление, тем больше потребности в нетипичных, в частности, дефинитивных, предписаниях, конструируемых в постановлениях высшей судебной инстанции, чем более неопределенно законодатель выразит разграничительные признаки смежных преступлений, тем большее значение будут приобретать общие предписания Конституционного Суда РФ и оперативные правила, предлагаемые Верховным Судом РФ, и т.д.

Эти обстоятельства подводят нас ко второму аспекту проблемы оптимального набора предписаний института Особенной части уголовного права. Он предполагает, что *содержание института должно определяться его функциональным назначением и отражать его устойчивые системные характеристики*. Подключение системного подхода, интегрирующего представления о структуре и функциях уголовно-правового института, позволяет более эффективно решать вопрос об его оптимальном содержании.

В.Д. и О.В. Филимоновы, с одной стороны, признают возможность системного анализа уголовно-правовых институтов, но с другой стороны, отмечают, что «институт права как юридическое образование хотя и представляет собой связанную своим смысловым содержанием систему правовых норм, в качестве объективно существующей системы рассматриваться не может... Составляющие институт права юридические нормы не взаимодействуют друг с другом. С момента включения их в законодательство это как бы «застывшие» правовые образования. Несмотря на то, что правовые нормы, образующие институт, находятся между собой в смысловой связи, эта связь оказывается зафиксированной на момент формирования института. Она не меняется до тех пор, пока не будет изменено законодательство. До этого момента правовой институт как развивающееся явление рассматриваться не может»¹. С этим суждением сложно согласиться в полной мере. Во-первых, не может вызывать сомнений факт «объективного существования» группы нормативных предписаний, составляющих институт, даже несмотря на то, что в конструировании и обособлении этих институтов заметна роль субъективного фактора (решений законодателя и позиции теоретика-исследователя). Во-вторых, вряд ли верно, что предписания в составе института «не взаимодействуют» друг с другом. Содержание, объем и виды нетипичных предписаний уголовно-правового института, как было отмечено, во многом определяются содержанием основного типичного предписания. Существует между ними и связь обратного порядка. Кроме того, изменения всего содержания института в результате изменения хотя бы одного из элементов его содержания как выявляет, подчеркивает наличие в институте системных начал (для примера достаточно вспомнить кардинальные трансформации института ответственности за хищения вследствие изменения размера административно наказуемого хищения и включения в УК РФ статьи об ответственности за

---

¹ Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 33 – 34.

мелкое хищение с административной преюдицией). Таким образом, *тезис о том, что институт Особенной части уголовного права является собой систему нормативных предписаний, не должен вызывать сомнений.*

Главное – понять, что из себя представляет эта система, на чем она основана, для чего функционально предназначена, и исходя из этого уже решать вопрос о ее содержательном наполнении. Основные функции уголовного права как отрасли, по общему признанию специалистов, заключаются в охране общественно значимых интересов от общественно опасных посягательств, установлении границ свободы поведения личности и ее защите от необоснованного государственного принуждения. Они закономерно отражают определенный дуализм уголовного права: его обусловленность сложившимися в обществе отношениями и одновременно отражение в предписаниях уголовного права должного порядка отношений. В этом ключе вполне можно согласиться с суждением В.Д. и О.В. Филимоновых о том, что «система института права – это, с одной стороны, в определенной степени юридическое выражение уже существующей системы общественных отношений, а с другой – система того порядка в той или иной группе общественных отношений, который отвечает интересам господствующих в обществе слоев населения»¹.

Такое «отражение» сущего и должного в институте Особенной части уголовного права не может быть произвольным и хаотичным. Будучи результатом интеллектуально-волевой деятельности субъекта правотворчества и имея под собой реальные объективные социальные основания, оно базируется на некоей общей модели или структуре. В данном случае отчетливо проявляет себя философская связь «содержания» и «структуры» системного объекта, их взаимообусловленность. *Структура института Особенной части уголовного права как системного объекта зависит от его содержания, формируется им, но одновременно, будучи*

---

¹ Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 35.

самостоятельной характеристикой института, структура определяет его содержание¹.

И структура, и содержание уголовно-правового института (как и института любой иной отрасли права) зависят от отраслевого предмета и метода, детерминируются ими. Это обстоятельство обусловило широко распространенный в науке взгляд на то, что институты правовой отрасли призваны отразить специфику некоторых правоотношений или метода, применяемого для их регулирования. «Существует жесткая зависимость норм, составляющих правовой институт от общественных отношений, составляющих опосредуемый ими социальный институт», - пишет Е.А. Киримова². «Основным и главным критерием обособления норм права в отдельный институт является наличие особой совокупности однородных отношений, определяющих специфику правовых норм, выделяющую их и одновременно придающую им внутреннее юридическое единство», - подтверждают иные авторы³.

Не оспаривая значимости предмета и метода отрасли права для конструирования отраслевых институтов, надо вместе с тем признать, что это слишком общие критерии их формирования, не позволяющие, по большому счету, провести отграничения одного института от другого и института от отрасли в целом.

В связи с этим важным дополнением в теоретическом познании структуры и содержания института должно стать предложенное в теории права понятие юридической конструкции. С.С. Алексеев писал: «Одним из наиболее ярких показателей регулятивных особенностей и интеллектуально-волевого содержания правового института – своеобразие свойственной институту юридической конструкции. Если та или иная группа норм – пусть даже внешне выделенная в системе нормативных актов или в структуре

---

¹ См.: Асланян Р.Г. Структура института особенной части // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С.136 – 141.

² Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: СГАП, 2000. – С. 15.

³ Беляева Г.С., Кузьменков В.И., Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 104.

отдельного акта – не объединена цельной правовой конструкцией, то и нет оснований говорить о наличии в данном случае правового института»¹.

Связь правового института и юридической конструкции – малоисследованная область юриспруденции. Анализ показал, что на отраслевом уровне только в отдельных работах по конституционному праву содержатся некоторые, самые общие замечания о связи института с нормативной конструкцией, обращенной к регулированию однородных, взаимосвязанных общественных отношений². В уголовно-правовой науке, насколько мы можем судить, об этой связи не упоминается вовсе.

Традиционный взгляд на юридическую конструкцию в уголовном праве состоит в признании ее средством законодательной техники, нормативной (чаще всего) или теоретической (реже) модели правовых явлений, которые используются законодателем при создании уголовного закона³. Однако это лишь один из возможных вариантов понимания юридической конструкции. Наряду с ним, в современной теории права термином «юридическая конструкция» охватывается и метод познания права, и теоретические положения, и способ регулирования общественных отношений⁴. В.В. Чевычелов отмечает, что «с позиции онтологии феномен «юридическая конструкция» включает в себе два смысловых начала: широкое и узкое. С точки зрения широкого подхода в качестве юридических конструкций следует рассматривать практически все правовые явления, имеющие определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком «конструкционности». В этом смысле можно говорить о конструкции права, отрасли права, правового института, нормы права, правосознания. ... В узком

---

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 123.

² Институты конституционного права: учебное пособие / под ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постникова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ, 2013. – С. 8.

³ См.: Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 6 – 7, 16; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005. – С. 38 – 39; Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 11, 29.

⁴ См. об этом: Переверзев В.В. Юридическая конструкция как научная проблема: теоретико-правовой аспект // Философия права. – 2009. – № 3 (34). – С. 113.

смысле юридическая конструкция – это средство правотворческой техники, заключающееся в моделировании, определенном логическом построении нормативного материала»¹.

*Избранный в уголовно-правовой науке ракурс понимания юридической конструкции как средства законодательной техники существенным образом препятствует исследованию связи этой конструкции и внутреннего строения, структуры отрасли уголовного права. Между тем, в исследовании этой связи обнаруживаются принципиально важные особенности понимания уголовно-правового института*².

На теоретическом уровне попытка преодоления этого «разрыва» в знании была предпринята в работе В.И. Червонюка. Не оспаривая многозначность и многоценность феномена юридической конструкции, автор, по итогам своего анализа, среди прочего, заключает: «юридическую конструкцию необходимо рассматривать как необходимый и существенный элемент структуры права, субстанциональную единицу в структуре права». Сама эта конструкция, по его убеждению, есть «сформированная естественным (опытным) путем или разработанная доктриной и воспринятая структурой права нормативно принятая модель (устойчивая структурная нормативная общность), обнаруживающая закономерные логически взаимосвязи между элементами права, придающая им внутренне единство и функциональность, а праву – характер целостного образования»³.

---

¹ Чевычелов В.В. Юридическая конструкция (проблемы теории и практики): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – С. 7 – 8.

² Едва ли не единственное исключение в данном случае – работы С.А. Маркунцова, обосновывающие необходимость признания юридической конструкцией в уголовном праве уголовно-правового запрета, как «исходного, элементарного, самостоятельного, цельного, логически завершенного структурного элемента в строении уголовного законодательства (права), отражающего его основное предназначение». См.: Маркунцов С.А. Состав преступления и уголовно-правового запрета как юридические конструкции // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 476, 477; Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – С. 15, 117.

³ Червонюк В.И. Юридические конструкции в структуре права // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 822, 823. Как «закон связи элементов (юридических норм), выражающий стойкую композицию элементов, соответствующий разным видам правовых институтов, то есть служащий признаком, позволяющим отличать правовые институты с точки зрения их внутренней формы (структуры)», понимают юридическую конструкцию и иные авторы. См., например: Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: СГАП, 2000. – С. 23, 25.

Здесь же В.И. Червонюк дает ценные указания относительно соотношения юридической конструкции и правового института. На первый взгляд, пишет он, каждому институту должна соответствовать определенная одноименная юридическая конструкция. Но у правового института и юридической конструкции разное назначение: институт предназначен для достижения конкретных регулятивных целей, конструкция – для придания «собранным» нормам внутреннего единства. Кроме того, если институт права есть исключительно нормативное образование, то есть состоит только из норм права (или в нашем понимании – из нормативных предписаний), то юридическая конструкция охватывает более широкий комплекс разнородных элементов: норм права, фактические обстоятельства (юридические факты) и правоотношения¹.

Признание юридической конструкции элементом структуры права и аргументация наличия тесной связи между юридической конструкцией и правовым институтом закономерно ставит вопрос о том, какая же собственно конструкция выступает или может быть использована в качестве основы уголовно-правового института.

Изучение теоретических источников позволило установить наличие в уголовно-правовой литературе единственной интуитивной попытки выявить юридическую конструкцию, лежащую в основе правового института, хотя и без использования самого термина «юридическая конструкция». Речь идет о цитированной ранее работе В.Д. и О.В. Филимоновых. Авторы устанавливают связь внутреннего содержания и структуры правового института с юридической конструкцией правовой нормы. Они указывают: «Структуре социального содержания института уголовного права соответствует структура его правового содержания. Ее образуют: 1) нормы, формирующие гипотезу, т.е. условия, при которых вступают в действие предусмотренные институтом правила поведения субъектов общественных

---

¹ Червонюк В.И. Юридические конструкции в структуре права // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 826.

отношений; 2) нормы, формирующие диспозицию института, т.е. определяющие правила поведения субъектов общественных отношений при наступлении этих условий; 3) нормы, устанавливающие санкции за нарушение этих правил»¹.

Признавая ценность любого опыта в области поиска юридической конструкции, способной стать основой уголовно-правового института, заметим, что представленная разработка не может быть признана в полной мере удачной. Во-первых, конструкция логической правовой нормы является слишком общей (универсальной), чтобы на ее основе рассуждать о структуре и содержании именно уголовно-правового института и тем более института Особенной части уголовного права. Во-вторых, представляется, что одна и та же юридическая конструкция не может служить основой для конструирования и правовой нормы, и правового института, ибо это приводит к неразличению соответствующих элементов структуры права. В-третьих, вряд ли логически и теоретически верна дифференциация норм на те, что формулируют диспозицию, и те, что формулируют санкцию.

Отчасти этих недостатков лишена попытка исследовать структуру уголовно-процессуального института на основе конструкции правоотношения. Ее авторы пишут: «Содержание и структура уголовно-процессуального института обусловлены содержанием и структурой регулируемой области уголовно-процессуальной деятельности, а значит и структурой и содержанием уголовно-процессуальных отношений». Отсюда они заключают: «Уголовно-процессуальный институт содержит в себе следующие структурные элементы: 1) нормы права, содержащие основание возникновения регулируемого правоотношения – юридический факт; 2) нормы, называющие объект конкретного правоотношения (процессуальное действие и т.п.); 3) нормы, устанавливающие правосубъектность и процессуальный статус субъектов данных правоотношений (нормы,

---

¹ Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 153.

устанавливающие права субъектов правоотношений; нормы, устанавливающие обязанности субъектов правоотношений); 4) нормы, устанавливающие сроки, временные границы существования данных правоотношений в форме процессуальных действий (не всегда); 5) нормы, устанавливающие порядок процессуального оформления правоотношения, регулируемого данным институтом (начальные, промежуточные, заключительные процессуальные акты); 6) нормы права, содержащие гарантии реализации уголовно-процессуальных институтов; 7) нормы права, регулирующие порядок (процедуру) регламентации уголовно-процессуальных отношений»¹.

В данном случае крайне полезной является связь института и правоотношения, которое выступает предметом его регулирования, а также отражение в правовом институте всех элементов правоотношения. Юридическая конструкция при таком подходе отражает важный элемент связи и зависимости нормативных предписаний, объединенных в правовой институт, и реальных общественных отношений, которые выступают социальной основой института. Именно в этом, как отмечают специальные исследования, заключается ценностное, телеологическое значение юридической конструкции².

Однако представляется, что опять же в силу всеобщности конструкции правоотношения, исследовательский опыт процессуалистов не отражает в полной мере специфики отраслевого института. Думается, что *в основе отраслевых институтов права должна быть расположена именно отраслевая юридическая конструкция, которая: а) отвечает общетеоретическим представлениям о юридической конструкции, б) в пределах отрасли права является «сквозной», позволяющей упорядочить множество нормативных предписаний, в) и это главное – демонстрирует*

---

¹ Ким К.В., Сейтенов К.К., Хашиева Т.М. Структура уголовно-процессуального института // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4 (40). – С. 114 – 120; Хашиева Т.М. Уголовно-процессуальный институт: понятие, структура, значение / под ред. К.В. Ким. – Саратов: Вузовское образование, 2017. – С. 8 – 23.

² См. об этом: Азархин А.В. Юридические конструкции: ценностно-телеологический анализ // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 87 – 92.

особенности функции и социального предназначения той или иной отрасли права, связь права с реальными общественными отношениями.

Представляется, что применительно к институтам Особенной части уголовного права на роль юридической конструкции, отвечающей этим требованиям, может претендовать конструкция уголовно-правовой охраны¹ (при проведении экспертного опроса 73% респондентов признали перспективной идею наличия генетической и содержательной связи правового института и уголовно-правовой охраны).

Термин «уголовно-правовая охрана» широко используется в отраслевой науке в различных, как правило, прикладных контекстах для обозначения того или иного предметно выделяемого на основании объекта охраны направления государственной деятельности («охрана собственности», «охрана личности», «охрана семьи» и т.д.). Однако на обобщенном уровне в качестве уголовно-правовой категории феномен охраны практически остается неисследованным. Только в последние годы специалисты начали обращаться к этому вопросу². При этом в качестве основы для современных исследователей выступают известные и важные рассуждения Б.Т. Разгильдиева о том, что охрана есть понятие законодательное, что оно характеризует задачи уголовного права, и что охрана обладает элементной структурой, включающей в себя объект (охраняемые отношения), субъектов (правоприменителей и правоисполнителей) охраны, а также уголовную ответственность³.

---

¹ См. подробнее: Аслаян Р.Г. Конструкция уголовно-правовой охраны как основа системы институтов особенной части уголовного права // Уголовная политика в сфере противодействия коррупции, терроризму и экстремизму: современное состояние и пути оптимизации (к юбилею М. П. Чубинского): Сборник науч. ст. по вопросам уголовного права и процесса первого Ярославского юридического форума в рамках междунард. науч.-практ. конф. – Ярославль: ЯрГУ, 2021. – С. 289 – 300.

² Бондаренко В.Е. Понятие уголовно-правовой охраны // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 3-1. – С. 224 – 230; Макаров Д.Ю. К вопросу о понятии уголовно-правовой охраны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 8-9. – С. 207 – 209; Макаров Д.Ю. Понятие и формы реализации уголовно-правовой охраны // Право. Законодательство. Личность. – 2016. – № 1 (22). – С. 103 – 107; Сайгашкин А.Н. Сущность уголовно-правовой охраны // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1. – С. 71 – 76.

³ Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. -М., 1994. – С. 16 – 17.

Не углубляясь в познание уголовно-правовой охраны в качестве самостоятельной юридической конструкции уголовного права (с учетом того, что это отдельная тема, обсуждение которой выходит далеко за пределы нашего анализа), отметим, что эта конструкция, на наш взгляд, органично включает в себя:

- объект охраны, те отношения, которые сложились в обществе и которые обеспечивают его существование и дальнейшего развитие;
- интерес в охране этих отношений, как со стороны общества в целом, так и со стороны властных элит и структур;
- перечень деяний, признаваемых опасными для соответствующего объекта и требующих запрета под угрозой наказания;
- комплекс уголовно-правовых предписаний, описывающих эти деяния и устанавливающих санкции за их совершение;
- адекватные с точки зрения охранительной, предупредительной, восстановительной функций права меры воздействия на лиц, совершающих опасные деяния.

Именно конструкция уголовно-правовой охраны, обеспечивающая необходимую связь между реальными отношениями и правовыми предписаниями, как представляется, и лежит в основе уголовно-правового института Особенной части. Она обеспечивает обособление нормативных предписаний Особенной части в рамки отдельных институтов, исходя из особенностей объекта охраны и вида совершаемых в отношении него посягательств, и одновременно гарантирует важное свойство системности уголовно-правового института, исходя из полноты отражения и степени соответствия нормативных предписаний тем криминальным угрозам, которые существуют в обществе для охраняемого объекта.

При этом надлежащая социальная и политическая оценка блага, интереса, требующего охраны, полноценное выявление и познание криминальных угроз, полнота отражения опасных деяний в предписаниях

уголовного закона выступают основой для формирования и развития института Особенной части уголовного права. Конструкция уголовно-правовой охраны, таким образом, существенно дополняет представленные выше рассуждения М.С. Жука об идеальном наборе нормативных предписаний, формирующих правовой институт. Недостаточно сказать, что это должен быть полный комплекс дефинитивных, основных, коллизионных и иных предписаний. Это лишь формальное требование к институту. Важно подчеркнуть, что этот набор должен быть адекватен юридической конструкции уголовно-правовой охраны. В связи с этим можно предположить, что *чем больше заинтересованность общества и власти в охране того или иного объекта, тем более полным и насыщенным будет соответствующий охранительный институт, тем более детально будет регламентирована деятельность субъектов общественных отношений и деятельность правоприменителей, тем вероятнее наличие в структуре института массива детализирующих, конкретизирующих предписаний. И напротив, недостаточное осознание важности объекта охраны, неполное познание существующих для его сохранения криминальных угроз может влечь за собой формирование института, исходя из нескольких, самых общих основных предписаний.*

Завершая рассмотрение вопроса о содержании и структуре института Особенной части уголовного права, резюмируем некоторые основные положения:

- содержание институтов Особенной части уголовного права может быть адекватно раскрыто при условии соблюдения плюралистического подхода к пониманию права как такового; если генезис и социальное назначение правового института объясняется на основе преимуществ институционального подхода, а его социальное содержание и реальное действие – в рамках социологической интерпретации права, то для исследования юридического содержания института Особенной части сохраняет свои познавательные возможности юридический позитивизм;

- институт Особенной части уголовного права включает в свое юридическое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового, а именно нормативные правовые предписания и принципы, при условии, однако, что речь идет о принципах, которые обладают общими свойствами правовой материи, как минимум, общеобязательностью и способностью участвовать в регулировании правоотношений (принципы как идеи или как элемент правового мировоззрения частью содержания уголовно-правового института быть не могут);

- институт Особенной части уголовного права не может состоять из одного нормативного предписания, поскольку оно само по себе не способно обеспечить целостное, полное, беспробельные регулирование некоторой разновидности общественных отношений; даже в тех ситуациях, когда в уголовном законе предусмотрено одно единственное предписание об ответственности за то или иное преступление – в одной статье, состоящей из одной части, уголовно-правовой институт образуется не самим по себе этим предписанием, но совокупностью предписаний, закрепленных, в том числе в иных отраслевых источниках права;

- сфера институтов Особенной части уголовного права может рассматриваться, с одной стороны, как сущее, то есть с ограничением предметного содержания институтов исключительно положениями УК РФ и корреспондирующими им иными предписаниями, и как возможное (или должное), то есть, исходя из признания единства природы уголовного и административно-деликтного законодательства; этот второй подход в лучшей степени отвечает истинной задаче уголовного права как публичной отрасли, призванной защитить общество от противоправных посягательств, обладающих общественной опасностью, и позволяет рассматривать предписания уголовного и административно-деликтного законодательства в качестве единого массива формирования институтов Особенной части «широкого» уголовного права;

- устоявшееся положение о том, что институт Особенной части уголовного права должен быть нормативно обособлен на уровне укрупненной единицы текста уголовного закона, не вытекает с необходимостью из теоретических признаков уголовно-правового института; структура Особенной части уголовного закона может служить лишь некоторым ориентиром в познании институционального строения отрасли, определенным «каркасом», отражающим систематизацию некоторых нормативных предписаний, поскольку уголовный закон систематизирует лишь отдельные предписания, составляющие институт Особенной части уголовного права и в этом отношении его структурные элементы, с одной стороны, коррелируют структуре уголовного права (хотя и не совпадает с ней), а с другой стороны, никогда не заключают в себе всего содержания уголовно-правового института;

- в основе формирования и систематизации отраслевых институтов права должна быть расположена отраслевая юридическая конструкция, которая: а) отвечает общетеоретическим представлениям о юридической конструкции, б) в пределах отрасли права является «сквозной», позволяющей упорядочить множество нормативных предписаний, в) демонстрирует особенности функции и социального предназначения той или иной отрасли права, связь права с реальными общественными отношениями. Применительно к институтам Особенной части уголовного права на роль юридической конструкции, отвечающей этим требованиям, может претендовать конструкция уголовно-правовой охраны;

- конструкция уголовно-правовой охраны, обеспечивающая необходимую связь между реальными отношениями и правовыми предписаниями, лежит в основе уголовно-правового института Особенной части. Она обеспечивает обособление нормативных предписаний Особенной части в рамки отдельных институтов, исходя из особенностей объекта охраны и вида совершаемых в отношении него посягательств, и одновременно гарантирует важное свойство системности уголовно-правового

института, исходя из полноты отражения и степени соответствия нормативных предписаний тем криминальным угрозам, которые существуют в обществе для охраняемого объекта;

- тезис о том, что институт Особенной части уголовного права является собой систему нормативных предписаний, не должен вызывать сомнений, однако системность института предполагает с необходимостью, что он должен охватывать своим содержанием весь потенциально мыслимый набор различных видов нормативных предписаний; соотношение основных (типичных) и иных (нетипичных) предписаний в структуре института Особенной части уголовного права не является константным, более того, на теоретическом уровне в принципе не представляется возможным рассчитать, какие именно по видовой принадлежности и сколько предписаний могут или должны образовывать институт Особенной части уголовного права. Содержание института определяется его функциональным назначением и отражает его устойчивые системные характеристики, обусловленные юридической конструкцией уголовно-правовой охраны.

§ 3. Система и виды институтов Особенной части уголовного права

Проблемы классификации и систематизации институтов Особенной части уголовного права, несмотря на их высокое научно-прикладное значение, не получили в современной науке должного анализа, а требования строгой научной методологии их познания¹ не получили должной реализации. Обзор теоретических источников по теме показывает, что в литературе в целом сложилось *несколько основных подходов к решению вопроса о видах уголовно-правовых институтов и их системе.*

Так, оригинальное видение системы уголовно-правовых институтов было предложено В.Д. Филимоновым, который проводит градацию

---

¹ Гуторова Н.А., Панов Н.И. О методологии научного исследования проблем Особенной части уголовного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 1 (288).

институтов в зависимости от функциональных особенностей. Он указывает, что систему уголовного права образуют: а) институты, оказывающие непосредственное воздействие на регулируемые уголовным правом общественные отношения (к этой группе автор относит все институты Особенной части, а также некоторые институты Общей части, которые определяют круг лиц, подлежащих уголовной ответственности, объем и пределы этой ответственности); б) институты, не оказывающие непосредственного воздействия на регулируемые уголовным правом отношения, но обеспечивающие осуществление такого воздействия (регламентируют деятельность суда по возложению уголовной ответственности и ее индивидуализации); в) институты, не входящие в две указанные категории правовых общностей, но являющиеся их составными частями (институт состава преступления, институт условного осуждения и некоторые другие)¹.

При всей значимости функционального подхода к пониманию права и его строения, нельзя не заметить, что в этой концепции заложена существенная методологическая и логическая ошибка. Во-первых, не ясна грань между «воздействием» и «обеспечением воздействия». Если тот или иной институт уголовного права не участвует в уголовно-правовом воздействии (или регулировании), вряд ли есть основания к тому, чтобы в принципе считать его отраслевым институтом, учитывая общепризнанное понимание института как группы норм или предписаний, которые комплексно регулируют соответствующую группу правоотношений. Во-вторых, не вполне понятно место институтов третьей группы, которые, с одной стороны, не воздействуют на общественные отношения и не обеспечивают такого воздействия, но с другой стороны, в тоже самое время выступают частью двух предыдущих групп уголовно-правовых институтов.

---

¹ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 133 – 134.

Видимо, в силу этих причин концепция В.Д. Филимонова не получила широкой поддержки в науке, где *большая часть специалистов решает вопросы градации и систематизации уголовно-правовых институтов с опорой на представления о предмете уголовно-правового регулирования и структуре законодательства*. Однако и здесь нет единства научных позиций.

Ряд авторов все институты уголовного права делит на группы, ориентируясь при этом на основные категории Общей части. Наиболее ярко этот подход сформулирован Т.Г. Понятовской, которая системообразующими категориями институционального строения отрасли уголовного права признает «преступление» и «наказание». Она пишет: «Коль скоро институты уголовного права служат воплощению в правовую действительность концептуально обусловленных правовых категорий преступления и наказания, то они, в связи с этим, могут быть классифицированы. Можно выделить институты, которые служат критериями оценки конкретных обстоятельств дела исходя из содержания и концептуального значения понятия преступления, и те, которые служат юридическому оформлению подлежащей наказуемости»¹. Не отличается принципиально позиция Н.Ф. Кузнецовой, которая к содержанию уголовного законодательства относит четыре института: «уголовный закон», «преступление», «наказание», «освобождение от уголовной ответственности и наказания», которые систематизированы в Общей и Особенной частях уголовного закона и делятся на более дробные институты². Близки и рассуждения В.В. Мальцева, который классифицирует уголовно-правовые нормы по их принадлежности к «основным системам уголовного законодательства»: «уголовному закону», «преступлению» и «наказанию»³.

---

¹ Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. – Ижевск: Изд. Удмуртского ун-та, 1996. – С. 151 – 152.

² Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. – С. 3.

³ Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. Т. II. Уголовный закон. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 252.

Представленные построения, с одной стороны, весьма убедительны. Все в уголовном праве «вращается» вокруг преступления и наказания. Однако существенный повод для их критики дает то обстоятельство, что в основу строения права как нормативной реальности авторы положили не нормативные, а доктринальные критерии. Это обстоятельство представляется нам серьезной методологической ошибкой. Нормативные предписания Особенной части уголовного права, представляя собой единый, логически неразрывный ряд суждений законодателя о преступности и наказуемости того или иного вида преступления, не могут быть, с одной стороны, всецело помещены в институты, «обслуживающие» категорию преступления либо наказания, а с другой стороны, не могут быть расчленены на составные элементы (диспозиции и санкции), с тем, чтобы каждый из этих элементов стал частью института преступления либо института наказания.

Ошибку иного рода допускают специалисты, которые предлагают вариант институционального строения отрасли уголовного права на основе понятия логической уголовно-правовой нормы. Будучи целостным правилом поведения граждан и государства в сфере уголовно-правовых отношений, такие нормы не могут быть дифференцированы на нормы Общей и Особенной части. Отталкиваясь от этой посылки, Ю.Е. Пудовочкин, например, систему институтов уголовного права представляет исключительно как систему охранительных институтов, каждый из которых образуют практически все предписания Общей части уголовного законодательства, а также предписания Особенной части об ответственности за тот или иной вид преступлений, имеющий общий родовой объект¹. В основе институционального строения отрасли при таком решении оказывается структура Особенной части уголовного права, в укрупненные элементы которой включаются все положения Общей части. Критикуя этот подход, В.В. Мальцев совершенно справедливо, на наш взгляд, заметил, что,

---

¹ Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 1: Понятие уголовного права / под ред. В.Б. Малинина. 2-е изд. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2008. – С. 218 – 219; Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 85.

во-первых, логическая уголовно-правовая норма сама по себе при предложенном подходе гораздо ближе к понятию института, нежели собственно к норме права, а во-вторых, что ни одна норма и даже институт уголовного права не могут вмещать в себя фактически все уголовное законодательство¹. К тому же, сводить все многообразие уголовно-правовых институтов только и исключительно к одному виду – правоохранительных – принципиально не верно².

Таким образом, *попытки структурно-ориентированного исследования системы институтов уголовного права, основанные на ассоциациях всех их либо с категориями Общей части, либо – отдельно – с нормами Особенной части уголовного права, не приводят к положительному решению вопроса о видах и системе уголовно-правовых институтов.*

С учетом этого обстоятельства, становится понятной популярность теоретических построений, допускающих самостоятельный и дифференцированный анализ институтов Общей и Особенной части уголовного права. Так, развивая свою концепцию институтов уголовного права, В.Д. Филимонов предложил, в зависимости от роли в выполнении предупредительной функции уголовного права, объединить все институты в три группы: а) регулирующие условия вступления в действие институтов, устанавливающих ответственность; б) устанавливающие ответственность за совершение преступлений (к ним авторы относят институты Особенной части УК РФ, институты неоконченного преступления и соучастия); в) определяющие содержание наказаний и иных мер уголовно-правового характера³. Такой подход, с одной стороны, коррелирует идеям Т.Г. Понятовской, Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Мальцева в части выделения институтов, корреспондирующих категориям закона, преступления и наказания, но с другой стороны, обособляя институты, связанные с

---

¹ Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. Т. II. Уголовный закон. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 230 – 231.

² Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 157.

³ Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 164.

категорией преступления, ограничивает их, по преимуществу институтами Особенной части уголовного права об ответственности за отдельные виды преступлений.

Наиболее отчетливо *идея раздельного анализа институтов Общей и Особенной части уголовного права* была разработана Э.С. Тенчовым¹, с подачи которого подсистема институтов Особенной части уголовного права стала пониматься в науке в качестве институтов отдельных видов преступлений, обособленных на основе общности родового объекта посягательства. Так, уже в наши дни Н.А. Лопашенко указывает, что «институты Особенной части уголовного права выделяют по главам УК РФ, в которых сосредоточены уголовно-правовые нормы, относящиеся к посягательствам на однородные объекты. ... В основе уголовно-правового института, таким образом, лежит единых охраняемый уголовным правом достаточно крупный объект охраны – родовой или видовой». При этом, однако, Н.А. Лопашенко делает одно важное замечание: «по отношению к Особенной части сам термин «институт уголовного права» употребляется довольно редко; чаще ведут речь о группах преступлений, посягающих на один и тот же объект»².

В этом, как представляется, и состоит основная, *исходная проблема учения об институтах Особенной части уголовного права: признавая сам факт наличия таких институтов in abstracto, наука так и не приступила к их исследованию in concreto, а сама идея изучения институтов Особенной части уголовного права была трансформирована в идею исследования проблем классификации преступлений.*

Такой подход оправдывается некоторыми исследователями. Так, Г.П. Новоселов пишет: «В юридической литературе обычно не проводятся различия между системой Особенной части УК и системой преступлений,

---

¹ Тенчов Э.С. О принципах и основаниях закрепления в законе системы уголовно-правовых институтов // Направления уголовной политики в борьбе с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986. – С. 23 – 24.

² Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. Учебное пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 20.

зафиксированной в Особенной части УК РФ. Конечно, ставить знак равенства между ними же нельзя. В то же время следует учитывать, что упорядочивание статей в Особенной части осуществляется исходя из специфики содержания этих статей, а при построении эта специфика обусловлена главным образом спецификой преступлений. В связи с этим вопрос о системе Особенной части – это прежде всего вопрос о системообразующей классификации преступлений»¹.

Действительно, классификация преступлений и система Особенной части уголовного права – связанные феномены. Но вместе с тем, это феномены принципиально различные.

Развивая эту мысль, согласимся с теоретико-методологическими и понятийными замечаниями Е.В. Щелконоговой о том, что «преступление – это прежде всего совершаемое в объективной реальности нарушение запрета, а не положения закона»². В связи с этим в рамках анализа Особенной части уголовного права необходимо вести речь не столько о системе преступлений, сколько о системе уголовно-правовых предписаний, в которых устанавливается ответственность за их совершение. Критерии и основания градации и систематизации преступлений и правовых предписаний – объективно различны. По этой причине все, что касается собственно преступления как факта объективной реальности, не может быть «зеркально» использовано для систематизации предписаний Особенной части уголовного права.

Дело в том, что классификация преступлений может строиться, исходя из самых различных оснований³, и вопрос о том, какая из этих классификаций должна быть положена в основу строения Особенной части уголовного права не является предрешенным. Более того, как отмечал еще А.Ф. Бернер, «часто многообъемлющая природа отдельных преступлений

---

¹ Новоселов Г.П. Система Особенной части УК РФ // Бизнес. Менеджмент. Право. – 2012. – № 1 (25). – С. 52.

² Щелконогова Е.В. О системе Особенной части Уголовного кодекса РФ // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 3. – С. 37.

³ См. об этом, например: Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. – М.: Юриспруденция, 2020.

делает невозможным строго последовательное деление, и что за начало деления может быть принято множество самых разнообразных оснований»¹. Стоит напомнить, например, что в дореволюционной правовой теории система Особенной части уголовного права строилась, исходя из градации преступлений на три группы – против личности, против общества и против государства, а в современном уголовном законе Франции в основу группировки предписаний об ответственности за преступления положен не только объект охраны, но и форма вины, в связи с чем выделяются, в частности, умышленные и неумышленные посягательства на жизнь человека и др.². Гипотетически не исключено построение системы Особенной части на основе самых различных классификаций преступных деяний, но далеко не всякая такая классификация будет отражать систему институтов Особенной части уголовного права. Ибо *в классификации преступлений выбор критерия градации преступных деяний обусловлен познавательными интересами субъекта классификации и в этом отношении классификации всегда в известной степени субъективны, тогда как система институтов Особенной части уголовного права есть феномен объективный и до известных пределов не зависящий от личности субъекта познания*. Мы выявляем, открываем эту систему, но мы не в состоянии ее создавать или перекраивать, руководствуясь теми или иными идеями относительно градации преступлений.

Объективным социальным основанием права, в том числе и его институционального строения, выступает система общественных отношений, которые правом регулируются. По этой причине многие специалисты, как уже было отмечено, критерий выделения институтов права связывают с организацией регулирования тех или иных видов или участков правовых отношений. Однако этот подход, справедливый для регулятивных отраслей

---

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. II. Часть Особенная. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. – С. 4.

² См.: Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крылова; пер. с фр. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.

права (тем более имеющих комплексный предмет¹), не в полной мере учитывает социальные основания уголовного права, в первую очередь, развивающегося как охранительная отрасль. Генетически уголовно-правовые предписания Особенной части современного уголовного права восходят к охранительным положениям регулятивных отраслей права и обусловлены не столько предметом собственно уголовно-правового регулирования (отношениями, которые возникают в связи с фактом совершения преступления), сколько предметом уголовно-правовой охраны (отношениями, которые существуют до и вне момента совершения преступления и в уголовно-правовой защите которых общество жизненно заинтересовано).

В этой части исследования крайне важно акцентировать внимание на большой и сложной теоретической проблеме понимания и соотношения объектов уголовно-правовой охраны и объектов преступления. Ее исследованию посвящен ряд крупных научных работ² и весьма содержательных публикаций в современной юридической периодике³, что избавляет нас от необходимости глубокого погружения в тему. Однако в контексте исследования институтов Особенной части уголовного права принципиально важно подчеркнуть, что, вопреки распространенному мнению, в основе их систематизации должен лежать не объект преступления – элемент реальности, который терпит ущерб от посягательства виновного лица, а объект уголовно-правовой охраны. *Именно объект уголовно-правовой*

---

¹ Благодар А.Л. К вопросу о структуре Особенной части права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – Вып. 3 (13). – С. 158.

² См., например: Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1971; Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юридическая литература, 1975; Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980; Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. – Волгоград: ВА МВД России, 2010.

³ См., например: Новоселов Г.П., Федосеева Л.Ю. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления: соотношение и уголовно-правовое значение // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 4; Герасимов А.М. Объект уголовно-правовой охраны и его параметры // Ex iure. – 2021. – № 3; Зателепин О.К. Соотношение понятий объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления в российской науке уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3 (59).

охраны выступает социальным основанием формирования институтов, выделения их в структуре Особенной части уголовного права и систематизации.

Во-первых, объект уголовно-правовой охраны должен мыслиться как объективный феномен. Сам по себе он не зависит ни от направленности умысла преступника (в отличие от объекта преступления), ни от решения законодателя взять те или иные отношения под охрану. Это объективно сложившиеся и объективно необходимые для существования и развития общества отношения. В связи с этим, объект уголовно-правовой охраны может рассматриваться не только в данностном отношении, как то, что уже охраняется правом, но и в ценностно-прогностическом отношении, как то, что может и должно подлежать охране, то есть как основа для развития уголовного права и появления в его структуре новых правовых предписаний и институтов.

Во-вторых, объект уголовно-правовой охраны именно в силу своей объективности является частью социально-нормативной системы общества, укоренен в обществе, а потому может выступать в качестве критерия оценки соответствия системы Особенной части уголовного права социальным реалиям и социальным потребностям, оценки социальной обусловленности уголовного законодательства.

В-третьих, возможные различия в объективной системе объектов уголовно-правовой охраны и субъективной, уголовно-политически мотивированной системе объектов, поставленных законодателем под охрану, позволяет выявить несовпадения в должной системе институтов уголовного права и системе уголовного законодательства, выявить так называемые «мертвые нормы»¹ и «мертвые институты».

В-четвертых, объект уголовно-правовой охраны всегда соотносится с социальными и социально-правовыми институтами. Между системой этих

---

¹ См. об этом: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. – 2010. – № 6.

институтов и системой объектов уголовно-правовой охраны имеется прямая корреляция, а потому наличие системных связей между социальными институтами позволяет констатировать наличие таковых между объектами уголовно-правовой охраны, и в целом рассматривать обусловленные этими объектами институты Особенной части уголовного права в качестве системы.

Таким образом, *институты Особенной части уголовного права могут быть представлены в качестве системы нормативных предписаний, сгруппированных на основе подлежащих уголовно-правовой охране и институционализированных в системе общественных отношений правовых благ и интересов.* Только в этом случае система Особенной части уголовного права может быть адекватно, во-первых, «вписана» в нормативную структуру общества, а во-вторых, соотнесена с функциями уголовного права.

С этих позиций на статус институтов Особенной части уголовного права, могут претендовать, на наш взгляд, институт охраны жизни и здоровья, институт охраны физической свободы личности, институт охраны чести и достоинства, институт охраны половой свободы и половой неприкосновенности, институт охраны семьи, институт охраны процесса формирования личности ребенка, институт охраны собственности, институт охраны кредитных отношений, институт охраны налоговых отношений, институт охраны предпринимательства, институт охраны миграционной безопасности, институт охраны регистрационной дисциплины и т.д.

Институт Особенной части уголовного права, при таком подходе, с одной стороны, обеспечивает целостную, всестороннюю охрану некоего объекта, реализуя охранительную функцию уголовного права, и одновременно с другой стороны, обеспечивает регулирующее воздействие на эти охраняемые общественные отношения. Сказанное не означает, что уголовно-правовые институты не выполняют непосредственно регулятивной функции. Отрицать наличие у уголовного права регулятивной функции недопустимо. Однако отношения, составляющие предмет уголовно-правового регулирования (то есть те отношения, которые возникают между

государством и лицом, совершившим преступление, с момента совершения преступления), не могут быть дифференцированы на группы или виды в зависимости от того, какими институтами Особенной части уголовного права они регулируются. Урегулированные различными институтами Особенной части уголовного права, эти отношения не являются различными правоотношениями, и потому сами по себе не составляют критериев систематизации уголовно-правовых институтов. Предмет, метод, режим регулирования уголовно-правовых отношений в рамках различных институтов Особенной части уголовного права являются идентичными. Соответственно, сами эти отношения, предписания, которые их регулируют, юридические факты, в связи с которыми они возникают, иными словами – любые юридические характеристики отрасли уголовного права не могут выступать основой формирования и систематизации институтов Особенной части уголовного права¹.

Такой подход к пониманию основ систематизации институтов Особенной части уголовного права ставит дополнительно, как минимум, два важных вопроса: об их видовом разнообразии и о характеристике системных связей между отдельными институтами. Эти вопросы тесно взаимосвязаны, учитывая содержание связей между различными институтами во многом определяется их видовой принадлежностью, а потому требуют специального анализа.

Вопрос о видах институтов Особенной части уголовного права практически не исследуется в науке. Самый общий подход состоит в признании всех этих институтов предметными² (а не функциональными) и правоохранными³ (а не регулятивными). То есть, с одной стороны, все институты Особенной части относятся к одним и тем же группам институтов,

---

¹ Совершенно иным является подход к выделению и систематизации институтов Общей части уголовного права, в которых метод регулирования собственно уголовно-правовых отношений, или отдельные виды, участки именно этих отношений, составляющих предмет отраслевого регулирования, служат критериями формирования и обособления правовых институтов. Однако обсуждение этой проблемы выходит за пределы нашего исследования.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 86.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 170.

выделяемым в зависимости от различных оснований, а с другой стороны, а с другой стороны, эти группы поглощают собой все институты Особенной части уголовного права. По сути, при таком решении мы имеем дело не с классификацией институтов Особенной части, а с определением их видовой принадлежности с точки зрения общего институционального строения отрасли, установлением их места в общей системе институтов уголовного права. Должно быть очевидно, что в данном случае *проблема классификации самих институтов Особенной части в науке не решается и остается открытой.*

Приступая к ее обсуждению, заметим в порядке методологического наблюдения, что ключевой вопрос любой классификации – выбор критерия для градации объекта – применительно к исследованию институтов Особенной части уголовного права не должен ограничиваться исключительно рамками универсального подхода к градации правовых институтов. Специфика объекта познания в данном случае предполагает и оправдывает возможность использования в качестве дополнительных критериев градации институтов Особенной части некоторых обстоятельств, которые свойственны только этим институтам, и которые в силу этого представляют повышенный исследовательский интерес.

Применение общих, универсальных оснований классификации правовых институтов позволяет представить следующие рассуждения.

1. Широко распространен в теории права подход, согласно которому *все институты по содержанию доминирующей функции подразделяются на предметные и функциональные*¹. Предметный институт в данном случае определяется как группа норм, обособившаяся в соответствии с общностью предмета правового регулирования, а функциональный институт – как

---

¹ См. подробнее: Аслаян Р.Г. Виды институтов особенной части уголовного права // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: Сборник материалов XIII Российского конгресса уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2022. – С. 154 – 158.

группа норм, призванная дать «сквозное» регулирование отдельной операции в правовом регулировании¹.

Как правило, потенциал этой классификации не используется при анализе институтов Особенной части. Между тем, она открывает весьма важные перспективы. Общее назначение институтов Особенной части уголовного права – определить круг деяний, которые требуют запрета и установить ответственность за нарушение этого запрета. Однако установление ответственности в свете конституционных начал уголовно-правового регулирования не может восприниматься ограничительно – только лишь как криминализация того или иного деяния. Конституционный Суд РФ в своих многочисленных решениях неоднократно подчеркивал: «принимая решение о криминализации деяния, законодатель обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести – в силу принципа справедливости – дифференциацию уголовной ответственности»²; законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, способствующих адекватной оценке общественной опасности деяния и совершившего преступление лица, и применение одинаковых мер ответственности за различные по степени общественной опасности преступления противоречит конституционному запрету дискриминации, принципам справедливости и гуманизма³.

---

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 141 – 142.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1. – Ст. 2812; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 5.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2002 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Останкинского

Дифференциация ответственности, таким образом, вполне может рассматриваться в качестве необходимого содержательного элемента процесса установления уголовной ответственности. Криминализация и дифференциация ответственности – двуединый процесс, ибо невозможно дифференцировать ответственность в случае, когда она не установлена, но в тоже время ответственность не может считаться в должной степени установленной, если она не дифференцирована. Дифференциация ответственности пронизывает все содержание уголовного закона. В Особенной части она объективно сопровождается конструированием соответствующих нормативных предписаний, подчиненных задаче усиления или смягчения ответственности, предписаний, содержащих указание на квалифицирующие или привилегирующие признаки состава преступления.

Выполнение функции дифференциации ответственности определенной группой нормативных предписаний Особенной части уголовного права ставит вопрос о возможности признания за ними институциональной природы. В современной науке некоторые авторы аргументируют тезис о наличии в структуре отрасли уголовного права функционального института квалифицирующих признаков¹. Другие, не оспаривая этой идеи по существу, верно замечают, что «признаки, квалифицирующие преступление, нормами права явно не являются. Они являются тем, что правовой нормой устанавливается, то есть результатом существования такой нормы», в связи с чем ведут речь «не об институте признаков, квалифицирующих преступление, а об институте дифференциации ответственности с использованием признаков, квалифицирующих преступление, как совокупности норм, которыми устанавливаются эти признаки, определяется

межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 3; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 2.

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 163; Орешкина Т.Ю. Современное состояние института квалифицирующих признаков // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Российского конгресса уголовного права (26 – 27 мая 2011 года) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: проспект, 2011. – С. 261 – 263.

содержание и соотношение с другими средствами разграничения уголовной ответственности, устанавливается изменение наказуемости в связи с наличием указанных признаков и т.п.»¹.

Поддерживая и развивая эту идею (тем более, что дифференциация ответственности в Особенной части УК РФ осуществляется не только посредством квалифицирующих признаков, но и посредством нетипичных предписаний, например, примечанием 2 к ст. 134 УК РФ или примечанием к ст. 151 УК РФ), полагаем необходимым связать ее с представленными ранее рассуждениями о единстве правовой природы административно-деликтного и уголовного права, и на этой основе расширить систему институтов, функционально предназначенных для дифференциации ответственности, включив в нее все группы нормативных предписаний, которые ранжируют ответственность за посягательства на тот или иной объект охраны. В этом случае *система функциональных институтов Особенной части уголовного права, в зависимости от их отношения к функции дифференциации ответственности, может быть представлена как структура, включающая в себя институт ответственности за административные деликты, институт ответственности за преступление и институт ответственности за преступление с квалифицирующими признаками.*

Стоит, однако, отметить, что дифференциация ответственности не является единственной специфической функцией уголовно-правовых предписаний. Наряду с ней, особенно в последнее время, уголовное право, в том числе и посредством положений Особенной части, все активнее осваивает и иные функции, в частности, функцию поощрения. В теории права можно считать доказанным, что комплекс поощрительных правовых норм в системе права позволяет конструировать самостоятельный комплексный межотраслевой функциональный правовой институт². Это утверждение вполне справедливо и для отраслевого уровня анализа, в том

¹ Кондратюк С.В., Румянцев П.А. Система и системность использования квалифицирующих признаков преступления // Хуманитарни Балкански изследвания. – 2019. – Т.3, № 3 (5). – С. 114.

² Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 8.

числе уголовно-правового¹, при котором институт поощрения может рассматриваться как элемент отраслевой системы.

Поощрительные предписания в Особенной части уголовного права представлены, прежде всего, многочисленными примечаниями к отдельным статьям уголовного закона, в которых формулируются специальные основания освобождения от уголовной ответственности в случае прекращения лицом преступной деятельности и совершения некоторых позитивных постпреступных действий (см., например, примечания к статьям 110.2, 122, 126, 127.1, 134, 145.1, 178 и др. УК РФ). Эти примечания выполняют единую сквозную функцию, стимулируя лиц к позитивному поведению и гарантируя применение в отношении них поощрительных санкций в виде освобождения от уголовной ответственности. Эти обстоятельства дают основание утверждать, что *в структуре Особенной части уголовного права вполне сложился функциональный поощрительный институт освобождения от уголовной ответственности.*

Рассматривая и оценивая функциональные институты, важно вместе с тем подчеркнуть, что понятие функционального института в известном смысле относительно. Как указывает С.С. Алексеев, функциональные институты могут получить такую характеристику лишь по отношению ко всем другим, предметным институтам. Если же рассматривать функциональные институты изолированно, то у каждого из них, разумеется, есть свой участок общественных отношений, а нередко ему соответствует и особая разновидность отношений².

2. Еще одним *общим критерием классификации правовых институтов выступает степень нормативного обобщения, следуя которой выделяют институты, различающиеся уровнем дифференциации и интеграции правовых предписаний.* В уголовном праве эта градация наиболее полно была

---

¹ См., например: Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: Вопросы теории, нормотворчества и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2002; Семенов И.А. Поощрительные нормы в уголовном законодательстве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002; Бабаян С.Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права: теория и практика применения: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014.

² Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 143.

разработана В.П. Коняхиным, который предложил выделять пять видов правовых институтов: типовой (соответствует разделу, имеющему поглавную структуру), родо-типовой (соответствует разделу, не имеющему поглавной структуры), родовой (объединение предписаний на уровне главы), видовой (соответствует группе статей внутри главы) и основной (существует на уровне отдельной статьи закона)¹. Отдельно, наряду с этой градацией В.П. Коняхин говорит о субинститутах – объединении предписаний на уровне отдельной части статьи уголовного закона, которые, по его мнению, не могут входить в систему институтов уголовного права.

Этот подход критикуется в науке за его исключительную «привязку» к структуре уголовного закона². Однако эта критика не вполне оправданна, учитывая, что в авторской классификации В.П. Коняхина допускается наличие уголовно-правовых институтов (в частности, видовых институтов), не имеющих формального закрепления на уровне обособленного структурного элемента уголовного закона. Более того, по нашему мнению, такая градация не только теоретически допустима, но и может стать основой для дальнейшего развития учения об институтах уголовного права.

Для начала полагаем необходимым уточнить дискуссионный вопрос о субинститутах уголовного права³. Из анализа работы В.П. Коняхина создается впечатление, что он фактически «выводит» субинститут за пределы института права, отмечая, что субинститут не оформлен юридико-техническими средствами как основной правовой институт. Между тем, представляется, что попытка обосновать наличие субинститута за пределами института права едва ли может быть оправданна теоретически; субинститут может существовать только как элемент, часть института права⁴. По этой

---

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 171 – 172.

² Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 167.

³ См. об этом: Асланян Р.Г. Институт и субинститут уголовного права: критерии обособления // 30 лет юридической науке КУБГАУ: Сборник науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. – Краснодар: КубГАУ, 2021. – С. 122 – 128.

⁴ См. об этом: Орехов В.В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 3 (48). – С. 51 – 55.

причине вопрос о соотношении каждого предыдущего и последующего института в их вертикальной градации, предложенной В.П. Коняхиным, не может решаться вне учета категории «субинститут».

Показательна в этом отношении позиция С.А. Елисеева. Он пишет: «Нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступлений, имеющих один и тот же родовой объект уголовно-правовой охраны (...), образуют институты Особенной части – институт преступлений против личности; институт преступлений в сфере экономики; институт преступлений против общественной безопасности и общественного порядка; институт преступлений против государственной власти, институт преступлений против военной службы; институт преступлений против мира и безопасности человечества. Большинство институтов Особенной части состоит из подинститутов. Подинституты образуют нормы, имеющие один и тот же видовой объект уголовно-правовой охраны. Так, институт преступлений против личности включает в себя следующие подинституты: преступления против жизни; преступления против здоровья; преступления против личной свободы; преступления против чести и достоинства личности; преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности; преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина; преступления против несовершеннолетних; преступления против семьи»¹.

Как видим, в данном случае нормативные общности, именуемые В.П. Коняхиным родовыми институтами Особенной части уголовного права, позиционированы С.А. Елисеевым в качестве субинститутов одного правового института.

Такое решение вопроса представляется нам неточным. Надо принять во внимание, что критерий, в соответствии с которым выделяются или объединяются в структуре Особенной части уголовного закона отдельные

---

¹ Елисеев С.А. Понятие Особенной части уголовного права // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 361. – С. 105 – 105.

правовые институты, только один – объект уголовно-правовой охраны (с чем согласились 78% опрошенных нами экспертов). *Объект охраны служит «точкой притяжения» отдельных предписаний в рамки одного института, он же выступает «точкой разграничения» различных институтов Особенной части уголовного права. Объект охраны не может служить одновременно критерием вычленения в структуре отрасли иных правовых общностей, в частности, подинститутов.* Более того, если подинститут может существовать только в рамках того или иного правового института, то объект охраны предписаниями, образующими подинститут, не может отличаться от объекта, составляющего критерий вычленения института права.

С учетом этих соображений мы, с одной стороны, не можем поддержать позицию С.А. Елисеева, а с другой стороны, полагаем необходимым уточнить построения В.П. Коняхина. В основу выделения различных институтов Особенной части уголовного права, исходя из степени общности нормативных предписаний, должны быть положены представления о родо-видовых отношениях между объектами уголовно-правовой охраны. Вопрос этот вполне самостоятельный и выходит далеко за пределы нашего анализа. Остановимся только на одном его аспекте, значимом для построения классификации институтов Особенной части уголовного права. Речь идет об объекте, который охраняется той или иной статьей Особенной части уголовного закона, которая, в свою очередь, следуя логике В.П. Коняхина, служит выражением «основного» уголовно-правового института.

Такой объект традиционно именуется «непосредственным», под ним понимается общественное отношение, которое «охраняется уголовным законом от отдельных видов преступных посягательств, выраженных в уголовно-правовых нормах посредством конкретных составов преступлений»¹. Определенные группы составов преступлений имеют один

---

¹ Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – С. 222. См. также: Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1988. – С. 89;

непосредственный объект (например, преступления, предусмотренные положениями статей 158 – 168 УК РФ, все посягают на отношения собственности, а преступления, предусмотренные статьями 198 – 199.2 УК РФ, посягают на налоговые правоотношения и т.д.). В некоторых случаях законодатель объединяет соответствующие предписания и позиционирует их на уровне отдельной структурной единицы текста Особенной части уголовного закона (как в ситуации с преступлениями против собственности), в других случаях (и таких большинство) – такой структуризации не происходит.

Однако различия в законодательном решении о композиционном представлении предписаний, охраняющих один и тот же непосредственный объект, не должны вводить в заблуждение при исследовании институционального строения Особенной части уголовного права (в виду многократно отмеченного несовпадения структуры Особенной части уголовного права и закона). По нашему представлению, единство непосредственного объекта уголовно-правовой охраны служит ключевым признаком, позволяющим выделить «основной институт» в системе Особенной части уголовного права.

Таким образом, тезис В.П. Коняхина о том, что основной отраслевой институт существует на уровне отдельной статьи уголовного закона, применительно к системе Особенной части должен быть уточнен: такая ситуация потенциально возможна лишь в случае, когда тот или иной непосредственный объект уголовно-правовой охраны защищен одной единственной статьей уголовного закона¹. В иных ситуациях, когда один и тот же непосредственный объект охраняется несколькими статьями

Российское уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – С. 175 (автор главы – Н.В. Огородникова).

¹ Для примера приведем ст. 281 УК РФ, предусматривающую ответственность за диверсию, которая единственная традиционно обособляется от иных преступлений против безопасности государства на основании объекта уголовно-правовой охраны – «основ экономической безопасности». См., например: Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. – М.: Норма, 1999. – С. 16 – 17; Бошук В.А. Теоретические основы уголовно-правовой политики в сфере государственной безопасности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – С. 20; Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 107.

уголовного закона, вся совокупность этих статей образует основной институт Особенной части уголовного права.

Теоретическое восхождение по логике родо-видовых отношений от непосредственного объекта уголовно-правовой охраны к объектам видовым, родовым, типовым может приводить к конструированию корреспондирующих уголовно-правовых институтов Особенной части уголовного права. Другое дело, что *в виду отсутствия в науке согласованного мнения относительно «вертикальной градации» объектов уголовно-правовой охраны, описание укрупненных правовых институтов в литературе всегда является итогом во многом субъективных авторских взглядов и предпочтений*, а нормативная структура Особенной части уголовного закона практически никогда не совпадает с теоретическими построениями институционализации уголовного права.

Это обстоятельство не является сугубо российской особенностью. Как показывают специальные исследования, к примеру, по Особенной части немецкого уголовного права, теоретическая систематизация нормативных предписаний здесь также практически никогда не соответствует строго структуре уголовного закона¹. Полагаем, что это вполне закономерно, ибо система институтов Особенной части уголовного права, хотя и является объективным феноменом, всегда предстает перед нами как некое отражение в сознании того или иного исследователя либо законодателя, а потому несет на себе субъективный отпечаток. В этом нет серьезной проблемы. Гораздо важнее в контексте нашего исследования подчеркнуть главный принцип формирования такой системы – каждому институту Особенной части корреспондирует непосредственный объект уголовно-правовой охраны. Возможные и неизбежные различия в последующем развертывании этого принципа и «выведение» различных институтов Особенной части уголовного

---

¹ См.: Серебренникова А.В. Уголовно-правовая доктрина ФРГ о системе Особенной части Уголовного кодекса Германии // Интерактивная наука. – 2016. – № 7. – С. 59 – 62; Серебренникова А.В. К вопросу о системе Особенной части УК ФРГ: исторический аспект // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права (30 – 31 мая 2013 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 635 – 638.

оправда не является недопустимым. В тоже время *совмещение представлений о юридической конструкции, лежащей в основе института Особенной части уголовного права, объекте уголовно-правовой охраны и классификации институтов по степени обобщения нормативных предписаний следует рассматривать в качестве значимого методологического положения.*

3. Важным направлением исследования институтов Особенной части уголовного права является их *градация на основе содержания видового объекта уголовно-правовой охраны, согласно которой предметные правоохранные институты подразделяются на множество видов, как правило, корреспондирующих уровню главы в структуре уголовного закона.*

В строгом смысле слова ее невозможно назвать классификацией, поскольку деление всех институтов на основе признаков объекта охраны не является дихотомическим, но уделить внимание такой градации необходимо по той причине, что именно она формирует структуру Особенной части уголовного закона. Это деление тесно связано с классификацией институтов по степени обобщенности нормативных предписаний, но отражает иной, не столько формальный, логический аспект проблемы, сколько содержательный. Обращение к этой градации представляется необходимым еще и в связи с тем, что несмотря на свою устойчивость и общепризнанность, она в ряде случаев подвергается критике, которая стимулирует исследователей к пересмотру основ систематизации уголовно-правовых институтов.

С осторожной критикой системы Особенной части уголовного права, построенной на основе признака объекта, выступили крупнейшие отраслевые специалисты В.Н. Кудрявцев и В.В. Лунеев. Они, в частности, отметили: «такая широко распространенная классификация в уголовном праве, как система различных видов и групп преступлений в уголовных кодексах многих стран по родовому и видовому объектам посягательства, по сути своей является искусственной, нередко компромиссной и ситуативной. Она, конечно, как-то коррелирует с криминологическими, экономическими,

социальными, политическими и даже международными реалиями. Но эта корреляция является слабой и неполной, поскольку сама классификация не имеет строго системной научной основы. Нельзя сказать, что распределение видов деяний по разделам и главам не обосновывается, но такие обоснования большей частью являются условными и субъективно оценочными. При отсутствии четких научно обоснованных и объективных критериев систематизации норм Особенной части в уголовно-правовом законодательстве главным может оказаться воля законодателей, а в научном толковании – субъективные фантазии авторов. А они неустойчивы и изменчивы»¹.

В.Н. Кудрявцев и В.В. Лунеев воздерживаются от каких-либо предложений, направленных к корректировке существующей системы Особенной части. Однако иные специалисты высказывают достаточно радикальные суждения.

Так, еще Н.И. Коржанский писал: «При построении Особенной части уголовного законодательства необходимо учитывать также потребности криминологической и пенитенциарной практики. С этой целью некоторые преступления можно объединить в отдельные группы не только по признакам объекта, но и по характеру антисоциальных побуждений их совершения и общим криминологическим свойствам личности субъекта»².

На необходимость выработать для систематизации предписаний в Особенной части уголовного права критерии, относящиеся к субъективной стороне преступления, указывает В.А. Нерсесян. Он предлагает, в частности, объединить все неосторожные преступления в самостоятельную главу Особенной части Уголовного кодекса – «Неосторожные преступления», которая могла бы быть разбита на два подраздела. Первый – «Общепасные неосторожные преступления» – включал бы все нормы о преступлениях, связанных с использованием человеком веществ и энергии огромной

---

¹ Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 54 – 66.

² Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – С. 79.

разрушительной силы, техники, включая транспорт, управлять которыми или ставить предел вредоносному воздействию которых эти лица оказываются неспособными. Второй – «Иные неосторожные преступления»¹.

О поиске иных классификационных оснований построения структуры Особенной части УК РФ пишет М.С. Кириенко. При этом, в отличие от иных специалистов, он ведет такой поиск в области исследования объективных признаков преступлений. «Сходство объективной стороны ряда преступлений позволяет сделать вывод о существовании «видовой объективной стороны» (например, хищение, принуждение, публичные призывы, создание и участие в незаконных организациях, сообществах, формированиях, незаконный оборот или изготовление предметов, изъятых или ограниченных в обороте, нарушение специальных правил безопасности, оскорбление и клевета, подкуп и др.), использование которой представляется наиболее приемлемым для формирования структурных уровней системы Особенной части УК РФ»².

Содержательно близкие суждения высказывает В.И. Плохова: «Особенную часть уголовного права можно представить и более плодотворно изучать в виде разновидностей институтов нормативно-правовых предписаний, признаки которых описывают отдельные виды деструктивной деятельности, то есть традиционно в основу систематизации кладутся отдельные виды только охраняемой, конструктивной деятельности, то в предлагаемом варианте объединяются уголовно-правовые нормы, а точнее – статьи УК РФ, в которых закреплены однотипные виды преступной деятельности. Эти нормы рассредоточены в статьях всей Особенной части УК РФ, охраняющих одни и те же общественные отношения, интересы в качестве как основного, так и дополнительного (и факультативного)

---

¹ Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. – М., 2006. – С. 10 – 11.

² Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2015. – С. 8, 19.

объектов»¹. К таковым институтам автор относит, в частности, институт насилия, хищения, нарушения правил безопасности при проведении работ и т.д.

Как видим, в науке не прекращается дискуссия о критериях институционального строения Особенной части уголовного права. Включаясь в нее, полагаем необходимым обратить внимание на принципиально значимый момент. *Систематизация преступлений (и описывающих их правовых предписаний) в зависимости от объективных или субъективных признаков состава, вне сомнений, полезна и необходима. Однако она, как представляется, не имеет прямого отношения к институциональному строению отрасли.* Во-первых, те или иные признаки объективной стороны или мотивов преступлений не являются универсальными, могут быть присущи лишь некоторой группе преступных посягательств (в отличие от объекта уголовно-правовой охраны), и по этой причине не могут выступать единым критерием градации всех нормативных предписаний Особенной части, не позволяют провести градацию всего массива этих предписаний. Во-вторых, эти критерии плохо согласуются с самим понятием правового института и его конститутивными признаками, не способствуют ни выяснению его связи с формирующей социальной средой, ни раскрытию социальных функций института.

С учетом этих обстоятельств, *использование иных, помимо объекта уголовно-правовой охраны, признаков для построения системы институтов Особенной части уголовного права не только не представляется необходимым, но и выглядит неоправданным с методологической точки зрения.*

Вместе с тем, высказанные в литературе идеи могут служить предпосылкой для иного направления в анализе системы Особенной части уголовного права.

---

¹ Плохова В.И. Системное толкование норм Особенной части уголовного права. – М.: Юритинформ, 2011. – С. 8.

Так, к примеру, М.С. Жук использует их в рассуждениях о градации уголовно-правовых институтов на дифференцированные и интегральные. Он отмечает: «Дифференциация правового материала немыслима без встречного процесса его интеграции, объединения. В связи с этим развитие системы дифференцированных институтов сопровождается становлением и развитием институтов интегральных, которые представляет собой комплекс норм, закрепляющих общую правовую конструкцию, в преломленном виде выраженную в дифференцированных институтах. В уголовном праве, по нашему мнению, такими интегральными институтами следует признать институт хищения, институт причинения вреда здоровью и некоторые другие»¹.

Не исключая такой возможности, заметим, что интеграция уголовно-правовых предписаний, рассредоточенных в различных главах Особенной части уголовного закона, на основе некоей общей конструкции, приводит к формированию нормативной общности, которая в теоретическом отношении должна быть представлена не столько в качестве интегрального, сколько в качестве комплексного института. Вопреки распространенному мнению о том, что комплексный институт всегда есть институт межотраслевой², С.В. Поленина, на наш взгляд, убедительно доказала, что комплексный институт может существовать и внутри отдельно взятой отрасли, представляя собой как бы «вторичную перегруппировку норм данной отрасли права, охватываемых разными отраслевыми институтами»³. Именно такая «вторичная перегруппировка» на основе критериев формы вины происходит в ситуации обособления неосторожных преступлений, а на основе признаков объективной стороны – при выделении институтов хищения, причинения вреда здоровью, нарушения правил безопасности при производстве работ и

---

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 164 – 165.

² Сырых В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 22 – 27.

³ Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 74. См. также: Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 95.

т.д. Такие комплексные институты могут представлять самостоятельный исследовательский интерес, но они, по нашему убеждению, выступают не элементом институционального строения, а инструментом теоретического познания нормативных правовых предписаний.

Гораздо перспективнее, как представляется, *использование идеи систематизации преступлений на основе признаков, альтернативных объекту, при изучении субинституционального уровня системы Особенной части уголовного права.*

В этом случае в рамках основных институтов допустимо и целесообразно выделение относительно самостоятельной общности нормативных предписаний, объединенных каким-либо признаком, отличным от признака основного объекта уголовно-правовой охраны, - субинститута Особенной части уголовного права. Такие общности, во-первых, будут ограничены только рамками интегрирующего их правового института, и соответственно, будут иметь единый объект уголовно-правовой охраны и единой социальное предназначение. Во-вторых, принимая во внимание дискретный характер субинститутов, их ограниченность рамками основного института, будут содержательно различаться как субинституты в пределах одного института, так и субинституты, тяготеющие к различным основным институтам. В-третьих, принимая во внимание соотношение института и субинститута, субинституты не будут поглощать собой все содержание правовых предписаний, образующих институт права.

С этих позиций, к примеру, возможно в рамках института уголовной ответственности за преступления против собственности выделить субинститут хищений и субинститут уничтожения или повреждения имущества, которые, с одной стороны интегрируют, а с другой стороны, различают предписания об ответственности за посягательства на собственность в зависимости от особенностей деяния и последствий для объекта уголовно-правовой охраны. В рамках института ответственности за преступления против несовершеннолетних можно выделить субинститут

ответственности за деяния, связанные со склонением подростков к деструктивным, общественно опасным практикам. В рамках института ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности можно выделить субинститут насильственных половых преступлений, и т.д.

Вычленение субинститутов при этом не должно рассматриваться в качестве самоцели. В их основе – не субъективные представления исследователя о целесообразной градации преступлений определенного вида, но объективные, в том числе – криминологические, на что обращали внимание В.Н. Кудрявцев и В.В. Лунеев, факторы: особенности мотивации преступлений, механизм причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, имеющие уголовно-правовое значение данные о личности преступника и т.д. Важно подчеркнуть, что эти признаки тесно взаимосвязаны, а порой и взаимозависимы (к примеру, деяние при хищении «задает» и форму вины, и характер последствий). В этой связи вряд ли можно говорить о возможности выделения субинститутов уголовного права на основе какого-либо одного, объективного или субъективного признака преступления. Критерием здесь всегда выступает комплекс признаков, позволяющий обособить в пределах правового института предписания об ответственности за некоторую, относительно самостоятельную группу посягательств.

Этот комплекс корреспондирует известному науке понятию родового (иногда его называют «видовым») состава преступления. В специальных исследованиях это понятие используется достаточно широко. Так, изучая видовой состав воинского преступления, В.П. Бодаевский указывает, что он «необходим, ... чтобы определить в процессе квалификации отдельную группу положений в пределах главы Особенной части УК, где предусмотрены признаки деяния, похожего на то, которому дается уголовно-

правовая оценка»¹. Р.Д. Шарапов в своей работе аргументирует наличие родового состава физического насилия, признавая, что «родовой состав преступления – это совокупность определяемых уголовным законом общих юридических признаков, характеризующих однородную группу преступлений»². С аналогичных позиций С.В. Расторопов обосновывает родовую состав преступлений против здоровья человека³.

Не углубляясь в теории состава преступления, может заключить в контексте нашего исследования, что именно *конструкция видового состава преступления позволяет дополнить представления об институциональном строении отрасли уголовного права, поскольку способна выступить надежным основанием для вычленения в структуре основных институтов Особенной части уголовного права отдельных субинститутов* (этот тезис поддержали 64% опрошенных нами экспертов).

Рассмотрев вопрос о видах институтов Особенной части и основах их систематизации, представляется необходимым вернуться к исходному тезису о том, что эти институты являют собой определенную систему, а следовательно, принципиальное значение в их познании приобретает не только проблема структурирования нормативного материала, но и выяснение характера и содержания связей между отдельными элементами этой структуры.

В силу общей слабости теории институтов уголовного права, вопрос о видах системных связей между элементами системы институтов Особенной части уголовного права обсуждается крайне слабо. В теоретическом отношении представляется необходимым подчеркнуть, что *в силу многоуровневости самой системы уголовного права, системные связи институтов Особенной части должны также рассматриваться на различных уровнях*: во-первых, это связи между нормативными

---

¹ Бодаевский В.П. Состав преступления против военной службы: понятие, особенности и отличие от смежных категорий // Право и государство: теория и практика. – 2015. – № 10 (130). – С. 117.

² Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2001. – С. 32 – 33.

³ Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2006. – С. 185 – 205.

предписаниями, которые образуют институт Особенной части; во-вторых, это связи между всей совокупностью институтов Особенной части (и каждым из них в отдельности) с совокупностью институтов Общей части уголовного права (и каждым из них в отдельности); в-третьих, между различными институтами Особенной части уголовного права; в-четвертых, между институтами Особенной части уголовного права и иными элементами системы права в целом. Очевидно, что весь комплекс этих связей в рамках настоящей работы проанализировать в полной мере не представляется возможным. Более того, важные и не теряющие своей значимости рассуждения относительно содержания и видов внутриотраслевых и межотраслевых системных связей уголовного права уже представлены в литературе¹. Поэтому мы сосредоточимся на исследовании только одного аспекта проблемы – характере связей между самими институтами Особенной части уголовного права. При этом надо учесть, что эти *связи между компонентами Особенной части уголовного права также различаются в зависимости от уровней этой системы*. В нашем случае мы будем рассуждать о системных связях между основными, предметными, правоохранительными институтами, образующими базовый каркас системы Особенной части уголовного права.

Исследование вопроса о видах системных связей внутри системы права приводит специалистов к выводу, что таковыми выступают, прежде всего, структурные связи (связи строения), субординационные, координационные связи и связи управления². Применительно к решению вопроса о видах связей между институтами Особенной части уголовного права один из наиболее распространенных подходов заключается в констатации наличия между ними отношений субординации. Связи субординации, напомним,

---

¹ См., например: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / под ред. А.В. Наумова. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т. 1998; Жук М.С. Институты Общей и Особенной частей уголовного права: внутриотраслевые связи и соотношение // Общество и право. – 2010. – № 3 (30); Жук М.С. Методология системного анализа институтов российского уголовного права // Общество и право. – 2012. – № 1(38); Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2019.

² См.: Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – № 8; Шундииков К.В. Системные связи в правовой жизни общества // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 3.

предполагают наличие между элементами системы отношений иерархичности и соподчиненности, они характеризуют компоненты, находящиеся на различных уровнях системной организации.

По этому поводу В.К. Дуюнов прямо пишет, что строение институтов Особенной части иерархично и отражает установленную Конституцией РФ шкалу социальных ценностей и требования приоритетной защиты прав и свобод человека и гражданина¹. Таково же мнение В.Н. Винокурова². А.В. Грошев, хотя и не говорит прямо о наличии иерархии в системе Особенной части уголовного права, тем не менее подчеркивает аксиологический (ценностный) критерий ее построения и утверждает о выражении этой системой конституционных приоритетов уголовно-правовой охраны³.

В связи с этими суждениями в науке развивается дискуссия о приоритетах уголовно-правовой охраны и оптимальной, с точки зрения ценностной иерархии объектов охраны компоновке институтов в структуре Особенной части уголовного права. Высказываются аргументы как в пользу приоритетной охраны личности⁴, так и противоположные тезисы о необходимости первоочередной охраны интересов общественных, государственных (в целом – коллективных)⁵.

Эта дискуссия имеет во многом уголовно-политический характер и напрямую связана с вопросами конституционализмами уголовного права, где освещается достаточно подробно⁶. Однако конституционный подход к

---

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. – М.: РИОР, 2008. – С. 12.

² Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 30.

³ Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина. М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – С. 49.

⁴ Наумов А.В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006. – С. 409 – 410; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., испр и доп. – М.: Юстицинформ, 2010. – С. 10.

⁵ Борисов В.И. Решение вопросов Особенной части в новом Уголовном Кодексе Украины // Уголовное право в XXI веке: материалы Международ. науч.-практ. конф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2001 г.). – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 78.; Мальцев В.В. Введение в уголовное право. – Волгоград: ВА МВД России, 2000. – С. 141; Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 37.

⁶ См. об этом: Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. – М.: Проспект, 2021.

ценностной оценке объектов охраны свидетельствует о том, что между ними нет и не может быть иерархичных отношений¹. К этой идее склоняется и ряд специалистов в области уголовного права². Полагаем, что она должна быть всецело поддержана. Сам факт установления уголовной ответственности за посягательство на то или иное правовое (конституционное) благо свидетельствует о том, что его ценность заслуживает мер уголовно-правовой защиты, и в этом отношении все охраняемые ценности равнозначны. Дифференциация же уголовной ответственности происходит внутри уголовного права не на основании значимости самого охраняемого блага, а на основании иных признаков, отражающих объем и интенсивность причиняемого деянием виновного лица вреда.

Принимая во внимание сказанное, надо сделать вывод о том, что в отсутствие ценностей иерархии объектов уголовно-правовой охраны, между институтами уголовного права нет и не может быть иерархических, субординационных отношений.

В основе их системной взаимосвязи лежат иные характеристики.

Во-первых, это *структурные связи системы*, которые обусловлены генетическими характеристиками институтов уголовного права. Поскольку такие институты восходят к тем или иным социальным, социально-правовым институтам, которые требуют уголовно-правовой охраны, и образуют ценностно-нормативную систему общества, структура Особенной части должна в полной мере коррелировать системе этих социальных институтов. Это обеспечивает полноту и беспробельность системы Особенной части уголовного права, ее соответствие социальным реалиям, гарантирует адекватность системы Особенной части социальным

---

¹ Зорькин В.Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития // Журнал конституционного правосудия. – 2018. – № 4 (64). – С. 4, 7; Несмеянова С.Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 72 – 74; Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – С. 8 – 9.

² Герасимов А.М. Объект уголовно-правовой охраны и его параметры // Ex jure. – 2021. – № 3. – С. 179; Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2001. – С. 26.

потребностям общества и надлежащее качество выполнения уголовно-правовой отрасли своей охранительной функции.

Во-вторых, это *связи координации между элементами системы*. Когда система институтов Особенной части адекватно отражает систему охраняемых социальных институтов, каждый отдельный уголовно-правовой институт не может существовать изолированно, а система таких институтов не есть дискретное их множество. Взаимосвязь охраняемых социальных благ требует соответствующей взаимосвязи уголовно-правовых институтов.

В раскрытии механизма такой взаимосвязи и координации значимыми представляются известные в системологии рассуждения о наличии у элементов любой системы «входа» и «выхода». На входе элемент получает воздействие со стороны других элементов, а на выходе вырабатывает, в свою очередь, воздействия на связанные с ним элементы. С этих позиций под связью координации можно понимать такое отношение между элементами, при котором «выход» одного элемента одновременно является «входом» какого-либо другого элемента. *В рамках системы институтов Особенной части уголовного права их координирующее взаимодействие обеспечивается посредством различных юридико-технических практик*: использованием терминологии одного института в рамках другого института, конструированием сложных (составных) составов преступлений, конструированием смежных составов преступлений, разграничением составов формальных и материальных и т.д. Так, например, использование в институте ответственности за хищение такого квалифицирующего признака, как применение насилия, обеспечивает взаимодействие этого института с институтами ответственности за преступления против здоровья; а использование в институте ответственности за преступления против конституционных прав и свобод граждан признака «совершение преступления должностным лицом» гарантирует взаимодействие этого института с предписаниями об ответственности за преступления должностных лиц за преступления против интересов государственной власти

и службы. Посредством таких практик создается перекрещивающаяся (в известном отношении – сетевая) структура, которая гарантирует целостное, беспробельное и непротиворечивое выполнение уголовным законом его охранительных функций. Координирующее взаимодействие между институтами Особенной части уголовного права обеспечивает эластичность системы, ее способность приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям, компенсировать содержательные колебания в отдельных институтах, а порой и пробелы в законодательстве.

Подводя итоги исследованию проблем классификации и систематизации институтов Особенной части уголовного права, полагаем возможных сформулировать следующие, на наш взгляд, значимые положения:

- сведение всего массива институтов уголовного права либо к правовым общностям, обслуживающим категории Общей части, либо к правовым общностям, регламентирующим ответственность за преступления различного вида, является методологически неверным; в связи с признанием исходным элементом системы права нормативного предписания, более плодотворной и оправданной выглядит идея раздельного анализа институтов Общей и Особенной части уголовного права

- решение вопросов градации и систематизации институтов Особенной части уголовного права с опорой на представления о предмете уголовно-правового регулирования, является бесперспективным; институты Особенной части уголовного права могут быть представлены в качестве системы нормативных предписаний, сгруппированных на основе подлежащих уголовно-правовой охране и институционализированных в системе общественных отношений правовых благ и интересов;

- представление об уголовно-правовых институтах Особенной части уголовного права только как о предметных правоохранительных институтах должно быть скорректировано за счет признания наличия в структуре Особенной части функциональных институтов, которые представлены: а)

поощрительным институтом освобождения от уголовной ответственности; б) институтом дифференциации ответственности;

- «точкой притяжения» отдельных предписаний в рамки основного института и одновременно «точкой разграничения» различных институтов Особенной части уголовного права выступает непосредственный объект уголовно-правовой охраны; использование иных, помимо объекта уголовно-правовой охраны, признаков для построения системы институтов Особенной части уголовного права представляется неоправданным с методологической точки зрения;

- в рамках основных институтов допустимо и целесообразно выделение относительно самостоятельной общности нормативных предписаний, объединенных признаками, отличными от признаков основного объекта уголовно-правовой охраны, - субинститута Особенной части уголовного права; надежным основанием для вычленения в структуре основных институтов Особенной части уголовного права отдельных субинститутов выступает конструкция видового состава преступления;

- системный характер институтов Особенной части уголовного права обеспечивается наличием между ними структурных связей, которые обусловлены генетическими характеристиками институтов уголовного права, и связей координации, которые обеспечиваются посредством юридико-технических практик конструирования составов преступлений;

- системные связи между элементами структуры Особенной части уголовного права гарантируют целостное, беспробельное и непротиворечивое выполнение уголовным законом его охранительных функций, обеспечивают эластичность системы, ее способность приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям, компенсировать содержательные колебания в отдельных институтах и пробелы в законодательстве.

Глава 5. СИСТЕМА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Теоретико-методологические основы исследования системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права

Современное состояние уголовного права, его содержательные, структурные и функциональные характеристики последовательно оцениваются специалистами в качестве, мягко говоря, неудовлетворительных. Сама общая и в целом согласованная позиция состоит в констатации кризиса уголовного права¹. Причем речь идет не столько об известном в 70-х годов прошлого столетия «кризисе уголовного наказания», понимаемом как неспособность наказания решить возложенные на него задачи предупреждения преступлений и исправления преступников². Кризис толкуется существенно шире – как разрушение основ уголовно-правовой политики, деструкция уголовно-правовой доктрины, уголовно-правового нормотворчества и правоприменения.

Очевидным и общепризнанным симптомом кризиса уголовного права едва ли не все исследователи признают десистематизацию уголовного закона. В результате многочисленных правок, последовавших практически сразу после вступления УК РФ в силу, «из первоначально цельного и системного акта он превратился в некое лоскутное одеяло, наполнился внутренними противоречиями, стал включать в себя совершенно ненужные для него нормы и т.д.»³. Ю.В. Голик выделяет на этом пути «три «реперных» точки». «Первая – это закон № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. Он, как сегодня признают практически все, изрядно десистематизировал Уголовный кодекс.

---

¹ Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. – 2001. – № 2. – С. 130 – 134.

² См. об этом: Гишинский Я.И. «Кризис наказания» в России: проблемы и перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2003. – № 1(6). – С. 28 – 34; Гишинский Я.И. Кризис наказания. URL: <http://old.prison.org/projects/crimjust/040209.shtml> (дата обращения: 24.02.2022).

³ Бойко А.И., Голик Ю.В., Елисеев С.А., Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Коняхин В.П., Коробеев А.И., Лопашенко Н.А., Якушин В.А. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. – 2010. – 10 июня, № 126(5205).

Вторая – это закон № 420-ФЗ от 7 декабря 2011 г., который сделал эту десистематизацию практически необратимой. Ну, а третья – весь 2012 год, который окончательно превратил Кодекс в антисистему». По оценке автора кодекс «утратил свою системность, стройность, логичность, целостность», «превратился в набор текстов, далеко не всегда связанных друг с другом», «из нормативной основы борьбы с преступностью, стал препятствием в этой борьбе, а то и пособником»¹.

Столь жесткие суждения приобретают особое звучание и особый смысл, если учесть, что десистематизация закона есть лишь внешняя, зримая характеристика отрасли уголовного права, которая скрывает протекающие в ней глубинные процессы, самым тесным образом, системно связанные с состоянием и тенденциями в целом правового и социального управления.

Это обстоятельство заставляет обратить особое внимание на феномен системности и требования системного подхода, как при организации уголовно-правового регулирования в целом, так и в процессе конструирования и реализации нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

Требования системного подхода уже давно и прочно вошли в методологический арсенал юридической науки, а утверждения о том, что право вообще и уголовное право в частности, есть системные объекты, стали общим местом всех теоретических и философских рассуждений о праве. Г.В. Мальцев оценивает применение системного подхода в юридических исследованиях в качестве «крупного прорыва в понимании природы права», итогом которого стало признание того обстоятельства, что «право, правовое регулирование – это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и

---

¹ Голик Ю.В. Нужен новый уровень кодификации // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 42 – 43.

целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной»¹.

Проблема системологического осмысления права, разумеется, не обошла стороной и отраслевую уголовно-правовую науку. Современные монографические исследования² и коллективное обсуждение³ проблем систематизации уголовного права одновременно и подчеркнуло значимость категории «система» для оптимальной организации уголовно-правового регулирования, и выявило ряд серьезных проблем и несогласованностей в соблюдении принципа системности. Восстановление и развитие системных начал уголовно-правового регулирования при этом справедливо видится в качестве одного из глобальных направлений вывода уголовного права из кризиса.

Обращаясь к теоретическим основам системного анализа Особенной части уголовного права, необходимо, прежде всего, отметить, что системность не может рассматриваться исключительно как гносеологическая установка исследователя, производная от его способности представить, сконструировать объект познания как системный. «Господствующая сегодня традиционная точка зрения – онтологическая, берущая начало от системно-онтологических концепций Спинозы и Лейбница, приписывает «системность» самим объектам действительности, задача субъекта-исследователя – обнаружить систему, ее связи и отношения, описать, типологизировать и объяснить их»⁴. Право при таком подходе само по себе есть системный объект, онтологическая природа которого собственно и

---

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – С. 70.

² Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3 т. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2007; Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018; Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2018; Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. – М.: Юрлитинформ, 2021

³ Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2007.

⁴ Микешина Л.А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 381 – 382.

предопределяет необходимость использования системного подхода в качестве адекватного методологического инструментария познания.

Тем не менее, наличие онтологических и гносеологических аспектов феномена «система» заставляет различать системность как свойство права и системный подход к исследованию права. В самом общем представлении системность есть свойство права, на познание которой направлены исследовательские усилия, тогда как системный подход есть инструмент, при помощи которого право анализируется как система.

Специалисты отмечают, что при проведении множества научных дискуссий, связанных с системностью права, проблема ставится с опорой на категорию «системность», а раскрывается применительно к категории «система», хотя это разные философские категории¹. Обращение к научным источникам позволяет в целом подтвердить это наблюдение. Большая часть исследований, посвященных системе Особенной части уголовного права (и уголовного права в целом), как правило, ограничиваются констатацией внутренней структуры изучаемого объекта и наличием системных связей между ее компонентами, которые собственно и трансформируют некоторое множество элементов в систему.

Общий взгляд на проблему понимания уголовного права как системы выразил К.В. Ображиев. Он пишет: «система – это не простой конгломерат, а такая совокупность элементов, находящихся в определенных взаимосвязях, которая во взаимодействии со средой выступает как единое целое и характеризуется появлением новых интегративных свойств. В этой связи системный подход к исследованию объектов (явлений, процессов) ориентирован, прежде всего, на изучение их целостных, интегративных свойств, которые присущи системе в целом, но отсутствуют у ее элементов, так как даже если провести глубокий анализ каждого из элементов системы (в тех случаях, когда их число позволяет это сделать), познать систему в

---

¹ Воронин М.В. Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, кн. 4. – С. 27.

целом не получится, поскольку свойства элементов хотя и оказывают влияние на свойства системы, все же не дают о них полного представления»¹.

При всей значимости системного подхода к анализу внутреннего строения уголовного права и его Особенной части, надо признать, что он отражает только один из возможных аспектов системного анализа – редуционный. Специальные же исследования выделяют в этом отношении три подхода к познанию системного объекта:

а) редуционный (аналитический) подход, который связан с декомпозицией изучаемой системы на элементы, и попытками описать функционирование этих элементов с помощью фундаментальных закономерностей;

б) эволюционный подход, акцентирующий внимание на процессах изменения, трансформации системы и закономерностях ее развития и адаптации к условиям внешней среды;

в) холистический (глобальный) подход, при котором система рассматривается как единое целое².

Представляется что если аналитика строения, а отчасти и эволюции системы уголовного права, в нашей литературе представлена весьма убедительно и широко, то реализация идей холистического подхода нуждается в дополнительном развертывании.

Д.М. Гвишиани справедливо отмечал, что «научное познание идет путем дифференциации, изучая сами подсистемы и оставляя без внимания их взаимодействие с той большой системой, в которую они входят, и которая оказывает определяющее воздействие на всю глобальную систему в целом. Чтобы понять целостность, ее системный анализ непременно должен быть дополнен глубоким системным синтезом»³. Об этом же говорит Д.А. Керимов, актуализируя системные исследования в праве: «современное

---

¹ Ображиев К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 2, № 1. – С. 92.

² Загальна теорія систем. Конспект лекцій. – Рубіжне: РФ СНУ, 2004. – С. 10.

³ Гвишиани Д.М. Пределы роста – первый доклад Римскому клубу. URL: http://www.ihst.ru/~biosphere/Mag_2/gvishiani.htm#_Toc10288479 (дата обращения: 25.02.2022)

теоретическое и практическое знание и деятельность настолько углубляются, специализируются и дифференцируются, что общая картина общественного бытия общественная практика как бы распадается на отдельные, на первый взгляд, не связанные между собой и обособленные друг от друга фрагменты или формы деятельности. Возникает объективная потребность не только в систематизации знания и деятельности, но и в их интеграции синтезе в восстановлении общей картины общественного бытия»¹.

«Принципа целостности» (холизм) был аргументирован Я. Смэтсом в 1926 году. В контексте холизма целостность объекта как системы и устойчивость ее развития, обусловлена согласованностью взаимодействия всех ее частей (подсистем), что подразумевает гармонию в отношениях и устранение возникающих конфликтов путем компромисса или нахождения консенсуса². Такой подход к исследованию систем, как представляется, способен существенным образом модернизировать правовую науку, обеспечить новый уровень результатов системного анализа.

Холизм противостоит редукционизму, он не сводит сложное к простому, а целое к своим частям³. Холизм, допускает и даже предполагает возникновение дополнительных эффектов, не сводимых к сумме частей исследуемого предмета. Соответственно, эпистемологической основой холизма является положение, согласно которому сложное явление не может быть до конца понято, если исходить исключительно из анализа составляющих его частей⁴. В гносеологии холизм опирается на принцип: познание целого должно предшествовать познанию его частей.

---

¹ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001. – С. 241.

² Мокий В.С., Мокий М.С., Лукьянова Т.А. Классификация системных подходов – основа решения сложных многофакторных проблем общества, науки и техники // *Universum: общественные науки*. – 2016. – № 12. – С. 43.

³ Мясинников С.П. К определению понятия «единое целое»: позиция постхолизма // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2019. – № 2. – С. 50 – 62; Линченко А.А. Переосмысливая холизм: принцип целостности как метафора и метод в философии истории прошлого и настоящего // *Человек. Общество. Наука*. – 2021. – № 1 (1). – С. 33 – 42.

⁴ Погожина Н.Н., Савченко И.А. Холизм и редукционизм как базовые понятия и методологические принципы социально-философских исследований // *Вопросы философии*. – 2019. – № 1. – С. 44.

Один из ключевых вопросов, который возникает в данном случае – что признать «целым», когда речь идет об изучении Особенной части уголовного права. Целое в философии холизма всегда есть нечто большее, чем простая сумма его частей. С холистической позиции, весь мир – это единое целое, а выделяемые нами отдельные явления и объекты имеют смысл только как часть этого целого причем холизм предполагает рассмотрение проблемы «часть и целое» в свете соотношения категорий «система», «элемент», «структура».

Отталкиваясь от этих посылок, надо признать, что *в реальности Особенная часть уголовного права (находящаяся в системном единстве с иными предписаниями отрасли уголовного права, а равно с предписаниями иных отраслей системы права) может восприниматься лишь как элемент такого целого, как система социального управления* (на связь Особенной части с политико-управленческими отношениями указали 79% респондентов, опрошенных при проведении исследования). И.Я. Козаченко верно отмечает, что уголовное право является «одним из необходимых регуляторов социальной жизни людей», а «уголовная метаправовая гносеология позволяет четко определить место уголовно-правового регулятора как в существующей официальной иерархии социально-правовых регуляторов общественных отношений, так и в «народной» шкале социальных ценностей»¹. Только определив общие характеристики этой «большой» системы («целого») и поняв место в ней уголовного права, можно исследовать само уголовное право с точки зрения его восприятия как системного объекта, и оценить, насколько все элементы системы уголовного права выполняют свое предназначение и соответствуют этому предназначению.

Ю.В. Голик, цитируя В.С. Соловьева, пишет: «Первый вопрос, на который должна ответить всякая философия, имеющая притязания на общий

---

¹ Козаченко И.Я. Уголовная метаправовая гносеология: понятие и содержание // Российский юридический журнал. – 2006. – № 1(49). – С. 113 – 118.

интерес, есть вопрос о цели существования. Иными словами, мы должны понимать цельность как нацеленность, исходить из цели. Именно цель должна являться исходной точкой отсчета»¹.

Теоретики права при этом верно отмечают: «то, что представляется как система с точки зрения достижения одной цели, может представляться как разрозненный конгломерат элементов в аспекте другой цели. Поэтому констатация «системности» права не может иметь места безотносительно к той цели, применительно к достижению которой предположительно действует право. Философия права выделяет множество таких целей, нередко взаимоисключающих (реализация социального контроля, достижение справедливости, укрепление политической власти, легализация судебного усмотрения, оформление экономических отношений и проч.), так что верить в их «предустановленную гармонию», выводя из нее «системность» права, было бы более чем наивно»².

Целевое назначение системы социального управления в самых общих чертах задано конституционными положениями о том, что Россия является демократическим, правовым, социальным государством, в котором не только высшей ценностью признается человек, его права и свободы (ст. 2 Конституции РФ), которые определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти (ст. 18 Конституции РФ), но также создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность (ст. 75.1 Конституции РФ).

---

¹ Голик Ю.В. Философия, нравственность, борьба с преступностью // Журнал Российского права. – 2021. – № 12. – С. 6.

² Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Правоведение. – 2014. – № 1 (32). – С. 28 – 29.

Поправки к Конституции РФ, состоявшиеся в 2020 году, как представляется, существенным образом скорректировали целевые и ценностные параметры социального развития, а следовательно, и задачи социального управления (в том числе, разумеется, и правового). Основной, фундаментальный сдвиг произошел в восприятии и оценке соотношения базовых социальных сущностей – человека и общества. В русле холистских рассуждений можно утверждать, что именно общество как некая общность, цельность, единство вышло сегодня на передний край, вершину ценностной иерархии, потеснив с пьедестала права и свободы отдельного человека. Некогда распространенный тезис о том, что именно индивидуализм раскрывает потенциал общества¹, оказался не просто оспоренным, но фактически и опровергнутым на нормативном уровне. Такая смена ориентиров поддержана многими правоведами. Если П.Л. Лихтер осторожно пишет о том, что «однозначный приоритет частных интересов над общим благом влечет риски социальной дифференциации, культа потребления и др.», что «сохранение правовых предпосылок для неограниченного индивидуализма и консьюмеризма в действующем законодательстве грозит существенными последствиями для общества»², то В.В. Дорошков, ссылаясь на положения Стратегии национальной безопасности и преамбулу Конституции РФ, категорично заявляет, что «не являются отечественными духовно-нравственными ориентирами права и интересы конкретного индивида»³. «Государственной идеологией в России может быть только державно-патриотическая идея автаркичного, сильного и свободного государства» - резюмирует В.М. Баранов⁴.

---

¹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2007. – С. 118.

² Лихтер П.Л. «Антропологический поворот» в правовой науке: благо или зло? // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 66 – 74; Лихтер П.Л. Аномия общества при дисбалансе конституционных ценностей // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 90 – 98.

³ Дорошков В.В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал Российского права. – 2021. – № 12. – С. 17.

⁴ Баранов В.М. Уголовный кодекс Российской Федерации в ракурсе юридической техники // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 13.

В нашу профессиональную задачу, разумеется, не может входить полноценный анализ реальных ценностных установок российского общества. Формой объективации социальных источников уголовного права, как уже отмечалось во второй главе исследования, выступают политико-правовые, политические и доктринальные документы, за пределами которых уголовно-правовая наука не располагает необходимым инструментарием и возможностями в познании социальной реальности. Потому, специалист в области уголовного права, высказывающий суждения о том, должно ли уголовное право быть частью системы управления, ориентированной на защиту индивидуальных благ личности, или же частью системы, направленной на защиту коллективных интересов и ценностей, демонстрирует не уголовно-правую, но идеологическую и политическую позицию. Сама по себе эта позиция не может быть объектом научной критики, ибо отражает разный идеологический взгляд на мир и его целостность. Однако она в рамках собственно уголовно-правовых построений она трансформируется в известную дискуссию о приоритетах уголовно-правовой охраны и связанные с ней проблемы построения Особенной части УК РФ, дифференциации уголовной ответственности и согласованности санкций, которые в свете конституционных трансформаций приобретают сегодня новое звучание.

Специалистами давно признанно и возведено в ранг учебных истин, что строение институтов Особенной части уголовного права иерархично отражает установленную Конституцией РФ шкалу социальных ценностей¹. И если следовать современным конституционным реалиям, то надо признать, что выводы исследователей о необходимости смены приоритетов уголовно-правовой охраны в пользу интересов государства и соответствующей корректировке порядка расположения глав в структуре Особенной части

---

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. – М.: РИОР, 2008. – С. 12. (автор главы – В.К. Дуюнов).

уголовного закона¹ являются не просто обоснованными. Они уже не отражают лишь идеологическую позицию авторов, но должны восприниматься в контексте холистского взгляда на уголовное право как на часть общей системы социального управления. *Именно в тот момент, когда часть единого целого (уголовное право) перестает соответствовать целевым направлениям и аксиологической системе этого целого (системы управления) возникает ситуация разбалансировки системы, а само это несоответствие становится исходной точкой всех последующих кризисных явлений в уголовном праве. Кризис уголовного права необходимо усматривать не в том, что преобразования его Особенной части не соответствуют приоритетным задачам охраны личности, ее прав и свобод, как полагают некоторые авторы², а в том, что сами этот приоритет не вписывается сегодня в реализуемую в государстве регулятивную стратегию (этот аспект проблемы признали 72% респондентов).*

Одной из базовых причин возникновения внутриотраслевого дисбаланса, верно пишет С.А. Белоусов, - выступает то, что формирование институциональной структуры конкретной отрасли законодательства происходит еще до выработки концепции отраслевого механизма правового регулирования, а потому во избежание появления этого дисбаланса следует изначально сформировать четкое и однозначное понимание того, что есть система той или иной отрасли права и какой она должна быть³.

Закономерно, что существует два потенциально возможных выхода из этой исходной кризисной точки, два направления развития ситуации. Во-первых, изменение общесоциальной стратегии и возврат к той линии,

---

¹ См. подробнее: Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 227 – 231.

² См., например: Кашепов В.П. О гарантиях уголовно-правовой защиты безопасности личности // Журнал российского права. – 2005. – № 12(108). – С. 105 – 118; Антонченко В.В. Охрана жизни человека - приоритет действующего уголовного закона? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 21 – 25.; Сидоренко Э.Л. Защита прав и свобод личности как приоритетная цель российской уголовной политики // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского Конгресса уголовного права (М., 28 – 29 мая 2009 года) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2009. – С. 91 – 95.

³ Белоусов С.А. Внутриотраслевой законодательный баланс: понятие, причины и пути устранения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 10, 11.

которая была намечена в первой половине 90-х годов прошлого столетия и связана с идеями либеральных свобод с последующим очищением уголовного кодекса от несоответствующих этой линии предписаний. Во-вторых, признание реализуемого курса объективной данностью с необходимой корректировкой и адаптацией под него системы уголовного права (заметим, не отдельных норм, многие из которых уже активно поддерживают «новый курс», а всей системы как некоего целого). Очевидно, что механизм реализации этих направлений принципиально различен. Однако *если учесть, что уголовное право это всего лишь «часть» большого «целого», надо откровенно признать, что в современных условиях оно не может иметь иные целевые и ценностные параметры, нежели общая система социального управления.*

Отсюда – первый шаг к упорядочению системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права должен состоять в модернизации представлений об их цели, на этой основе – расстановке приоритетов охраны, конструировании предписаний, их группировке и определении последовательности изложения в тексте закона.

Надо признать, что коллективное обсуждение проблемы цели уголовного права на Российском конгрессе уголовного права¹ не было успешным, а Резолюция конгресса даже не содержала слова «цель»². В самом первом приближении можно сказать, что цели уголовного права отражены в положениях ч. 1 ст. 2 УК РФ и состоят в охране важных для общества объектов и предупреждении преступлений. Однако эти предписания, с точки зрения развиваемого нами холистского взгляда на систему уголовного права, требуют уточнения. В науке уже отмечалось, что уголовное право как отрасль права направлено на достижение абстрактных общеправовых целей, к реализации которых в равной мере стремятся и иные отрасли права, и что

---

¹ Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского Конгресса уголовного права (М., 28 – 29 мая 2009 года) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2009.

² Резолюция Четвертого Российского конгресса уголовного права // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 11 – 12.

диалектика целей позволяет рассматривать цели подчиненной системы в качестве средств достижения целей системы более высокого порядка¹. Учитывая это, охрану ценных объектов и предупреждение преступлений можно воспринимать в качестве средства достижения общеправовой цели, которой подчинено уголовное право.

Важные указания на эти общие цели сделал Конституционный Суд РФ. В многочисленных своих решениях он исходит из того, что осуществляя правовое регулирование в сфере обеспечения безопасности от преступных и иных общественно опасных посягательств, законодатель связан требованиями Конституции РФ, которые обязывают его обеспечивать *баланс конституционно защищаемых ценностей*, публичных и частных интересов, прав и законных интересов различных категорий граждан, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина². Баланс как конституционно гарантированное состояние бесконфликтного сосуществования и реализации интересов отдельного лица и интересов всего общества не без оснований возводится современными юристами в ранг общего объекта всех преступных посягательств³.

Если следовать этой конституционной логике, то можно признать, что *общеправовой целью уголовного права выступает достижение и поддержание баланса конституционных ценностей личности и государства, свободы и безопасности, прав и ответственности*. И именно в этих целях уголовное право охраняет присущими ему средствами конституционно значимые ценности и способствует предупреждению преступлений.

---

¹ См., например: Максимов С.В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты. – Ульяновск: УлГУ, 2002; Гейн А.К. Понятие цели в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 295 – 302.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Перова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 22. – Ст. 2861.

³ См. подробнее: Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. – М.: Проспект, 2021.

В аспекте рассуждений о системе нормативных предписаний Особенной части уголовного права необходимо обратить внимание на два слова в характеристике целей отрасли – «достижение и поддержание». Их детальный анализ выводит нас на давно известную проблему соотношения регулятивных и охранительных функций уголовного права, и в принципе наличия у уголовного права возможности регулировать ценные для общества отношения¹. Он же позволяет дать ее модернизированную интерпретацию значимую для раскрытия темы системности Особенной части уголовного права.

Как представляется, *необходимо, четко развести две заявленных конструкции – «поддержание баланса конституционных ценностей» и «достижение баланса конституционных ценностей» и соотнести их с известными в теории уголовного права понятиями правовая охрана и правовое регулирование.*

Ключевой вопрос, который уже давно пытается решить наука, состоит в данном случае в том, можно ли посредством уголовно-правовых предписаний устанавливать в обществе баланс конституционных ценностей, может ли уголовное право, как часть системы социального управления, непосредственно включаться в регулирование общественных отношений.

Однозначного ответа на него нет. Н.М. Кропачев пишет: как и все иные отрасли права, уголовное право организует (регулирует) порядок общественных отношений, и в первую очередь, порядок обычных, «нормальных» общественных отношений, а не только отношений, возникающих вследствие совершения преступлений². Оценивая эти суждения с позиции теории систем, надо признать, что их практическая реализация, с одной стороны, возводит уголовное право в разряд средств непосредственного социального регулирования, а с другой стороны, лишает

---

¹ Это отдельная тема научной дискуссии, обзор которой выходит далеко за пределы нашей работы. Из современных работ по теме см., например: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования. – М.: Норма, 2011.

² Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. – СПб. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – С. 63, 85, 103.

уголовное право какой-либо специфики в системе средств социального управления по сравнению с иными средствами. Это означает, что уголовное право как часть целого наделяется функциями, присущими целому как таковому. Согласиться с таким заключением едва ли возможно.

В нашем представлении, правовая охрана качественно отличается от правового регулирования. И то, и другое, безусловно выступают элементами системами социального управления. Однако *охранять что-либо средствами уголовного права (то есть угрожать применением и применять уголовно-правовые санкции) можно только в том случае, если предшествующих нормирующих средств оказывается недостаточно. Охрана состоит в подключении возможностей уголовного права для защиты того уровня баланса конституционных ценностей, который уже достигнут в обществе на этапе, предшествующем криминализации*, на этапе, если допустимо так выразится, позитивного правового регулирования.

Об этом убедительно высказался А.Г. Безверхов: «в строгом соответствии с функциональным подходом УК РФ защищает не все особо значимые отношения, а ту их часть, которая в позитивном смысле урегулирована другими отраслями права. Отдельные социальные блага и интересы только тогда должны охраняться уголовным законом, когда они являются правовой ценностью, а социальные отношения – когда они становятся правоотношениями». И далее: «Отсюда следует вывод о нецелесообразности принятия новых уголовно-правовых норм по вопросам, которые не урегулированы в позитивном плане другими отраслями права. Если социальные отношения законодательно не урегулированы, то это может означать, что они не обладают той особой ценностью для общества, которая требует их уголовно-правовой охраны, а значит, отсутствует необходимость в их особой защите. Кроме того, если отношения не урегулированы той или иной отраслью права, то сложно определить объект, субъектный состав и

содержание этих отношений, а следовательно, невозможно обеспечить их надежную уголовно-правовую охрану»¹.

Такой взгляд на функциональное назначение системы уголовно-правовых предписаний, как представляется, в лучшей мере отражает истинное предназначение уголовного права в общей системе социального управления. Он отчетливо соответствует и базовым теоретическим характеристикам системы права в целом. Во-первых, устоявшемуся и эволюционно оправданному представлению о субсидиарном характере уголовного права², его пониманию в качестве дополнительного средства социального управления. Мы бы добавили, что речь должна идти не просто о субсидиарности, но и об акцессорности уголовного права, о его зависимости от созданного в государстве правопорядка. И во-вторых, такой взгляд корреспондирует общедозволительному типу правового регулирования³, представлению об уголовном праве как о «последнем доводе власти». «Поскольку меры уголовной ответственности являются наиболее суровыми, недопустимо устанавливать уголовное наказание в тех случаях, когда достаточно применения к виновному иных мер ответственности: административной, дисциплинарной или гражданско-правовой. – выражает общее мнение А.В. Елинский. - Уголовно-правовой запрет в этом смысле представляет собой так называемый последний довод (*ultima ratio*) в инструментарии законодателя»⁴.

Субсидиарный, акцессорный характер уголовно-правовых предписаний, их содержание, связанное с установлением самых суровых из легитимных средств правового принуждения, подчеркивает функциональные особенности отрасли как части единой целой системы социального управления. Если все средства такого управления и право как элемент

---

¹ Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // *Lex Russica*. – 2015. – № 10. – С. 79.

² См. об этом: Жалинский АЭ. О понимании уголовного права // *Право и политика*. – 2006. – № 5. – С. 18 – 31; Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – М.: Наука, 1986. – С. 108.

³ См. об этом: Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 219 – 220.

⁴ Елинский А. Конституционное измерение уголовного права // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2012. – № 3 (88). – С. 159 – 176.

регулирующей системы, ориентированы на обеспечение баланса конституционных ценностей, то внутри права происходит функциональное различие его элементов. Отрасли так называемого «позитивного» права подтверждают и утверждают этот баланс, а уголовное право – его поддерживает силой уголовной репрессии. Оно, в итоге, не регулирует базисные общественные отношения, но только охраняет их¹.

Отсюда – важное требование к формированию системы уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права, а точнее – к содержанию их диспозитивной части. *Уголовно-правовой запрет не может быть сконструирован без предварительного позитивного урегулирования поведения граждан в той или иной области социальных отношений* (с чем согласились 69% экспертов). *Если в отраслях позитивного права не сформулирован вывод о необходимости запрета того или иного поведения, если в политико-правовых или политических документах государства не оценена опасность и риски поведения, выходящего за пределы установленных стандартов поведения, криминализация какого-либо деяния в соответствующей сфере отношений может восприниматься как необоснованная уголовно-правовая экспансия, как установление запрета на совершение правомерных действий, учитывая, что господствующий тип правового регулирования в России – общедозволительный.* Между тем, Конституционный Суд РФ высказался вполне определенно: правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может влечь для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности².

---

¹ В этом контексте весьма тревожным, на наш взгляд, но вполне прогнозируемым в современных условиях стал факт организации двух крупных научных конференций – «Уголовное право как средство управления обществом» (Московская академия Следственного комитета РФ, 17.03.2022 г.) и «Уголовно-правовые средства государственного социального управления» (Российская академия народного хозяйства и государственной службы, 8.04.2022 г.). Такой методологический настрой организаторов, как представляется, существенным образом искажает роль и назначение уголовного права в общей социо-нормативной системе.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 54.

Сказанное не означает, что уголовное право (и прежде всего, его Особенная часть) не участвует вовсе в балансировке конституционных ценностей. Подчиняясь общей цели права – балансу ценностей – оно имеет свой собственный, особый участок правового регулирования, в котором именно оно, используя свои специфические средства, достигает этого баланса. И этот участок – пенализация общественно опасных деяний. Именно здесь, «взвешивая» ценности правопорядка, с одной стороны, и прав и свобод человека, с другой, - законодатель осуществляет их балансировку, устанавливая виды и размеры наказаний за то или иное общественно опасное деяние.

Такое понимание функционального назначения уголовного права (и его Особенной части) в системе социального управления имеет решающее значение не только для содержательного наполнения уголовно-правовых предписаний, но и для их юридико-технического оформления в системе позитивного права в целом. Речь идет о несколько забытой сегодня идее создания свода законов Российской Федерации. Соответствующая работа планировалась на основании Указа Президента РФ в 1995 году¹, однако не была проведена и свернута на основании Указа Президента в 2005 году². Не углубляясь в обоснование тезиса о практической необходимости систематизации всех нормативных правовых актов России в целях не просто их упорядочения, но и системного согласования³, выскажем категорическое несогласие с предложением разместить УК РФ в этом своде на одном из первых мест. В.М. Баранов пишет: «Уголовный кодекс России в Своде должен быть размещен сразу после Конституции государства и перед Гражданским кодексом РФ, несмотря на то что последний является «ядром»

---

¹ Указ Президента РФ от 06.02.1995 № 94 «О подготовке к изданию свода законов Российской Федерации» (вместе с Положением о Временной комиссии по подготовке к изданию свода законов Российской Федерации) // Российская газета. – 1995. – 9 февраля, № 30.

² Указ Президента РФ от 28.06.2005 № 736 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 28. – Ст. 2865.

³ См. об этом: Макаренко Т.Н., Сарапкина Е.Н. Актуальные вопросы систематизации правовых актов // Правовая информатика. – 2013. – № 4. – С. 32 – 38; Морозов А.А. К вопросу о создании свода законов Российской Федерации // Правовая информатика. – 2014. – № 1. – С. 36 – 42.

рыночных отношений; основным законом рыночного хозяйства, базой деятельности законопослушных граждан, составляющих большинство населения. Я исхожу из того, что сначала надо устранить крупнейшее, опаснейшее препятствие нормальной хозяйственной жизни и только потом совершенствовать и укреплять ее правовые основы. Речь идет о смене приоритета, хотя в реальной жизни мыслимо и одновременная регламентация отдельных взаимосвязанных элементов экономической жизни. То, что из 20 функционирующих в России кодексов на первое место встанет Уголовный, кардинально повысит его авторитет, качественно и позитивно повлияет на правовую культуру граждан, должностных лиц»¹.

Такое позиционирование УК РФ в общей системе нормативных правовых актов не только не отражает его подлинной роли в механизме правового регулирования и правовой охраны, но и вопреки мнению В.М. Баранова, способно оказать самое неблагоприятное влияние на правовую культуру и правовые идеологические установки граждан и должностных лиц, формировать убежденность в приоритетности уголовно-правовых средств правового и социального регулирования, способствовать утверждению запретительной правовой парадигмы. Отечественный опыт систематизации законодательства в первой половине XIX века убедительно доказал необходимость, целесообразность и логичность размещения уголовных законов на последнем месте. Вспомним, что в Своде законов Российской империи 1832 года законы уголовные содержались в последнем, XV томе.

Таким образом, *будучи частью системы социального управления, и подчиняясь ее общим целям, уголовное право имеет специфическое функциональное предназначение – поддерживать сложившийся в обществе баланс конституционных ценностей и достигать этого баланса в процессе реализации уголовной ответственности.* Такое понимание охранительного и регулятивного предназначения уголовного права выступает неперенным

---

¹ Баранов В.М. Уголовный кодекс Российской Федерации в ракурсе юридической техники // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 9 – 22.

условием его функционирования, с одной стороны, как самостоятельной системы, с другой стороны, как части системы социального регулирования. Соответственно, и кризисы системных начал отрасли могут иметь своим истоком либо необоснованную криминализацию, либо разбалансированную пенализацию общественно опасных деяний.

Развивая далее подход к анализу Особенной части уголовного права именно как к «части» целостной системы социального управления, логичным будет сосредоточить исследовательское внимание на охранительной части этой системы. Уголовное право традиционно воспринимается именно как охранительная отрасль, при этом столь же традиционным является утверждение о том, что оно выполняет свою охранительную функцию в системном единстве с предписаниями административно-деликтного права. Именно в совокупности, в системе эти отрасли выступают публично-правовым охранительным средством поддержания баланса конституционных ценностей и правопорядка.

Выше неоднократно озвучивалась мысль о принципиальном единстве правовой природы уголовного и административно-деликтного права, о возможности и необходимости их интегрированного анализа в качестве «большого» или «широкого» уголовного права. Подтверждая этот тезис, вместе с тем, необходимо признать, что интеграция отраслей не может быть сугубо механической, не может заключаться в перенесении нормативных предписаний Особенной части КоАП РФ в текст уголовного закона или в «технической подгонке» их друг к другу. Интеграция диалектически связана с процессами дифференциации права¹, которые только в единстве характеризуют подлинные движения оптимизации правового регулирования.

В этом отношении *единство природы уголовного и административно-деликтного права не только не исключает, но и с необходимостью*

---

¹ См. об этом, например: Петров Д.Е. «Дифференциация» и «интеграция» в категориальном аппарате современной юридической науки // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 42. – С. 43 – 49; Петров Д.Е. Общетеоретическое значение исследования интеграции и дифференциации в системе права // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 29 – 32; Абрамова А.И. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журнал Российского права. – 2019. – № 9. – С. 29 – 38.

предполагает разработку четких инструментальных критериев разграничения этих отраслей и образующих их предписаний. Это приобретает повышенную значимость при обсуждении системы нормативных предписаний особенных частей этих отраслей права, как в плане содержательного разграничения преступлений и административных проступков, так и в плане их юридико-технического отражения в различных кодексах.

Вопросам разграничения преступлений и административных правонарушений посвящен значительный объем научной литературы¹. Не повторяя содержания известной дискуссии, отметим, что универсальный критерий их разграничения так и не был найден. Сознвая, что его поиск и обоснование составляют предмет отдельного разговора, позволим себе в контексте обсуждения проблем системного строения Особенной части уголовного права и согласования этой системы с системой Особенной части административно-деликтного права предложить лишь некоторые, самые общие варианты решения проблемы.

Представляется, что с учетом накопленной в науке информации о специфике преступлений и иных правонарушений, потенциально есть два варианта их разграничения. Первый состоит в поиске каких-то особых свойств антиобщественного поведения, исходя из которых можно разделить сферы регулирования КоАП РФ и УК РФ. Неинструментальный и сугубо оценочный характер категории «общественная опасность»² приводит юристов к мысли о возможности реанимации старых представлений о преступлении как о деянии подчеркнуто аморальном, в отличие от иных

---

¹ Из последних обобщающих работ см., например: Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. – М.: РГУП, 2017. Широкое коллективное обсуждение этих проблем состоялось на конференции в МГУ в 2004 году, см.: Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: Материалы IV Междунар. науч.–практ. конф. к 250-летию МГУ и состоявшейся на юрид. фак. в 2004 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: ЛексЭст, 2005. А также на последнем конгрессе уголовного права, см.: Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2022 г. – М.: Юрлитинформ, 2022.

² С.А. Маркунцовым была высказана мысль вообще отказаться от понятия «общественная опасность преступления» и вывести его из научного оборота. См.: Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета. – М.: Юриспруденция, 2015. – С. 335.

правонарушений, о моральном осуждении как конструктивном признаке преступления. Однако должно быть очевидно, что в условиях современного общества с его релятивизмом, доведенным порой до крайностей¹, полагаться на этот признак также едва ли возможно. Второй, и как видится более надежный, вариант состоит в том, чтобы линию разграничения преступлений и иных правонарушений проводить по признаку их наказуемости и санкциям. Вопреки мнению некоторых авторов о том, что «наказание не может служить признаком или свойством преступления, потому как наказание является следствием преступления и не может являться его составной характеристикой»², полагаем, что, напротив, именно акцент на уголовном наказании, на его специальных признаках позволяет правильно разрешить вопрос о том, какое именно правонарушение «заслуживает» его, а какое «не заслуживает»³. Обоснование криминализации деяния тем, что оно требует применения уголовного (то есть самого сурового, насыщенного исправительным и карательным содержанием и сопровождающегося негативными правовыми последствиями), а не какого иного наказания, может способствовать более четкой отраслевой дифференциации правонарушений.

В прикладном отношении «ставка» на наказуемость заставляет прислушаться к обоснованному мнению О.Н. Бибика, который пишет: «необходимо провести разграничение административных правонарушений и уголовных преступлений более четко, исключить из УК РФ составы преступлений, за совершение которых предусматриваются менее репрессивные наказания, нежели закрепленные в КоАП РФ»⁴. Развивая этот подход, надо обратить внимание, что системы наказаний в КоАП РФ и в УК РФ в определенной части совпадают содержательно, различаясь порой лишь в размерах, что же касается отдельных видов и размеров наказаний

---

¹ См.: Гилинский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб.: Алетейя, 2017.

² Хилота В.В. Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 120.

³ См. подробнее: Пудовочкин Ю.Е. Наказуемость деяния как признак преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 5. – С. 166 – 172.

⁴ Бирик О.Н. Наказуемость как признак преступлений // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 2 (15). – С. 124.

непосредственно в санкциях, то их несоотнесенность уже давно стала признанным фактом, который вызывает критические замечания даже со стороны Председателя Конституционного Суда РФ¹.

Если исключить из анализа специальные виды наказаний, установленных в ст. 44 УК РФ для военнослужащих, если исключить из анализа уголовные наказания, не имеющие аналогов в системе административных наказаний (и наоборот), то легко обнаружить, что ст. 44 УК РФ и ст. 3.2 КоАП РФ демонстрируют принципиальное совпадения в таких видах наказаний, как штраф, арест, обязательные работы и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Имеется также содержательное совпадение между административным наказанием в виде конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения и мерой уголовно-правового характера в виде конфискации имущества.

Такие совпадения потенциально предполагают, что есть некоторая область правонарушений, которые могут наказываться «совпадающими» видами наказаний, при этом их разведение в структуру уголовного или административно-деликтного законодательства зависит от неverified критериев, сугубо от усмотрительного (в том числе неисключенного политически ангажированного) решения парламента. С подобной ситуацией сложно согласиться, оставаясь в пределах строго научного и системного анализа

Полагаем, что на теоретическом уровне необходимо решить принципиальный вопрос: являются ли деяния, за которые может быть назначен штраф, арест, обязательные работы или лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью,

---

¹ В одной из публикаций В.Д. Зорькин пишет: «Нельзя не отметить и заметное увлечение законодателя слишком высокими административными штрафами. Это приводит к тому, что административная ответственность по своей строгости приближается к уголовной, которая предполагает более высокий объем гарантий прав». См.: Российская газета. – 2014. – 18 декабря, № 6560 (288). Из научных сочинений по теме см.: Макареико Н.В. Законодательная экспертиза пределов административной ответственности // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 136 – 139; Мещерякова А.Ф. Административные наказания: теоретико-правовая характеристика и некоторые проблемы назначения // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 12. – С. 58 – 65.

уголовными или административными нарушениями. Принимая во внимание карательный потенциал данных видов наказаний и характер ограничиваемых ими прав и свобод лица, представляется вполне обоснованным будет решение, при котором деяния, совершение которых заслуживает наказания в виде ареста или обязательных работ, будут восприниматься именно как преступления или уголовные проступки, в то время как деяния, совершение которых предполагает лишь штраф, будут рассматриваться в качестве административных правонарушений. Близкое к такому решение реализовано в УК Франции, который, как известно, основан на трехэлементной градации уголовно-противоправных деяний (преступления, проступки, нарушения), различающихся именно видами наказаний¹.

Реализация предложенного подхода в нормативной среде не означает, что преступления или уголовные проступки в принципе никогда не смогут быть наказаны штрафом. Для оценки некоторых, исключительных ситуаций, в которых общественная опасность преступления и личность виновного таковы, что не требуют применения уголовных наказаний, могут быть реализованы механизмы, заложенные сегодня в ст. 76.2 УК РФ, предполагающие освобождение лиц, совершивших преступление, от уголовной ответственности, с выплатой судебного штрафа. Для разграничения нарушений и проступков может быть использован критерий максимально возможного штрафа.

Разумеется, в рамках настоящей работы полномасштабное исследование поднятого вопроса, а тем более разработка практических рекомендаций по реорганизации системы нормативных предписаний особенных частей УК РФ и КоАП РФ не представляются возможными. Нам гораздо важнее зафиксировать общий принцип, при соблюдении которого можно обеспечить одновременно и унификацию режимов уголовно-правовой и административно-правовой охраны, и их дифференциацию. Он состоит в

---

¹ Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крылова. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.

том, что в рамках единой системы предписаний о публично-правовой охране конституционных ценностей дифференциация уголовно-правовых и административно-правовых предписаний, основанная на дифференциации правонарушений, должна строиться на основе такого критерия как наказание, при условии, что виды наказаний в уголовном и административно-деликтном праве не будут содержательно совпадать.

Представленные рассуждения, выдержанные в логике холистского восприятия уголовного права в качестве составной части системы социального управления, позволяют уточнить базовые параметры этой отрасли как системы предписаний, поддерживающих публично-правовыми средствами сложившиеся в обществе баланс и иерархию конституционных ценностей путем установления самых суровых мер наказания за общественно опасные посягательства на них.

Такой взгляд не просто предполагает системность предписаний Особенной части уголовного права, он констатирует их системное единство, обеспеченное общностью целевых, функциональных, инструментальных характеристик. С этой точки зрения сложно согласиться с теми специалистами, которые утверждают, что хотя принадлежность юридических норм права к тому или иному правопорядку делает их действительными (валидными), из этой принадлежности не следует с необходимостью внутреннее единство элементов множества¹. Напротив, именно «принадлежность» к правопорядку, не формальная принадлежность в смысле включения в систематизированный свод законов, а принадлежность сущностная, качественная, позволяет признать множественность отвечающих этому правопорядку предписаний единым целым, вписывающимся в сам правопорядок. Тогда как содержательное несоответствие одного из элементов Особенной части уголовного права базовым параметрам правопорядка «выводит» этот элемент как из

---

¹ Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Правоведение. – 2014. – № 1 (32). – С. 31.

системы Особенной части, так и из системы права в целом. В таких ситуациях способность системы к самоочищению и саморегенерации должна приводить к исключению «инородного» элемента, либо прямому (путем устранения соответствующего предписания из Особенной части кодекса), либо опосредованному (путем необходимого истолкования этого «дефектного» предписания).

С этих принципиальных позиций следует рассматривать непосредственно систему уголовного права и систему Особенной части уголовного права как ее компонент (часть). Прежде всего, необходимо сказать, что в контексте рассуждений о системе социального управления как целом и уголовном праве как ее части, деление отрасли на два компонента – Общую и Особенную часть – не представляется возможным. Мы уже отмечали, что уголовно-правовая норма образуется единством предписаний Общей и Особенной части уголовного закона и только в таком единстве она способна выполнять свои социальные функции. В этом отношении уголовное право как таковое – неделимая часть системы управления как целого. Не случайно, Н.С. Таганцев называл законы Особенной части уголовного права «уголовными законами в тесном смысле»¹, а Ю.Е. Пудовочкин всю систему институтов уголовного права видел как систему охранительных институтов, структурированную на основе Особенной части УК РФ². Это справедливо, но отчасти.

Развивая концепцию, в соответствии с которой система правовой отрасли строится на основе нормативных предписаний как отдельных властных велений государства, надо признать, что действительно, вся совокупность нормативных предписаний уголовного права подчинена единой цели и функциям, которые обеспечивают ее единство. Но вместе с тем, некоторая группа этих предписаний – предписаний Особенной части – обладает определенной содержательной спецификой, описывая признаки

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 78.

² Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 1: Понятие уголовного права / под ред. В.Б. Малинина. 2-е изд. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2008. – С. 218 – 219.

составов преступлений и меры реакции на их совершение. И в этом отношении градация отрасли как целого на части теоретически оправданна. Однако она актуализирует вопрос о том, что есть Особенная часть уголовного права (как элемент целого) и каковы ее общие признаки.

На понятийном уровне в науке проводятся тонкие различия между понятием «Особенная часть уголовного права» и «система Особенной части уголовного права». Принципиальных различий при этом в авторских позициях не наблюдается. Большинство авторов определяют Особенную часть уголовного права как «совокупность» или «систему» правовых норм (или нормативных предписаний), которые определяют признаки преступлений (основания уголовной ответственности) и наказания за их совершение (санкции)¹. Под системой же Особенной части понимают определенный порядок размещения (расположения) норм (предписаний), определяющих ответственность за те или иные преступления, их классификацию в зависимости от важности объекта посягательства².

С этими суждениями следует согласиться. Однако важно обратить внимание на следующий значимый методологический аспект. Исходя из представленных различий в указанных понятиях, система как порядок, как классификация, есть лишь внешняя характеристика Особенной части, во многом субъективная. Не случайно порядок расположения статей в Особенной части уголовных законов различных стран, да и России в разные исторические периоды, существенно различается. Более того, можно сказать, что этот порядок служит подчеркнута техническим целям упорядочения

---

¹ См., например: Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008. – С. 9; Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – С. 27; Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – С. 43 (автор главы – А.В. Грошев); Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 5 (авторы главы – В.Н. Борков, А.А. Нечепуренко); Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – С. 10 (автор главы – А.В. Бриллиантов).

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. – М.: Юридическая литература, 2004. – С. 10; Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. II. Преступления против личности. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. – С. 16 (автор главы – А.И. Коробеев); Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Э.Ф. Побегайло. – М.: Илекса, 2008. – С. 17 (автор главы – Ю.Е. Пудовочкин).

нормативного материала, которыми в конечном итоге можно и пренебречь (структура Т. 18 Свода законов США, содержащего список федеральных преступлений, вовсе обусловлена алфавитным порядком расположения статей). Система Особенной части, будучи таким внешним ее признаком, не отражает внутренних системных свойств этого компонента отрасли уголовного права. По этой причине при системном анализе акцент в исследовании Особенной уголовного права должен быть смещен с изучения порядка расположения нормативных предписаний и институтов, на системные свойства этого нормативного множества.

Такие системные свойства предопределяются целями Особенной части уголовного права. В науке этому вопросу не уделяется должного внимания. В немногочисленных специальных исследованиях приводятся доводы в пользу признания такой целью противодействие преступности. «Система Особенной части УК РФ изначально формировалась в целях противодействия преступности, что как результат существования присущ и уголовному закону в целом», - пишет М.С. Кириенко¹.

На первый взгляд, это утверждение можно признать верным. Однако при более детальном анализе оно вызывает ряд критических замечаний. Во-первых, само слово «преступность», учитывая тот факт, что ее правовые параметры предопределяются самим уголовным законом, употреблено здесь неверно. До появления нормативных предписаний Особенной части уголовного права, преступности как таковой не существует, ибо преступность, среди прочего, обладает и принципиально важными уголовно-правовыми признаками. Во-вторых, противодействие собственно преступности не может и, что особенно важно, не должно восприниматься в качестве эксклюзивной цели уголовного права или его Особенной части. Как широкомасштабная и разноректорная деятельность противодействие преступности осуществляется самыми разными социальными и правовыми

---

¹ Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – С. 30, 31.

(криминологическими) средствами, которые обладают безусловным приоритетом перед применением уголовного закона. Таким образом, объявлять целью Особенной части уголовного права противодействие преступности, значит, по сути, нарушать логику принятия социально-управленческих решений и переоценивать возможности уголовного закона.

Представляется, что цель Особенной части уголовного права, ее предназначение – в ином, и определяются они признанным пониманием уголовного права в качестве охранительной отрасли. М.С. Кириенко совершенно прав, когда пишет, что «охранительная функция уголовного закона существует в первую очередь благодаря Особенной части УК РФ»¹. Предшествующее изложение также подтвердило, что именно Особенная часть, определяя параметры преступности и наказуемости общественно опасных деяний, включается в общий механизм социального управления на этапе охраны конституционно значимых ценностей, одновременно обеспечивая баланс интересов лица, совершившего преступление, и государства.

В таком понимании соотношения охранительного и регулятивного потенциалов уголовного права заложена принципиально важная (и в целом известная) идея о двусторонней направленности самого уголовного права и тесной взаимосвязи его охранительной и регулятивной функций. Поддерживая своими запретами достигнутый в обществе баланс конституционных ценностей, уголовное право оказывает регулирующее (информационное, ценностно-формирующее) воздействие на поведение граждан, способствуя их воздержанию от совершения противоправных действий. При этом, регулируя возникающие в связи с фактом совершения преступления правоотношения, уголовное право обеспечивает охрану не только сложившихся ценностей как объекта противоправного посягательства, но также охрану самих правонарушителей и

---

¹ Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – С. 38.

законопослушных граждан от необоснованных уголовно-правовых притязаний со стороны государства. В этом проявляется важнейшая гарантийная функция Особенной части уголовного права.

Крайне важны в этом отношении слова А.В. Наумова. Он пишет, что нормы Особенной части уголовного (вместе с нормами Общей части) «не только обеспечивают решение задачи охраны интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, но через конкретизацию уголовно-правовых запретов, отграничивающую преступное поведение от непроступного и выраженную в «букве» уголовного закона, выполняют гарантирующую функцию уголовного закона в части соблюдения прав и интересов граждан в сфере осуществления правосудия по уголовным делам»¹.

Представляется, что именно эта гарантирующая функция обуславливает специальные системные параметры Особенной части уголовного права. Отталкиваясь от нее, системность Особенной части как относительно самостоятельного компонента общей системы уголовного права достигается на базе следующих ее характеристик.

Во-первых, она носит «закрытый» характер в том отношении, что в каждый конкретный момент времени представляет исчерпывающий перечень преступлений. А.В. Грошев верно указывает, что нормы Особенной части уголовного права «закрепляют полный и исчерпывающий перечень составов преступлений, расширение или, наоборот, сужение которого допустимо только в порядке *de lege ferenda* – путем принятия нового федерального закона и включения (исключения) соответствующей нормы в УК РФ. Тем самым реализуется базовый принцип современного уголовного права – *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания о том в законе»)»².

---

¹ Уголовное право России. Особенная часть. Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В. В. Лунева, А.В. Наумова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – С. 14 (автор главы – А.В. Наумов); Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. – М.: Юридическая литература, 2004. – С. 9.

² Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – С. 44.

Во-вторых, весь этот исчерпывающий перечень в полном объеме сосредоточен в Особенной части Уголовного кодекса, исходя их категоричных предписаний ч. 1 ст. 1 УК РФ.

В-третьих, этот исчерпывающий перечень всегда находится в актуальном состоянии в том отношении, что он не содержит в себе как недостающих компонентов, которые составляют пробелы Особенной части уголовного права¹, так и излишних компонентов, которые могут быть охарактеризованы в качестве «мертвых»² либо «дублирующих»³ норм.

В-четвертых, сами предписания, входящие в перечень, выражены таким образом, что не допускают неоднозначного, двусмысленного, субъективно корректируемого толкования, то есть соответствуют требованиям правовой определенности.

Соблюдение этих параметров обеспечивает внутреннее единство нормативных предписаний Особенной части уголовного права, их целостность как системы. Соответственно, их несоблюдение приводит к десистематизации.

Подводя итог анализу теоретических основ системы Особенной части уголовного права, представляется возможным, во-первых, предложить определение понятия «Особенная часть уголовного права», и во-вторых, сформулировать некоторые общие выводы, служащие исходными принципами познания ее системы.

- Особенная часть уголовного права представляет собой систематизированное множество отвечающих требованиям правовой определенности нормативных предписаний, исчерпывающий и актуальный перечень которых полностью выражен в Особенной части УК РФ, которые

---

¹ См. о пробелах в уголовном праве: Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. – М.: Юрлитинформ, 2009; Черепеникова Ю.С. Пробелы в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и способы их восполнения: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

² См. об этом: Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. II. Преступления против личности. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. – С. 12 – 14 (автор главы – А.И. Коробеев); Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. «Мертвые» нормы в уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. – 2010. – № 6. – С. 4 – 10.

³ См. об этом: Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. – Екатеринбург: Cricket, 1994; Иногамова-Хегай Л.В. Теоретические основы конкуренции уголовно-правовых норм. – М.: Норма, 2015.

определяя основания и меры уголовной ответственности за конкретные виды противоправного поведения, обеспечивают правовую охрану сложившихся в обществе и подтвержденных правом баланса и иерархии конституционных ценностей;

- полноценный системный анализ Особенной части уголовного права требует совмещения холистского, эволюционного и аналитического подходов к ее познанию, при этом в современных условиях значительный познавательный эффект может быть достигнут на основе использования преимуществ дедуктивной исследовательской логики, в рамках которой анализ системы Особенной части должен начинаться с уточнения ее места и роли в системе социального управления;

- поскольку уголовное право есть лишь часть общей управленческой системы, оно не может иметь иные целевые и ценностные параметры, нежели система социального управления. В тот момент, когда уголовное право перестает соответствовать целевым направлениям и аксиологии системы управления, возникает ситуация разбалансировки системы, а само это несоответствие становится исходной точкой всех последующих кризисных явлений в уголовном праве. Современный кризис уголовного права необходимо усматривать не в том, что преобразования его Особенной части не соответствуют приоритетным задачам охраны личности, ее прав и свобод, а в том, что сам этот приоритет не вписывается сегодня в реализуемую в государстве регулятивную стратегию;

- поскольку уголовное право есть лишь часть системы права, функционально предназначенной для обеспечения баланса конституционных ценностей в обществе, его место в этой системе должно определяться на основе различения двух несовпадающих конструкций – «поддержание баланса конституционных ценностей» и «достижение баланса конституционных ценностей». Содержательно им корреспондируют такие направления уголовно-правового воздействия, как охрана и регулирование. Уголовно-правовая охрана состоит в подключении возможностей уголовного

закона для поддержания того уровня баланса и той иерархии конституционных ценностей, которые уже достигнуты в обществе на этапе, позитивного правового регулирования. Уголовно-правовое регулирование направлено на достижение баланса конституционных ценностей в процессе реализации уголовной ответственности. Несоблюдение этих функциональных начал уголовного права приводит к разбалансировки системы правового управления, к экспансии уголовно-правовых средств в область социального управления, нарушающей дозволительный режим правового регулирования;

- системное, функциональное единство публичных охранительных отраслей (уголовного и административно-деликтного) предполагает их предметную дифференциацию. В рамках единой системы предписаний о публично-правовой охране конституционных ценностей дифференциация уголовно-правовых и административно-правовых предписаний, основанная на дифференциации правонарушений, должна строиться на основе такого критерия как наказание, при условии, что виды наказаний в уголовном и административно-деликтном праве не будут содержательно совпадать;

- системность Особенной части уголовного права как множества однородных нормативно-правовых предписаний обеспечивается на основе последовательного выполнения ими гарантийной функции, требующей правовой определенности, сконцентрированности и актуальности исчерпывающего перечня уголовно-правовых запретов.

§ 2. Взаимосвязь Общей и Особенной части уголовного права

Уголовное право есть самостоятельная и единая отрасль системы российского права. Этот аксиоматичный постулат сегодня не вызывает сомнений у специалистов. Даже те юристы, которые критически относятся к самой идее отраслевого строения права или к критериям отраслевой

градации¹, вынуждены признать, что в системе права существуют некоторые образования, основные «правовые ветви», функционально, содержательно и целевым образом предназначенные для регулирования некоторой совокупности общественных отношений или некоторых направлений деятельности человека или государства неким специфическим способом. Уголовное право в силу его содержательной специфики, predetermined задачи, принципами, предметом и методом регулирования при любом подходе к пониманию внутреннего строения права сохраняет свойства самостоятельности и внутренней цельности. При этом, если самостоятельность отрасли очерчивает ее внешние границы, позволяющие отличить уголовное право (и отдельные уголовно-правовые предписания) от иных правовых общностей и норм, то внутренняя целостность обеспечивается особенными свойствами множества нормативно-правовых предписаний, их системным взаимодействием.

Единое множество нормативных предписаний уголовного права уже более полутора веков официально представлено в виде двух подсистем: Общей и Особенной части уголовного права. Между тем, вопрос о взаимных связях Общей и Особенной части как элемент теории уголовного права не всегда привлекал к себе внимание юристов. Так, в учебнике по Общей части уголовного права 1948 года содержалась на этот счет лишь самые общие суждения на этот счет: «Систематичность построения уголовного кодекса находит свое выражение ... в распределении всего законодательного материала между Общей и Особенной частью кодекса... Такая систематика облегчает пользование кодексом, имея вместе с тем большое принципиальное значение»². В учебнике же по Особенной части уголовного права 1951 года этот вопрос вовсе не рассматривался³.

---

¹ См.: Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1; Мозолин В.П. Система российского права: доклад на всероссийской конференции 14 ноября 2001 г. // Государство и право. – 2003. – № 1.

² Уголовное право. Общая часть. Учебник / науч. ред. В.Д. Меньшагин. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Юрид. изда. Минюста СССР, 1948. – С. 232.

³ Советское уголовное право. Часть Особенная. Учебник / общ. ред.: А.А. Герцензон, З.А. Вышинская. – М.: Госюриздат, 1951.

Однако объективная потребность в познании внутриотраслевых системных связей уголовного права существовала всегда и с особенной остротой проявляет себя в наши дни, когда системность как фундаментальная характеристика отрасли оказалась под угрозой.

Следуя логике системного анализа, *характеристика видов и содержания связей между Общей и Особенной частями уголовного права должны предопределяться общим пониманием их взаимного отношения друг к другу, которое предопределяется целевым и функциональным назначением такого разграничения.* Между тем, именно это назначение зачастую и недооценивается специалистами, пишущими на заявленную тему.

Так, некоторые авторы, пусть и неявно, при обсуждении вопроса о соотношении Общей и Особенной части уголовного права акцентируют внимание на категориях целого и части. А.А. Пионтковский, к примеру, рассуждая об уголовном законе, указывал, что постановления Особенной части «не фигурируют, подобно постановлениям Общей части, в качестве регулятора всего дела борьбы с преступниками, а лишь в качестве регулятора того или иного конкретного случая этой борьбы»¹.

Другие исследователи (и их большинство) рассматривают этот вопрос с точки зрения соотношения философских категорий общего и особенного (или единичного²). К примеру, М.П. Чубинский писал, рассуждая о науке уголовного права: «Материальное уголовное право в свою очередь делится на часть Общую и часть Особенную. Обычно в первой изучаются преступления и наказания как родовые понятия, в их общем виде; в Особенной же части изучаются и классифицируются отдельные роды и виды преступлений и излагаются положенные за них наказания»³. Прямо декларируют заявленный тезис применительно к структуре права В.Н. Борков и А.А. Нечепуренко: «нормы, включенные в Особенную часть

---

¹ Пионтковский А.А. Уголовное право (пособие к лекциям). Часть Общая. Вып. первый. – Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1913. – С. 39.

² Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд-во МГУ, 1967. – С. 74.

³ Чубинский М.П. Учебник уголовного права Т. 1. Общая часть. – СПб.: Тип. Шредера, 1915. – С. 35.

уголовного права, тесно связаны с нормами Общей части и соотносимы между собой как диалектические категории общего и особенного»¹.

Детальную аргументацию такого подхода едва ли не единственным представил Г.П. Новоселов. Последовательно и верно разграничивая понятия уголовно-правовой нормы и статьи уголовного закона, он пишет: «статьи Особенной и Общей частей описывают признаки не разных, а одних и тех же уголовно-правовых норм»; в отличие от статей Особенной части, статьи Общей части «формулируют признаки не отдельных, а всех или некоторого множества преступных посягательств»; «можно с некоторой долей условности констатировать: в первом случае предметом служат признаки преступности и наказуемости одного (определенного, конкретного, отдельного) деяния, во втором – признаки всякого деяния, предусматриваемого законом в качестве преступного и наказуемого, или какой-то их группы»; «применительно к статьям Особенной и Общей частей это означает, что первые должны фиксировать различия между уголовно-правовыми нормами, в том числе и различия между описываемыми ими признаками составов преступлений, вторые – повторяющиеся в уголовно-правовых нормах признаки указанных в них составов преступления»².

Иного взгляда на проблему придерживаются А.В. Наумов и А.С. Новиченко. Они отмечают, что поскольку содержание уголовно-правовой нормы, предусматривающей конкретный состав преступления, одновременно формируется из признаков, закрепленных в статьях Общей и Особенной частей уголовного закона, связь между нормами Общей и Особенной частей УК РФ не есть связь общего, особенного и отдельного, а одного общего понятия (норма Общей части) с другим общим понятием (норма Особенной части), совокупность которых дает нам содержание и объем третьего общего

---

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 4.

² Уголовное право. Особенная часть. Учебник / отв. ред.: И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 4-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 34 – 36 (автор главы – Г.П. Новоселов); Новоселов Г.П., Щелконогова Е.В. Понятие Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2019. – № 1 (124).

понятия – понятия применяемой уголовно-правовой нормы, предусматривающей конкретный состав преступления»¹.

При всех существующих различиях в представленных концепциях их объединяет одно: попытка рассмотреть соотношение Общей и Особенной части уголовного права исключительно с позиций формальной логики в рамках реализации редукционистского (аналитического) подхода к исследованию системного объекта.

С предложенными решениями, сколь бы различными они не были, в принципе, можно соглашаться. Однако необходимо признать, что они по большому счету, мало что дают для развития теории права и практики правоприменения. Общий, неоспоримый, но при этом бессодержательный вывод, который следует из приведенных рассуждений, состоит в том, что положения Общей и Особенной части уголовного права могут участвовать в регулировании правоотношений лишь совместно. Как замечает Н.Н. Маршакова, значение взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного закона «заметнее всего проявляется при реализации уголовного закона»². Равным образом А.В. Бриллиантов заключает, что «лишь в совместном применении норм Общей и Особенной частей, уголовное право является действенным инструментом в выполнении задач, сформулированных уголовным законом»³.

Но такой вывод в принципе не требует аналитической проработки вопроса о взаимосвязи Общей и Особенной части. Он очевиден. Вероятно, по этой причине А.В. Грошев сводит обсуждение вопроса о соотношении Общей и Особенной части уголовного права фактически к соображениям юридической техники. Он заключает, что различие Общей и Особенной

---

¹ Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1978. – С. 63 – 64.

² Маршакова Н.Н. Классификация в Российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. – С. 14.

³ Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – С. 10.

части в целом «не имеет функционального характера и основано на законодательных приемах систематизации уголовно-правовых норм»¹.

С таким выводом сложно согласиться по существу. Однако в нем заложен принципиально важный пункт, который должен стать основой последующего углубленного исследования вопроса о единстве Общей и Особенной части уголовного права. Он состоит в познании и различении целей и функций этих структурных компонентов отрасли. Их дифференциация, с одной стороны, а с другой стороны, подчиненность общим целям и функциям отрасли уголовного права, составляют исходную точки в познании проблемы взаимосвязи структурных отраслевых компонентов.

В современной учебной и научной литературе изложение вопроса о целевой и функциональной направленности Общей и Особенной частей уголовного права выглядит не вполне удовлетворительно. Специалисты ограничивается, как правило, кратким перечислением институтов, которые сосредоточены в Общей части, указанием на то, что Особенная часть описывает конкретные преступления², а также стандартными утверждениями о единстве Общей и Особенной части. С.А. Елисеев, к примеру, пишет: «Нормы Особенной части уголовного права неразрывно связаны с нормами Общей части. Их единство предопределено предназначением уголовного права – охранять права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечивать мир и безопасность человечества, предупреждать преступления (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Нормы Общей части являются основой для применения норм Особенной части. В свою очередь,

---

¹ Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – С. 42.

² См., например: Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007; Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011; Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021.

нормы Общей части обретают жизнь (реально действуют) только через нормы Особенной части»¹.

В тоже время, к примеру, еще Н.С. Таганцев, раскрывая вопросы структуры уголовного закона, писал, что одна его часть определяет общие и специальные условия преступности и наказуемости, а другая – признаки наказуемых деяний и назначаемую за них ответственность². Эта мысль была развита В.П. Коняхиным. Справедливо усматривая в содержании предписаний Общей части уголовного права «вынесенные за скобки» элементы гипотезы, диспозиции и санкции уголовно-правовой нормы, автор указывает, что они выполняют «системообразующую функцию по отношению ко всем нормам уголовного права», «обеспечивают сохранение уголовным правом его целостности и основных свойств при изменении правового среды в том числе самого уголовного закона»³.

Представляется, что именно этот подход и должен быть взят за основу для понимания связей между Общей и Особенной частями уголовного права. *Если предписания Особенной части поддерживают сложившийся и признанный в обществе баланс конституционных ценностей, то предписания Общей части в большей степени направлены на то, чтобы обеспечить сбалансированность интересов личности и государства непосредственно в процессе уголовно-правового регулирования. В этом отношении они выступают фундаментом всех положений Особенной части.* Не случайно, И.И. Карпец писал, что Общая часть – это «своего рода этическая основа уголовного права и законодательства»⁴, а В.М. Коган отмечал, что Общая часть есть «своего рода конституция уголовного права»⁵.

---

¹ Елисеев С.А. Понятие Особенной части уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2007. – С. 104, 105.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 77 – 78.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С.144, 154.

⁴ Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 10.

⁵ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983. – С. 73.

Отсюда вполне закономерным будет вывод о том, что *Общая часть в системе уголовного права выполняет важнейшую системосохраняющую функцию. Соответственно, взаимосвязь Общей и Особенной частей уголовного права должна анализироваться под углом зрения того, насколько предписания Особенной части соответствуют положениям Общей части* (при проведении экспертного опроса тезис о необходимости такого соответствия признали справедливым 98% респондентов). Здесь уже недостаточно сказать, что «все нормы Общей части УК РФ распространяются на статьи Особенной части»¹. Слово «распространение» ничего не дает для понимания системы и закономерностей ее функционирования. Исходя из понимания системосохраняющей функции Общей части, гораздо важнее говорить о «зависимости» «ограниченности», «связанности», «подчиненности», «производности» предписаний Особенной части от положений Общей части уголовного права. Весьма точно и категорично на этот счет высказался А.И. Рарог, когда к числу концептуальных положений Уголовного кодекса РФ отнес, среди прочего, приоритет норм Общей части перед нормами Особенной части УК РФ².

Сказанное не означает исключительно однонаправленного воздействия. Предписания Особенной части, разумеется, оказывают влияние на содержание Общей части уголовного права. Достаточно вспомнить изменения, которые вносятся в ст. 20 УК РФ в части определения возраста уголовной ответственности, или в ст. 57 УК РФ в части, определяющей возможности назначения пожизненного лишения свободы. Более того, неоспоримо, что исторически именно предписания Особенной части уголовного права выступают в качестве основы для формирования общих положений. Но в современных условиях, на данном конкретно-историческом отрезке, именно ограничительные и системосохраняющие возможности Общей части должны выйти на передний план уголовно-правового

---

¹ Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. – М.: Юрлитинформ, 2021. – С. 150.

² См.: Рарог А.И. Разработка концепции Уголовного кодекса РФ: проблемы преемственности // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 405.

нормотворчества. Именно они должны стать основой соблюдения, сохранения и упрочения системных начал Особенной части уголовного права.

Надо признать, что современная наука активно исследует эту проблему. Однако большая часть известных работ посвящена по преимуществу анализу частных вопросов качества отдельных предписаний Особенной части. На уровне теоретических обобщений можно выделить, пожалуй, лишь два подхода.

Первый связан с разработкой концепта «системосохраняющий механизм». В специальном исследовании А.В. Денисовой он анализируется как структурный компонент права, проявляющий себя на межотраслевом и внутриотраслевом уровнях, и включающий в свое содержание принципы, цели и задачи уголовного права, презумпции и фикции, преюдиции, пробельные и коллизионные правила, правоположения¹. При всей ценности результатов исследования автора, нельзя не отметить их крайнюю оспоримость в части позиционирования системосохраняющего механизма как элементы структуры права (речь должна идти, скорее о функциях отдельных элементов структуры права, а не о структурном обособлении некоторых нормативных предписаний), а равно в части наделения свойством системосохранения любых презумпций, фикций, правоположений безотносительно к их содержанию. Нельзя не отметить также, что механизм обеспечения системности права на уровне отдельной отрасли и механизм обеспечения системности права как целого – это все же не один, а несколько содержательно различающихся механизмов.

Второй подход является более специфичным и состоит в специальном теоретизировании системных связей между Общей и Особенной частями уголовного права. Разработавший его М.С. Жук, исходит из того, что между связи субординации этими элементами отрасли права реализуются на

---

¹ Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 366, 422.

нескольких уровнях: между отдельными предписаниями Общей части и предписаниями Особенной; между предписанием Общей и институтом Особенной части; между институтом Общей и отдельным предписанием Особенной части; между институтами Общей и Особенной части уголовного права¹. Такой структурированный подход в целом не вызывает возражений. Однако представляется, что он недостаточно инструментален. Констатация связей между отдельными элементами структуры права еще не вскрывает их содержания, является слишком обобщенной и в силу этой обобщенности не всегда верной (к примеру, сложно будет установить системную связь, скажем, между ст. 75 УК РФ и ст. 275 УК РФ).

Таким образом, задача построения теоретически концептуальной, но при этом инструментально окрашенной теории внутриотраслевых связей уголовного права остается открытой. В ее решении, на наш взгляд, надо отталкиваться от того, что все типичные предписания Особенной части уголовного права содержательно определяют основание уголовной ответственности и пределы наказуемости преступления определенного вида. Основание ответственности и пределы наказуемости в данном случае целесообразно рассматривать как особого рода правовые конструкции.

На теоретическом уровне, указывает В.В. Чевычелов, юридическая конструкция предстает перед нами своего рода структурной идеей определенного вида правовых явлений, прообразом, на основе которого тиражируются единичные законодательные конструкции². Эту мысль поддерживает в целом А.В. Иванчин, когда определяет уголовно-правовую конструкцию как структурную модель группы однородных правовых явлений, определенную комбинацию элементов которой законодатель наполняет юридически значимой информацией, регламентируя тем самым в уголовном законодательстве соответствующую разновидность данных

---

¹ Жук М.С. Институты Общей и Особенной частей уголовного права: внутриотраслевые связи и соотношение // Общество и право. – 2010. – № 3 (10). – С. 120.

² Чевычелов В.В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005. – С. 44.

явлений¹. Важно при этом, что правовая конструкция не есть просто техническое средство формирования законодательных предписаний. Как пишет С.С. Алексеев, это «органический, всеобщий, непосредственно нормативный, а главное – наиболее совершенный и важный по значению элемент собственного содержания права, его внутренней формы»².

Сознавая, что анализ основания ответственности и пределов наказуемости преступления с точки зрения соответствия их представлениям о юридической конструкции выходит за пределы нашего анализа, ограничимся в данном случае лишь общей постановкой проблемы.

Начнем, несколько отходя от общей логики, с правовой конструкции пределов наказуемости преступления как основы для системного анализа санкций нормативных предписаний Особенной части уголовного права. С сожалением приходится констатировать, что эта правовая конструкция не представлена напрямую в уголовном законе в полном, исчерпывающем виде. Тем не менее, ее основные элементы могут быть теоретически воссозданы на основании некоторых нормативных предписаний Общей части уголовного права. Речь идет, в частности, о положениях ст.ст. 3, 4, 6, 7, 60, 15, 44 УК РФ.

Наказуемость как конструкция соотносима с основными требованиями, предъявляемыми к санкции нормативного предписания Особенной части, главным из которых выступает соответствие санкции характеру общественной опасности преступления. Здесь важно напомнить, что согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»³, характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом (подчеркнем – не судом) и зависит от установленных судом признаков состава преступления. Он зависит от направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненного им вреда. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от

¹ Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 6.

² Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001. – С. 214.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

11.06.1999 № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (п. 1) в свое время дополнительно указывалось, что характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (статья 15 УК РФ)¹.

Эти положения закономерно приводят к выводу о том, что характер общественной опасности преступления может быть адекватно отражен в санкции статьи Особенной части УК РФ лишь в том случае, если сама санкция будет отвечать некоторым общим представлениям о справедливости, соотношенным с оценкой опасности преступлений.

С точки зрения взаимосвязи опасности преступления и санкции имеют значение, как минимум, два обстоятельства, которые справедливо рассматривать в качестве элементов правовой конструкции наказуемости.

Во-первых, это категоризация преступлений. В науке уже неоднократно высказывались предложения о том, чтобы ст. 15 УК РФ, определяющая категоризацию преступлений, содержала указание не только на максимальный, но и на минимальный размер наказания в виде лишения свободы для каждой категории преступлений². Поддерживая эту идею, добавим, что в процессе совершенствования положений ст. 15 УК РФ речь должна идти не только о последовательной градации самого сурового наказания (лишения свободы), но и всех остальных видов наказаний, которые предусмотрены в ст. 44 УК РФ, и которые потенциально могут быть или должны быть включены в санкцию статьи об ответственности за преступление той или иной категории. Это отдельная и самостоятельная исследовательская и нормотворческая задача, по итогам которой на основе принципов уголовного права будут связаны воедино положения ст. 44, ст. 15

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 8.

² См., например: Михаль О.А. Классификация преступлений: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Омск, 1999. – С. 8; Гонтарь И.Я. Категоризация преступлений в основании институтов уголовного права: социально-правовые последствия // Известия вузов. Правоведение. – 2003. – № 4 (249). – С. 116 – 128; Густова Э.В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 148 – 149; Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в общей и особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2019. – С. 8.

и ст. 60 УК РФ, а категоризация преступлений будет представлена в виде их градации на группы, исходя из того, какие виды наказаний и в каком размере, установленном в минимальном и максимальном пределах, могут быть предусмотрены в санкциях статей об ответственности за посягательства той или иной определенной категории.

Во-вторых, это установление дифференцированных порогов наказуемости в зависимости от особенностей основания уголовной ответственности. Как известно, нормативное предписание Особенной части уголовного права отражает опасность оконченного преступления, совершенного исполнителем. Наряду с этим, закон содержит «поправочные коэффициенты» в виде предписаний ст. 66 УК РФ, ограничивающей максимально возможное наказание в случае совершения неоконченного преступления. В тоже время аналогичных ограничений или дифференцированных правил, ориентированных на соучастников преступления, в законе нет (положения ст. 67 УК РФ слишком аморфны и неконкретны на этот счет). Данное обстоятельство также уже давно воспринимается наукой в качестве законодательного дефекта, в связи с чем специалистами разработаны различные варианты корректировки ст. 67 УК РФ¹. Поддерживая эту идею, оставим ее детальную разработку для специальных исследований.

Констатируем главное в контексте нашей темы: корректировка положений ст. 15 УК РФ и ст. 67 УК РФ должны привести к установлению исходных системообразующих параметров наказуемости преступлений различных видов. По итогам этой большой работы должны быть создана правовая конструкция пределов наказуемости преступлений, столь необходимая в современных российских условиях, когда дисбаланс и

---

¹ См., например: Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – С. 8; Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 12; Илidgeв А.А. Значение дополнительных критериев при назначении наказания за преступления, совершенные в соучастии // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 1; Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012.

асистемность санкций в нормативных предписаниях Особенной части стали практически непереносимыми. Сложно согласиться с тем, что убийство несовершеннолетнего (без квалифицирующих признаков), квалифицируемое по ч. 1 ст. 105 УК РФ влечет наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет, а содействие самоубийству несовершеннолетнего, повлекшее покушение на самоубийство, по ч. 5 ст. 110.1 УК РФ – лишение свободы на срок от 6 до 12 лет. Равным образом несопоставимы санкции за совершенный исполнителем оконченный террористический акт (лишение свободы на срок от 10 до 15 лет по ч. 1 ст. 205. УК РФ) и пособничество в совершении террористического акта (лишение свободы на срок от 10 до 20 лет по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ). Нет логики в соотношении санкций за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (максимум наказания – три года лишения свободы по ч. 1 ст. 354 УК РФ) и призывы к введению санкционных мер против России (максимум – те же три года лишения свободы в ст. 284.2 УК РФ). Список таких произвольно установленных санкций можно продолжать. Их выявление и анализ не является целью нашего исследования. Еще раз подчеркнем – само наличие подобных санкций, по нашему убеждению, является следствием теоретической неразработанности и нормативной пробельности правовой конструкции пределов наказуемости общественно опасных деяний. По этой причине дальнейшее исследование вопроса о наказательной части уголовно-правового предписания в рамках нашей работы просто не представляется возможным, ибо *анализ параметров системности санкций нормативных предписаний Особенной части уголовного права в отсутствие общих, системообразующих требований закона будет лишен объективности.*

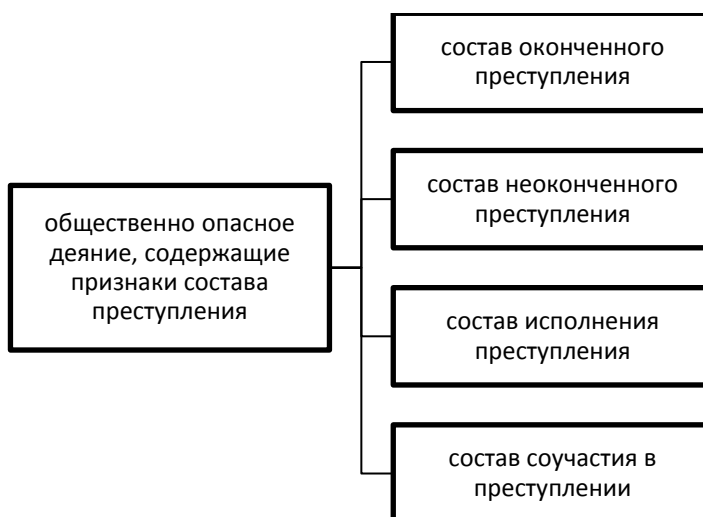
Иные, более широкие и реальные возможности для изучения вопросов системности нормативных предписаний Особенной части уголовного права предоставляет обращение к правовой конструкции основания уголовной ответственности, которую справедливо рассматривать в качестве основы для изучения системных параметров диспозиций.

Основание ответственности, как гласит ст. 8 УК РФ, есть совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления. Деяние это может иметь различные внешние формы проявления. Данное обстоятельство (в отличие от российского закона) прямо зафиксировано в ст. 10 УК Республики Беларусь, согласно которой основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного кодексом деяния в виде: 1) оконченного преступления; 2) приготовления к совершению преступления; 3) покушения на совершение преступления; 4) соучастия в совершении преступления¹.

Схематично конструкция основания уголовной ответственности может быть представлена следующим образом (см. схему 3).

Схема 3. Основание уголовной ответственности

Поскольку диспозиции предписаний Особенной части уголовного права должны адекватным образом описывать основания ответственности за преступления определенного вида, надо признать, что системность этих предписаний будет обеспечена, прежде всего, в том случае, когда само это описание будет соответствовать положениям Общей части уголовного права, определяющим конститутивные признаки каждой разновидности поведения, претендующего на основание уголовной ответственности.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. 9 июля 1999 г. № 275-З. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 11.01.2022).

С этих позиций представляется возможным дать анализ соблюдения системных параметров Особенной части уголовного права в контексте их субординационных связей с положениями Общей части.

1. Гипотезы нормативных предписаний Особенной части уголовного права должны описывать общественно опасное деяние.

Таково первое правило, прямо закрепленное ст. 8 УК РФ. Как пишет Ю.Е. Пудовочкин, «эта простая и естественная формула не существовала изначально. Она прошла длительный период кристаллизации и отражает гуманистические представления о взаимоотношениях государства и личности в сфере уголовно-правовых отношений»¹. Современный закон стремится строго ее придерживаться, не допуская криминализации мыслей, настроений, убеждений, состояний, статусов, гарантируя тем самым внутреннюю свободу человека и такие ее проявления, которые не связаны с внешним взаимодействием человека и социальной среды. Тем не менее, в структуре кодекса в последнее время появляются предписания, которые расходятся с этим системообразующим требованием.

Так, при исследовании ст. 210.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, возникает острый вопрос о том, насколько соответствующий состав преступления отвечает требованию криминализации лишь деяний. Согласно официальным сведениям о состоянии судимости в стране², за период действия данной статьи по ней не было вынесено ни одного обвинительного приговора.

Однако в судебной практике вопрос о специфике объективной стороны этого преступления уже вызвал серьезные споры. Так, определением Первого апелляционного суда общей юрисдикции, которым было оставлено без изменения постановление Тверского областного суда о возвращении

---

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. Избранные лекции. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 7.

² См. информацию на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в сети «Интернет» по адресу: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.03.2022). Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам».

уголовного дела прокурору в отношении Атабекян, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, указывалось: «Утверждение автора апелляционного представления о том, что объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, образует уже факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, то есть сам по себе криминальный статус этого лица без обязательного указания на совершение этим лицом каких-либо неправомерных действий, связанных с использованием этого статуса, по мнению судебной коллегии, не основано на законе, поскольку такой подход противоречит понятию преступления, установленному ст. 14 УК РФ»¹. Однако это решение было отменено Вторым кассационным судом общей юрисдикции, который в своем определении отметил: «Из диспозиции ст. 210.1 УК РФ следует, что данная норма уголовного закона преступным признает сам факт занятия обвиняемым высшего положения в преступной иерархии и не требует от лица соучастия в любой форме в каком-либо ином преступлении, совершения действий по организации, планированию, руководству преступной деятельностью, как не содержит иных обязательных условий для предъявления обвинения по ст. 210.1 УК РФ»².

Такая же полярность суждений свойственна и научным исследованиям. Если некоторые авторы полагают, что в ситуации, предусмотренной ст. 210.1 УК РФ объективная сторона преступления состоит в наличии у лица определенного статуса и потому не нужно доказывать, что это лицо совершает какое-либо деяние³, то другие настаивают на том, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, может быть привлечено к уголовной ответственности не за этот статус, а за совершение

---

¹ Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.09.2020 г. по делу № 55-1421/2020.

² Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1.04.2021 г. по делу № 77-866/2021.

³ Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 3 (21). – С. 26 – 31; Выползова С.Е., Томилова Е.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемные вопросы и перспективы развития // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 9 (27). – С. 81 – 83.

конкретных действий, описанных в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ¹, хотя сами действия трактуются весьма неоднозначно².

В этой дискуссии столкнулось два мнения: часть юристов признает легитимность ст. 210.1 УК РФ вопреки ст. 8 УК РФ, другие же, отталкиваясь от ст. 8 УК РФ, пытаются дать такое истолкование ст. 210.1 УК РФ, расходящееся с ее буквальным смыслом. Однако истина, на наш взгляд, в другом: в ст. 210.1 УК РФ криминализировано нечто, что не является деянием, и такая криминализация входит в глубокое противоречие с нормативно установленным общим пониманием основания уголовной ответственности. Совершенно справедливы в этом отношении утверждения А.В. Бриллиантова и А.Д. Щербакова, которые связывают положения ст. 210.1 УК РФ с теорией опасного состояния личности: «появление ст. 210.1 в структуре УК РФ является опасным прецедентом по возрождению идеи об опасном состоянии личности или же опасной личности в известном извращении указанной категории»³.

С позиций принципа криминализации лишь деяний возникают определенные сомнения в системном соответствии требованиям ст. 8 УК РФ и таких преступлений, которые, по сути, состоят в обнаружении, демонстрации, заявлении собственного мнения. Речь идет, например, о деяниях, которые предусмотрены в ч. 1 ст. 148 УК РФ – публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих; ст. 205.6 УК РФ – несообщение о преступлении. Грань между, с одной стороны, свободой выражения собственного мнения, в том числе мнения, которое по каким-то причинам неудобно для окружающих, не разделяется или не соответствует общепринятым представлениям и взглядам, и с другой стороны,

---

¹ Рагулин А.В., Фелелов В.В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 69; Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: статус или деяние? // Уголовное право. – 2019. – № 6. – С. 81 – 85.

² Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 1. – № 2 (98). – С. 193 – 199.

³ Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 94.

преступлением, крайне тонка и конституционно значима. Международное и конституционное право уделяют повышенное внимание ее установлению¹, в связи с чем гипотезы нормативных предписаний Особенной части уголовного права должны отвечать весьма высоким стандартам. В.Д. Зорькин справедливо пишет: «чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»².

Наконец, не прекращается дискуссия относительно понимания основания уголовной ответственности в статьях, описывающих преступления с административной преюдицией. Позиции юристов здесь давно обозначены и аргументированы. Одни признают, что соответствующие конструкции допустимы и основаны на специфике механизма взаимодействия уголовного и административно-деликтного права³, другие авторы последовательно исходят из того, что преступление с административной преюдицией есть искусственно созданная конструкция, средство наращивания репрессивных начал уголовного права, превращающее административное правонарушение в преступление только исходя из особенностей личности правонарушителя, склонного к повторению антиобщественных поступков, в связи с чем

---

¹ Принципиально важные положения по заявленной проблеме содержатся в Замечании общего порядка № 34, принятом на 102 сессии Комитета ООН по правам человека. См.: Голубок С.А., Тимофеев М.Т. Где начинается и чем кончается свобода слова: замечание общего порядка № 34 Комитета по правам человека // Международное правосудие. – 2012. – № 3.

² См.: Зорькин В.Д. Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. – С. 21 – 58.

³ См.: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 174; Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. – 2009. – № 10. – С. 69 – 79; Лапина М.А., Карпухин Д.В., Трунцевский Ю.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 11. – С. 1138 – 1148.

усматривают в ней воплощение отвергнутой историей концепции опасного состояния личности¹.

Не углубляясь в детальное исследование вопроса, отметим, что даже в рамках концепции «основание ответственности – деяние» рассматриваемые преступления не вполне вписываются в стандарты. Если вслед за Н.А. Лопашенко признавать, что объективная сторона в преступлениях с административной преюдицией является сложной и образуется двумя административными правонарушениями, за первое из которых лицо было привлечено к административной ответственности, то привлечение к ответственности за преступление с административной преюдицией грубо нарушает принцип справедливости в части недопущения реализации ответственности дважды за одно и то же. Если же вслед за В.В. Хилютой и иными юристами ограничивать объективную сторону преступления с административной преюдицией лишь вторым проступком, который совершен специальным субъектом (административно наказанным лицом)², то возникают серьезные сомнения относительно того, насколько деяние в данном случае соответствует конституционным представлениям о параметрах «криминальной общественной опасности». Не случайно в целом ряде случаев суды вынуждены обращаться к положениям ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния при рассмотрении уголовных дел о преступлениях с административной преюдицией³.

---

¹ См.: Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3; Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 119–125; Мамхатов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. – 2015. – № 8. – С. 72 – 74; Яценко Б. В. Состояние административной наказанности как юридический факт уголовного права и его функции // Уголовное право. – 2021. – № 8. – С. 44 – 52; Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 90 – 99 и др.

² Хилюта В.В. Административная преюдиция в контексте понимания преступления и его признаков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. – № 1. – С. 4 – 11; Семенова Д.М. К вопросу о конструировании составов преступлений с административной преюдицией // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 1(81). – С. 60 – 63; Пудовочкин Ю.Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика). – М.: Юрлитинформ, 2022 и др.

³ См., например: приговор Советского районного суда (Саратовская область) от 20.05.2020 г. по делу № 1-30/2020; приговор Абазинского районного суда (Республика Хакасия) от 21.07.2020 г. по делу № 1-77/2020; апелляционное постановление Ярославского областного суда от 23.09.2020 г. по делу № 1-

Важные указания относительно понимания криминальной общественной опасности и допустимости криминализации деяний, состоящих в неоднократном нарушении каких-либо запретов сформулировал Конституционный Суд РФ в постановлении по делу И.И. Дадина. Суд, хотя и признал в этом постановлении конституционность ст. 212.1 УК РФ, тем не менее дал такое ее истолкование, которое, по сути своей исключает признание преступлением самого по себе факта неоднократного совершения административных проступков как такового. В постановлении указано, в частности, что «при установлении уголовной ответственности за повторное (неоднократное) нарушение тех или иных запретов нельзя не учитывать природу таких правонарушений, исключающую отнесение к преступлениям деяний хотя и противоправных, но не обладающих действительной общественной опасностью (*malum prohibitum*)». Соответственно, введение уголовной ответственности за неоднократное совершение административного правонарушения допустимо, если она эквивалентна характеру и степени общественной опасности подпадающего под нее деяния, не влечет избыточного уголовного принуждения и не приводит к отступлению от принципов равенства, соразмерности и справедливости¹.

2. Описанное в гипотезе нормативных предписаний Особенной части уголовного права преступление должно системно отражать признаки состава.

Тот факт, что признаки каждого состава преступления описываются одновременно в Общей и в Особенной части уголовного закона, и что состав преступления являет собой систему этих признаков, сегодня не вызывает сомнений. Любое нормативное предписание Особенной части, конструируя признаки состава, отличающие одно преступление от другого, должно быть согласовано с положениями Общей части уголовного права, которыми

115/2020); апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 19.08.2020 г. по делу № 22-1578/2020; приговор Советского районного суда (Саратовская область) от 27.07.2020 г. по делу № 1-53/2020; апелляционное постановление Пензенского областного суда от 26.08.2020 г. по делу № 1-29/2020 и др.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 9. – Ст. 1422.

единообразно устанавливаются признаки, общие для всех составов. Таковыми, исходя из положений закона, выступают признаки субъективной стороны и субъекта преступления. Отнесение данных признаков к сфере регулирования Общей части уголовного права отражает прямое действие принципа вины. Как право ответственности за виновно совершенные поступки, уголовное право предполагает, что любое преступление совершается мыслящим субъектом с осознанием вредности и запрещенности совершаемого деяния. Это цивилизационно значимая характеристика отрасли, существенным образом ограничивающая сферу применения мер уголовной репрессии и гарантирующая равенство граждан. Можно уверенно утверждать, в связи с этим, что признаки субъективной стороны преступления и субъекта, будучи включенными в содержание уголовно-политической концепции государства, выполняют важную системообразующую, системообеспечивающую функцию.

Ключевым предписанием, позволяющим установить форму вины в преступлении, выступает ч. 2 ст. 24 УК РФ, согласно которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. Толкование этого положения неоднозначно в теории и на практике. Конституционный Суд РФ исходит из того что, если в диспозиции соответствующих статей закона нет указания на совершение деяния по неосторожности, то предполагается, что оно может быть совершено только с умыслом¹. В тоже время Пленум Верховного Суда РФ придерживается иного толкования: «Исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи ... форма вины не конкретизирована, то соответствующее ... преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 9. – Ст. 1422; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 1921.

деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления»¹.

Такие расхождения не позволяют достоверно установить законодательное намерение относительно вины в целом ряде составов преступлений, предусмотренных, например ст. 246, ч. 1 ст. 248, 250, ч. 1 ст. 251 УК РФ и др. Наука давно обращает внимание на эту проблему, рассматривая ее по преимуществу как часть учения о квалификации отдельных преступлений². Однако суть ее глубже – в обеспечении системного соответствия предписаний Особенной части уголовного права общей конструкции основания ответственности.

Разрешить частные, но от этого не менее важные, проблемы квалификации можно только при однозначном понимании ч. 2 ст. 24 УК РФ. Представляется, что ее изначальная редакция (до 1998 года), согласно которой деяние, совершенное по неосторожности, признавалось преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ, обладала большим системообразующим потенциалом³. Изменение же нормы не только расширило возможности применения уголовного закона к ситуациям неосторожного причинения вреда (к примеру, согласно изначальной редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ, заражение другого лица венерической болезнью могло квалифицироваться лишь как умышленное преступление, а после 1998 года – как умышленное либо неосторожное), но и внесло существенный дисбаланс в систему предписаний Особенной части. Показательна в этом отношении ситуация с толкованием признаков изнасилования, повлекшего заражение потерпевшей венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией. Поскольку в п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ и в ст. 121 УК РФ форма вины по

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 12.

² См., например: Лопашенко Н.А. Экологические преступления. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002; Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003 и др.

³ См.: Новое уголовное право России. Общая часть. Учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1996. – С. 51.

отношению к заражению потерпевшего венерическим заболеванием не определена, Пленум Верховного Суда РФ указал, что ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ наступает в случаях, когда лицо, заразившее потерпевшую венерическим заболеванием, предвидело возможность или неизбежность заражения и желало или допускало такое заражение, а равно когда оно предвидело возможность заражения потерпевшего лица, но самонадеянно рассчитывало на предотвращение этого последствия, то есть допустил и умышленное и неосторожное отношение к последствиям изнасилования¹. Однако применительно к п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ, несмотря на прямое указание закона о неосторожном отношении виновного ко всем последствиям, описанным в этом положении закона, Пленум Верховного Суда РФ постановил квалифицировать по данной норме изнасилование, повлекшее как неосторожное, так и умышленное заражение потерпевшей ВИЧ-инфекцией. С точки зрения соблюдения системных правил квалификации изнасилования такая рекомендация вполне оправдана, однако она расходится с непосредственным текстом уголовного закона.

Системное толкование УК РФ вопреки тексту УК РФ есть феномен не просто нежелательный с теоретико-прикладной точки зрения, но и в целом немислимый. Его наличие, если обобщить ситуацию, отчетливо свидетельствует о том, что нормативные предписания относительно признаков отдельных составов преступлений не соответствуют системообразующим предписаниям Общей части, при том, однако, обстоятельстве, что сами эти системообразующие предписания лишены необходимой определенности.

Не меньше сложностей вызывает порой и толкование признаков субъекта преступления. Общие его признаки (возраст и вменяемость) установлены в ст. 19 – 22 УК РФ. В статьях Особенной части могут фиксироваться иной, повышенный возрастной порог ответственности, либо

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2.

прямо (как это сделано в ч. 1 ст. 150 УК РФ), либо опосредованно (путем указания, например, на должностной статус субъекта).

Проблемы с соблюдением начал системности возникают при толковании общих признаков субъекта, как минимум, в двух ситуациях:

- при установлении возрастного признака подстрекателей, пособников и организаторов в тех преступлениях, состав которых в Особенной части содержит указание на возможность исполнения преступления только восемнадцатилетним лицом;

- при установлении возрастного порога субъекта преступления, которое, согласно закону, совершается против несовершеннолетнего лица (в основном или квалифицированном составах).

Вопросы о том, например, может ли нести ответственность за организацию вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления лицо, достигшее 16 лет, или может ли за понуждение несовершеннолетней к половому сношению (ч. 2 ст. 133 УК РФ) нести ответственность несовершеннолетний сверстник потерпевшей или даже лицо, младше ее по возрасту, способны породить неоднозначные ответы. Причина тому очевидна – несогласованность общих и специальных положений закона относительно характеристики возраста субъекта преступления.

3. Описанное в гипотезе нормативных предписаний Особенной части уголовного права деяние должно соответствовать конструкции неоконченного преступления и соучастия.

Это еще одно значимое направление анализа проблем согласованности положений Общей и Особенной части уголовного права. Реализованные в законе асистемные решения можно проиллюстрировать здесь несколькими ситуациями.

Так, хотя закон четко противопоставляет оконченное и неоконченное преступление (ст. 29, ст. 30 УК РФ), объективная сторона некоторых преступных деяний описывается таким образом, что объемлет собой эти различающиеся варианты поведения. Классическим выражением этой

несогласованности служат составы посягательства на жизнь (ст.ст. 277, 295, 317 УК РФ). Как отмечалось в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, под посягательством на жизнь понимается убийство либо покушение на убийство¹. Такое толкование является устоявшимся и сохраняется по сегодняшний день².

В науке специальные нормы об ответственности за посягательства на жизнь активно критикуются с точки зрения соблюдения принципа равенства граждан перед законом³. К этой критике, полагаем, следует добавить и аргументы, связанные с характеристикой признаков объективной стороны данной группы преступлений. Обоснованность признания в рамках одного состава оконченным преступлением и убийства, и покушения на него вызывает сомнения. Исходя из этих соображений, к примеру Э.Ф. Побегайло предлагал ограничить объем понятия «посягательство» только случаями покушения на жизнь и квалифицировать оконченные убийства по статье об ответственности за преступление против личности при квалифицирующих признаках (в действующем законе – п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ)⁴. Иные авторы, напротив, считают необходимым изменить закон таким образом, чтобы объективную сторону преступлений, предусмотренных ст.ст. 277, 295, 317 УК РФ), образовывало только оконченное убийство, тогда как покушение на него квалифицировалось бы с учетом общих предписаний ст. 30 УК РФ, что позволит «избежать противоречий между нормами Общей и Особенной

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.09.1991 № 3 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ. 1961 – 1993. – М.: Юридическая литература, 1994 (постановление утратила силу в связи с изданием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 8).

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X – XII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 26 (автор комментария – И.В. Крупнов).

³ См. об этом: Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 108 – 109; Лопашенко Н.А. Убийства. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 329 – 334.

⁴ Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Воронеж, 1965 // Побегайло Э.Ф. Избранные труды. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. – С. 488 – 491.

части УК РФ относительно правил назначения наказания за оконченное и неоконченное преступление»¹.

Вторая ситуация рассогласования предписаний Особенной части уголовного права с положениями Общей части касается вопросов соучастия. Яркий пример здесь – ст. 263.1 УК РФ, которая устанавливает ответственность за неисполнение требований по соблюдению (ч. 1) или обеспечению (ч. 2) транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба. С субъективной стороны данное преступление характеризуется неосторожной формой вины². Однако в ч. 3 ст. 263.1 УК РФ предусмотрено усиление ответственности в случае совершения данных преступлений группой лиц по предварительному сговору, а в ч. 4 – при их совершении организованной группой. Между тем, эти групповые образования характеризуют формы соучастия, которое, согласно ст. 32 УК РФ, может иметь место лишь при совершении умышленных преступлений. Соучастие в неосторожных преступлениях, по закону, невозможно. Н.И. Пикуров пытается обосновать законодательные конструкции групповых неосторожных преступлений в данном случае тем обстоятельством, что само деяние – нарушение специальных требований транспортной безопасности – может быть выполнено согласованными усилиями нескольких лиц (хотя автор и вынужден констатировать, что оптимальным в данном случае является конструирование норма о неосторожном сопричинении в Общей части уголовного права)³. Однако нарушение правил – как деяние – не есть само по себе преступление. Состав преступления образуется нарушением правил, повлекшим по неосторожности определенные последствия. И

---

¹ Кургузкина Е.Б., Ратников А.В. Проблемы законодательной конструкции объективной стороны посяательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4 (39). – С. 336.

² См. Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений. – М.: РГУП, 2011. – С. 117

³ Пикуров Н.И. Новое в уголовно-правовой охране транспортной безопасности // Уголовное право. – 2014. – № 3. – С. 61. См. об этом также: Мухортова М.В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 14.

соучастие может быть мыслимо только как совместное участие в преступлении в целом, а не в отдельной его части. Если же допускать возможность согласованных действий нескольких лиц при совершении только элемента преступления – нарушения правил – то надо сознавать, что такое нарушение есть административный проступок, в КоАП РФ допускает только одну форму совместного его совершения – соисполнительство, в то время как в уголовном праве группа лиц по предварительному сговору и организованная группа допускают распределение ролей.

Наконец, третья, самая распространенная сегодня проблемная ситуация – это криминализация на уровне отдельных предписаний Особенной части уголовного права действий, которые представляют собой либо отдельные деяния соучастников, либо приготовительные деяния. Речь идет о весьма масштабной практике конструирования составов преступлений, нашедшей отражение в предписаниях ст. 150 (вовлечение несовершеннолетнего в преступление), ст. 204.1 (посредничество в коммерческом подкупе), ст. 205.1 (содействие террористической деятельности), ч. 1.1 ст. 212 (вовлечение в организацию массовых беспорядков), ч. 1.1 ст. 282.1 (вовлечение в деятельность экстремистского сообщества), ст. 291.1 (посредничество во взяточничестве), ч. 2 ст. 361 (финансирование или вовлечение в совершение акта международного терроризма) и др.

В науке по поводу данной группы нормативных предписаний (и соответствующих составов преступлений) оформилось две основные позиции.

Согласно одной («оправдывающей») самостоятельная криминализация отдельных действий, составляющих внешнее выражение соучастия в преступлении или стадию неоконченного преступления, вполне допустима и обосновывается необходимостью снятия, преодоления тех ограничений, которые заложены в базовых институтах соучастия и неоконченного преступлений. А.С. Некоз прямо пишет: «Общая линия криминализации отдельных соучастных действий (это касается не только различных видов

подстрекательской, но также пособнической и организаторской деятельности) вызвана тремя основными причинами: недостаточностью существующей модели оснований ответственности для лиц, непосредственно причастных к преступной деятельности; разнообразием форм самой общественно опасной деятельности, в последнее время не сводимой только к совершению конкретных преступлений; насущной потребностью в уголовно-правовой охране ценных социальных объектов»¹. На этих позициях в той или иной степени стоят исследователи, обосновывающие практическую целесообразность и теоретическую допустимость криминализации призывов к осуществлению террористической² или иной противоправной³ деятельности, ее организации и финансирования⁴, посредничества во взяточничестве⁵ и в иных преступлениях⁶ и др.

Второй («отрицающий») подход состоит в непризнании практики самостоятельной криминализации неоконченного преступления и видов соучастия. Общий повод для критики – рассогласование соответствующих положений Особенной части уголовного права с общими нормативными конструкциями и создание дублирующих норм. На материалах анализа института соучастия В.Ю. Шубина, к примеру, утверждает, что «в настоящее время базовая структура данного института содержит в себе внутреннее противоречие (коллизия) между предписаниями Общей и Особенной частей УК РФ, ибо в рамках последней (ст. 205.1, 290.1) вопреки первой из них (ч. 5

---

¹ Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 177.

² Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. – Тверь: Тверской гос. университет, 2011.

³ Балашов В.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.

⁴ Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012; Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2010; Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010.

⁵ Краснопева Е.В. Взятничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002

⁶ Сунгатуллин А.Ю. Посредничество в совершении преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016; Гейнце О.В. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2022.

ст. 33) пособничество признается исполнением преступления»¹. Исходя из этих теоретических позиций, а также ссылаясь на практическую нецелесообразность наличия в УК РФ дублирующих норм, специалисты предлагают исключить из закона ст. 205.1 и ст. 290.1 УК РФ², а равно предписания об ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничества, прохождение обучения для целей совершения террористических преступлений³ и др. Для восполнения же возможных пробелов в криминализации некоторых деяний юристами разрабатываются предложения по корректировке положений Общей части, например, за счет расширения общих оснований наказуемости приготовления к преступлению⁴ или перечня способов пособничества⁵.

Представленный анализ проблем рассогласования нормативных предписаний уголовного права убедительно доказывает два тезиса, характеризующих современное состояние системы уголовного права.

Во-первых, на основе структурированных рассуждений подтверждает наличие серьезного дисбаланса между Общей и Особенной частями российского уголовного права во всех аспектах содержания уголовно-правовой нормы, в части соблюдения общих нормативных представлений как

Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – С. 8 – 9.

² Кленова Т.В. К вопросу о конкретизации составов преступлений // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Международ. науч.-практ. конф. – М.: ЛексЭст, 2003. – С. 112 – 113; Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 259; Агапов П.В., Михайлов К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. – С. 35 – 36.

³ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования уголовного кодекса Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 84 – 92.

⁴ Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 234 – 235; Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 6 – 7; Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – С. 11 – 12.

⁵ Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – С. 7; Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – С. 9; Петрушенков А.Н. Эффективность норм о соучастниках преступлений при формировании общей и особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в Российском законодательстве. – 2015. – № 2. – С. 116.

об основании уголовной ответственности, так и о пределах наказуемости общественно опасных деяний.

Во-вторых, демонстрирует отсутствие в современной науке консенсуальной позиции относительно путей выхода из сложившейся ситуации. Условно, но вполне отчетливо все заявления юристов распадаются на две группы. Одни призывают к тому, чтобы скорректировать предписания Особенной части в соответствии с теми стандартами, которые определены Общей частью уголовного права; другие, напротив, высказываются за приведение Общей части в соответствие с изменившимися параметрами части Особенной, которая, по их мнению, в большей степени адекватна потребностям текущего момента.

Оценивая эти научные позиции, нельзя не заметить, что в них отчетливо проявляет себя диалектика традиций и новаций в уголовном праве¹, борьба консервативных начал Общей части с динамично развивающимися предписаниями части Особенной. Однако «консерватизм» в данном случае не является синонимом «отсталости» или «неадекватности». Консерватизм отражает функциональное назначение Общей части – обеспечивать стабильность и системность уголовного права как целого. Это не означает, что Общая часть не может или не должна меняться и что все развитие уголовного права должно двигаться в направлении последовательного и неуклонного воплощения в нормативных предписаниях Особенной части общих, установленных в законе, положений. Много (если не все) из того, что сегодня мы относим к фундаментальным началам отрасли, в том числе упомянутые системообразующие требования принципа вины, ответственности лишь за общественно опасное деяние, системный характер состава преступления, - все это в момент своего возникновения выглядело как революционная трансформация уголовного права, как формирование его качественно новой (по сравнению с ранее

---

¹ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19). – С. 9 – 28.

существовавшей) концепции. Прав М.С. Жук, когда сравнивает корректировку положений Общей части уголовного права с «расщеплением атома», «вмешательством в генетический код», «революцией в уголовном праве». «Как и всякая революция, - пишет он, - поправки в Общую часть должны иметь под собой весомые, достаточные социально-правовые, политико-экономические и идейно-идеологические причины; и, кроме того, должны признаваться крайним, единственно возможным средством оптимизации уголовного права»¹.

С этих позиций следует признать, что выбор путей дальнейшей работы по обеспечению системности нормативных предписаний Особенной части уголовного права и обеспечению их взаимосвязи с частью Общей, в настоящий момент может рассматриваться не просто как технический выбор направления законопроектных работ и научных исследований, но как выбор цивилизационный. Исследование системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права показал: все, что воспринимается сегодня в качестве дефектов системы уголовного права, в реальности выступает средством компенсации ограничений и стандартов, заложенных в Общей части уголовного права. В таких условиях оценивать рассогласования только как «дефект» вряд ли можно. Они есть не столько «дефект», сколько «симптом», свидетельство неполной, недостаточной адекватности традиционных представлений об основаниях уголовной ответственности и пределах наказуемости насущным потребностям противодействия преступлениям. По этой причине необходимо всецело поддержать поиски специалистов в направлении создания новой (обновленной) концепции уголовного права². Только при условии, что эта концепция, учитывающая

---

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 262 – 263.

² Звечаровский И. О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 32 – 34; Голик Ю., Иногамова-Хегай Л., Комиссаров В., Номоконов В. О национальной концепции уголовного права // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 18 – 20; Наумов А.В. О будущем российского уголовного права - законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 6. – С. 15 – 20; Баумштейн АБ. Концептуальные начала уголовного права в современной России // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 35. – С. 79 – 85.

позитивный опыт прошлого и перспективные новации, будет найдена, можно будет вести речь о конкретных шагах по обеспечению системной взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного права.

Подводя итоги данной части исследования, полагаем возможным сформулировать следующие основные тезисы, значимые как для раскрытия заявленной темы, так и для практического развития системы уголовного права:

- взаимосвязь Общей и Особенной части уголовного права не должна рассматриваться исключительно с позиций формально-логического анализа, но может быть адекватно понята и описана лишь при условии верного понимания целевого и функционального назначения этих элементов в системе отрасли;

- если предписания Особенной части поддерживают сложившийся и признанный в обществе баланс конституционных ценностей, то предписания Общей части в большей степени направлены на то, чтобы обеспечить сбалансированность интересов личности и государства непосредственно в процессе уголовно-правового регулирования; в этом отношении они выступают фундаментом всех положений Особенной части, выполняя системообразующую и системосохраняющую функции;

- задача построения концептуально обоснованной и инструментально окрашенной теории взаимосвязи Общей и Особенной части уголовного права может быть решена при условии, если в ее основу будут положены правовые конструкции основания уголовной ответственности и пределов наказуемости, которые принципиально определяются в Общей части уголовного права и детализируются, конкретизируются в предписаниях Особенной части;

- системный анализ предписаний Особенной части (их гипотез и диспозиций) свидетельствует, что в значительной части случаев системосохраняющие функции конструкций основания и пределов наказуемости оказываются нереализованными: а) гипотезы нормативных

предписаний Особенной части уголовного права описывают деяния, которые не являются общественно опасными, либо вовсе описывают нечто, что не является деянием; закрепленные в них признаки конкретных составов оказываются несогласованными с системообразующими субъективными признаками преступлений; ряд составов преступлений не вписывается в общие представления о соучастии в преступлениях и стадиях его совершения; б) диспозиции нормативных предписаний Особенной части являются расбалансированными и не учитывающими в должной мере представления об опасности преступлений определенного вида;

- современные проявления асистемности уголовного права в значительной степени вызваны стремлением законодателя компенсировать или преодолеть те ограничения и пробелы, которые заложены в нормативных предписаниях Общей части уголовного права, что свидетельствует о неполном соответствии конструкций основания и пределов наказуемости реализуемой в стране уголовной политике и требует серьезной их корректировки, в том числе на основе модернизированной теоретической концепции уголовного права;

- дисбаланс предписаний Общей и Особенной части уголовного права должен преодолеваться на основе последовательного соблюдения общих правовых конструкций оснований и пределов уголовной ответственности, при том неременном условии, что сами эти конструкции, во-первых, созданы, и во-вторых, адекватны актуальным потребностям противодействия преступности.

§ 3. Систематизация предписаний и институтов Особенной части уголовного права

Вопросы совершенствования нормативной основы уголовно-правового регулирования и уголовно-правовой охраны выступают сегодня приоритетной повесткой научных исследований и законотворческой

практики¹. В период с 2017 по 2021 год, согласно официальным данным, более 3% всех законопроектов, рассматриваемых в Государственной Думе РФ, были связаны с внесением тех или иных изменений в уголовный закон, в предшествующую пятилетку – с 2012 по 2016 годы – более 4,5%². Количество внесенных в УК РФ отдельных изменений давно исчисляется тысячами, так что их подсчет, некогда интересовавший юристов в качестве свидетельства динамики уголовного закона, уже перестал быть интересной интеллектуальной задачей.

Некоторые специалисты связывают такую ситуацию с изначальной ущербностью УК РФ. Л.С. Аистова, к примеру, пишет: «УК РФ 1996 года, в противоположность УК 1922 г., разработанному в соответствии с четкими идеологическими постулатами, не явился ни результатом первых, ни результатом серьезных научных исследований относительно того, каким должно быть российское уголовное законодательство нового периода, ни результатом анализа законодательства ведущих зарубежных государств с развитой рыночной экономикой. ... При концептуальной разработке содержания УК 1996 г. был допущен ряд ошибок методологического характера, касающихся системы Особенной части Уголовного кодекса, которые за десятилетие его существования и последующими радикальными изменениями не были устранены, а наоборот, проявились негативно»³. Аналогичной позиции в оценках придерживается М.М. Нафиков⁴.

Полагаем необходимым отметить, что подобного рода оценки и суждения являются неоправданно категоричными и не соответствуют действительности. История разработки и принятия ныне действующего УК

---

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованной работы, см.: Асланян Р.Г. Структура особенной части уголовного права и ее элементный состав. – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2021.

² Подсчитано нами на основании данных, размещенных на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ в сети «Интернет» по адресу: https://sozd.duma.gov.ru/oz#data_source_tab_b (дата обращения: 15.03.2022).

³ Аистова Л.С. Актуальные проблемы построения системы Особенной части УК РФ // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2007. – С. 22.

⁴ Нафиков М.М. Система Особенной части УК РФ: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 100.

РФ свидетельствует, как раз об обратном, о глубокой и всесторонней проработке проектов кодекса вообще и системы его Особенной части, в частности¹. Это, конечно, не снимает вопроса о качестве действующего уголовного закона. Но видеть причины его несовершенств в методологических просчетах составителей и в отсутствии научной базы, совершенно неправильно. Именно изначальное качество уголовного закона дало ему определенный «запас прочности», благодаря которому кодекс и сегодня (плохо ли, хорошо ли) сохраняет потенциал действующей нормативной базы предупреждения преступлений.

Тем не менее, проблемы оптимизации и модернизации уголовного права, в том числе его Особенной части, будучи объективными и неизбежными на любой стадии его развития (вне зависимости от того, идет ли речь об этапе разработки нового кодекса или этапе текущего правотворчества), в настоящий момент, действительно приобрели характер важнейшей, едва ли не национальной, задачи.

Не смысла на страницах настоящей работы анализировать или хотя бы перечислять обширный список научных публикаций и законопроектных предложений, направленных на совершенствование Особенной части уголовного закона. Достаточно сказать, что все они, условно, но вполне отчетливо делятся на две большие и неравновесные группы. Наиболее объемная посвящена вариантам содержательной коррекции отдельных нормативных предписаний или их групп. Существенно меньшее внимание в литературе уделяется вопросам их систематизации и структурирования. При этом весьма часто постановка общей проблемы совершенствования системы предписаний Особенной части уголовного права на деле заканчивается исследованием частных вопросов – оптимизации используемой законодателем терминологии², коррекции некоторых положений уголовного

---

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. К истории проектов уголовных кодексов Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1995. – № 2. – С. 54 – 62; Кузнецова Н.Ф. Основные черты Особенной части УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1996. – № 5. – С. 14 – 31.

² Долгий В.Ю. Соблюдение системности при формировании Особенной части УК РФ // *Novaum.ru*. – 2018. – № 16. – С. 382.

закона¹, оптимизации законотворческого процесса², что очевидно является методологическим упущением авторов.

С учетом этой констатации, полагаем необходимым сформулировать несколько исходных тезисов дальнейшего исследования. Во-первых, систематизация нормативных предписаний Особенной части уголовного права является самостоятельным направлением научного анализа и практической деятельности³. Во-вторых, подмена формальных аспектов совершенствования закона содержательными (и наоборот) недопустима. В-третьих, *исследование проблем систематизации нормативных предписаний на современном этапе развития уголовного права, когда явно обнаруживаются и со всей силой проявляют себя процессы разбалансированности отрасли, когда все отчетливее становится необходимость разработки и принятия нового уголовного закона, выходят на передний план, поскольку их обсуждение позволяет не просто корректировать текущие правотворческие ситуации, но и определять перспективные пути решения важнейших уголовно-политических задач, в целом влиять на эффективность уголовно-правового регулирования*. Прав в этом отношении В.Ю. Долгий, когда пишет, что внутреннее строение уголовного закона выступает важным показателем его эффективности, «ведь от того, насколько он логически выверен, в какой мере в нем учтены идеи системности и иерархичности подачи нормативно-правового массива, зависит качество нормотворческой и правоприменительной деятельности в уголовно-правовом поле»⁴.

Сосредотачивая свой анализ на проблемах совершенствования системы Особенной части уголовного права как таковой, подчеркнем еще, что в

---

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 84 – 92.

² Кобец П.Н. Основные направления совершенствования российского уголовного законодательства // Инновационная наука. – 2016. – № 12-2. – С. 167 – 169.

³ См.: Асланян Р.Г. Вопросы системы особенной части уголовного права в контексте модернизации методологических основ науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 3. – С. 16 – 23.

⁴ Долгий В.Ю. Соблюдение системности при формировании Особенной части УК РФ // Novaum.ru. – 2018. – № 16. – С. 382.

контексте уголовно-политических задач совершенствования уголовного закона, именно с этих вопросов и необходимо начинать планомерную работу по оптимизации кодекса. Напомним, возможно и непопулярные сегодня, но вполне здравые суждения В.И. Ленина на этот счет: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»¹.

Систематизация предписаний и институтов Особенной части уголовного права относится как раз к числу таких «общих» проблем. Кроме того, в своих философских основаниях они восходят к известной диалектике формы и содержания. «Форма» при этом не есть нечто вторичное и неважное по отношению к «содержанию» и в тоже время она не поглощает собой содержание, не затмевает его. «Содержание, как содержание, не покрывается и не поглощается никакой формой. Часто говорят, что формализация – замена содержательного рассуждения формальными преобразованиями. Но такое утверждение абсолютно несостоятельно, потому что содержание не может быть заменено формой»². Исследование формы не есть проявление формализма. Общеизвестно: содержание всегда оформлено, а форма – содержательна. В силу этого, не только содержание определяет форму, но и форма способна придать содержанию принципиально иное качество³, а «формальные преобразования создают условия содержательного решения»⁴.

В связи с этим, *вопрос о системе и систематизации предписаний Особенной части уголовного права неразрывно связан с содержанием этих*

---

¹ Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 15. – М.: Издание политической литературы, 1972. – С. 368.

² Мареев С.Н. Диалектика содержания и формы и проблема формализации // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2017. – № 24 (273), Вып.42. – С. 16.

³ В этом отношении показательна дискуссия по вопросу о том, стоит ли придавать концепции уголовно-правовой политики форму нормативного правового акта или же целесообразно оформить ее в качестве теоретического документа (см. об этом: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. – 2022. – № 3. – С. 3 – 16; Наумов А.В. Концепция уголовно-правовой политики: законодательный или доктринальный вариант? // Уголовное право. – 2022. – № 3. – С. 23 – 29).

⁴ Мареев С.Н. Диалектика содержания и формы и проблема формализации // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2017. – № 24 (273), Вып.42. – С. 26.

предписаний и теми уголовно-политическими задачами, которые решает (должно решить) государство. С учетом данного обстоятельства дальнейшее изложение материала целесообразно представить в виде последовательной цепочки рассуждений, отражающих эту связь содержания и формы.

1. Проблема судебного усмотрения и юридико-технические аспекты конструирования и систематизации предписаний Особенной части уголовного права.

В научной литературе вопросам техники конструирования предписаний Особенной части уделяется пристальное внимание¹. Один из наиболее острых вопросов в данном случае – соотношение казуистического и абстрактного приемов в описании уголовно-правовых запретов. Признавая достоинства и недостатки каждого из них в отдельности, специалисты часто резюмируют анализ проблемы общим и в целом верным выводом: «законодатель при конструировании той или иной нормы должен соблюдать баланс в использовании абстрактного и казуистического приема, отыскивать ту «золотую середину», которая бы уравнивала обобщения и уточнения в уголовном законе»². С этим сложно спорить. Однако в обсуждении вопроса о преимуществах того или иного приема конструирования уголовно-правового предписания нельзя сбрасывать со счетов, что его выбор, как и всякий уголовно-правовой выбор, продиктован не только, а возможно и не столько теоретическими построениями, сколько уголовно-политическими соображениями. В данном случае – связанными с возможностью и пределами судебного усмотрения. Очевидно, что при обосновании широкой дискреции суда нет никаких препятствий к использованию абстрактных формулировок

---

¹ См., например: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред., с предисл.: Томсинов В.А. – М.: Зерцало, 2004; Панько. К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004; Семенов Я.И. Законодательная техника в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2007 и др.

² Денисова А.В. К вопросу об оптимальном сочетании приемов законодательной техники при кодификации уголовно-правовых норм // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного Уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30 – 31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.

закона, и наоборот, при осознании необходимости сузить возможности усмотрения, законодатель будет стремиться к использованию максимально конкретизированных формулировок при конструировании уголовно-правового запрета.

Важные рассуждения о необходимости соблюдения баланса являются малоинструментальными. Необходимо принципиальное решение, которое, в свою очередь, непосредственно зависит от способа и формы реализации конституционного принципа разделения властей: является ли суд подлинно независимым органом власти, способным противостоять парламенту и в необходимых случаях «сдерживать» его свободу в формировании уголовно-правовых норм, или же суд, будучи связанным принципом формальной законности и правилами исключительно буквального толкования закона, призван лишь воплощать в своих решениях волю законодательного органа. Рассуждения на эту тему в нашей литературе представлены крайне ограниченно¹. Однако должно быть очевидно, что без решения общей, конституционной проблемы, любые предложения по решению частных вопросов юридической техники будут оторванными от жизни. Это еще раз доказывает необходимость разработки и утверждения концептуальных начал реализации уголовной политики страны в контексте и с учетом общих направлений ее политического, институционального и правового развития.

В свете сказанного необходимо оценивать и многократно высказанные в отечественной науке предложения о дополнении уголовного закона структурными компонентами, раскрывающими содержание основных понятий, использованных, в том числе, в Особенной части УК РФ. Некоторые авторы полагают в этих целях увеличить число дефинитивных и общезакрепительных нормативных предписаний в институтах Особенной части, создать «своего рода «мини-общие» части внутри глав Особенной части УК РФ»². Другие настаивают на том, чтобы дефинитивные нормы

---

¹ Одно из немногих исключений см.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебно-уголовная политика. – М.: Юрлитинформ, 2022.

² Жук М.С., Коняхин В.П. Оптимизация институционального построения УК РФ как форма

были размещены в преамбуле уголовного закона, которая должна находиться на одном структурном уровне с его Общей и Особенной частью и функционировать на уровне макроэлементов¹. Третьи предлагают дополнить Общую часть уголовного кодекса отдельной статьей или главой, содержащей толкование основных понятий и терминов, используемых в законе² (в сравнительно-правовом аспекте заметим, кстати, что такого рода структурные единицы текста закона оформлены в законодательной практике некоторых зарубежных стран, в частности, в ст. 4 УК Республики Беларусь). Иные специалисты вовсе утверждают о необходимости кардинально поменять структуру кодекса: Особенную часть «сделать простой и понятной для каждого гражданина, указав в ней только преступление», тогда как понятие этого преступления и его признаки будет раскрываться в «уголовно-правовом словаре»³.

Не станем спорить с тем, что дефинитивные предписания в уголовном праве необходимы. Проблема юридической техники оформления нормативных предписаний и их систематизации также вполне решаема. Однако решение ее должно опираться на четкий уголовно-политический импульс и общественный запрос. Обращение же к этой стороне детерминации содержания уголовно-правовых предписаний показывает, что, во-первых, в настоящий момент в стране отчетливо обнаруживает себя тенденция на укрепление и всемерное развитие механизмов, обеспечивающих не столько самостоятельность отдельных ветвей власти,

---

реализации современной уголовной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2012. – С. 77.

¹ Баранов В.М. Уголовный кодекс Российской Федерации в ракурсе юридической техники // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного Уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30 – 31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.

² См., например: Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. – 2003. – № 12 (84). – С. 80 – 88; Густова Э.В. Толкование уголовного закона: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 94 – 101.

³ Малинин В.Б. Концепция нового уголовного законодательства Российской Федерации // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 4 (22). – С. 14 – 24.

сколько их согласованное и совместное функционирование¹ на основе концепции организационного единства государственной власти²; и во-вторых, что в стране крайне невысок уровень доверия граждан к судебной системе. Согласно некоторым опросам, в 2020 году удельный вес лиц, не доверяющих суду, составил 70% (на 20% больше, чем в 2018 году). Участники опроса полагают, что при вынесении решения по делу российские суды руководствуются: указаниями сверху (37,7%), интересами чиновников (33,5%), интересами того, кто заплатил за нужное решение (32,9%), страхом потерять свою должность в случае отмены решения вышестоящим судом (28,4%), мнением прокурора / ФСБ (17,3%). Только 19,8% респондентов считают, что вынесение судебного решения продиктовано требованиями закона³. Согласно данным другого опроса, 47,2% россиян относятся к судебной власти с недоверием (от 0 до 4 баллов). В том числе совершенно не доверяют судам – 9,8% респондентов. Нейтральные пять баллов в качестве ответа выбрали 16,3% опрошенных. Менее трети россиян (32,6%) заявляет о доверии (от 6 до 10 баллов) судебной системе, из них полностью доверяют только 3,7% респондентов⁴.

В подобных условиях отношение к возможности свободной интерпретации судом основных понятий, используемых в законе, тем более понятий, определяющих границы состава преступления, должно быть, как минимум, настороженным. *С учетом правовых традиций страны, текущей социальной и политической ситуации необходимо проявить большее почтение к принципу законности и правовой определенности, в том числе за счет разворачивания практики нормативного дефинирования уголовно-правовых понятий и казуистического описания составов преступлений с тем,*

---

¹ Третьяк И.А. Механизм сдержек и противовесов как способ предупреждения и разрешения конституционно-правовых конфликтов: сравнительно-правовой аспект // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 43–50.

² Ермакова Е.М. Российская модель разделения властей: сочетание традиций и новаций // Научный альманах ассоциации France-Kazakhstan. – 2019. – № 2. – С. 134.

³ Отношение россиян к судебной системе (по материалам всероссийского опроса 2020). URL: <http://исследовательский-центр.пф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-po-materialam-vserossijskogo-oprosa/?ckattempt=1> (дата обращения: 22.03.2022).

⁴ Прохода В.А. Доверие россиян национальной судебной системе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. – 2019. – № 5. – С. 86 – 94.

чтобы ограничить возможности суда в деле «свободного» толкования и применения уголовного закона.

Что касается местоположения законодательных определений в структуре кодекса, то оно должно определяться, прежде всего, содержанием и степенью общности определяемых понятий: часть из них, относящаяся к строго определенной группе предписаний, должна оставаться на уровне компонента института Особенной части уголовного права (как например, понятие хищение), другие же вполне могут приобрести статус предписаний Общей части уголовного права (например, понятия должностного лица, выполнения или невыполнения профессиональных обязанностей и др.). Именно такой подход, кстати, реализован в проекте УК Украины, где статья 1.3.1, определяющая значение терминов, общих для всего уголовного закона, сосуществует с иными статьями, которые размещены в начале отдельных глав Особенной части кодекса и устанавливают значение терминов, использованных в данной главе (например, ст. 4.4.1 проекта определяет значение терминов, употребленных в разделе о преступлениях против личной свободы и достоинства человека).

2. Межотраслевые связи уголовного права и юридико-технические аспекты систематизации уголовно-правовых предписаний.

Проблема межотраслевых связей уголовного права устойчиво входит в круг наиболее обсуждаемых и одновременно наиболее сложных¹. Применительно к конструированию предписаний Особенной части уголовного права она трансформируется в проблему использования бланкетных диспозиций, которая в юридико-техническом отношении связана с характером описания иноотраслевого запрета в структуре диспозиции и, соответственно, с поиском бланкетной основы уголовно-правовой нормы. В некоторых ситуациях, как известно, уголовный законодатель определяет ее весьма конкретно (например, ст. 354.1 УК РФ содержит прямую отсылку к

---

¹ См., например: Пикуров И.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ, 1998.

единственному документу – приговору Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси), в иных же случаях, и их большинство, - ссылка ограничивается общим указанием на «незаконность» или «противоправность» (например, ст. 292.1 в общем виде устанавливает ответственность за незаконную выдачу паспорта гражданина РФ).

Для преодоления объективно возникающих сложностей в науке было предложено «дополнить УК РФ приложениями, содержащими тексты законов, на которые сделаны ссылки в бланкетных диспозициях норм УК РФ, или необходимые выдержки из них, поскольку неизмеримо рациональнее централизованно специалистами в соответствующих отраслях законодательства осуществлять единожды или осуществлять периодически (при внесении в законы изменений и дополнений) работу по составлению указанных приложений, нежели возложить ее на многие тысячи загруженных обилием находящихся у них в производстве уголовных дел практических работников»¹.

Между тем, такая рекомендация вряд ли может быть воспринята. В случае ее реализации возникает закономерный теоретический вопрос об отраслевой природе самого приложения, которое, по-видимому, должно считаться уголовно-правовым, при том, что в свое содержание включает предписания, которые уголовно-правовыми не являются. С практической точки зрения возникают также сомнения в подобном приложении: оно будет постоянно меняться, каждый раз создавая новую редакцию уголовного закона, будет лишь дублировать уже имеющиеся нормативные предписания, не имея собственного уникального содержания. В связи с чем полагаем, что потребности в таком приложении нет.

Поднятая Л.Д. Гаухманом проблема определения и систематизации бланкетных источников формирования уголовно-правового предписания

---

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2005. – С. 244.

Особенной части, тем не менее, остается весьма актуальной. Однако решение ее видится нам не в изменении структуры уголовного закона, а в последовательном выполнении двух оптимизирующих операций. Во-первых, *следует по возможности отказаться от широкой бланкетности при конструировании уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права и конкретизировать непосредственно в тексте уголовного закона нарушаемые виновным правовые предписания* (к примеру, ст. 128 УК РФ об ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, может содержать отсылку непосредственно к Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», а ч. 1 ст. 301 УК РФ, предусматривающая ответственность за заведомо незаконное задержание, вполне может быть конкретизирована за счет отсылки к ст. 91 УПК РФ, определяющей основания законного задержания). Во-вторых, *следует шире использовать конкретизирующие возможности постановлений Пленума Верховного Суда РФ* и в каждом из них, посвященных вопросам применения нормы с бланкетной диспозицией, давать четкий перечень корреспондирующего уголовному закону бланкетному законодательству.

3. Дифференциация уголовной ответственности и юридико-техническое строение Особенной части уголовного права.

Надлежащая дифференциация уголовной ответственности обоснованно признается одним из важнейших направлений уголовно-правовой политики, predetermined уголовно-правовыми принципами гуманизма, справедливости и равенства. Среди множества инструментов, обеспечивающих дифференциацию ответственности, в рамках Особенной части особо выделяются квалифицирующие признаки, описание которых в диспозиции уголовно-правового предписания сопровождается усилением санкции.

Теория квалифицирующих признаков имеет богатую библиографию, что избавляет нас от необходимости ее анализа. В контексте рассматриваемой нами проблематики важнее обратить внимание на вопрос о влиянии данной теории на систематизацию предписаний Особенной части уголовного права, который к тому же непосредственно связан с проблемами гуманизации законодательства и пределами судебного усмотрения¹.

В литературе было высказано мнение о том, что использование квалифицирующих признаков – «тупиковый путь» развития уголовного закона². В том числе развивая его, некоторые специалисты предлагают перенести все квалифицирующие признаки в Общую часть уголовного закона, отождествив их с отягчающими наказание обстоятельствами³, с установлением для суда возможности при их наличии в любом составе увеличивать размер наказания⁴. Однако надо сознавать, что такое решение, во-первых, предполагает потенциальное увеличение наказания лишь в пределах санкции части первой того или иного предписаний Особенной части, что повлечет за собой либо безусловное и потому неоправданное смягчение наказания, либо необходимость увеличения размера санкций за преступления с основным составом, что противоречит общей логике и принципам развития уголовного права. Во-вторых, его реализация с неизбежностью связана с увеличением пределов судебного усмотрения, что также не является приемлемым в наших российских условиях, как было установлено выше. С учетом этих обстоятельств рассматриваемые

---

¹ См. об этом: Асланян Р.Г. Дифференциация ответственности и систематизация предписаний особенной части уголовного права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 3. – С.87 – 94.

² Тер-Акопов А.А. Защита личности – принцип уголовного права // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. – М.: ИГП РАН, 1994. – С. 53.

³ Малинин В.Б. Уголовному законодательству требуется не модернизация, а кодификация // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 138 – 143.

⁴ Русакова Т.П. Пути дальнейшего совершенствования советского уголовного права // Актуальные вопросы правопедения в период совершенствования социалистического общества. – Томск: Изд. Томск. ун-та, 1989. – С. 181 – 182; Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 21.

рекомендации по совершенствованию закона не могут быть оцениваться в качестве перспективных.

Иное решение проблемы юридико-технического оформления квалифицирующих признаков предложила Т.А. Лесниевски-Костарева. Она предлагает, среди прочего, «разгрузить» диспозиции статей Особенной части уголовного закона и предусмотреть в структуре той или иной главы Особенной части отдельную, самостоятельную статью с описанием квалифицирующих признаков, свойственных посягательствам на соответствующий родовой объект¹. Это, с одной стороны, весьма разумное предложение, призванное обеспечить системность дифференциации уголовной ответственности. Однако, с другой стороны, оно не проработано в полной мере. Автор пишет, что в этой статье, описывающей общие для определенной группы преступлений квалифицирующие признаки, следует «обозначить степень влияния этих признаков». Но не поясняет, что это значит. Если такое «влияние» будет описано по аналогии с правилами, установленными в ст. 68 УК РФ, то оно вызовет те же проблемы, что и в случае реализации предложений о переносе квалифицирующих признаков в Общую часть уголовного закона. Если же это «влияние» будет описываться посредством конструирования новой санкции, с повышенными размерами, то оно встретит серьезные препятствия, связанные с тем, что «исходная точка» - санкция за преступление с основным составом будет различной в различных преступлениях.

Таким образом, можно констатировать, что сформулированные в науке предложения по юридико-техническому совершенствованию квалифицирующих признаков на деле оказываются непрактичными.

Признавая необходимость оптимизации нормативной практики дифференциации ответственности посредством квалифицирующих признаков, заметим, что она может быть реализована посредством

---

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 174 – 175.

нескольких взаимосвязанных решений. Во-первых, действительно, *имеет смысл часть квалифицирующих признаков, общих для всех (или по крайней мере, для большинства) составов преступлений, «вынести» в Общую часть*, установив специальные правила назначения наказаний в случае их наличия (например, совершение преступлений в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы). Во-вторых, *необходимо переосмыслить возможность признания некоторых обстоятельств квалифицирующими признаками* (например, случаи совершения преступления с применением насилия вполне могут быть оценены по правилам совокупности преступлений, равно как и ситуации совершения одного преступления, сопряженного с другим). В-третьих, следуя логике рассуждений Т.А. Лесниевски-Костаревой и разделяя систему ее аргументов, полагаем, что *ряд квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, может быть помещен в отдельную статью*. В-четвертых, реализация этого предложения не исключает, но напротив, предполагает *сохранение системы предписаний об ответственности за преступления с квалифицированными составами*, где в диспозиции будет отсылка к группе квалифицирующих признаков, а в санкции – повышенный размер уголовного наказания.

4. Правила квалификации преступлений в свете предмета уголовного права и проблемы системы Особенной части уголовного права.

Нормативные предписания Особенной части уголовного права выступают основой для квалификации преступлений, при этом теория квалификации рассматривается современной наукой в качестве неотъемлемого элемента учения об Особенной части уголовного права. Не случайно, все без исключения учебники по Особенной части уголовного права начинаются с раздела о квалификации преступлений¹.

---

¹ Заметим, что видные отечественные специалисты выступали против такого подхода, обосновывая тезис о том, что место теории квалификации преступлений – в общей части уголовного права. См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999. – С. 29 – 30; Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – М.: Городец, 2007. – С. 9.

Правила квалификации преступлений сегодня предусмотрены в самых разных источниках: непосредственно в тексте уголовного закона, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, часть выработана в научных источниках, часть следует из толкования решений высшей судебной инстанции по конкретным уголовным делам. Однако с учетом правовой и социальной значимости правил квалификации преступлений¹, в науке все чаще высказывается мнение, во-первых, о систематизации всех квалификационных правил, и во-вторых, о придании им более высокого официального статуса – статуса нормативных предписаний уголовного закона.

Некоторые авторы полагают необходимым в связи с этим выделить в законе самостоятельную главу (раздел), закрепляющую институт правил квалификации преступлений². Другие считают целесообразным, наряду с данной главой (разделом), определяющим нормативные правила квалификации, создать отдельный рекомендательный, но при этом нормативный документ – Свод правил квалификации преступлений, содержащих правила, «не отличающиеся нормативной новизной»³. Третьи указывают, что, помимо Уголовного кодекса и Уголовно-правового словаря, следует разработать и принять Свод уголовно-практических узаконений⁴. При этом стоит отметить, что хотя сами правила квалификации традиционно изучаются в рамках Особенной части уголовного права, специалисты, формулируя свои предложения, утверждают тем не менее о необходимости

---

¹ См. об этом: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2005. – С. 24 – 31.

² Квалификация преступлений / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 68; Марчук В.В. Методологические основы квалификации преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Минск, 2016. – С. 32 – 33; Бабий Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 8; Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 173 – 174; Гаухман Л. Нужен новый УК // Законность. – 1998. – № 7. – С. 23.

³ Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования. – Самара: АСГАРД, 2015. – С. 182.

⁴ Малинин В.Б. Уголовному законодательству требуется не модернизация, а кодификация // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 138 – 143.

включения правил квалификации преступлений именно в Общую часть уголовного кодекса.

В связи с этими предложениями нуждаются в дополнительном обсуждении несколько вопросов.

Прежде всего, необходимо решить, являются ли правила квалификации компонентом собственно и исключительно уголовного права. Действительно, с одной стороны, соответствующие положения отчасти закреплены в законе, отчасти – в иных источниках уголовного права. Они устанавливают возможности и пределы поведения суда (и иных правоприменителей), а следовательно, и государства в целом, в рамках развивающихся уголовно-правовых отношений и выполняют тем самым гарантийную функцию по отношению к правам и свободам человека. Это дает основание считать такие правила именно уголовно-правовыми. Вместе с тем, необходимо принять во внимание, что правила квалификации преступлений, возможно как никакие иные положения уголовного права, испытывают мощное давление со стороны процедуры судопроизводства и процессуальных предписаний. Совершенно обоснованно А.А. Толкаченко пишет в связи с этим: «процессуальное законодательство, расширяющиеся формы судопроизводства по уголовным делам не просто обеспечивают функцию применения уголовного закона, но меняют правила его применения... Определенными ограничителями применения уголовного закона становятся не только судопроизводственные, но и судоустройственные вопросы... Таким образом, всякая уголовно-правовая оценка невозможна без учета законных уголовно-процессуальных ограничителей (своеобразных фильтров), которые все чаще превращают квалификацию в некое юридическое допущение (фикцию). Более того, можно констатировать акцессорность (зависимость) уголовно-правовой квалификации, и

соответственно, содержания итогового судебного решения от формы судопроизводства»¹.

С этими замечаниями сложно спорить. Хотя некоторые авторы, на наш взгляд, впадают в крайность, когда отмечают, что нормы Общей части УК РФ, содержащие правила квалификации преступлений, по сути, представляют собой процессуальные нормы, в связи с чем более оптимально их размещение в уголовно-процессуальном законодательстве².

В контексте нашего обсуждения следует утверждать, что правила квалификации, если они будут ограничены только уголовно-правовым (материальным) содержанием, не решат проблемы полноценного регулирования вопросов оценки совершенных преступлений. Чтобы быть действенным регулятором, они должны быть дополнены, а порой скорректированы процессуальными соображениями (например, возможностью изменения в суде квалификации, данной на предварительном следствии, переквалификацией преступлений в судах апелляционной и кассационной инстанций, изменения квалификации при решении вопросов отбывания наказания за преступление, совершенное за пределами России и др.). А это выводит предписания о квалификации на межотраслевой уровень.

С учетом данного обстоятельства должен решаться и юридико-технический вопрос об их месте в системе уголовно-правовых предписаний или нормативных предписаний в целом. Вряд ли правила квалификации могут быть всецело размещены в уголовном законе. Не случайно, наука не может решить должны ли они быть размещены непосредственно в Общей части кодекса или же систематизированы на уровне отдельного, самостоятельного правового документа. Следует принять во внимание также то обстоятельство, что правила квалификации преступлений по отношению к нормативным предписаниям, определяющим

---

¹ Ошибки в квалификации преступлений / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2020. – С. 366 (автор главы – А.А. Толкаченко); Толкаченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и процессуальных аспектов квалификации // Мировой судья. – 2019. – № 12. – С. 15 – 25.

² Шумихин В.Г. О понятии «нормативные правила квалификации преступлений» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 2 (259). – С. 76.

основные институты уголовного права (преступления, соучастия, множественности, стадий и др.), выступают, если так допустимо выразиться, вторичным правовым образованием. Они конкретизируют, детализируют эти предписания применительно к тем или иным правоприменительным ситуациям.

По этой причине полагаем, что *оптимальной формой закрепления правил квалификации преступлений должен стать самостоятельный правовой акт правоконкретизирующего содержания, а именно – постановление Пленума Верховного Суда РФ*. Его разработка и принятие¹ решат проблемы систематизации соответствующих предписаний, не затрагивая при этом структуры уголовного закона и его Особенной части.

5. Дифференциация правонарушений и юридико-техническое строение Особенной части уголовного права.

Существенным аспектом развития современного уголовного права является проблема дифференциации уголовных правонарушений. В науке ей уделяется пристальное внимание с изложением как положительных, так и отрицательных аргументов, содержание которых хорошо известно всем профессиональным участникам дискуссии². Этот вектор научного диспута закономерно продиктовано несколькими обстоятельствами: отсутствием окончательной ясности в вопросе о соотношении преступлений и административных правонарушений, не вполне удовлетворительным решением вопросов нормативной категоризации преступлений,

---

¹ Соответствующий опыт был реализован коллективом работников РГУП в 2008 году, см.: Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка механизмов по обеспечению правовой определенности судебных актов в соответствии с Промежуточной резолюцией Res DN (2006) 1 Комитета министров Совета Европы». Часть 1. Законодательное закрепление основных правил квалификации преступлений и административных правонарушений для целей уголовного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях с учетом требований европейских стандартов защиты прав человека и основных свобод (заключительный). – М., 2008 (рукопись, библиотека РГУП).

² См., например: Савина С.Н. Теоретические основания категории «уголовный проступок». – М.: Русайнс, 2022; Плошкина Я.М., Майорова Л.В. Законопроект об уголовном проступке с учетом германского опыта правового регулирования // *Lex russica* (Русский закон). – 2021. – № 8 (177). – С. 133 – 141; Шеслер А.В. Виды уголовно-противоправных деяний // *Вестник Томского государственного университета*. – 2021. – № 466. – С. 255 – 260; Звечаровский И.Э. На пути к уголовному проступку // *Законность*. – 2021. – № 2(1036). – С. 45 – 46; Капинус О.С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ // *Российская юстиция*. – 2021. – № 3. – С. 25 – 29; Рогова Е.В. Уголовный проступок в системе межотраслевой охраны общественных отношений // *Академический юридический журнал*. – 2021. – Т. 22. – № 3(85). – С. 245 – 252 и др.

неопределенной природой малозначительного деяния, законодательными инициативами о введении в закон категории уголовного проступка, воспринятой в науке и на практике доктриной единой уголовно-правовой сферой. Должно быть понятно, что разрешить весь комплекс возникающих здесь проблем в рамках настоящей диссертации не представляется возможным, равно как невозможно их разрешить, оставаясь в пределах существующих законодательных решений и конструкций. В силу этого дальнейшие наши рассуждения могут претендовать лишь на постановку тезисов, отражающих авторский подход к некоей мыслимой идеальной модели дифференциации правонарушений и их отражения в тексте нормативных актов. Представляется, в частности, что:

- преступления и административные правонарушения обладают единой природой публичных правонарушений, различающихся степенью общественной опасности;

- дихотомия правонарушений на преступления и административные правонарушения не является в современных условиях достаточной, потребности практики обуславливают необходимость обособления третьей группы правонарушений с условным названием «уголовный проступок»;

- преступления, проступки и нарушения должны влечь различающиеся правовые последствия для лиц, их совершающих, в части возможных видов применяемого наказания, учета судимости, возможности освобождения от ответственности и т.д.;

- различные виды правонарушений должны предопределять формы предварительного расследования, особенности предварительного и судебного производства, систему органов, уполномоченных на применение санкций;

- номенклатура уголовных проступков не может быть составлена лишь на основе пересмотра опасности преступлений, предусмотренных уголовным законом, но требует системного переосмысления всего комплекса и преступлений, и административных правонарушений;

- посягательства не на каждый правоохраняемый объект могут быть дифференцированы на нарушения, проступки и преступления, в некоторых ситуациях ценность объекта и опасность его повреждения могут обуславливать существование только преступлений либо проступков и проступков, либо проступков и нарушений.

Дифференциация публичных правонарушений на три группы ставит закономерный вопрос об оптимальной юридико-технической форме ее отражения. Потенциально здесь может существовать три решения: а) сведение всех публичных правонарушений в рамки единого закона по образцу Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года; б) создание трех самостоятельных законов (кодексов) об ответственности за нарушения, проступки и преступления; в) компромиссный вариант, предполагающий создание двух кодексов (либо кодекс нарушений и проступков плюс кодекс преступлений, либо кодекс нарушений плюс кодекс преступлений и проступков).

Анализ литературных источников по теме, исследование исторического и зарубежного опыта показывает, что далеко не каждый из этих вариантов является жизнеспособным. В действительности существует две альтернативы. Первая – создание самостоятельного кодекса уголовных проступков, наряду с УК РФ и КоАП РФ, на основе концепции институциональной кодификации уголовно-правовых предписаний¹. Вторая – включение системы проступков в текст уголовного закона. Обосновывающая эту идею Е.В. Рогова предлагает, в частности, дополнить УК РФ разделом XIII «Уголовные проступки», в котором предусмотреть соответствующие составы². Аналогичный подход, правда с вычленением не

---

¹ См.: Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 149 – 150; Мониторинг уголовной политики России / под общ. ред. С.В. Максимова. – М.: ИГП РАН, 2014. – С. 93 (авторы главы – С.В. Максимов Л.Д. Гаухман, Н.В. Волуйсков).

² См.: Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014.

раздела, а «отделения» в структуре Особенной части уголовного закона, предлагают и иные авторы¹.

Представляется, однако, что такие решения не вполне удовлетворительны.

Создание отдельного кодекса проступков² с неизбежностью повлечет за собой многократное дублирование нормативного материала в двух кодексах – преступлений и проступков, что вряд ли оправданно. К тому же наличие двух законов может создать дополнительные сложности и при описании диспозиций смежных правовых предписаний о проступках и преступлениях, и в процессе применения их на практике, а также в теоретической интерпретации правовой природы проступков.

Выделение же в структуре действующего УК РФ отдельного раздела (отделения) с изложением перечня проступков общим списком (как это следует из работы Е.В. Роговой) поставит серьезные проблемы внутренней систематизации предписаний об ответственности за проступки и установления объекта соответствующих деяний в целях их правильной квалификации.

В целом надо отметить, что вопрос о юридико-техническом оформлении подсистемы уголовных проступков в системе правовых предписаний Особенной части уголовного права исследован в нашей литературе недостаточно. Между тем, его значимость нельзя недооценивать, равно как нельзя игнорировать уже имеющийся в целом позитивный и проверенный опыт имплементации предписаний о проступках в ткань уголовного законодательства.

---

¹ Голенко Д.В. О месте уголовных проступков в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. – 2021. – № 4 (78). – С. 40 – 45; Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в стратегии развития уголовного права России в XXI веке // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов V Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования милиции Беларуси, Могилев, 31 марта 2017 года. – Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2017. – С. 23 – 26.

² Один из первых его проектов был разработан еще в 1973 году, см.: Кодекс уголовных проступков. Проект – М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973.

Анализ законодательства некоторых зарубежных стран позволяет выявить здесь несколько моделей.

Первую демонстрирует Испания. Испанский законодатель в структуре Особенной части уголовного закона выделил две книги: книгу II «Преступления и наказания» и книгу III «Проступки и наказания за них» (как это, собственно, предлагается в работе Е.В. Роговой). Однако предусмотрительно провел систематизацию проступков внутри книги III по отдельным разделам на основе объекта посягательств (проступки против личности, против собственности, против общих интересов, против общественного порядка)¹.

Вторая модель представлена в УК Швейцарии². Здесь в рамках единой Особенной части выделяются (там, где возможна градация правонарушений) разделы о преступлениях и проступках, с той лишь особенностью, что внутри самого раздела нет формальной градации этих деяний; она проводится законодателем и правоприменителем на основе критериев, установленных в Общей части закона.

Наконец, третья, и на наш взгляд, самая удачная модель представлена в законодательстве таких стран, как Франция, Сан-Марино³. При линейном (как в Швейцарии) построении Особенной части (то есть без выделения предписаний о проступках в самостоятельную структурную единицу Особенной части по образцу Испании), законодатель внутри каждого раздела Особенной части, выделенного на основании объекта правовой защиты, провел дифференциацию преступлений и проступков на уровне отдельных подразделов (к примеру, глава VI УК Сан-Марино включает в себя описание таких групп деяний, как умышленные преступления, неумышленные преступления и проступки).

---

¹ См.: Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой Ф.М. Решетникова. – М.: Зерцало, 1998.

² Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.

³ См.: Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крылова. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002; Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред., вступит. ст. С.В. Максимова. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.

Думается, что этот опыт вполне может быть востребован и реализован в российской практике в ситуации обособления уголовных проступков в системе публичных правонарушений. *В рамках единого УК РФ глава Особенной части могла бы содержать два отделения – одно об ответственности за преступления, другое – об ответственности за проступки* (такую идею признали перспективной 59% опрошенных при проведении исследования экспертов).

б. Ограничение уголовной репрессии и юридико-техническое строение Особенной части уголовного права.

Важным направлением формирования уголовной политики страны является определение оптимального объема и номенклатуры запрещенных уголовным законом деяний. В литературе едва ли не общим местом всех рассуждений на этот счет стал убедительно аргументированный тезис о том, что современная политика России в области противодействия преступности характеризуется избыточной криминализацией и необоснованным усилением репрессивных начал¹. При этом в качестве одного из знаковых подтверждений репрессивности называется криминализация деяний, не обладающих высокой общественной опасностью, наращивание номенклатуры специальных составов преступлений, неадекватность санкций, завышено отражающих опасность криминализированных деяний.

В нашу задачу не входит уголовно-политический анализ сложившейся ситуации и ее причин, равно как и полноценная разработка мер исправления репрессивного крена уголовной политики. Однако обсуждение вопросов строения Особенной части уголовного права, как представляется, способно внести свой вклад в решение поставленной проблемы, раскрывая один из возможных механизмов «обуздания» и «сдерживания» репрессии. Речь идет

---

¹ Мелихов А.А. Реализации уголовной политики в современной России // Наука сегодня: задачи и пути их решения: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Краснодар: КГАУ им. А.Т. Трубилина, 2018. – С. 125; Аксенова Е.В. Уголовная политика Российской Федерации: современное состояние // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2018. – № 2. – С. 7; Иванов Н.Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных проявлениях. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 133; Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 246 – 288; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 60 – 68.

о юридико-технической и уголовно-политической значимости объекта уголовно-правовой охраны¹.

Как известно, использование объекта уголовно-правовой охраны – тех конституционно значимых общественных отношений, причинение вреда которым требует, по мнению государства, уголовно-правовой реакции – стало устойчивой традицией формирования и систематизации нормативных предписаний Особенной части уголовного права. Уголовно-правовые функции объекта хорошо исследованы в науке². Не оспаривая их, заметим дополнительно, что объект охраны способен выполнять (и при должной организации дела) реально выполняет ценную ограничительную функцию, в ряде случаев блокируя возможность произвольной криминализации деяний.

Объект – один из главных (если не главный) критерий, на основе которого граждане и правоприменители могут судить об антисоциальной направленности и общественной опасности преступления. Как правоохраняемое благо он, согласно мысли А.Э. Жалинского, занимает первое место в составе общественной опасности³. Отсюда – элементарный вывод о том, что посягательство на отношения, которые не имеют конституционной ценности, не могут быть признаны преступными.

Но чтобы выполнять роль ориентира в познании и раскрытии общественной опасности преступления, объект охраны должен быть, прежде всего, четко определен с содержательной стороны и явно артикулирован в тексте уголовного закона. Это требование, между тем, соблюдается в российском праве не всегда.

Наиболее яркой иллюстрацией отсутствия четкого понимания содержания правоохраняемого блага демонстрирует глава 22 УК РФ – «Преступления в сфере экономической деятельности».оборот

---

¹ См. об этом: Аслаян Р.Г. Ограничение уголовной репрессии и юридико-техническое строение особенной части уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 14–19.

² Из современных работ см., например: Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. – Волгоград: ВА МВД России, 2010; Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2015.

³ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 360–361.

«преступления в сфере» указывает лишь на то социальное пространство, в котором совершаются преступления, но не определяет четко то благо, которому этими преступлениями причиняется вред. Не случайно, вопрос установления содержания объекта преступлений в сфере экономической деятельности – один из наиболее сложных в науке, а предложенные здесь определения выявляют существенно различающиеся аспекты объекта правовой охраны. Б.В. Волженкин, к примеру, пишет, что глава 22 УК РФ охраняет «установленный порядок осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности»¹. Этот порядок установлен определенными нормативными правовыми актами, следовательно преступления в сфере экономической деятельности всегда нарушают некоторые регулятивные запреты². С одной стороны, это так. Но, с другой стороны, как верно отмечает А.Э. Жалинский, «ссылки на нарушение процедурных норм, на действия «в нарушение правил»... обосновывают лишь противоправность деяния но оставляют открытым вопрос о его общественной опасности»³. Обосновать необходимость криминализации деяний лишь тем фактом (или преимущественно тем фактом), что они нарушают «порядок» явно недостаточно. Суть преступления в том, что оно посягает на конкретные интересы конкретных субъектов, которые охраняются этим порядком. Но ведь не требует доказательств тезис о том, что в рамках главы 22 УК РФ речь идет, во-первых, об охране интересов различных субъектов (государства, предпринимателей, потребителей), а во-вторых, об охране качественно различающихся в своей содержании интересов (применительно к государству, это, к примеру, с одной стороны, интересы формирования бюджета, а с другой стороны, - интересы противодействия заведомо криминальным формам поведения в бизнесе). Это обстоятельство порождает известные в науке классификации экономических

---

¹ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2007. – С. 76 – 77.

² См. об этом: Шишко И.В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 25.

³ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 353.

преступлений¹. Однако оставаясь в пределах доктрины эти классификации не оказывают влияния на уголовное законодательство, не позволяют понять, на что направлена конкретная уголовно-правовая норма.

В уголовно-политическом аспекте важно признать, что «смещение» в рамках одной главы преступлений, посягающих на различные интересы, лишает социальных оснований сам феномен уголовной политики в экономической сфере. Реализация многократно озвученного тезиса о либерализации экономической уголовной политики не может охватить своим содержанием политику, скажем, в области противодействия налоговым преступлениям или преступлениям, связанным с легализацией преступных доходов. Здесь очевидно требуется иной, и возможно, жесткий подход государства, что заведомо делает политику внутренне противоречивой, а в некоторых ситуациях – декларативной.

Четкое артикулирование на уровне наименования главы уголовного закона содержания правоохраняемого объекта должно способствовать и ограничению криминализационных практик. Показательна в данном случае ситуация со ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство». Специальные исследования, на наш взгляд, убедительно доказывают, что предусмотренные в данной статье последствия как показатель опасности преступления никак не связаны с нарушенным порядком осуществления предпринимательской деятельности², что, по сути, здесь установлена ответственность за один лишь факт неисполнения обязанности регистрировать, лицензировать или аккредитировать осуществляемую предпринимательскую деятельность. В связи с чем возникает закономерный вопрос о том, чему именно и какой именно вред причиняется в результате незаконного предпринимательства, и насколько обоснованно установление уголовной ответственности за данное деяние. Полагаем, что именно

---

¹ На основе содержания правоохраняемых интересов оригинальную классификацию предложил А.П. Кузнецов, см.: Кузнецов А.П. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие место, классификация // Следователь. – 2000. – № 2. – С. 11 – 12.

² См.: Иванова Я.Е. Незаконное предпринимательство: социальная обусловленность уголовно-правового запрета. – М.: РАП, 2011.

аморфность нормативного содержания объекта правовой охраны создает возможности для постоянного насыщения главы 22 УК РФ все новыми и новыми составами (заметим, что в настоящий момент эта глава включает 64 статьи против 30 статей, предусмотренных в первоначальной редакции УК РФ).

Не меньше возможностей для произвольной криминализации предоставляет глава 32 УК РФ «Преступления против порядка управления». Это также одна из наиболее динамично растущих глав уголовного закона (вместо 14 статей, существовавших на момент принятия кодекса, сегодня она насчитывает 22 статьи), которая объединяет такие разные по своему характеру преступления, как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа и неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина РФ гражданства (подданства) иностранного государства. Специалисты справедливо отмечают наличие устойчивой традиции использовать главу 32 УК РФ в качестве «накопителя» для размещения преступлений, природа которых либо до конца не осмыслена, либо которым нет очевидного места внутри иных групп преступлений¹. В основе ее, как представляется, также лежит неопределенность в понимании содержания правоохраняемого блага. Многие специалисты убеждены, что объектом преступлений, предусмотренных главой 32 УК РФ, выступают общественные отношения, складывающиеся между государством, органами власти и управления, с одной стороны, и гражданами – с другой, по поводу осуществления первыми социального управления (распорядительных и административных функций) и подчиненности, дисциплинированности вторых². Но при таком подходе объект позволяет криминализировать абсолютно любое неповиновение граждан установленным в стране правилам

---

¹ Рябченко О.Н. Преступления против порядка управления: история, теория, компаративистика. – М.: Зерцало-М, 2016. – С. 85.

² Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред.: И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: ИНФРА.М-Норма, 1998. – С. 665 (автор главы – З.А. Незнамова); Морозов В.И., Скутин С.Л., Сумачев А.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления: учеб. пособ. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 1999. – С. 6; Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / под ред. Г.И. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало-М, 2002. – С. 208 (автор главы – В.С. Комиссаров).

и процедурам, то есть открывает путь к максимально допустимой криминализации.

Приведенные иллюстрации позволяют констатировать, что способность объекта уголовно-правовой охраны выполнять функцию ограничителя пределов криминализации сознательно игнорируется законодателем, который не стремится к тому, чтобы четко поименовать защищаемые блага, и недооценивается в отечественной науке. Тем не менее, невнятный, максимально широкий, неопределенный объект создает все условия для того, чтобы практика криминализации не имела объективных границ.

Именно с точки зрения конкретизации основных направлений уголовно-правовой охраны и усиления ограничительного потенциала объекта охраны для целей определения видов общественно опасного поведения следует оценивать неоднократно высказанные в литературе суждения о «дроблении» предусмотренных действующим законом глав Особенной части, о формировании новых глав и изменении местоположения отдельных предписаний Особенной части. Специалисты, в частности, аргументируют тезисы об обособлении информационных преступлений¹, преступлений, связанных с источниками повышенной опасности², преступлений против избирательной системы³, против безопасности государственной границы⁴, против порядка въезда, выезда и правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ⁵, преступлений, связанных с посягательствами на

---

¹ Букалерева Л.А. Необходимо формулирование новой главы УК РФ «Информационные преступления» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф. (24 – 25 января 2008 г.) / отв. ред. А.И. Рарог. М.6 Проспект, 2008. – С. 401 – 403

² Зенцова С.А. Место неосторожных преступлений, связанных с источниками повышенной опасности, в системе уголовного права РФ // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М.: Проспект, 2007. – С. 145 – 146.

³ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 237.

⁴ Биккинин И.А., Блинников С.А., Пудовочкин Ю.Е. Обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства: сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты. – Ростов-на-Дону, РЮИ РПА Минюста России, 2004. – С. 148 – 150.

⁵ Белова М.А. Незаконная выдача иностранному гражданину или лицу без гражданства паспорта гражданина Российской Федерации или внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 12.

официальные государственные реестры¹, посягательств против единства и целостности России², преступлений против интеллектуальной собственности³ и др. Обращение к законодательному опыту зарубежных стран показывает наличие в структуре Особенной части некоторых кодексов отдельных глав, в которых сконцентрированы преступления, связанные с ложесвидетельством, подделкой монет, подделкой документов, оставлением лица в бедственном положении, диффамацией, прерыванием беременности (Голландия⁴); нарушением правил безопасности при ведении работ, связанные с наркотиками, против правил пользования природными ресурсами и против правил охраны окружающей среды, против деятельности судебных органов, против процессуального порядка добывания доказательств, против своевременного пресечения и раскрытия преступлений (Грузия⁵) и т.д.

Складывается устойчивое общее впечатление, что *логика развития Особенной части уголовного права состоит в целом в максимальной конкретизации объекта уголовно-правовой охраны, а следовательно, и в недопущении конструирования составов преступлений, которые причиняют или способны причинить вред лишь «внешней оболочке» охраняемых отношений – установленному в праве порядку осуществления той или иной деятельности.* И это совершенно верный путь. Представляется, что нормативная конкретизация объектов заставила бы серьезно задуматься над вопросом о том, каким именно отношениям (или интересам) причиняют вред деяния, предусмотренные, например, ст. 330.1 или ст. 330.2 УК РФ⁶, и

---

¹ Рябченко О.Н. Преступления против порядка управления: история, теория, компаративистика. – М.: Зерцало-М, 2016. – С. 88.

² Биккинин И.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы обеспечения единства и целостности Российского государства: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 11.

³ Шульга А.В. Охрана имущества и имущественных прав в системах норм о преступлениях против собственности и интеллектуальной собственности. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 206 – 207.

⁴ Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2000.

⁵ Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава; вступит. ст. В.И. Михайлова; обзорн. ст. О. Гамкредидзе; пер. с грузинск. И. Мериджанашвили. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.

⁶ Утверждение о том, что опасность этих деяний состоит в нарушении установленного порядка ведения реестра некоммерческих организаций или порядка контроля и надзора в сфере миграции (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X – XII /

заслуживают ли они того, чтобы устанавливать за них уголовную ответственность.

С учетом изложенного, в контексте решения задач, стоящим перед нашим исследованием, полагаем, что *оптимизация формы Особенной части уголовного права за счет дробления глав уголовного закона и детализации содержания правоохраняемого блага может оказать существенный «обратный эффект» на правотворческие процессы, способствуя взвешенному подходу к криминализации деяний и ограничению тем самым репрессивных импульсов отечественной уголовной политики.*

7. Иерархия объектов уголовно-правовой охраны и юридико-техническое строение Особенной части уголовного права.

Уголовная политика, как известно, есть не только формирование номенклатуры объектов уголовно-правовой охраны, но и их ценностное, иерархическое ранжирование, влияющее непосредственно на структуру Особенной части уголовного закона, а именно – на порядок расположения соответствующих глав. В предшествующем изложении мы отчасти затрагивали данный вопрос. Здесь же обратим внимание на некоторые дополнительные нюансы проблемы.

А.И. Бойко пишет: «История учит, что нормативный материал в Общей части отраслевого закона сортируется на основании здравого смысла (закон – преступление – наказание – исключительные положения), а в Особенной – по идеологическим рецептам (ныне «личность – общество – государство»), что ущербнее»¹. Эта мысль содержательно верна. Однако вряд ли стоит усматривать в идеологической ориентированности Особенной части

отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 172; автор комментария – А.В. Галахова) ровным счетом ничего не дает. Однако если это и так, то законодателю следовало бы (а) выделить отдельную главу о преступлениях, связанных с нарушением правил ведения государственных реестров и тем самым обосновать, что этот объект настолько ценен, что его охрана конституционно оправданна уголовно-правовым, то есть самым существенным, ограничением прав и свобод человека; (б) выделить главу о преступлениях, связанных с миграцией и доказать, что отсутствие уведомления о наличии второго гражданства существенным образом причиняет вред миграционным отношениям, с конкретизацией вида и размера этого вреда.

¹ Бойко А.И. Структурная эволюция уголовно-правовых предписаний и знаний // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного Уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30 – 31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.

уголовного права некую «ущербность». Это объективный и закономерный аспект системы Особенной части, восходящий к ценностно-ориентирующей функции уголовного права. Другое дело, что акценты, расставленные в действующем УК РФ, как нами было уже установлено, не соответствуют основным направлениям реализуемой в стране идеологической, социальной и правовой политики, что и служит первым фактором, стимулирующим десистематизацию уголовного права.

Возможный выход видится в изменении порядка расположения глав в системе Особенной части уголовного права. В связи с этим, однако, возникает вопрос о необходимости или целесообразности сохранения существующего сегодня порядка объединения отдельных глав в разделы Особенной части. Некоторые специалисты признают, что структурное деление кодекса на разделы представляет собой научно не обоснованное и неоправданное решение, не дающее никаких положительных моментов практике и предлагают вернуться к линейному строению Особенной части, предполагающему наличие в ее составе только глав¹.

Такой подход, разумеется, возможен. И с формальной точки зрения он позволит, вероятно, отразить в тексте закона ранжированную ценность объектов уголовно-правовой охраны. Однако его реализация встречает два существенных препятствия. Во-первых, крайне сложно выстроить линейное повышение ценности правоохраняемого объекта. Что чему должно предшествовать: половые преступления преступлениям, связанным с терроризмом, или преступления против интеллектуальных прав преступлениям против прав социально-экономических. Ответы на эти вопросы столь же сложны, сколь и бесполезны для дела надлежащей организации уголовно-правовой охраны самих объектов. Во-вторых, даже если и будет достигнут консенсус по поводу порядка линейного изложения глав, можно прогнозировать существенные юридико-технические проблемы,

---

¹ Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – С. 128.

связанные с тем, что отдельные группы преступлений против личности будут перемежаться с отдельными группами преступлений против общественной и государственной безопасности, что создаст путанное представление о системе Особенной части уголовного права.

В связи с этим полагаем, что сохранение разделов позволит в известной степени решить эти проблемы. Однако существующий порядок изложения разделов, на наш взгляд, должен быть скорректирован. С учетом проведенного исследования, *можно предложить следующую логику изложения предписаний в системе Особенной части: преступления против мира и безопасности человечества, преступления против личности, преступления против безопасности государства, преступления против общественной безопасности, преступления против экономики.*

Подводя итог анализу проблем систематизации нормативных предписаний Особенной части уголовного права, представляется в качестве наиболее значимых сформулировать следующие основные выводы:

- правильная систематизация нормативных предписаний Особенной части уголовного права является не просто вопросом совершенствования внешней формы, но и вопросом оптимизации содержания права, позволяя корректировать текущие правотворческие ситуации, обеспечивать решение важнейших уголовно-политических задач и в целом влиять на эффективность уголовно-правового регулирования;

- объективная необходимость ограничения судебного усмотрения и последовательного соблюдения принципа законности и правовой определенности требуют расширения практики нормативного дефинирования основных понятий и терминов, используемых в уголовном законе; при этом местоположение законодательных определений в структуре кодекса должно определяться содержанием и степенью общности определяемых понятий: часть из них, относящаяся к строго определенной группе предписаний, должна формулироваться на уровне компонента

института Особенной части уголовного права, другие же могут приобрести статус предписаний Общей части уголовного права;

- оптимизация нормативных форм отражения межотраслевых связей уголовного права не предполагает включения в закон приложения, содержащего список бланкетных актов, но требует более широкого использования конкретизирующих возможностей постановлений Пленума Верховного Суда РФ (в каждом из них, посвященных вопросам применения нормы с бланкетной диспозицией, следует давать четкий перечень корреспондирующего уголовному закону бланкетного законодательства), а также отказа от практики широкой и неопределенной бланкетности при конструировании уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права в пользу конкретизации непосредственно в тексте уголовного закона нарушаемых виновным правовых предписаний;

- совершенствование практики дифференциации уголовной ответственности посредством квалифицирующих признаков предполагает: пересмотр их номенклатуры; «вынесение» признаков, общих для всех или для большинства составов преступлений, в Общую часть с установлением специальных правил назначения наказаний в случае их наличия; размещение квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы Особенной части с сохранением при этом системы предписаний об ответственности за преступления с квалифицированными составами, где в диспозиции будет отсылка к группе квалифицирующих признаков, а в санкции – повышенный размер уголовного наказания;

- упорядочение практики квалификации преступлений и утверждение здесь единообразных стандартов не требуют включения в уголовный закон специализированной главы, содержащей квалификационные правила, но предполагает разработку и принятие специального постановления Пленума Верховного суда РФ по данному вопросу;

- необходимая в рамках единой уголовно-правовой сферы дифференциация публичных правонарушений на три группы: преступления, проступки и нарушения – требует оптимальной юридико-технической формы своего отражения; представляется что в этих целях достаточно сохранения двух кодифицированных законов – КоАП РФ и УК РФ, с той однако спецификой, чтобы глава Особенной части УК РФ содержала два отделения – одно об ответственности за преступления, другое – об ответственности за проступки;

- взвешенный подход к криминализации деяний и ограничение репрессивных импульсов отечественной уголовной политики могут быть реализованы за счет более активного использования способностей объекта уголовно-правовой охраны выполнять функцию ограничителя пределов криминализации, полноценная реализация которой возможна за счет дробления глав уголовного закона на основе детализации содержания охраняемого ими правового блага;

- детализация глав Особенной части уголовного права не исключает сохранения в ее структуре разделов, логика изложения которых должна быть скорректирована и представлена следующим образом: преступления против мира и безопасности человечества, преступления против личности, преступления против безопасности государства, преступления против общественной безопасности, преступления против экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследованию комплекса актуальных проблем эволюции, современного состояния и перспектив развития системы Особенной части российского уголовного права, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

1. Об этапах и направлениях развития Особенной части уголовного права

В истории Особенной части российского уголовного права можно выделить следующие этапы:

- 1) X–XVIII века – период зарождения Особенной части, характеризующийся накоплением нормативного материала;
- 2) 1813–1845 годы – период обособления Особенной части в структуре уголовного права;
- 3) 1845–1917 годы – период развития Особенной части в системе уголовного права;
- 4) 1917 – 1922 годы – инволюционный период в истории уголовного права, характеризующийся деинституционализацией Особенной части;
- 5) 1922 – по настоящее время – период возрождения и последующего развития Особенной части в качестве элемента системы уголовного права.

Основные направления и закономерности эволюции Особенной части уголовного права в период ее формирования в качестве самостоятельной структурной единицы уголовного закона заключались: а) в переходе от обычаев к закону как форме репрезентации уголовно-правовых запретов, вычленении категории «судебный обычай» и отнесении его к разряду дополнительных, конкретизирующих источников уголовного права; б) в переходе от межотраслевых, сборных законодательных актов к системе отраслевых уголовных законов, которая включала общий кодифицированный акт и ряд дополнительных уголовных законов; в) в переходе от уголовных законов, создаваемых для нужд различных юрисдикций и судебных

установлений, к единому уголовному кодексу; г) в переходе от институционального строения уголовного закона к структуре, сочетающей пандектный принцип, предполагающий самостоятельное позиционирование Особенной части как элемента уголовного закона, и институциональный принцип построения самой Особенной части.

II. О социальных источниках Особенной части российского уголовного права

Влияние социальных факторов на функционирование уголовного права позволяет различать социальные источники отрасли и социальную инфраструктуру уголовно-правовых предписаний, причисляя к источникам лишь те факторы, которые обладают детерминирующим воздействием на появление и содержание уголовно-правовых запретов. При этом следует сознавать, что детерминирующие уголовное право факторы социальной среды никогда не воздействуют на него непосредственно, но лишь будучи отраженными в общественном сознании, в связи с чем социальный источник отрасли – это всегда оценка тех или иных социальных процессов с точки зрения возможности и необходимости подключения уголовно-правовых средств для их защиты. Такая оценка имеет внешнюю форму своей объективации, что позволяет ввести в научный оборот термин «форма выражения социальных источников», понимая под ней конкретные документы, отражающие научную, профессиональную оценку состояния общественных отношений, угроз для их нормального развития и потребность в уголовно-правовой охране. Формами выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний выступают доктринальные, общественно-политические, политико-правовые и правовые документы, которые в своей совокупности создают систему обоснованных и плюралистических оценок текущей и прогностической социальной ситуации, обуславливающих необходимость (или возможность) эффективной охранительной реакции со стороны государства.

III. О формальных источниках Особенной части российского уголовного права

Система формальных источников Особенной части уголовного права должна мыслиться как совокупность форм выражения уголовно-релевантной информации, дифференцированных в зависимости от содержания информации, субъектов ее представления и назначения в механизме уголовно-правового регулирования. Учет этих обстоятельств позволяет дифференцировать формальные источники Особенной части на три группы: источники установления запрета, источники конкретизации запрета и источники его толкования.

Источником установления нормативного предписания Особенной части уголовного права выступает исключительно федеральный кодифицированный правовой акт (закон). Вместе с тем развитие понятия «уголовная сфера» и конституционно оправданная дифференциация уголовных правонарушений в зависимости от степени их общественной опасности позволяют в перспективе признать источником выражения уголовно-правовых предписаний КоАП РФ и (или) Кодекс уголовных проступков.

Источником конкретизации уголовно-правового запрета выступает официальный акт уполномоченного государственного органа, который имеет общий (не связанный с обстоятельствами конкретного дела) и общеобязательный (нормативный) характер; в современной правовой системе России актами конкретизации уголовно-правовых предписаний Особенной части выступают специально созданные в этих целях постановления Правительства РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Источники толкования уголовно-правового запрета в зависимости от их обязательности классифицируются на источники неофициального толкования (доктринальные и не имеющие общеобязательного значения акты государственных органов) и источники официального толкования (решения

ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ), которые хотя и связаны обстоятельствами конкретной правоприменительной ситуации, тем не менее имеют силу правотолковательного прецедента, обязательного для всех последующих аналогичных ситуаций.

IV. О нормативном предписании Особенной части российского уголовного права

В рамках сохраняющего свой гносеологический потенциал юридического позитивизма надо признать, что в одной из возможных теоретических интерпретаций уголовное право может мыслиться как система санкционированных или предписанных государством установлений. Нормативное предписание Особенной части уголовного права как структурный элемент системы права находит отражение в тексте статьи (или части статьи) Особенной части УК РФ. Предписание и текст, с этих позиций, соотносятся как содержание и форма. Содержанием предписания выступает логически завершенное, цельное суждение законодателя, которое структурно распадается на два элемента: гипотезу, описывающую признаки состава преступления, выступающего основанием для применения мер уголовно-правового реагирования на него, и диспозицию, описывающую меру возможного поведения государства в случае установления преступления, в виде спектра уголовных наказаний. Логическая завершенность предписания, тем не менее, не предполагает наличия у него полноценных регулятивных возможностей. Такие возможности заключены в уголовно-правовой норме, которая формируется несколькими нормативными предписаниями уголовного права, из которых предписание Особенной части является ядром или сердцевиной, определяющей содержательно и структурно всю уголовно-правовую норму в целом.

Нормативные предписания Особенной части уголовного права стремятся ко все большему функциональному разнообразию, что приводит к появлению и разрастанию таких предписаний, которые по своим параметрам

существенно отличаются от «типичных». Возникнув изначально как система предписаний собственно Особенной части, уголовное право развивалось в направлении вычленения общих положений и закреплении их в структурно обособленной части уголовного закона. Однако со временем эти общие положения стали «слишком общими», не учитывающими нюансов и специфики правового регулирования отношений, возникающих в связи с совершением некоторых преступлений в меняющихся социальных условиях. Исправление ситуации потребовало специального приспособления этих общих положений к нуждам отдельных правоотношений, в связи с чем специальные изъятия из них стали «возвращаться» в Особенную часть уголовного права в виде нетипичных правовых предписаний, ограниченных по предмету, времени, субъектам регулирования. Сейчас идет процесс «накопления» таких предписаний, что не исключает в будущем их последующего обобщения, укрупнения и формирования либо на уровне предписаний Общей части уголовного права, либо на некоем «среднем уровне» – предписаний Особенной части, распространяющих свою силу не на конкретное правоотношение, а на определенный вид правоотношений, что структурно может быть оформлено в виде статей или примечаний, относящихся к предписаниям той или иной главы уголовного закона, либо в виде толковательного раздела Особенной части кодекса.

V. Об институтах Особенной части российского уголовного права

Широкие возможности для исследования уголовно-правовых институтов открывает институциональный подход к праву, в рамках которого необходимо последовательное различение процессов институционализации права (становления уголовного права в качестве социального института) и правовой институционализации (образования институтов позитивного права в процессе систематизации правовых норм). Логика формирования уголовного права как социального института позволяет выделить первичные уголовно-правовые институты – институты Особенной части, которые формируются путем обособления уголовно-

правовых комплексов от общего массива правовых норм и критерием формирования которых выступает степень сформированности того социального института, который они призваны защищать; и вторичные институты – институты Общей части, которые формируются в процессе функционирования уголовного права как социального института путем выделения общих предписаний из массива уголовно-правовых норм на основе такого критерия, как участок, сторона, компонент собственно уголовно-правового отношения или уголовно-правового метода.

Институт Особенной части уголовного права включает в свое юридическое содержание лишь то, что входит в содержание права как такового, а именно нормативные правовые предписания и принципы, при условии, однако, что речь идет о принципах, которые обладают общими свойствами правовой материи, как минимум, общеобязательностью и способностью участвовать в регулировании правоотношений (принципы как идеи или как элемент правового мировоззрения частью содержания уголовно-правового института быть не могут).

В основе формирования и систематизации отраслевых институтов права должна быть расположена отраслевая юридическая конструкция, которая: а) отвечает общетеоретическим представлениям о юридической конструкции, б) в пределах отрасли права является «сквозной», позволяющей упорядочить множество нормативных предписаний, в) демонстрирует особенности функции и социального предназначения той или иной отрасли права, связь права с реальными общественными отношениями. Применительно к институтам Особенной части уголовного права на роль юридической конструкции, отвечающей этим требованиям, может претендовать конструкция уголовно-правовой охраны. Она обеспечивает обособление нормативных предписаний Особенной части в рамки отдельных институтов, исходя из особенностей объекта охраны и вида совершаемых в отношении него посягательств, и одновременно гарантирует важное свойство системности уголовно-правового института, исходя из полноты отражения и

степени соответствия нормативных предписаний тем криминальным угрозам, которые существуют в обществе для охраняемого объекта.

«Точкой притяжения» отдельных предписаний в рамки основного института и одновременно «точкой разграничения» различных институтов Особенной части уголовного права выступает непосредственный объект уголовно-правовой охраны; использование иных, помимо объекта уголовно-правовой охраны, признаков для построения системы институтов Особенной части уголовного права представляется неоправданным с методологической точки зрения. В то же время в рамках основных институтов допустимо и целесообразно выделение относительно самостоятельной общности нормативных предписаний, объединенных признаками, отличными от признаков основного объекта уголовно-правовой охраны, – субинститута Особенной части уголовного права; надежным основанием для вычленения в структуре основных институтов Особенной части уголовного права отдельных субинститутов выступает конструкция видового состава преступления.

VI. О месте Особенной части в системе российского уголовного права

Особенная часть уголовного права представляет собой систематизированное множество отвечающих требованиям правовой определенности нормативных предписаний, исчерпывающий и актуальный перечень которых полностью выражен в Особенной части УК РФ, которые, определяя основания и меры уголовной ответственности за конкретные виды противоправного поведения, обеспечивают правовую охрану сложившихся в обществе и подтвержденных правом баланса и иерархии конституционных ценностей.

Поскольку уголовное право есть лишь часть общей управленческой системы, оно не может иметь иные целевые и ценностные параметры, нежели система социального управления. В тот момент, когда уголовное право перестает соответствовать целевым направлениям и аксиологии системы управления, возникает ситуация разбалансировки системы, а само это

несоответствие становится исходной точкой всех последующих кризисных явлений в уголовном праве. Современный кризис уголовного права необходимо усматривать не в том, что преобразования его Особенной части не соответствуют приоритетным задачам охраны личности, ее прав и свобод, а в том, что сам этот приоритет не вписывается сегодня в реализуемую в государстве регулятивную стратегию.

Взаимосвязь Общей и Особенной части уголовного права не должна рассматриваться исключительно с позиций формально-логического анализа, но может быть адекватно понята и описана лишь при условии верного понимания целевого и функционального назначения этих элементов в системе отрасли. Если предписания Особенной части поддерживают сложившийся и признанный в обществе баланс конституционных ценностей, то предписания Общей части в большей степени направлены на то, чтобы обеспечить сбалансированность интересов личности и государства непосредственно в процессе уголовно-правового регулирования; в этом отношении они выступают фундаментом всех положений Особенной части, выполняя системообразующую и системосохраняющую функции.

Системный анализ предписаний Особенной части (их диспозиций и санкций) свидетельствует, что в значительной части случаев системосохраняющие функции конструкций основания и пределов наказуемости оказываются нереализованными: а) диспозиции нормативных предписаний Особенной части уголовного права описывают деяния, которые не являются общественно опасными либо вовсе описывают нечто, что не является деянием; закрепленные в них признаки конкретных составов оказываются несогласованными с системообразующими субъективными признаками преступлений; ряд составов преступлений не вписывается в общие представления о соучастии в преступлениях и стадиях его совершения; б) санкции нормативных предписаний Особенной части являются расбалансированными и не учитывающими в должной мере представления об опасности преступлений определенного вида.

Современные проявления асистемности уголовного права в значительной степени вызваны стремлением законодателя компенсировать или преодолеть те ограничения и пробелы, которые заложены в нормативных предписаниях Общей части уголовного права, что свидетельствует о неполном соответствии конструкций основания и пределов наказуемости реализуемой в стране уголовной политики и требует серьезной их корректировки, в том числе на основе модернизированной теоретической концепции уголовного права. Дисбаланс предписаний Общей и Особенной части уголовного права должен преодолеваться на основе последовательного соблюдения общих правовых конструкций оснований и пределов уголовной ответственности, при том неременном условии, что сами эти конструкции, во-первых, созданы, и во-вторых, адекватны актуальным потребностям противодействия преступности.

VII. О перспективах развития Особенной части российского уголовного права:

– объективная необходимость ограничения судебного усмотрения и последовательного соблюдения принципа законности и правовой определенности требует расширения практики нормативного дефинирования основных понятий и терминов, используемых в уголовном законе; при этом местоположение законодательных определений в структуре кодекса должно обуславливаться содержанием и степенью общности определяемых понятий: часть из них, относящаяся к строго установленной группе предписаний, должна формулироваться на уровне компонента института Особенной части уголовного права, другие же могут приобрести статус предписаний Общей части уголовного права;

– оптимизация нормативных форм отражения межотраслевых связей уголовного права не предполагает включения в закон приложения, содержащего список бланкетных актов, но требует более широкого использования конкретизирующих возможностей постановлений Пленума Верховного Суда РФ (в каждом из них, посвященных вопросам применения

нормы с бланкетной диспозиций, следует давать четкий перечень корреспондирующего уголовному закону бланкетного законодательства), а также отказа от практики широкой и неопределенной бланкетности при конструировании уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права в пользу конкретизации непосредственно в тексте уголовного закона нарушаемых виновным правовых предписаний;

– совершенствование практики дифференциации уголовной ответственности посредством квалифицирующих признаков предполагает: пересмотр их номенклатуры; «вынесение» признаков, общих для всех или для большинства составов преступлений, в Общую часть с установлением специальных правил назначения наказаний в случае их наличия; размещение квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы Особенной части с сохранением при этом системы предписаний об ответственности за преступления с квалифицированными составами, где в диспозиции будет отсылка к группе квалифицирующих признаков, а в санкции – повышенный размер уголовного наказания;

– упорядочение практики квалификации преступлений и утверждение здесь единообразных стандартов не требуют включения в уголовный закон специализированной главы, содержащей квалификационные правила, но предполагает разработку и принятие специального постановления Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу;

- необходимая в рамках единой уголовно-правовой сферы дифференциация публичных правонарушений на три группы: преступления, проступки и нарушения – требует оптимальной юридико-технической формы своего отражения; представляется, что в этих целях достаточно сохранения двух кодифицированных законов – КоАП РФ и УК РФ, с той, однако, спецификой, чтобы глава Особенной части УК РФ содержала два отделения – одно об ответственности за преступления, другое – об ответственности за проступки;

– взвешенный подход к криминализации деяний и ограничение репрессивных импульсов отечественной уголовной политики могут быть реализованы за счет более активного использования способностей объекта уголовно-правовой охраны выполнять функцию ограничителя пределов криминализации, полноценная реализация которой возможна за счет дробления глав уголовного закона на основе детализации содержания охраняемого ими правового блага;

– детализация глав Особенной части уголовного права не исключает сохранения в ее структуре разделов, логика изложения которых должна быть скорректирована и представлена следующим образом: преступления против мира и безопасности человечества, преступления против личности, преступления против безопасности государства, преступления против общественной безопасности, преступления против экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты и иные официальные источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. Официальный текст Конституции РФ опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Всеобщая декларация прав человека (Принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апреля. (№ 67).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах человека (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
4. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Заключена в Минске 26.05.1995 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 13. – Ст. 1489.
5. Декларация ООН о преступности и общественной безопасности. Принята резолюцией 51/60 Генеральной Ассамблеи от 12.12.1996.
6. Четырнадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию Киото, Япония, 20–27 апреля 2020 года. A/CONF.234/PM.1.
7. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 550.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
10. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
11. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 // Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 12.02.2022).
12. О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации (вместе с Положением о Временной комиссии по подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации): Указ Президента РФ от 06.02.1995 № 94// Российская газета. – 1995. – 9 февраля, № 30.
13. Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей): Указ Президента РФ от 14.09.1995 № 942 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 38. – Ст. 3669.
14. Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.06.2005 № 736 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 28. – Ст. 2865.
15. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы: Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1875.
16. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

17. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 год: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2546.
18. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
19. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.
20. О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 23. – Ст. 2927.
21. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 22. – Ст. 3475.
22. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 48. – Ст. 7710.
23. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400// Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть 2). – Ст. 5351.
24. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522// Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.
25. Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для

- которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей: Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923// Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 38. – Ст. 5133.
26. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 41. – Ст. 5624.
27. Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: Приказ Минюста РФ от 04.05.2007 № 88 (Зарегистрирован в Минюсте РФ 14.05.2007 № 9449) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 23.
28. Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: Приказ Минюста России от 23.04.2020 № 105 (Зарегистрирован в Минюсте России 27.04.2020 № 58222) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 27.04.2020.
29. Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и подготовке к принятию проектов технических регламентов: Приказ Минпромэнерго РФ от 12.04.2006 № 78 // Еженедельник промышленного роста. – 2006. – № 21, 22, 23, 24, 25, 27, 31, 32.
30. Постановление ЕСПЧ от 26.04.1979 по делу «Санди Таймс против

- Соединенного Королевства» [Электронный ресурс] (жалоба № 6538/74). – Режим доступа: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_The_Sunday_Times_v_The_United_Kingdom_N1_26_04_1979.pdf (дата обращения: 30.06.2022).
31. Постановление ЕСПЧ от 17.02.2004 по делу «Маэстри (Maestri) против Италии» (жалоба № 39748/98). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.conventions.ru/int/9768/> (дата обращения: 30.06.2022).
32. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П // Сборник законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1708.
33. По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П // Сборник законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 54.
34. По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области»: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1997 № 7-П (в редакции от 9 ноября 1995 года) // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 4.
35. По делу о проверке онституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995

- года № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и от 11 октября 1996 года № 682-П ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5492.
36. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.
37. По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 5.
38. По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 6.
39. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 5.

40. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2002 № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 3/
41. По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 24. – Ст. 2431.
42. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 6.
43. По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 № 7-П // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 18. – Ст. 2089.
44. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: Постановление Конституционного Суда

- РА от 27.05.2008 № 8-П // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.
45. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2191.
46. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 3.
47. По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Перова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 22. – Ст. 2861.
48. По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 1. – Ст. 79.
49. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (ч. II). – Ст. 3633.

50. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 2.
51. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 5.
52. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4659.
53. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 2.
54. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 2.

55. По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 44. – Ст. 6569.
56. По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 19. – Ст. 2812.
57. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А.И. Залютдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 № 23-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 5.
58. По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной: Постановление Конституционного Суда РФ от

- 27.02.2020 № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 2.
59. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 № 38-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 5.
60. По делу о проверке конституционности примечания 2 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Скородумова Дмитрия Анатольевича: Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2001 № 1-О // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 5. – Ст. 453.
61. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чавкина Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 № 431-О. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 07.03.2021).
62. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М. на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 290-О-П. [Электронный ресурс]. Документ официально не опубликован. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 20.02.2022).
63. Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 292-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чугурова Павла Николаевича на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

- Федерации». [Электронный ресурс]. Документ официально не опубликован. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 20.02.2022).
64. По жалобе гражданина Поспелова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статьи 29 Патентного закона Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 966-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 2.
65. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации: [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Режим доступа: Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2521-О <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 07.03.2021).
66. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пермякова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1973-О. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 07.03.2021).
67. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 1.
68. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров

- Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5// Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.
69. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19// Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.
70. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.
71. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 12.
72. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.
73. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.
74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2.
75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

76. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.
77. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 6.
78. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3.
79. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 9.
80. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 13.10.2020 № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта Федерального закона “О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в связи с введением понятия уголовного проступка”».
81. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 - 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 296. – 30.12.2020.
82. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Приняты Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 15 августа 2000 г. // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о

- достоинстве, свободе и правах человека. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018.
83. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 году. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/May2020/5IYpevfVd8zvvdAvGE47.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).
84. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (дата обращения: 12.02.2022).
85. Доклад ФПА РФ об обеспечении прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации. 14.09.2009 г. URL: https://fparf.ru/upload/medialibrary/a0f/Doklad_ugolovno_pravovaya_politika.pdf (дата обращения: 12.02.2022).
86. Уголовное преследование предпринимателей. Проблемы и предложения. Приложение к Докладу Президенту Российской Федерации. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/4.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).
87. Резолюция об отношении к либерализации уголовного наказания в Российской Федерации. Принята V Всероссийским съездом адвокатов 26.04.2011 г. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/resolution-on-the-attitude-to-liberalization-of-criminal-punishment-in-the-russian-federation/> (дата обращения: 12.02.2022).
88. Информация Конституционного Суда Российской Федерации. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Подготовлено Секретариатом Конституционного Суда РФ. Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 25.01.2022 г.).

89. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей). Утв. ФССП России 25.05.2017 № 0004/5 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2017. – № 7.
90. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности). Утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12. Документ официально не опубликован. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 22.02.2022).
91. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации». Утв. ФССП России 25.04.2012 № 04-7 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2012. – № 6.
92. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Утв. Генпрокуратурой России. Документ официально не опубликован. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 22.02.2022).
93. Письмо ФССП России от 29.08.2014 № 00043/14/51617 «О порядке применения статей 177, 315 Уголовного кодекса Российской Федерации в случае неисполнения решения третейского суда». Документ официально не опубликован. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 22.02.2022).
94. Письмо ФТС РФ от 28.01.2010 № 01-11/3425 «О квалификации преступлений по выявленным случаям невозврата в Российскую

- Федерацию иностранной валюты» // Таможенные ведомости – 2010. – № 6.
95. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З. Размещено на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 07.03.2021).
96. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3.07.2014 № 226-V ЗРК. Размещено в Информационно-правовой системе нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 07.03.2021).
97. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000.
98. Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава; вступит. ст. В.И. Михайлова; обзорн. ст. О. Гамкрелидзе; пер. с грузинск. И. Мериджанашвили. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
99. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой Ф.М. Решетникова. – М.: Зерцало, 1998.
100. Уголовный кодекс Пенсильвании. Свод законов Пенсильвании. Титул 18 // США: Конституция и законодательные акты / пер. с англ. под ред. О.А. Жидкова. – М.: Прогресс, 1993.
101. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред., вступит. ст. С.В. Максимова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
102. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова; пер. с фр. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.
103. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. – СПб.: Юридический центр пресс, 2002.
104. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. Глава 40. Свода законов штата // Уголовное право Соединенных Штатов Америки. Сб. норм. Актов / сост., отв. ред. и авт. вступит. ст. И.Д. Козочкин. – М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1986.

105. Проект Уголовного Кодекса РСФСР // Советская юстиция. – 1930. – № 19 (10 июля). – С. 16 – 27.
106. Проект уголовного кодекса СССР. Разработан Всесоюзным институтом юридических наук НКЮ СССР. – М.: Юриздат, 1939.

Научная литература

107. Абдулаев А.А., Гитинова М.М. К вопросу о сущности уголовно-правовых институтов // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 9А.
108. Абрамова А.И. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журнал Российского права. – 2019. – № 9.
109. Авакьян С.А. Государственно-правовые институты: понятие и формирование (применительно к деятельности Советов) // Советское государство и право. – 1977. – № 2.
110. Авдалян М.Э. Основание криминализации // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Т. 25, Вып. 3.
111. Авдеева М.В. Уголовно-правовая норма и уголовно-правовой запрет // Законодательство и экономика. – 2012. – № 6.
112. Азархин А.В. Юридические конструкции: ценностно-телеологический анализ // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2).
113. Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938 – 1946 годы). – М.: Юркомпани, 2009.
114. Аистова Л.С. Актуальные проблемы построения системы Особенной части УК РФ // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2007.
115. Аксенова Е.В. Уголовная политика Российской Федерации: современное состояние // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2018. – № 2.

116. Александрова И.А. Теоретическая концепция уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1.
117. Алексеев А.В. Восприятие права и попытки его переосмысления в философско-правовой и теологической мысли // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 2 (16).
118. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001.
119. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975.
120. Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2019.
121. Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Правоведение. – 2014. – № 1 (32).
122. Антонченко В.В. Охрана жизни человека - приоритет действующего уголовного закона? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 4.
123. Антропов В.Г. Правовая логика: структура правовой нормы. – Волгоград: Перемена, 1999.
124. Апт Л.Ф. Нетипичные предписания в федеральном законодательстве // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 3 (13).
125. Арямов А.А. Историко-правовое наследие Галицко-Волынского княжества (краткий очерк) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2018. – № 2.
126. Арямов А.А. К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2015. – № 1.
127. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. – 2010. – № 6.

128. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19).
129. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4.
130. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. – 2022. – № 3.
131. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. – М.: Юрлитинформ, 2017.
132. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебно-уголовная политика. – М.: Юрлитинформ, 2022.
133. Бабий Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений // Уголовное право. – 2006. – № 3.
134. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – 2-е изд., доп. – М.: Право и государство, 2005.
135. Баранов А.В. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 1 (50).
136. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 4 (53).
137. Баранов В.М. Уголовный кодекс Российской Федерации в ракурсе юридической техники // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013.

138. Барахоева А.Р. Нестандартные нормативные предписания как элемент права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2015. – № 14 (14).
139. Баумштейн АБ. Концептуальные начала уголовного права в современной России // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 35.
140. Бахмадов Б.Д. Классификация источников уголовного права Российской Федерации // Право и политика. – 2017. – № 4.
141. Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica. – 2015. – № 10.
142. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. – Самара: Самарский университет, 2013.
143. Белогриц-Котляревский Л.С. Творческая сила обычая в уголовном праве. – Ярославль: Типо-лит. Г. Фальке, 1890.
144. Белоусов С.А. Внутриотраслевой законодательный баланс: понятие, причины и пути устранения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25).
145. Белоусов С.А. К вопросу о балансе в системе источников российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107).
146. Беляева Г.С., Кузьменко В.И., Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4.
147. Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Переведено М. Михайловым. Т. 1. – СПб.: Типография Шпора, 1805.

148. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. – М.: NOTA BENE 2000.
149. Берлявский Л.Г., Шматова Е.С. Историческая школа права: концепции правопонимания // Юридический вестник РГЭУ. – 2016. – № 1-2.
150. Беседина В.А. Генезис и развитие социально-правовых институтов, их функций и принципов права в условиях трансформирующегося российского общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 8, № 35.
151. Библик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
152. Библик О.Н. Наказуемость как признак преступлений // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 2 (15).
153. Благов Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Благов. – Ярославль: ЯрГУ, 1993.
154. Благодир А.Л. К вопросу о структуре Особенной части права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – Вып. 3 (13).
155. Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. Т.1. – Киев: Университет. тип., 1862.
156. Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления. Модель имплементации в российское уголовное законодательство. – М.: Проспект, 2019.
157. Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П. Война и уголовный закон. – М.: Норма, 2009.
158. Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3 т. Т. III. Структура уголовного права и ее идентификация в национальной юриспруденции. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2008.
159. Бойко А.И. Структурная эволюция уголовно-правовых предписаний и знаний // Проблемы кодификации уголовного закона: история,

- современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного Уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30 – 31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.
160. Бойко А.И., Панько К.К. Примечания в УК РФ как особое средство уголовно-правового регулирования // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 1 (92).
161. Бондаренко В.Е. Понятие уголовно-правовой охраны // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 3-1. – С. 224 – 230.
162. Борисов В.И. Решение вопросов Особенной части в новом Уголовном Кодексе Украины // Уголовное право в XXI веке: материалы Международ. науч.-практ. конф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2001 г.). – М.: ЛексЭст, 2002.
163. Бошно С.В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. – 2003. – № 12.
164. Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М.: Юридическая литература, 1967.
165. Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. – 2020. – № 10.
166. Букалерева Л.А. Необходимо формулирование новой главы УК РФ «Информационные преступления» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф. (24 – 25 января 2008 г.) / отв. ред. А.И. Рарог. М.6 Проспект, 2008.
167. Бызгаева Е.А., Сушкова Ю.Н. Историческая школа права // Экономика, социология и право. – 2017. – № 3.
168. Валиев Р.Г. О гносеологическом статусе категорий норма права и нормативно-правовое предписание // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, № 6.

169. Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // *Lex Russica*. – 2020. – Т. 73, № 4.
170. Варламова Ю.А. К вопросу о составе преступления // *Человек: преступления и наказание*. – 2013. – № 1 (80).
171. Васильев В.В. Понятие гражданско-правового института как структурного элемента системы гражданского права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2012. – Вып. 1 (15).
172. Васильева Т.А. Судебный прецедент как источник права в европейской юриспруденции XVII – XIX веков. – Казань, 2012.
173. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. – М.: РГУП, 2017.
174. Винокуров А.Н. Об уголовном кодексе без Особенной части и без дозировки // *Советское строительство*. – 1930. – № 10.
175. Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2015.
176. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
177. Войтович А.П. Примечания в уголовном законе (сравнительно-правовое исследование). – Владимир: Б.И., 2006.
178. Вопленко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // *Вопросы теории государства и права*. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1971. – Вып. 2.
179. Воронин М.В. Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. – 2014. – Т. 156, кн. 4.
180. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права // *Советское государство и право*. – 1938. – № 4.
181. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в стратегии развития уголовного права России в XXI веке // *Борьба с преступностью: теория и практика*:

- тезисы докладов V Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования милиции Беларуси, Могилев, 31 марта 2017 года. – Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2017.
182. Гарбатович Д.А. Формы уголовного права России // Государство и право. – 2019. – № 1.
183. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2005.
184. Гаухман Л.Д. Нужен новый УК РФ // Законность. – 1998. – № 7.
185. Гейн А.К. Понятие цели в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1.
186. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. – М.: Норма, 2011.
187. Георгиевский Э.В. Ранние религиозные верования и основания уголовно-правового запрета // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 1 (36).
188. Георгиевский Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. – М.: Юрлитинформ, 2013.
189. Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013.
190. Герасимов А.М. Криминализация как инструмент политики государства в условиях инновационных преобразований // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 2.
191. Герасимов А.М. Объект уголовно-правовой охраны и его параметры // *Ex jure*. – 2021. – № 3.
192. Герцензон А.А. Карательная политика и уголовное законодательство Временного правительства // Советское государство и право. – 1941. – № 2.

193. Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1917 - 1947 / науч. ред. А.А. Герцензон. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
194. Гишинский Я.И. «Кризис наказания» в России: проблемы и перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2003. – № 1(6). – С. 28 – 34.
195. Гишинский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб.: Алетейя, 2017.
196. Глишин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979.
197. Гойман В.И. Действие права (Методологический анализ). – М.: РИО Акад. МВД РФ, 1992.
198. Голенко Д.В. О месте уголовных проступков в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. – 2021. – № 4 (78).
199. Голик Ю., Иногамова-Хегай Л., Комиссаров В., Номоконов В. О национальной концепции уголовного права // Уголовное право. – 2006. – № 2.
200. Голик Ю.В. Нужен новый уровень кодификации // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013.
201. Голик Ю.В. Философия, нравственность, борьба с преступностью // Журнал Российского права. – 2021. – № 12.
202. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russica. – 2014. – № 12 (Том ХСVII).
203. Головки Л. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal

- Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. – 2013. – № 1 (5).
204. Головки Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2.
205. Гонтарь И.Я. Категоризация преступлений в основании институтов уголовного права: социально-правовые последствия // Известия вузов. Правоведение. – 2003. – № 4 (249).
206. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. – 1978. – № 3.
207. Грошев А.В. Правосознание в системе оснований криминализации общественно опасных деяний // Российский юридический журнал. – 2003. – № 5.
208. Гузеева О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции. – М.: Юрлитинформ, 2020.
209. Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. – М.: Проспект, 2021.
210. Гурин Д.В. Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4.
211. Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6.
212. Густова Э.В. Особенности понятия уголовно-правовой санкции и ее функций // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1.
213. Густова Э.В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2017.
214. Густова Э.В. Толкование уголовного закона: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1.

215. Гуторова Н.А., Панов Н.И. О методологии научного исследования проблем Особенной части уголовного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 1 (288).
216. Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009.
217. Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. – Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2001.
218. Давыдова М.Л. Правовая норма и нормативно-правовое предписание: проблема соотношения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. – 2006. – № 3.
219. Дегтярев А.А. Необходимость уголовно-правовой охраны политической системы России: теоретический аспект // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 1.
220. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. – 1956. – № 8.
221. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юридическая литература, 1975.
222. Демин А.В. «Мягкое право» в системе социального регулирования // Вопросы правоведения – 2014. – № 1.
223. Денисова А.В. К вопросу о системе уголовного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2013. – № 1 (13).
224. Денисова А.В. К вопросу об оптимальном сочетании приемов законодательной техники при кодификации уголовно-правовых норм // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного Уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30 – 31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.

225. Денисова А.В. Постановления Европейского Суда по правам человека в системе источников российского уголовного права // Уголовное право. – 2014. – № 1.
226. Денисова А.В. Система уголовного права Российской Федерации: оценка современного состояния // Общество и право. – 2013. – № 2 (44).
227. Денисова А.В. Системность российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018.
228. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2018. – № 2, Т. 1.
229. Дмитриев В. Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 11 – 12 (ноябрь – декабрь).
230. Долгий В.Ю. Соблюдение системности при формировании Особенной части УК РФ // Novaum.ru. – 2018. – № 16.
231. Долотов Р.О. Переход к интегральному типу правопонимания – актуальная цель науки уголовного права // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2009.
232. Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. – 2001. – № 2.
233. Дудырев Ф.Ф. Унификация уголовно-правовых норм и институтов в Уголовном Уложении 1903 г. (на примере должностных (служебных) преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 4.
234. Дурманов Н.Д. К подготовке проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1946. – № 7 – 8 (июль – август).

235. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967.
236. Дьяконов М. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства. – Юрьев: Типография Эл. Бергмана, 1905.
237. Елинский А. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 3 (88).
238. Елинский А.В. Конституционные основания криминализации общественно опасных деяний в свете решений Конституционного Суда России // Российский следователь. – 2010. – № 17.
239. Елинский А.В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2010. – № 7.
240. Елисеев С.А. Понятие Особенной части уголовного права // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 361.
241. Елисеев С.А. Понятие Особенной части уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2007.
242. Ершов В.В. «Судебное правотворчество»: pro et contra // Правосудие. – 2020. – Т. 2, № 1.
243. Ершов В.В. Конкретизация Конституции России: теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. – 2013. – № 12 (92).
244. Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком смысле» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1.
245. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право. Общая часть. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019.
246. Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Цай К.А. Уголовная политика. Дорожная карта (2017 – 2025). – М.: ЦСР, 2017.

247. Жалинский А.Э. О системе источников уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. II. Уголовное право / отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
248. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009.
249. Жалинский А.Э. Уголовно-правовая мысль и наука уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. IV. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения / отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
250. Жалинский А.Э. О понимании уголовного права // Право и политика. – 2006. – № 5.
251. Жаров С.Н. О некоторых методах историко-правового исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2002. – №1 (10).
252. Жинкин А.А., Батюрина Т.Ю. Некоторые проблемы законодательной регламентации и применения примечаний к статьям Особенной части УК РФ // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2014. – № 1 (18).
253. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. – М.: Юрист, 2000.
254. Жук М.С. Институты Общей и Особенной частей уголовного права: внутриотраслевые связи и соотношение // Общество и право. – 2010. – № 3 (30).
255. Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2010.
256. Жук М.С. Институты уголовного права и способы (формы) их объективизации // Государство и право. – 2013. – № 8.

257. Жук М.С. Методология системного анализа институтов российского уголовного права // Общество и право. – 2012. – № 1(38).
258. Жук М.С. Понятие и признаки института уголовного права // Российский ежегодник уголовного права. – 2011. – № 3-5.
259. Жук М.С., Коняхин В.П. Оптимизация институционального построения УК РФ как форма реализации современной уголовной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2012.
260. Загинея З.А. Уголовно-правовые предписания Особенной части уголовного кодекса Украины: особенности композиционно-графического оформления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17).
261. Заец А.П. Система советского законодательства (проблемы согласованности). – Киев: Наукова думка, 1987.
262. Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. – 2010. – № 5.
263. Зарубина М.А. Особенности источников (форм) права в российской правовой системе // Бизнес в законе. – 2008. – № 2.
264. Зателепин О.К. Соотношение понятий объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления в российской науке уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3 (59).
265. Зателепин О.К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации) вопросы теории, законодательства и практики). – М.: «За права военнослужащих», 2013.

266. Звечаровский И. О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. – 2005. – № 3.
267. Звечаровский И.Э. На пути к уголовному проступку // Законность. – 2021. – № 2(1036).
268. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2001.
269. Зенцова С.А. Место неосторожных преступлений, связанных с источниками повышенной опасности, в системе уголовного права РФ // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М.: Проспект, 2007.
270. Злобин А.В. Формы права в современной России // Lex Russica. – 2018. – № 4 (137).
271. Зорькин В.Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития // Журнал конституционного правосудия. – 2018. – № 4 (64).
272. Зорькин В.Д. Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008.
273. Зыков Д.А., Шеслер А.В. Понятие, основание и принципы криминализации и декриминализации деяний // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 1 (26).
274. Иванов Н.Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных проявлениях. – М.: Юрлитинформ, 2019.
275. Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. – М.: Юрлитинформ, 2011.
276. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и

- практика. – М.: Проспект, 2014.
277. Игнатов А.Н. Совершенствование Особенной части УК РСФСР // Советское государство и право. – 1972. – № 5.
278. Идрисов Н.Т. Механизм уголовно-правового запрета // Юридическая наука. – 2021. – № 4.
279. Идрисов Н.Т. О признаках нормативно-правового предписания в теории уголовного права // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 2.
280. Идрисов Н.Т. Об уголовном нормативно-правовом предписании в системе законодательства и правоприменения // Право и политика. – 2017. – № 10.
281. Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования. – Самара: АСГАРД, 2015.
282. Илалутдинов А.И. Конструирование нормы права // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 14. – 2015. – Вып. 1.
283. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. – М.: Норма, 2015.
284. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1.
285. Институты финансового права / под ред. Н.М. Казанцева. – М.: Юриспруденция, 2009.
286. Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968 // Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 томах. Т. IV. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2009.
287. Исаев М.М. Уголовный Кодекс 1 июня 1922 года // Советское право. – 1922. – № 2.

288. История развития уголовного права и ее значение для современности: материалы V Международ. науч.-практ. конф. (М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 26 – 27 мая 2005). – М.: ЛексЭст, 2006.
289. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. – М.: Юриспруденция, 2020.
290. Калашникова А.И. Методологические основы изучения уголовного права // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1.
291. Капинус О.С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ // Российская юстиция. – 2021. – № 3.
292. Караваева В.А. Конструирование структурных элементов Особенной части уголовного закона: требования нормотворческой техники // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 5.
293. Карасев М.Н. Институт совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации: необходимы серьезные изменения // Журнал российского права. – 2001. – № 9.
294. Карнаушенко Л.В. Соотношение теории естественного права и теории позитивного права // Философия права. – 2021. – № 1 (96).
295. Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М.: Юридическая литература, 1985.
296. Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского Конгресса уголовного права (М., 28 – 29 мая 2009 года) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2009.
297. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. – М.: Юрлитинформ, 2009.
298. Кашепов В.П. О гарантиях уголовно-правовой защиты безопасности личности // Журнал российского права. – 2005. – № 12(108).

299. Квалификация преступлений / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2019.
300. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001.
301. Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2.
302. Ким К.В., Сейтенов К.К., Хашиева Т.М. Структура уголовно-процессуального института // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4 (40).
303. Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2018.
304. Кирин А.В. Уголовное и административно-деликтное право: партнерство, а не патернализм // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2.
305. Кленова Т.В. К вопросу о конкретизации составов преступлений // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Международ. науч.-практ. конф. – М.: ЛексЭст, 2003.
306. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самар. ун-т, 2001.
307. Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. – 2000. – № 3.
308. Кобец П.Н. Основные направления совершенствования российского уголовного законодательства // Инновационная наука. – 2016. – № 12-2.
309. Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974.

310. Коваленко Б.Б. Институциональное направление экономической теории: методологические особенности и эволюция // Вестник международного института экономики и права. – 2011. – № 2 (3).
311. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – 1995. – №1.
312. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983.
313. Кодекс уголовных проступков. Проект – М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973.
314. Козаченко И.Я. Уголовная метаправовая гносеология: понятие и содержание // Российский юридический журнал. – 2006. – № 1(49).
315. Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции: проблемы построения, классификации и измерения. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1989.
316. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
317. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X – XII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017.
318. Кондратюк С.В., Румянцев П.А. Система и системность использования квалифицирующих признаков преступления // Хуманитарни Балкански изследвания. – 2019. – Т.3, № 3 (5).
319. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010.
320. Коняхин В. Конституция как источник Общей части уголовного права // Российская юстиция. – 2002. – № 4.

321. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.
322. Коняхин В.П., Жук М.С. Право уголовных проступков как подотрасль российского уголовного права: прогностический анализ // Российский следователь. – 2012. – № 23.
323. Коняхин В.П., Князькина А.К. Нормативные предписания международного уголовного права: понятие, виды, структура // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 4.
324. Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 г.: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)» // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 4.
325. Кораблев Р.Н. К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4.
326. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980.
327. Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. – М.: Юрлитинформ, 2019.
328. Корчагин А.Г., Иванов А.М. Современное понимание уголовного права. // Право и политика. – 2014. – № 11.
329. Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал Российского права. – 2003. – № 12 (84).
330. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999.
331. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005.

332. Крыленко Н.В. К критике недавнего прошлого (Проект Уголовного кодекса 1930 г.) // Проблемы социалистического права. Сборник I Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР / под ред. Н.В. Крыленко. – М.: Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937.
333. Крыленко Н.В. Кодекс без Особенной части и без дозировки // Советская юстиция. – 1930 – № 19.
334. Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР (Доклад на заседании Коллегии НКЮ от 24/V – 1928 года) // Революция права. Журнал секции теории права и государства Коммунистической академии. – 1928. – № 4.
335. Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Комакадемии. – 1935. – № 1 – 2.
336. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Часть третья. Основы уголовного материального права. – М.: Госиздат, 1930.
337. Крыленко Н.В. Три проекта реформы Уголовного кодекса: стенограмма доклада на I всесоюзном съезде марксистов-государственников // Советское государство и революция права. Журнал Института советского строительства и права. – 1931. – № 1.
338. Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений // Государство и право. – 2005. – № 6.
339. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – М.: Наука, 1986.
340. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999.
341. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юридическая литература, 1978.
342. Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке. Материалы международ. науч. конф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 2 июня 2002). – М.: ЛексЭст, 2002.

343. Кузнецова Н.Ф. К истории проектов уголовных кодексов Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1995. – № 2.
344. Кузнецова Н.Ф. Об истории проектов УК 1992 и 1994 гг. // Вестник Московского университета. Серия «Право». – 1995. – № 2.
345. Кузнецова Н.Ф. Основные черты Особенной части УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1996. – № 5.
346. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
347. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – М.: Городец, 2007.
348. Кузнецова Н.Ф. Уголовное право и мораль. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967.
349. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права. – М.: Юристъ, 2002.
350. Кургузкина Е.Б., Ратников А.В. Проблемы законодательной конструкции объективной стороны посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4 (39).
351. Курочкин А.В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 6.
352. Курский Д.И. Новое уголовное право (1919) // Курский Д.Т. На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919 – 1926. – М.: Юриздат НКЮ РСФСР, 1927.
353. Лазарев В.В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве // Российское правосудие. – 2012. – № 4.
354. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: РАП, 2012.
355. Лапина М.А., Карпухин Д.В., Трунцевский Ю.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и

- разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 11.
356. Лапунина Н.Н., Киселев Д.А. Методология уголовного права // Бизнес в законе. – 2009. – № 1.
357. Левченко В.Ю. Юридические и социально-психологические основания криминализации // Общество: политика, экономика, право. – 2009. – № 1-2.
358. Леканова Е.Е. Системоопределяющие нормативно-правовые предписания // Антиномии. – 2019. – Т. 19, Вып.1.
359. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998.
360. Лившиц Р.З. Отрасль права – отрасль законодательства // Советское государство и право. – 1984. – № 1.
361. Линченко А.А. Переосмысливая холизм: принцип целостности как метафора и метод в философии истории прошлого и настоящего // Человек. Общество. Наука. – 2021. – № 1 (1).
362. Лихтер П.Л. «Антропологический поворот» в правовой науке: благо или зло? // Государство и право. – 2019. – № 4.
363. Лихтер П.Л. Аномия общества при дисбалансе конституционных ценностей // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9, № 4.
364. Лонгинов А.В. Слабые стороны проекта Особенной части уголовного уложения // Журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете. – 1896. – Книга 9 (Ноябрь).
365. Лооне Э.Н. Философские проблемы истории права: первые пролегомены: *Studia iuridica* II // Теоретические проблемы истории права: *Studia iuridica* II. Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1989, Вып. 847.

366. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3.
367. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004.
368. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
369. Лунеев В.В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Т. 2, № 4.
370. Лупандин В.Н., Магомедова З.Г. О соотношении понятия и суждения в мыслительном процессе // Среднерусский вестник общественных наук – 2015. – № 2 (38).
371. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред., с предисл.: Томсинов В.А. – М.: Зерцало, 2004.
372. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1.
373. Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
374. Макарейко Н.В. Законодательная экспертиза пределов административной ответственности // Юридическая техника. – 2022. – № 16.
375. Макаренко Т.Н., Сарапкина Е.Н. Актуальные вопросы систематизации правовых актов // Правовая информатика. – 2013. – № 4.
376. Макаров Д.Ю. К вопросу о понятии уголовно-правовой охраны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 8-9.
377. Макаров Д.Ю. Понятие и формы реализации уголовно-правовой охраны // Право. Законодательство. Личность. – 2016. – № 1 (22).

378. Максимов С.В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты. – Ульяновск: УлГУ, 2002.
379. Малинин В.Б. Концепция нового уголовного законодательства Российской Федерации // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 4 (22).
380. Малинин В.Б. Уголовному законодательству требуется не модернизация, а кодификация // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013.
381. Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 1.
382. Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. – 2021. – № 2.
383. Мальцев В.В. Введение в уголовное право. – Волгоград: ВА МВД России, 2000.
384. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград: ВА МВД России, 2001.
385. Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. – Волгоград: ВА МВД России, 2010.
386. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, Инфра-М, 2011.
387. Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. – 2015. – № 8.
388. Маньковский Б.С. Принципы системы уголовного права // Советское государство. – 1938. – № 6.

389. Мареев С.Н. Диалектика содержания и формы и проблема формализации // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2017. – № 24 (273), Вып.42.
390. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета. – М.: Юриспруденция, 2015.
391. Маркунцов С.А. О соотношении понятий «уголовно-правовой запрет» и «запрещающая уголовно-правовая норма» // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2.
392. Маркунцов С.А. Особенности правовой оценки конкретного уголовно-правового запрета // Lex Russica. – 2016. – № 2.
393. Маркунцов С.А. Состав преступления и уголовно-правовой запрет как юридические конструкции // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2.
394. Марченко М.Н. Источники права. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006.
395. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. – М.: Проспект, 2008.
396. Масленников М.Я. Региональные законы об административной ответственности: легитимация и перспективы // Актуальные вопросы административно-деликтного права: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: ВНИИ МВД России, 2005.
397. Медушевский А.Н. Социология права. – М.: ТЭИС, 2006.
398. Мелихов А.А. Реализации уголовной политики в современной России // Наука сегодня: задачи и пути их решения: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Краснодар: КГАУ им. А.Т. Трубилина, 2018.
399. Мещерякова А.Ф. Административные наказания: теоретико-правовая характеристика и некоторые проблемы назначения // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 12.
400. Микешина Л.А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.

401. Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. – М.: Юридическая литература, 1967 // Мицкевич А.В. Избранное / сост. и авт. предисловия Е.А. Юртаева. – М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010.
402. Мицкевич Л.А. Соотношение федерального и регионального законодательства об административной ответственности // Вестник ВГУ. Сер. Право. – 2018. – № 2. – С. 206 – 216.
403. Мозолин В.П. Система российского права: доклад на всероссийской конференции 14 ноября 2001 г. // Государство и право. – 2003. – № 1.
404. Мокий В.С., Мокий М.С., Лукьянова Т.А. Классификация системных подходов – основа решения сложных многофакторных проблем общества, науки и техники // Universum: общественные науки. – 2016. – № 12
405. Момотов В.В. К проблеме исследования русского средневекового права // Современные проблемы правоведения. Сб. науч. тр. – Краснодар: Изд. Кубан. ун-та, 1998.
406. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV в.в. – М.: Зерцало-М, 2003.
407. Монахова Л.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источник уголовного права // марийский юридический вестник. – 2018. – № 2 (25).
408. Мониторинг уголовной политики России / под общ. ред. С.В. Максимова. – М.: ИГП РАН, 2014.
409. Морозов А.А. К вопросу о создании Свода законов Российской Федерации // Правовая информатика. – 2014. – № 1.

410. Морозов Б.П. Толкование и аналогия в уголовном праве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2004. – № 4.
411. Мякинников С.П. К определению понятия «единое целое»: позиция постхолизма // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 2.
412. Надыгина Е.В., Лесникова А.М. Законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях: актуальные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (2).
413. Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. – 1994. – № 1.
414. Наумов А. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. – 2011. – № 2.
415. Наумов А.В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006.
416. Наумов А.В. Концепция уголовно-правовой политики: законодательный или доктринальный вариант? // Уголовное право. – 2022. – № 3.
417. Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. – № 7.
418. Наумов А.В. О будущем российского уголовного права - законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 6.
419. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. – М.: Юрлитинформ, 2014.

420. Наумов А.В. Уголовное законодательство Временного правительства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2007. – № 1 (11).
421. Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1978.
422. Нафиков М.М. Система Особенной части УК РФ: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1.
423. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. – Екатеринбург: Cricket, 1994.
424. Нейман И. Начальные основания уголовного права. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1814.
425. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том первый. Преступления и проступки против личности. – СПб.: Тип П.П. Меркульева, 1876.
426. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2005.
427. Несмеянова С.Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 4.
428. Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний. – М.: Юрлитинформ, 2018.
429. Никонов М.А. Автономное значение понятия «уголовное обвинение» в практике Европейского Суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. – 2016. – № 2.
430. Новоселов Г.П. Система Особенной части УК РФ // Бизнес. Менеджмент. Право. – 2012. – № 1 (25).
431. Новоселов Г.П., Федосеева Л.Ю. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления: соотношение и уголовно-правовое значение // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 4.
432. Новоселов Г.П., Щелконогова Е.В. Понятие Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2019. – № 1 (124).

433. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.
434. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
435. Ображиев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5.
436. Ображиев К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 2, № 1.
437. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2010.
438. Овчинников А.И. Институциональный анализ права: герменевтико-феноменологический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 4.
439. Омельченко О.А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. Сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.П. Титов. – М.: ВЮЗИ, 1986.
440. Орехов В.В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 3 (48).
441. Орешкина Т.Ю. Современное состояние института квалифицирующих признаков // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Российского конгресса уголовного права (26 – 27 мая 2011 года) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2011.

442. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982.
443. Остин Д. Определение понятия юриспруденции // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 3. Европа, Америка. XVII – XX вв / отв. ред. О.А. Жидков. – М.: Мысль, 1999.
444. Ошерович Б., Утевский Б. Двадцать лет деятельности Всесоюзного института юридических наук // Социалистическая законность. – 1945. – № 8.
445. Ошибки в квалификации преступлений / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2020.
446. Памятники российского права в 35 томах / колл. авт.; под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013 – 2017.
447. Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004.
448. Панченко П.Н. Уголовное право с претензией на статус ценности: в поисках ответов на вопросы настоящего к будущему и будущего к настоящему. – М.: ИД «Юриспруденция», 2018.
449. Панько К.К. Анализ понятия дефиниции в уголовном праве // Юридическая техника. – 2007. – № 1.
450. Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2011.
451. Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.
452. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм (3-е изд., 1929) // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980.
453. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5.

454. Переверзев В.В. Юридическая конструкция как научная проблема: теоретико-правовой аспект // *Философия права*. – 2009. – № 3 (34).
455. Петров А.В. Форма права и ее разновидности // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2012. – № 6 (1).
456. Петров Д.Е. «Дифференциация» и «интеграция» в категориальном аппарате современной юридической науки // *Вопросы современной юриспруденции*. – 2014. – № 42.
457. Петров Д.Е. Общетеоретическое значение исследования интеграции и дифференциации в системе права // *Современное право*. – 2015. – № 7.
458. Петров Д.Е. Отраслевое строение права и его структура: аспекты соотношения // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. – 2015. – № 2 (82).
459. Петров И.В. Теологическая теория происхождения государства и права и разнообразие ее воплощений // *Международный журнал экспериментального образования*. – 2015. – № 5-1.
460. Петрова Е.А. Основные подходы к структуре нормы права в различных правовых традициях // *Lex Russica*. – 2015. – № 1 (Т. ХСVIII).
461. Петухов Н., Толкаченко А. К вопросу о совершенствовании военно-уголовного законодательства Российской Федерации // *Уголовное право*. – 2002. – № 2.
462. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009.
463. Пикуров Н.И. Новое в уголовно-правовой охране транспортной безопасности // *Уголовное право*. – 2014. – № 3.
464. Пикуров Н.И. Оправдана ли полная кодификация уголовного законодательства в современных условиях? // *Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII*

- Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. – М.: Юрлитинформ, 2013.
465. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / под ред. А.В. Наумова. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т. 1998.
466. Пионтковский А. Полностью разоблачить порочные положения Вышинского в теории советского уголовного права // Социалистическая законность. – 1962. – № 7.
467. Пионтковский А.А. Система Особенной части уголовного права // Советское право. Журнал Института советского права. – 1926. – № 2 (20).
468. Плаксина Т.А. Конституция Российской Федерации как формальный источник отечественного уголовного права: спорные вопросы // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 1 (80).
469. Плохова В.И. Системное толкование норм Особенной части уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2011.
470. Плошкина Я.М., Майорова Л.В. Законопроект об уголовном проступке с учетом германского опыта правового регулирования // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 8 (177).
471. Погожина Н.Н., Савченко И.А. Холизм и редукционизм как базовые понятия и методологические принципы социально-философских исследований // Вопросы философии. – 2019. – № 1.
472. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. – 1975. – № 3.
473. Полянский Н.Н. Уголовный кодекс РСФСР и германский проект уголовного уложения (Параллели) // Право и Жизнь. – 1922. – Книга 2 (Июль).
474. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. – Ижевск: Изд. Удмуртского ун-та, 1996.

475. Поцелуев Е.Л. Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9. – Вып. 1.
476. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Томский университет, 2012.
477. Прохода В.А. Доверие россиян национальной судебной-правовой системе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. – 2019. – № 5.
478. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск: Изд.-во Красноярск. Ун-та, 1989.
479. Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права. – 2003. – № 5.
480. Пудовочкин Ю.Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. – 2008. – № 5 (25).
481. Пудовочкин Ю.Е., Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Интервальная методология в исследовании преступности: сущность, преимущества и перспективы // Общество и право. – 2020. – № 2 (72).
482. Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов: Изд.-во Саратов. ун-та, 1993.
483. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юридический центр прессы, 2003.
484. Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. – 2001. – № 2.
485. Рарог А.И. Разработка концепции Уголовного кодекса РФ: проблемы преемственности // Юридическая техника. – 2011. – № 5.
486. Рогов А.И. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII в.в. – М.: Юрист, 1995.

487. Рогова Е.В. Уголовный проступок в системе межотраслевой охраны общественных отношений // Академический юридический журнал. – 2021. – Т. 22. – № 3(85).
488. Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV – XVII вв). – М.: Юрлитинформ, 2012.
489. Рожнов А.П. К вопросу о признании судебной практики юридическим источником уголовного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16).
490. Романов А.К. Современное уголовное право: доктрина и кризис // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / под ред. Т. И. Заславской. – М.: Логос, 1999.
491. Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. – М.: Воен.-юрид. акад, 1947.
492. Российское законодательство X – XX веков. В 9 томах. – М.: Юридическая литература, 1984 – 1987.
493. Русакова Т.П. Пути дальнейшего совершенствования советского уголовного права // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. – Томск: Изд. Томск. ун-та, 1989.
494. Рыбаков В.А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 3.
495. Рябинин Н.А. К вопросу о построении нормы права и понимании составляющих ее элементов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 4 (83).
496. Савенок А.Л. Правоприменение при пробелах в уголовном законе // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2014. – № 1 (27).
497. Савина С.Н. Теоретические основания категории «уголовный проступок». – М.: Русайнс, 2022.

498. Сайгашкин А.Н. Сущность уголовно-правовой охраны // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1.
499. Семенова Д.М. К вопросу о конструировании составов преступлений с административной преюдицией // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 1(81).
500. Серебренникова А.В. К вопросу о системе Особенной части УК ФРГ: исторический аспект // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права (30 – 31 мая 2013 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.
501. Серебренникова А.В. Уголовно-правовая доктрина ФРГ о системе Особенной части Уголовного кодекса Германии // Интерактивная наука. – 2016. – № 7.
502. Сизова В.Н. К вопросу об эволюции российской уголовно-правовой системы в период 1926-1996 гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (40).
503. Сизова В.Н. Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864-1903 гг.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 1 (46).
504. Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. – М.: Юрлитинформ 2021.
505. Сильченко Н.В. Проблемы иерархии источников права // Государство и право. – 2018. – № 4.
506. Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2007.
507. Ситникова А.И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2010.

508. Скворцова О.В., Лаговская Е.В. Криминализация и декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67), № 4.
509. Скворцова Ю.В. Источники права и правотворчества: современное состояние и перспективы обновления в условиях модернизации правовой системы России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1.
510. Сланьке Г. Аналогия в уголовном праве – действительно ли недопустима? // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 4 (7).
511. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965
512. Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в). – Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1961.
513. Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: Материалы IV Междунар. науч.–практ. конф. к 250–летию МГУ и состоявшейся на юрид. фак. в 2004 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: ЛексЭст, 2005.
514. Сорокина А.В. Проект Уголовного Кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика Особенной части // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27.
515. Сорокина А.В. Система построения Особенной части российских уголовных законов второй половины IX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 4 (10).
516. Социальная доктрина российских мусульман. 14 июня 2015 года. – М.: Издат. Дом «Алтын Мирас», 2017.
517. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – М.: Юридическая литература, 1986.

518. Старостин С.А. Некоторые проблемы установления и реализации административной ответственности законами субъектов Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2013. – № 8.
519. Степанюк О.С., Степанюк А.В. К вопросу об источниках уголовного права (на примере постановлений Правительства РФ) // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 6-7.
520. Судакова Т.М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 4.
521. Сумачев А.В. О структуре уголовно-правовой нормы // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 4 (10).
522. Сырых В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. – 2002. – № 10.
523. Сырых В.М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). – М.: Юридическая литература, 1980.
524. Тагер А.С. Проблема законности в Уголовном кодексе РСФСР // Право и жизнь. Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. – 1922. – Кн. 1 (июнь).
525. Тадевосян В.С. К разработке проекта Уголовного Кодекса СССР // Советское государство и право. – 1954. – № 4.
526. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1988.
527. Тенчов Э.С. О принципах и основаниях закрепления в законе системы уголовно-правовых институтов // Направления уголовной политики в борьбе с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986.
528. Тер-Акопов А.А. Защита личности – принцип уголовного права // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. – М.: ИГП РАН, 1994.

529. Тимашев Н.С. Новый проект уголовного кодекса для СССР // Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества. – Рига, 1938. – № 8 – 10.
530. Тимошина Е.В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2018. – Т. 13, № 1.
531. Тиунова Л.Б. Система правовых норм и отраслевое подразделение права // Советское государство и право. – 1987. – № 4.
532. Тихонов К.Ф. Принцип вины и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Становление и развитие советского законодательства. Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию первого советского Уголовного кодекса. – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1973.
533. Тихонова С.С. Дефиниции в уголовном законодательстве Российской Федерации: способы построения и правила юридико-технического оформления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 2.
534. Тихонова С.С. Легальное дефинирование как способ конкретизации уголовно-правовых предписаний в Особенной части современного кодифицированного уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2019. – Т. 9, № 1 (30).
535. Толкаченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и процессуальных аспектов квалификации // Мировой судья. – 2019. – № 12.
536. Тонков Е.Е., Синенко В.С. Методологические подходы к построению системы права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 10 (231), Вып. 36.

537. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957.
538. Третьяк И.А. Механизм сдержек и противовесов как способ предупреждения и разрешения конституционно-правовых конфликтов: сравнительно-правовой аспект // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 4.
539. Туганов К.А. Теологические интерпретации естественного права: история и современность // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Т. 25, Вып. 5.
540. Турышев А.А. Доктрина уголовного права // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и правоприменения. Материалы международной научно-практической конференции (г. Омск, 27 февраля 2009 г.). – Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-т, 2009.
541. Тюнин В.И., Радошнова Н.В. Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 2 (58).
542. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы Международ. науч.-практ. конф. (Геленджик, КубГУ, 2 – 3 октября 2015). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2016.
543. Утевский Б.С. Развитие Особенной части уголовного права // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925 – 1945): Тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Тип. Упр. делами Министерства черной металлургии, 1946.
544. Фейербах П.А. Уголовное право. – СПб.: Медицин. Тип., 1810
545. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003.
546. Фетисов Т. Онтологические аспекты теологического правопонимания // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 1.

547. Филант Г.К., Хазанов С.Д. К проблеме конституционной легитимности регионального законодательства об административных правонарушениях // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9.
548. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004.
549. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003.
550. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. – М.: Юриспруденция, 2014.
551. Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1971.
552. Фролова Е.А. Теория естественного права (предметный аспект) // Государство и право. – 2015. – № 4.
553. Харитонова А.Н., Савельева С.Е. История развития института кражи в отечественном уголовном законодательстве // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (61).
554. Хашиева Т.М. Уголовно-процессуальный институт: понятие, структура, значение / под ред. К.В. Ким. – Саратов: Вузовское образование, 2017.
555. Хилюта В.В. Административная преюдиция в контексте понимания преступления и его признаков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. – № 1.
556. Хилюта В.В. Какой быть методологии уголовного права // Lex Russica. – 2016. – № 12 (121).
557. Хилюта В.В. Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 3.

558. Цветаев Л. Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся. – М.: Университет. тип., 1825.
559. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах (по изд. 1957 г.). – СПб.: Равена, Альфа, 1995.
560. Червонюк В.И. Юридические конструкции в структуре права // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2.
561. Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – № 8.
562. Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. – М.: Наука, 1981.
563. Чернявский А.Г. Историческая школа и естественное право // Вестник Академии права и управления. – 2021. – № 1 (62).
564. Чесноков П.В. Логическая фраза и предложение. – Ростов-на-Дону: Изд. Рост. ун-та, 1961.
565. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2000.
566. Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. – СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2002.
567. Чилингаров К.В. Основания и принципы криминализации преступлений против общественной нравственности // Общество и право. – 2011. – № 4 (36).
568. Чирков А.П. Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 9.

569. Чирков А.П. Нормативно-правовое предписание: общетеоретический и уголовно-правовой аспекты // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 9.
570. Чуфаров В.Ю. Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 11 (59).
571. Чучаев А.И. Пробелы в методах науки уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2.
572. Шадрин А.Е. Трансформация экономических и социально-политических институтов в условиях перехода к информационному обществу // Информационное общество. – 1999. – № 2.
573. Шапкин В.В. Методологические основания институционализма // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 2 (38).
574. Шаргородский М.Д. Система Особенной части Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. – 1947. – № 6 (июнь).
575. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М.: Юрид. издат. Минюста СССР, 1948.
576. Шатковская Т. В. Традиция и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. – 2014. – № 4.
577. Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 3.
578. Шебанов А.Ф. Форма советского права. – М.: Юридическая литература, 1968.
579. Шевченко Е.В. К вопросу о структуре уголовно-правовой нормы // Проблемы законности. – 2012. – № 118.
580. Шергин А.П. Административно-деликтное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы // Административное право и административный процесс: состояние и перспективы. – М.: Юристъ, 2004.

581. Шеслер А.В. Виды уголовно-противоправных деяний // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 466.
582. Шигаль Д.А. Методика проведения сравнительного историко-правового анализа // Проблемы законности. – 2014. – № 126.
583. Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. // Философия и методология истории / общ. ред. И.С. Кона. – М.: Прогресс, 1977.
584. Ширяев В.Н. К вопросу о системе и полноте Особенной части Уголовного Кодекса в ред. 1926 г. // Проблемы преступности: Сборник / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета; Государственный институт по изучению преступника и преступности. – М.: Издательство Народного Комиссариата внутренних дел РСФСР, 1928. – Выпуск 3.
585. Шляпочников А.С. Толкование советского уголовного закона. – М.: Юридическая литература, 1960.
586. Шумихин В.Г. О понятии «нормативные правила квалификации преступлений» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 2 (259).
587. Шундииков К.В. Системные связи в правовой жизни общества // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 3.
588. Щелконогова Е.В. О системе Особенной части Уголовного кодекса РФ // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 3.
589. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 1: Понятие уголовного права / под ред. В.Б. Малинина. 2-е изд. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2008.
590. Эстрин А.Я. Эволюция советской уголовной политики // Основы и задачи советской уголовной политики: сб. ст. / под ред. Е.Г. Ширвиндта. – М.: Госиздат, 1929.
591. Явич Л.С. Право и социализм. – М.: Юридическая литература, 1982.

592. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества: Сущность и принципы. – М.: Юридическая литература, 1978. – С. 200.
593. Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. – 1970. – № 6.
594. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. – 2009. – № 10.
595. Ямпольская Ц.А. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6.
596. Яни П.С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в Российском законодательстве. – 2008. – № 1.
597. Яценко Б.В. Правоположения в уголовном праве // Государство и право. – 2000. – № 6.
598. Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. – М.: МЮИ МВД России, 1996.
599. Яценко Б.В. Состояние административной наказанности как юридический факт уголовного права и его функции // Уголовное право. – 2021. – № 8.

Учебная литература

600. Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. 2009.
601. Алихаджиева И.С., Даурова Т.Г., Лиценбергер О.А. Уголовное право: история и современность. Вопросы Общей части. Учеб. пособ. / под ред. Т.Г. Дауровой. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001.
602. Арямов А.А. История уголовного права России. Учеб. пос. – М.: Юстиция, 2016.

603. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2007.
604. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев: Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903.
605. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. II. Часть Особенная. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867.
606. Вопленко Н.Н. Источники и формы права. Учеб. пособ. – Волгоград: ВолГУ, 2004.
607. Гернет М.Н. Уголовное право. Часть Общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. – Херсон: Изд. Н.А. Ходушина, 1913.
608. Герцензон А.А. Уголовное право. Общая часть. Учеб. пособие для слушателей ВЮА КА. – М.: РИО ВЮА КА, 1946.
609. Гуляев П. Российское уголовное право, составленное из Российских государственных узаконений. – М.: Тип. П. Кузнецова, 1826.
610. Загоскин Н.П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т.1. – Казань: Типо-лит. Императорск. унта, 1899.
611. Институты конституционного права: учебное пособие / под ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постникова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ, 2013.
612. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. Учебник для юридических вузов. – 6-е изд., перарб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
613. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. Второе испр. и значительно доп. изд. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1882.

614. Козлов А.П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. – М.: Юрлитинформ, 2018.
615. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – Изд. 9, без изм. – СПб.: Изд. Н.К. Мартынова, 1909.
616. Курс Российского уголовного права. Общая часть. Учебное пособие / под ред. Н.Г. Иванова, С.И. Никулина, Б.В. Яцененко. – М.: Экономика, 2010.
617. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002.
618. Лившиц Р.З. Теория права. – М.: БЕК, 1994.
619. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13 перераб. из. Ф. Ельяшевич. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1905.
620. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. Учеб. пособ. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
621. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1867.
622. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть В 4 т. Т. II. Уголовный закон. – М.: Юрлитинформ, 2016.
623. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. I. Введение в уголовное право. – М.: Юрлитинформ, 2015.
624. Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. – М.: Норма, ИНФРА-М., 2017.
625. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Учеб. пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973.
626. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. – М.: Юридическая литература, 2004.
627. Новое уголовное право России. Общая часть. Учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1996.

628. Пионтковский А.А. Уголовное право (пособие к лекциям). Часть Общая. Вып. первый. – Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1913.
629. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Вып. первый. – М.: Университет. тип., 1907.
630. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909.
631. Полный курс уголовного права. В 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. II – V. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008.
632. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2001.
633. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Учебник. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Проспект, 2016.
634. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. Избранные лекции. – 2-е изд.,
635. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012.
636. Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2014.
637. Пусторослев П.П. Русское уголовное правою Общая часть. Вып. 1. 2-е изд., испр. – Юрьев: Тип К. Матисена, 1912.
638. Российское уголовное право. В 2 т Т. 2. Особенная часть / под ред. Э.Ф. Побегайло. – М.: Илекса, 2008.
639. Российское уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015.
640. Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015.

641. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3-е. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1896.
642. Скакун О.Ф. Теория государства и права: учебник. – Харьков: Консум, Ун-т внутр. дел, 2000.
643. Советское уголовное право. Часть Общая. Учебник для вузов / под ред. Б.С. Утевского. – М.: Госюрлитиздат, 1950.
644. Советское уголовное право. Часть Особенная. Учебник / общ. ред.: А.А. Герцензон, З.А. Вышинская. – М.: Госюриздат, 1951.
645. Сырых В.М. Теория государства и права. Учебник для вузов. – М.: Юстицинформ, 2006.
646. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994.
647. Таганцев Н.С. Уголовное право. Особенная часть: [Лекции, читанные в 1875-76 учебном году] / Издание студентов СПб. университета. – СПб.: Литография Боровкова, [1876].
648. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшее образование, 2008.
649. Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2005.
650. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. – М.: РИОР, 2008.
651. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., испр и доп. – М.: Юстицинформ, 2010.
652. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. М.А. Кауфмана, А.В. Бриллиантова. – М.: Юстиция, 2020.
653. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006.
654. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А.В. Наумова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристь, 2005.

655. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021.
656. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: Омская академия МВД России, 2020.
657. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2022.
658. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1978.
659. Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Городец, 2006.
660. Уголовное право. Общая часть / науч. ред. В.Д. Меньшагин. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1948.
661. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. II. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016.
662. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016.
663. Уголовное право. Общая часть. Учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008.
664. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Векленко. – М.: Юрайт, 2017.
665. Уголовное право. Особенная часть. Учебник / отв. ред.: И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 4-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2008.
666. Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011.

667. Чубинский М.П. Учебник уголовного права Т. 1. Общая часть. – СПб.: Тип. Шредера, 1915.
668. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1914.
669. Эстрин А.Я. Советское уголовное право. Часть Общая. Вып. 1. Основы и история уголовного права. – М.: Советское законодательство, 1935.

Диссертации и авторефераты диссертаций

670. Алаторцев А.Ю. Правовая определенность уголовно-правового запрета: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018.
671. Афанасьева Л.В. Нормы права и их действие: вопросы теории: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
672. Бабаян С.Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права: теория и практика применения: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014.
673. Бабкова Г.О. Политика Екатерины II в области уголовного права: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
674. Бабошин О.А. Система конституционного права как отрасли российского права: Вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001.
675. Бастрыкина О.А. Системообразующие связи внутреннего содержания права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006.
676. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник права: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004.
677. Блохин Ю.В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.

678. Бойко А.И. Системная среда уголовного права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008.
679. Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005.
680. Бошук В.А. Теоретические основы уголовно-правовой политики в сфере государственной безопасности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006.
681. Быкодорова Л.В. Линия законности в уголовной политике и направления дальнейшего совершенствования уголовного законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ставрополь, 1999.
682. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007.
683. Веденин В.С. Влияние правопонимания на становление и развитие институтов российского права (на примере патентного права): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2007.
684. Видергольд А.И. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017.
685. Волосюк П.В. Решения Европейского суда по правам человека как источник уголовного права России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005.
686. Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
687. Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
688. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011.

689. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2019.
690. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
691. Грошев А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997.
692. Гурова Т.В. Актуальные проблемы теории источников права: дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2000.
693. Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004.
694. Данцева Т.Н. Формальные источники права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007.
695. Джура В.В. Правовые акты органов судебной власти: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009.
696. Долголенко Т.Н. Аксиологический и формально-юридический смысл толкования права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2012.
697. Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005.
698. Евстигнеева Г.Б. Судебные решения как источник права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
699. Емелин М.Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015.
700. Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014.
701. Жиляев С.В. Кумулятивные санкции в уголовном праве России и зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2000.

702. Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, систем и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013.
703. Жукова-Василевская Д.В. Источники права России: тенденции формирования и развития: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
704. Жучкова Е.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного права и уголовного процесса: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
705. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003.
706. Каждан Д.И. Формирование и развитие источников публичного права: проблемы теории и методологии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010.
707. Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
708. Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2009.
709. Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2015.
710. Киримова Е.А. Правовой институт: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998.
711. Конюхова Т.В. Система институтов бюджетного права Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
712. Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.

713. Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2019.
714. Левит В.О. Дефиниции актов официального толкования норм права (доктрина, практика техника): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2012.
715. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2012.
716. Маркова-Мурашова С.А. Национальная правовая система России и типология правопонимания: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006.
717. Марчук В.В. Методологические основы квалификации преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Минск, 2016.
718. Маршакова Н.Н. Классификация в Российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.
719. Метлова И.С. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
720. Михаль О.А. Классификация преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1999.
721. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. – М., 2006.
722. Осыченко Е.В. Негосударственные источники права в правовой системе демократического государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
723. Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006.

724. Парфейников И.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в сфере осуществления правосудия по уголовным делам: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
725. Парфентьев А.Л. Нормативно-правовое предписание и его виды: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1980.
726. Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
727. Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003.
728. Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 1998.
729. Пилипенко Е.А. Система российского права: структурно-сравнительный анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003.
730. Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013.
731. Пищулин А.В. Юридический позитивизм в современном правопонимании: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
732. Поройко М.С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000.
733. Пузиков Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (проблемы теории и практики): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003.
734. Пузырева Е.В. Нормы российского права: теоретические аспекты понимания и качественного выражения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007.
735. Рахманова Е.Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2010.

736. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014.
737. Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012.
738. Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011.
739. Садохина Н.Е. Развитие источников российского права в советский и постсоветский период: дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2005.
740. Сас Д.В. Источники права в римской правовой традиции и их современное развитие: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
741. Семенов И.А. Поощрительные нормы в уголовном законодательстве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
742. Семенов Я.И. Законодательная техника в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2007
743. Скрипилев Е.А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее проведения, март – октябрь 1917 года: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 1970.
744. Степкина М.В. Гносеологический статус классификации как формы познания: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – Самара, 2006.
745. Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
746. Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Саратов, 2002.
747. Тулиглович М.А. Структура уголовно-правовой нормы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006.
748. Ушакова Л.Н. Дефиниция как нетипичное правовое средство законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009.

749. Фокин Т.Б. Социально-юридическая природа нормы права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005.
750. Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008.
751. Храмов Д.В. Нетрадиционные источники российского частного права: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
752. Чевычелов В.В. Юридическая конструкция (проблемы теории и практики): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005.
753. Черепенникова Ю.С. Пробелы в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и способы их восполнения: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
754. Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.
755. Чиннова М.В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
756. Чуфаров В.Ю. Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010.
757. Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы Общей части (1917 – 1936 г.г.): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985.
758. Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012.
759. Шульга И.В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (вопросы теории): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ИЗЛОЖЕНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных

ВАК при Минобрнауки РФ

1. Асланян, Р.Г. Взаимосвязь признаков субъекта преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Асланян // Общество и право. – 2015. – № 2. – С. 108–110 (0,4 п.л.).
2. Асланян, Р.Г. Взаимосвязь признаков субъективной стороны состава преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Асланян // Общество и право. – 2015. – № 3. – С. 93–97 (0,5 п.л.).
3. Асланян, Р.Г. Понятие и признаки информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Асланян // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 1. – С. 7–11 (0,5 п.л.).
4. Асланян, Р.Г. Информация как средство совершения преступлений в сфере экономики и объект посягательства: вопросы взаимосвязи / Р.Г. Асланян // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2016. – № 1. – С. 48–53 (0,5 п.л.).
5. Асланян, Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности / Асланян, Р.Г., Коняхин, В.П. // Российский следователь. – 2016. – № 8. – С. 24–27 (0,4/0,2 п.л.).
6. Асланян, Р.Г. Информация в структуре составов преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Асланян Р.Г., В.П. Коняхин // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 3. – С. 18–21 (0,3/0,2 п.л.).
7. Асланян, Р.Г. Особенная часть уголовного права как предмет исторического анализа: источники и границы анализа / Р.Г. Асланян //

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11. – С. 21–27 (0,75 п.л.).

8. Асланян, Р.Г. К вопросу о периодизации истории особенной части российского уголовного права / Р.Г. Асланян // Общество и право. – 2020. – № 4. – С. 34–37 (0,4 п.л.).

9. Асланян, Р.Г. Систематизация предписаний особенной части уголовного права в истории дореволюционной России / Р.Г. Асланян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12. – С. 22–29 (0,9 п.л.).

10. Асланян, Р.Г. Теоретико-методологические основы историко-правового анализа / Р.Г. Асланян // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 30–38 (0,9 п.л.).

11. Асланян, Р.Г. Закон как форма выражения особенной части уголовного права России: исторический анализ / Р.Г. Асланян // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 49–55 (0,5 п.л.).

12. Асланян, Р.Г. Соотношение закона и иных форм выражения предписаний особенной части уголовного права в историческом развитии / Р.Г. Асланян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 7–11 (0,5 п.л.).

13. Асланян, Р.Г. Структура уголовно-правовой нормы, предписания особенной части и статьи особенной части уголовного закона / Р.Г. Асланян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 129–135 (0,7 п.л.).

14. Асланян, Р.Г. Система типичных и нетипичных нормативных предписаний особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 6. – С. 67–73 (0,7 п.л.).

15. Асланян, Р.Г. Вопросы системы особенной части уголовного права в контексте модернизации методологических основ науки / Р.Г.

Асланян // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 3. – С.16–23 (1,0 п.л.).

16. Асланян, Р.Г. Нетипичные нормативные предписания особенной части уголовного права: понятие, виды, закономерности / Р.Г. Асланян // Философия права. – 2021. – № 3. – С. 154–158 (1,0 п.л.).

17. Асланян, Р.Г. Логическая форма выражения нормативного предписания особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Российский следователь. – 2021. – № 11. – С. 51–54 (1,0 п.л.).

18. Асланян, Р.Г. Юридическое содержание института особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 46–54 (1,0 п.л.).

19. Асланян, Р.Г. О критериях обособления институтов особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика право. – 2021. – № 4. – С. 145–153 (0,6 п.л.).

20. Асланян, Р.Г. Структура института особенной части / Р.Г. Асланян // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С.136–141 (0,3 п.л.).

21. Асланян Р.Г. УК РСФСР 1922 г.: юридико-технический и институциональный анализ / Р.Г. Асланян, Т.Ю. Батютина, В.П. Коняхин // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 8–10 (0,3/0,1 п.л.).

22. Асланян, Р.Г. Дифференциация ответственности и систематизация предписаний особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 3. – С.87–94 (0,5 п.л.).

23. Асланян, Р.Г. Теоретико-методологические основы исследования источников особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – № 6. – С.99–120 (1,0 п.л.).

24. Асланян, Р.Г. Ограничение уголовной репрессии и юридико-техническое строение особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян //

Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 14–19 (0,4 п.л.).

25. Асланян, Р.Г. Система формальных источников особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Общество и право. – 2022. – № 3. – С. 11–16 (0,4 п.л.).

26. Асланян, Р.Г. Социальные источники особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Азиатско-тихоокеанский регион экономика политика право. – 2022. – № 4. – С. 193–112 (0,8 п.л.).

**Статьи в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных
и системы цитирования**

27. Aslanyan, R.G. Individualization of punishment in the context of the public's fear of crime / Aslanyan R.G., Konyakhin V.P., Prokhorov L.A., Prokhorova M.L., Petrovskiy A.V. // In the collection: SHS Web of conferences IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”. Kaliningrad, 2021. p. 2 – 13 (0,5/0,1 p.s.).

28. Асланян, Р.Г. Формирование и развитие особенной части уголовного права в период X - начала XX в. / Р.Г. Асланян // Государство и право. – 2021. – № 8. – С. 150 – 163 (1,0 п.л.).

29. Aslanyan, R.G. Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of intersectoral relations of criminal law / Aslanyan R.G., Intykbayev M.A., Konyakhin V.P. // Theory and methodology of law and law enforcement practice: Collection of materials of the international scientific and practical conference of the RUDN SHS Web of Conferences. – Moscow, 2021. – p. 2 – 7 (0,6/0,2 p.s.).

30. Асланян, Р.Г. Понятие и содержание нормативного предписания особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 82 – 90 (0,6 п.л.).

Монографии и учебные пособия

31. Асланян, Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности: монография / Р.Г. Асланян – М.: Юрлитинформ, 2019. – 144 с. (8,3 п.л.).

32. Асланян, Р.Г. Межотраслевые связи уголовного права: практикум /В.П. Коняхин, Т.Ю. Батютина – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2020. – 172 с. (12,7/2,7 п.л.).

33. Асланян, Р.Г. Структура особенной части уголовного права и ее элементный состав: монография / Асланян Р.Г. – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2021. – 222 с. (14,5 п.л.).

34. Асланян, Р.Г. Теоретико-методологические основы научного анализа Особенной части уголовного права: монография / Асланян Р.Г. – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2022 – 184 с. (11, 5 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях

35. Асланян, Р.Г. Взаимосвязь информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности и признаков объекта преступления / Р.Г. Асланян // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Второй Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Бриллиантова и Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2015. – С. 507–513 (0,7 п.л.).

36. Асланян, Р.Г. К вопросу о понятии и значении информации в преступлениях в сфере экономической деятельности / Р.Г. Асланян // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сборник науч. тр. по материалам II Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В.Д. Зеленского. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – С. 3–7 (0,4 п.л.).

37. Асланян, Р.Г. К вопросу о понятии информации как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Асланян // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международ. науч.-практ. конф.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – Т. 1. – С. 264–267 (0,3 п.л.).

38. Асланян, Р.Г. К вопросу о видах информации, используемой для конструирования составов преступлений / Р.Г. Асланян // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар: КубГУ, 2016. – С 577–584 (0,6 п.л.).

39. Асланян, Р.Г. Взаимосвязь информации как средства совершения преступлений и признаков субъекта составов экономических преступлений / Р.Г. Асланян // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Третьей Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Бриллиантова и Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2016. – С. 378–385 (0,5 п.л.).

40. Асланян, Р.Г. Информация как предмет совершения преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Асланян // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: сборник науч. тр. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В.Д. Зеленского. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – С. 3–6 (0,25 п.л.).

41. Асланян, Р.Г. Информация в призме элементов составов преступлений в сфере экономической деятельности / Р.Г. Асланян // Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2018. – С. 600–664 (0,3 п.л.).

42. Асланян, Р.Г. Соотношение информации как средства совершения и признака субъекта преступлений в сфере экономической

деятельности / Р.Г. Асланян // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 100–102 (0,25 п.л.).

43. Асланян, Р.Г. Доктринальные подходы к разработке УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. / Р.Г. Асланян // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием. – Краснодар: КубГУ, 2021. – С. 215–222 (0,5 п.л.).

44. Асланян, Р.Г. Субъект преступлений в сфере экономической деятельности через призму информации как предмета либо средства их совершения / Р.Г. Асланян, В.П. Коняхин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2021. – № 10. – С.152–163 (0,3/0,2 п.л.).

45. Асланян, Р.Г. К вопросу о видах системных связей между институтами особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2021: сборник материалов ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2021. – С. 309–312 (0,2 п.л.).

46. Асланян, Р.Г. Конструкция уголовно-правовой охраны как основа системы институтов особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Уголовная политика в сфере противодействия коррупции, терроризму и экстремизму: современное состояние и пути оптимизации (к юбилею М.П. Чубинского): сборник науч. ст. по вопросам уголовного права и процесса первого Ярославского юридического форума в рамках международ. науч.-практ. конф. – Ярославль: ООО «Филигрань», 2021. – С. 289–300 (0,7 п.л.).

47. Асланян, Р.Г. Институт и субинститут уголовного права: критерии обособления / Р.Г. Асланян // 30 лет юридической науке КУБГАУ: сборник науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с

международным участием. – Краснодар: КубГАУ, 2021. – С. 122–128 (0,5 п.л.).

48. Асланян, Р.Г. Виды институтов особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: сборник материалов XIII Российского конгресса уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2022. – С. 154–158 (0,3 п.л.).

50. Асланян, Р.Г. Теоретико-методологические основы исследования институтов особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Союз криминалистов и криминологов. – 2022. – № 2. – С. 12–21 (1,5 п.л.).

51. Асланян, Р.Г. Наука уголовного права и ее социальные источники / Р.Г. Асланян // Второй Ярославский юридический форум (30 сентября-1 октября 2022 года): сборник научных статей по вопросам противодействия преступности / отв. ред. – Е.В. Благов, А.В. Иванчин, В.П. Коняхин. – Ярославль, 2023. С. 191–194.

Приложение 1. Структура Особенной части российских уголовных законов и проектов уголовно-правовых актов

ВОИНСКИЙ АРТИКУЛ 1716 года

- Глава 1. О страхе божии
- Глава 2. О службе божии и о священниках
- Глава 3. О команде, предпочтении и почитании вышних и нижних офицеров, и о послушании рядовых
- Глава 4. О самовольном обнажении шпаги, о тревоге и карауле
- Глава 5. О всякой солдаткой работе
- Глава 6. О воинских припасах, ружье, мундире, о потрате и небрежении онага
- Глава 7. О смотре
- Глава 8. О корму и жалованье
- Глава 9. О отпуске из службы
- Глава 10. О маршах и походном строю
- Глава 11. О квартирах и лагерях
- Глава 12. О дезертирах и беглецах
- Глава 13. О штурмах или приступах
- Глава 14. О взятии городов, крепостей, добычей и пленных
- Глава 15. О сдаче крепостей, капитуляции и аккордах с неприятелем
- Глава 16. О измене и переписке с неприятелем
- Глава 17. О возмущении, бунте и драке
- Глава 18. О поносительных письмах, бранных и ругательных словах
- Глава 19. О смертной убистве
- Глава 20. О содомском грехе, о насилии и блуде
- Глава 21. О зажинании, грабительстве и воровстве
- Глава 22. О лживой присяге и подобных сему преступлений
- Глава 23. О палаче и профосах
- Глава 24. О утаении и увозе злодеев

ПЛАН-ПРОЕКТ УГОЛОВНОГО КЛОЖЕНИЯ 1767 года

Преступления 1 рода «О преступлениях против закона и веры»

- Глава 1. О богохульстве
- Глава 2. О разных ругательствах благочестия
- Глава 3. О клятвopреступлениях
- Глава 4. О святотатствах

Преступления 2 рода «О преступлениях против нравов»

- Глава 1. О блудодействии
- Глава 2. О растлении девиц
- Глава 3. О прелюбодействии
- Глава 4. О кровосмешении
- Глава 5. О содомстве и других подобных противоестественных грехах
- Глава 6. О многоженстве
- Глава 7. О лихоимстве

Преступления 3 рода «О преступлениях против общего спокойствия»

- Глава 1. О ссорах в публичных местах
- Глава 2. Кто умышленно придет в чужой дом ссоры заводит
- Глава 3. О шуме, крике и о шалостях на улицах, дорогах и публичных местах
- Глава 4. О угрозах словами, письмами против одного или против общества

Преступления 4 рода «О преступлениях против безопасности»

1-е отделение «О преступлениях против спокойствия государя и государства»

1. О преступлении в оскорблении величества и о умышлении на честь и жизнь оного
2. О разных умышлениях против правительства
3. О бунте и измене

2-е отделение [без заголовка]

1. о похищении людей
2. о подложных детях
3. ежели кто вольного человека закабалит или сделает крепостным
4. ежели кто ранит или повреждение сделает членам
5. о неумеренном наказании домашних
6. о подкидышах
7. еже ли кто умышленно приводит в несостояние к деторождению
8. о истреблении плода
9. о разных разбоях, смертоубийствах, когда отец детей, а дети отца убивают, о тайном убийстве, о заговорщиках, поединках, отравках и о самоубийстве
10. повреждении человека как называется через волшебство или паче натуральное искусство, вредительными зверми, злыми собаками или когда кто скоро едучи на кого наедет и задавит
11. о повреждении человека ветхим строением или когда что сверх домов бросают или льют

«Против чести»

1. о ругательствах словами, знаками письмами или забиячеством
2. о похищении женщин
3. о насилстве

«Против их имений»

1. о разных воровствах
2. о грабительствах
3. о похищении или утайке казны
4. о разных обманах, хитростях, плутовствах, например, о поддельной монете о неправильном весе и мере и прочего
5. о похищении или утайке положенного для сохранения
6. о лжесвидетельстве
7. о своевольном закладе чужих вещей
8. о утайке найденных вещей
9. о умышленном зажигательстве
10. ежели кто будет причиною пожара
11. о порче меж и границ
12. о судьях и других чиновниках, которые склоняются к неправому суду т против их звания и должности делают, также о склоняющих их к тому черех деньги и подарки
13. о недозволенной и ложной игре
14. о повреждении публичных строений, алей, мостов, фонарей
15. о тайном провозе товаров
16. о проторговавшихся
17. о составлении ливых крепостей и всяких писем

«В прибавление сие примечание»

1. О наказании бежавшего преступника
2. О тех, которые уговаривают других к преступлениям, советуют, пособляют или понуждают
3. О пойманной, однако еще не совершившем никакого злонамерения преступнике
4. О том, что преступления и за оные наказания в рассуждение места, людей и времени увеличивают

5. О том, что преступления, а за оные наказания в рассуждении людей и других обстоятельств уменьшает
6. О тех, которые положенного на них денежного штрафа не могут платить или не хотят, также которые определенного за лечение болезни вознаграждения не в состоянии заплатить
7. Кто сделает укрывательство или вспомоществование подозрительным людям, преступникам и содержащимся в заключении
8. О словах, совокупленных с действием.

ПРОЕКТ УГОЛОВНОГО УЛОЖЕНИЯ 1813 ГОДА

Часть II. О наказаниях за государственные и общественные преступления

Глава 1. О наказаниях за преступления против святой православной веры

Отд. 1. Наказание за богохуление и порицание веры

Отд. 2. Наказания за мятеж церковный

Отд. 3. Наказания за отступление и отвлечение от православной веры

Отд. 4. Наказания за преступления, происходящие от раскола или ереси

Глава 2. Наказания за оскорбление Императорского Величества

Глава 3. Наказания за государственную измену

Глава 4. Наказания за преступления, посягающие на общественную безопасность и тишину

Отд. 1. О возмущении или бунте и других тому подобных скопищах или сходбищах

1. О возмущениях или бунте и мятеже

2. О преступлениях, которые наказываются наравне с участием в бунте

3. О не позволенных сходбищах

Отд. 2. О наказаниях за насилие и упорство против учрежденных властей и за обиды государственным чиновникам

Отд. 3. О наказаниях за освобождение содержащихся под стражей

1. Относительно тех которые освобождали содержащихся под стражей

2. Относительно тех, которые по должности имели надзор над содержимыми

3. Относительно самих ушедших из под стражи

Отд. 4. О наказаниях за насильственный увод, заключение или задержание другого

Отд. 5. О наказаниях за преступления против общественного судебного порядка или за самоуправство

1. Наказания за самоуправство по личным обидам

2. Наказания за насильственное присвоение имени или прав чужих

Глава 5. О наказаниях за вредные деяния, нарушающие благосостояние обществ и здоровье обывателей в селениях, городах и округах

Глава 6. О наказаниях за нарушение особенных государственных прав и принадлежностей

Отд. 1. О наказаниях за подделывание государственных денег

Отд. 2. О наказаниях за переплавку монеты

Отд. 3. О наказаниях за не позволенный вывоз российской монеты

Отд. 4. О наказаниях за нарушение других особенных прав и принадлежностей государственных

Глава 7. О наказаниях за подлог или лживые поступки

Отд. 1. О наказании за подделывание государственной печати, штемпелей, гербов и других подобных знаков

Отд. 2. О наказаниях за подлог указов, судебных актов и других тому подобных формальных бумаг

Отд. 3. О наказаниях за подложные свидетельства, отречение от подписи и лживое свидетельство

Отд. 4. О наказаниях за противозаконное присвоение звания, чина или имени

Отд. 5. Общие постановления

Глава 8. О наказаниях за подлог и насилие при совершении брака

Отд. 1. О наказании за подлог при двоебрачии

Отд. 2. О наказании за вступление в брак в запрещенных степенях родства или свойства

Отд. 3. О наказании за подлог в других принадлежностях брака

Отд. 4. Наказания за насильственное принуждение к баку

Отд. 5. Общие постановления

Глава 9. О наказаниях за преступления чиновников по их должности

Отд. 1. О наказании за нарушение обязанностей по службе вообще

Отд. 2. О наказании за злоупотребление власти и доверия, данного правительством

Отд. 3. О наказании за преступления подчиненных против своих начальников и за противозаконные поступки начальников с подчиненными

Отд. 4. О наказании за злоупотребления по управлению и распоряжению казенными деньгами и другими вещами

Отд. 5. О наказании за преступления должностные при сборах податей, пошлин и прочих доходов казенных

Отд. 6. О наказании за неправильное решение дел из пристрастия или корысти

Отд. 7. О других, менее важных преступлениях по службе

Часть III. О наказаниях за частные преступления

Глава 1. О наказаниях за смертоубийство

Отд. 1. Об умышленном смертоубийстве

1. Общие постановления

2. Разные роды умышленного смертоубийства и их наказания

Отд. 2. О наказании за неумышленное смертоубийство

1. Общие постановления

2. Разные роды неумышленного смертоубийства и наказания за оные

Отд. 3. О нечаянном смертоубийстве

Отд. 4. О смертоубийстве безвинном

Отд. 5. Об убийстве младенцев

Отд. 6. О подкидывании младенцев

Отд. 7. Об истреблении беременности

Отд. 8. О самоубийстве

Отд. 9. О смертоубийстве, совершаемом малолетними

Глава 2. О наказаниях за раны и другие опасные телесные повреждения

Отд. 1. Об умышленных увечьях и повреждениях

1. Общие постановления

2. Разные роды умышленного увечья и повреждения

Отд. 2. О ранах и увечьях, неумышленно и нечаянно нанесенных

Отд. 3. О самовольных повреждениях или подложных увечьях

Глава 3. Об обидах

Отд. 1. Общие постановления

Отд. 2. О наказании за обиды, нанесенные делом

Отд. 3. О наказании за обиды на письме

1. О клевете

2. О брани

Отд. 4. О наказании за словесные обиды

Отд. 5. О наказаниях за обиды нарушением личных прав другого

Отд. 6. О наказаниях за обиды против добрых нравов или о студных преступлениях

Глава 4. О наказаниях за преступления против собственности

Отд. 1. О наказаниях за злоумышленное истребление собственности

1. О зажигательстве и других истреблениях собственности

2. Общие постановления

3. О неумышленном и нечаянном истреблении собственности

- Отд. 2. О Разных повреждениях собственности
- Отд. 3. О наказаниях за похищение собственности
  - 1. О разбое
  - 2. О грабеже
- Отд. 4. О воровстве
  - 1. Общие постановления
  - 2. О наказаниях за разные роды воровства
    - А. За святотатство и воровство в Церкви
    - Б. За воровство казенных вещей
    - В. За воровство частной собственности
- Отд. 5. О наказаниях за присвоение чужой собственности
  - 1. Общие постановления
  - 2. Разные рода обмана, подлежащие уголовному суду
    - А. Наказания за договоры и сделки всякого рода основанные на обмане
    - Б. Наказания за обман в торговых и ремесленных делах
    - В. Наказания за обманы лиц, обязанных хранить и защищать собственность других
    - Г. Наказание за ложное банкротство
- Отд. 6. О неосторожном и безвинном банкротстве
  - 1. Наказания за неосторожное банкротство
    - А. Относительно людей некупеческого звания
    - Б. Относительно купцов
    - В. О безвинном банкротстве

СВОД ЗАКОНОВ УГОЛОВНЫХ 1832 года

- Раздел II. О преступлениях против Веры
  - Глава 1. О богохулении и порицании веры
  - Глава 2. Об отступлении и отвлечении от веры
  - Глава 3. О наказаниях за ересь и раскол
  - Глава 4. О подложном проявлении чудес, лжепредсказаниях, колдовстве и чародействе
  - Глава 5. О нарушении благочиния в церкви
    - 1. О нарушении мирянами благочиния в церквях
    - 2. О нарушении духовными благочиния в церквях
  - Глава 6. О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел
    - 1. О святотатстве
    - 2. О разрытии могил и ограблении мертвых тел
- Раздел III. О преступлениях Государственных по первым двум пунктам
  - Глава 1. О преступлениях по первым двум пунктам вообще
  - Глава 2. О наказаниях за преступления против священной особы Государя Императора и членом Императорского Дома
    - 1. О наказаниях за злоумышление против священной особы Государя Императора и членов Императорского Дома
    - 2. О наказаниях за поношение Государя Императора и членов Императорского Дома и вредительными словами
  - Глава 3. О наказаниях за бунт и государственную измену
    - 1. О наказаниях за бунт против Государя и государства
    - 2. О наказаниях за государственную измену
- Раздел IV. О преступлениях против Правительства
  - Глава 1. О наказаниях за поношение правительственных мест и должностных лиц
  - Глава 2. О наказаниях за препятствие в обнародовании законов
  - Глава 3. О наказаниях за сочинение и распространение подложных указов, за распространение вредных слухов, за пасквили и подметные письма
  - Глава 4. О запрещенных сходбищах и незаконных тайных обществах

Глава 6. Об оставлении отечества и преслушании вызова, правительством учиненного

Глава 7. О взломе тюрем, выпуске преступников и возмущении против законом установленных властей

1. О взломе тюрем и выпуске преступников

2. О возмущении против законом установленных властей

Раздел V. О преступлениях Чиновников по службе

Глава 1. Общие положения

Глава 2. О нарушении порядка службы и подчиненности

1. О нарушении порядка службы начальниками

2. Об ослушании и неповиновении подчиненных

Глава 3. О неисполнении должности и злоупотреблении власти

1. О медленности и нерадении по службе

2. О неисполнении указов и запущении дел

3. О превышении власти и бездействия ею

4. О разглашении дел, тайне подлежащих

5. О подделке документов и других подлогах в отправлении должности

6. О неправосудии

Глава 4. Об ущербе казенному имуществу от лиц, управляющих и охраняющих оное

1. О незаконном пользовании казенным имуществом

2. О похищении, расточении и утрате казенных имуществ

Глава 5. О противозаконных поступках чиновников при заключении подрядов и поставок и приеме вещей, в казну поставляемых

1. При заключении подрядов и поставок

2. О противозаконных поступках при приеме вещей, в казну поставляемых

Глава 6. О лихоимстве

Раздел VI. О преступлении против безопасности жизни и против прав общественного состояния лиц

Глава 1. О нарушении постановлений против моровой язвы

Глава 2. О смертоубийстве

1. О смертоубийстве умышленном

2. О неосторожном и случайном смертоубийстве

3. Об особенных видах смертоубийства

Глава 3. О поединках

Глава 4. О телесных повреждениях

1. О телесных повреждениях, причиняемых другим

2. О телесных повреждениях, самому себе причиняемых

Глава 5. О нарушении чести

1. О личных обидах

2. О клевете

Глава 6. О нарушении прав свободного состояния

1. О похищении людей свободных для содержания их неволе и о краже младенцев

2. О злоумышленном составлении крепостных актов на людей свободных, для обращения их в крепостное состояние

Глава 7. О нарушении пределов помещичьей власти и повиновения в крепостном состоянии

1. О злоупотреблении помещичьей власти

2. О неповиновении дворовых людей и крестьян своим помещикам

3. О подлоге крепостных людей в перемене их крепостного состояния

Глава 8. О беглых, бродягах и укрывательстве их

1. О пожилых и заработанных деньгах, взыскиваемых в удовлетворение законных владельцев беглецов

2. О взысканиях и наказаниях за пристаносодержательство

Глава 9. О нарушении прав состояния развратным поведением

1. О развратном поведении чиновников и канцелярских служителей, состоящих в службе
2. О развратном поведении бездолжностных и отставных военных и гражданских чиновников

Раздел VII. О преступлениях против Уставов о повинностях, Уставов Казенного Управления и Благоустройства

Глава 1. О подлоге в отправлении рекрутской повинности

Глава 2. О преступлениях против казенной собственности вообще и о подлоге актов, печатей и штемпелей в ущерб казенного имущества

1. О преступлениях против казенной собственности вообще
2. О подлоге актов, печатей и штемпелей в ущерб казенного имущества

Глава 3. О нарушении уставов питейного сбора и акциза [в ней 12 подразделов]

Глава 4. О наказаниях за кормчество по питейному сбору и акцизу

Глава 5. О нарушении уставов таможенных

Глава 6. О нарушении уставов монетных

Глава 7. О нарушении уставов горных [в ней 6 подразделов]

Глава 8. О нарушении уставов о соли

Глава 9. О наказаниях за нарушение уставов лесных [в ней 8 подразделов]

Глава 10. О подделке ассигнаций, кредитных бумаг и гербовой бумаге

Глава 11. О подлоге по займам государственных кредитных установлений и при застраховании [в ней 2 подраздела]

Глава 12. О наказаниях за причинение ущерба государственному доходу производства торговли без узаконенных свидетельств

Глава 13. О наказаниях за нарушение особенных ремесленных постановлений

Раздел VIII. О наказаниях за преступления против прав семейственного состояния

Глава 1. О превышении прав родительской власти

Глава 2. О непослушании и оскорблении детьми родителей

Глава 3. О принятии чужой фамилии

Глава 4. О многобрачии

Глава 5. О прелюбодеянии

Раздел IX. О наказаниях за противузаконное удовлетворение плотских страстей

Глава 1. О кровосмешении

Глава 2. О блуде

Глава 3. О растлении и насиловании

Глава 4. О мужеложестве и скотоложестве

Раздел X. О наказаниях за преступления против прав на имущества

Глава 1. О разбое

Глава 2. О зажигательстве

Глава 3. О воровстве

1. Положения общие
2. О воровстве-мошенничестве и воровстве-краже
3. О воровстве-грабеже

Глава 4. О подлоге в имуществах

1. Подлог в составлении крепостей, домашних актов, печатей и писем
2. Подлог по купле и продаже
3. Подлог по займам и взятии лихвенных процентов
4. Подлог по займам, обеспеченным золотом
5. Подлог в духовных завещаниях
6. Подлог в издании чужих сочинений под своим именем
7. О подложной несостоятельности

Глава 5. О запрещенной азартной игре и запрещенных лотереях [в ней 2 подраздела]

Раздел XI. О наказаниях за лживые поступки

- Глава 1. Положения общие
- Глава 2. О лживой присяге, лжесвидетельстве и лживых обысках
- Глава 3. О лживых доносах
- Глава 4. О ябеде и подлоге при переносе дел на апелляцию

УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 года

[Ограничимся приведение наименований лишь разделов Особенной части, каждый из которых подразделялся на главы и отделения. Это два из самых дробных систематизаций. В издании 1832 года оглавление Особенной части занимает 14 страниц]

Раздел II «О преступлениях против веры, и о нарушении ограждающих оную постановлений»

Раздел III «О преступлениях государственных»

Раздел IV «О преступлениях и проступках против порядка управления»

Раздел V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной»

Раздел VI «О преступлениях и проступках против постановлений о повинностях государственных и земских»

Раздел VII «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны»

Раздел VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»

Раздел IX «О преступлениях и проступках против законов о состояниях»

Раздел X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц»

Раздел XI «О преступлениях против прав семейственных»

Раздел XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц»

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1903 года

Глава 2. О нарушении ограждающих веру постановлений

Глава 3. О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против священной особы Императора и членов Императорского Дома

Глава 4. О государственной измене

Глава 5. О смуте

Глава 6. О неповиновении власти

Глава 7. О противодействии правосудию

Глава 8. О нарушении постановлений о воинской и земских повинностях

Глава 9. О нарушении постановлений, ограждающих народное здоровье

Глава 10. О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность

Глава 11. О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние

Глава 12. О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие

Глава 13. О нарушении постановлений о надзоре за общественной нравственностью

Глава 14. О нарушении постановлений о надзоре за воспитанием юношества

Глава 15. О нарушении постановлений о надзоре за печатью

Глава 16. О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлею

Глава 17. О нарушении постановлений о личном найме

Глава 18. О нарушении постановлений о производстве строительных работ и о пользовании путями сообщения и средствами сношения

Глава 19. О преступных деяниях против прав семейственных

Глава 20. О подделке монеты, ценных бумаг и знаков

Глава 21. О подлоге

Глава 22. О лишении жизни

Глава 23. О телесном повреждении и насилии над личностью

Глава 24. О поединке

Глава 25. Об оставлении в опасности

- Глава 26. О Преступных деяниях против личной свободы
 Глава 27. О непотребстве
 Глава 28. Об оскорблении
 Глава 29. Об оглашении тайн
 Глава 30. О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков и иных предметов
 Глава 31. О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием
 Глава 32. О воровстве, разбое и вымогательстве
 Глава 33. О мошенничестве
 Глава 34. О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу
 Глава 35. О преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретения
 Глава 36. О самовольном пользовании чужим имуществом
 Глава 37. О преступных деяниях по службе государственной и общественной

ПРОЕКТ УГОЛОВНОГО УЛОЖЕНИЯ 1918 года

Раздел 2. Преступления против государства и государственного управления

- Глава 2. О государственной измене
 Глава 3. О нарушениях договора о службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Флоте
 Глава 4. О неповиновении власти
 Глава 5. О посягательствах на осуществление избирательного права
 Глава 6. О противодействии правосудию

Раздел 3. Преступления против общественного порядка и спокойствия

- Глава 7. О преступных деяниях против общественного порядка
 Глава 8. О преступных деяниях против общественного спокойствия
 Глава 9. О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность
 Глава 10. О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние
 Глава 11. О нарушении постановлений, ограждающих народное здравие
 Глава 12. О нарушении постановлений о надзоре за общественной нравственностью
 Глава 13. О нарушении постановлений о печати
 Глава 14. О нарушении постановлений о надзоре за воспитанием юношества

Раздел 4. Преступления против личности

- Глава 15. О лишении жизни
 Глава 16. О телесном повреждении и насилии над личностью
 Глава 17. Об оставлении в опасности
 Глава 18. О преступных деяниях против личной свободы
 Глава 19. О непотребстве
 Глава 20. Об оскорблении

Раздел 5. Преступления против имущественных прав

- Глава 21. О преступных деяниях против прав семейственных
 Глава 22. О подлоге
 Глава 23. О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием
 Глава 24. О воровстве, разбое и вымогательстве
 Глава 25. О мошенничестве
 Глава 26. О банкротстве, ростовщичестве и случаях наказуемой недобросовестности по имуществу
 Глава 27. О преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретения и пользовании чужим имуществом

Раздел 6. Преступления против народного хозяйства

- Глава 28. О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлею
 Глава 29. О нарушении постановлений о личном найме
 Глава 30. О нарушении постановлений о производстве строительных работ и о пользовании путями сообщения и средствами сношения
 Глава 31. О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов
 Глава 32. О подделке монеты, ценных бумаг и знаков
Раздел 7. О преступлениях по должности
 Глава 33. Об оглашении тайны
 Глава 34. О преступных деяниях по службе государственной и общественной

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ДЕКРЕТАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (по Д.И. Курскому, 1919)

- I. Преступления против личности. Посягательства на человеческую жизнь. Причинение тяжелых ран или увечья. Изнасилование. Разбой.
- II. Преступления против рабоче-крестьянского правительства. Призыв к открытому сопротивлению или неповиновению рабоче-крестьянскому правительству. Сеяние смуты путем явно клеветнического извращения фактов. Призыв к деяниям явно преступного, т.е. уголовно-наказуемого характера. Созыв населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т.п. способами с контр-революционными целями. Контр-революционные и иные деяния, идущие против всех завоеваний Октябрьской революции и направленные к ослаблению силы и авторитета советской власти. Укрывательство оружия.
- III. Нарушение обязанностей военной службы. Самовольное оставление поста, пьянство при несении караульной службы. Неявка по призыву в тыловое ополчение. Содействие и склонение к невыполнению ополченских обязанностей. Непредставление сведений о лицах, подлежащих регистрации в тыловое ополчение. Дезертирство.
- IV. Нарушение обязанностей государственной или общественной службы. Принятие и дача взятки за содействие в выполнении действия, составляющего обязанность должностного лица.
- V. Нарушение постановлений, регулирующих производство. Необработка земли вопреки обязательных постановлений земельных комитетов. Запрет местными органами советской власти торфяных разработок. Нарушение порядка национализации сахарной промышленности. Нарушение порядка учета и распределения металлов.
- VI. Нарушение порядка снабжения населения продуктами. Противодействие мерам городских советов в деле продовольствия. Незаявление об излишках хлеба. Невывоз хлеба на сыпные пункты и употребление его на самогонку. Сбыт, скупка или хранение с целью сбыта в виде промысла монополизированных продуктов питания. Сбыт, скупка или хранение с целью сбыта в виде промысла нормированных продуктов питания или предметов массового потребления по ценам выше твердых, или других, кроме продуктов питания, монополизированных продуктов. Подделка продовольственных карточек или неправильная выдача их. Сбыт, скупка или хранение с целью сбыта недопущенных к обращению аннулированных процентных бумаг, паев, акций, облигаций и других денежных свидетельств. Сбыт, скупка или хранение платины, серебра или золота в сыром виде, в слитках или монете. Незаконный провоз муки, зерна и других продовольственных продуктов. Нарушение организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства.
- VII. Имущественные правонарушения. Продажа и покупка недвижимых имуществ и земли. Сделки в обход декрета о регистрации акций, облигаций и других процентных бумаг. Самовольные захваты заготовленных лесных материалов. Сделки в обход декрета о дарении. Утайка наследства.

VIII. Нарушение постановлений о частной торговле и кредите. Сделки с границей для ввоза и вывоза. Купля-продажа хлопковых изделий и передача хлопковых предприятий. Ложные записи в торговые книги или ложные заявления об утрате их. Непредставление иностранной валюты в народный банк.

IX. Нарушение постановлений о налогах. Невнесение в срок прямых налогов. Несвоевременная уплата взысканий в фонд обеспечения семей красноармейцев частными торгово-промышленными предприятиями. Невзнос единовременного чрезвычайного налога. Невзнос двухпроцентного обложения химико-фармацевтическими предприятиями.

X. Нарушение постановлений о почте и транспорте. Деяния, идущие против централизации управления, охраны и повышения провозоспособности железных дорог. Неправильное пользование телеграфом, вместо почты. Перевоз в виде промысла денег и маловесных посылок помимо почтового ведомства.

XI. Нарушение постановлений об охране научных и художественных ценностей. Соккрытие от учета учебных пособий. Вывоз за границу предметов искусства и старины. Уклонение от учета и охранения памятников искусства и старины. Самовольное издание произведений, объявленных государственным достоянием.

УК РСФСР 1922 года

Глава I. Государственные преступления

1. О контр-революционных преступлениях
2. О преступлениях против порядка управления

Глава II. Должностные (служебные) преступления

Глава III. Нарушение правил об отделении церкви от государства

Глава IV. Преступления хозяйственные

Глава V. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности

1. Убийство
2. Телесные повреждения и насилия над личностью
3. Оставление в опасности
4. Преступления в области половых отношений
5. Иные посягательства на личность и ее достоинство

Глава VI. Имущественные преступления

Глава VII. Воинские преступления

Глава VIII. Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок

УК РСФСР 1926 года

Глава I. Контр-революционные преступления

Глава II. Преступления против порядка управления

Глава III. Должностные (служебные) преступления

Глава IV. Нарушение правил об отделении церкви от государства

Глава V. Преступления хозяйственные

Глава VI. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности

Глава VII. Имущественные преступления

Глава VIII. Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок

Глава IX. Преступления воинские

ПРОЕКТ УК РСФСР 1930 года

РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА

РАЗДЕЛ II. ОСОБО ОПАСНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МЕРЫ КЛАССОВОГО ПОДАВЛЕНИЯ.

Глава I. Особо опасные преступления.

21. Особо опасными признаются все контрреволюционные преступления (ст.ст. 22, 23) и перечисленные ниже в ст.ст. 24, 25, 26, 27, 28, 29 и 30 преступления против порядка управления, хозяйственные, трудовые должностные, против личности, имущественные и бытовые. Примечание. Борьба с воинскими преступлениями регулируется особым законом.

22. Контрреволюционным признается всякое действие, сознательно направленное или объективно способствующее свержению или ослаблению диктатуры пролетариата, подрыву социалистического строительства и основных политических, хозяйственных и национальных завоеваний пролетарской революции, а равно обороноспособности и внешней безопасности Союза ССР. В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и преследуются и тогда, когда они направлены на всякое иное государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

[Приводится перечень контрреволюционных преступлений без описания санкций]

23. К контрреволюционным преступлениям приравниваются и преследуются наравне с ними следующие особо опасные преступления против порядка управления [Приводится перечень контрреволюционных преступлений без описания санкций]

24. Особо опасными преступлениями против порядка управления являются: [Приводится перечень контрреволюционных преступлений без описания санкций]

25. Особо опасными хозяйственными преступлениями, подрывающими социалистическое строительство пролетариата путем нарушения его хозяйственной политики в отдельных областях его строительства, признаются: [Приводится перечень преступлений без описания санкций]

26. Особо опасными преступлениями в области трудовых отношений являются:

[Приводится перечень преступлений без описания санкций]

27. Особо опасными должностными преступлениями признаются те из должностных преступлений, которые, будучи совершены из корыстных или иных личных видов, совершались систематически или повлекли или могли повлечь существенный вред для государства, рабоче-крестьянской общественности или отдельных граждан.

К особо опасным должностным преступлениям, во всяком случае относятся: [Приводится перечень преступлений без описания санкций]

28. Особо опасными преступлениями против жизни и личного достоинства граждан признаются: [Приводится перечень преступлений без описания санкций]

29. Особо опасными имущественными преступлениями признаются: [Приводится перечень преступлений без описания санкций]

30. Из преступлений, составляющих пережитки родового быта, особо опасными признаются все действия, прикрывающие эксплуатацию бедноты со стороны более экономически мощных групп населения, связанные с неискоренными еще формами родового быта или национальными традициями, обычаями и религиозными предрассудками, в частности: [Приводится перечень преступлений без описания санкций]

Глава II. Меры классового подавления.

[Описываются меры, которые суд может применить к лицам, совершившим особо опасные преступления]

РАЗДЕЛ III. ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕНЕЕ ОПАСНЫЕ И МЕРЫ ПРИНУДИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.

Глава I. Преступления менее опасные.

42. Менее опасными признаются преступления против порядка управления, хозяйственные, трудовые, должностные, имущественные, против личности и бытовые, перечисленные ниже в ст.ст 43, 44, 45, 46, 47, 48 и 49.

43. Менее опасными преступлениями против порядка управления являются: [Приводится перечень менее опасных преступлений без санкций]

44. Менее опасными хозяйственными преступлениями являются: [Приводится перечень менее опасных преступлений без санкций]
45. Менее опасными трудовыми преступлениям» являются: [Приводится перечень менее опасных преступлений без санкций]
46. Менее опасными должностными преступлениями является всякое действие или бездействие должностного лица, которое заключает в себе нарушение им его обязанностей по службе или незаконное использование своего служебного положения, если оно имело или могло иметь своим последствием существенное нарушение интересов советского государства, рабоче-крестьянской общественности или прав и интересов отдельных граждан и не подходит под признаки ст. 27. ... Сюда относятся: [Приводится перечень менее опасных преступлений без санкций]
47. Менее опасными преступлениями против жизни и личного достоинства граждан являются: [Приводится перечень менее опасных преступлений без санкций]
48. Менее опасными имущественными преступлениями являются: [Приводится перечень менее опасных преступлений без санкций]
49. Менее опасными преступлениями, составляющими пережитки родового быта, являются: [Приводится перечень менее опасных преступлений без санкций]
- Глава II. Меры принудительно-воспитательного воздействия.
[Описываются меры, которые суд может применить к лицам, совершившим менее опасные преступления]
- РАЗДЕЛ IV. О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА.**

ПРОЕКТ УК СССР 1939 года

- Раздел I. Преступления государственные
- Глава 1. Контрреволюционные преступления
- Глава 2. Хищения социалистической собственности
- Глава 3. Преступления против государственного управления
- Раздел II. Преступления против личности
- Глава 1. Убийство
- Глава 2. Телесные повреждения
- Глава 3. Незаконный аборт
- Глава 4. Половые преступления
- Глава 5. Оставление в опасности
- Глава 6. Преступления против достоинства личности
- Глава 7. Недоносительство по преступлениям против личности
- Раздел III. Преступления против основных прав граждан
- Глава 1. Преступления против избирательных прав
- Глава 2. Преступления против права на труд и материальное обеспечение
- Глава 3. Преступления против права на образование
- Глава 4. Преступления против равноправия женщин
- Глава 5. Преступления против национального и расового равноправия граждан
- Глава 6. Преступления против свободы совести
- Глава 7. Преступления против свободы слова, печати, собраний и объединений
- Глава 8. Преступления против неприкосновенности личности
- Глава 9. Преступления против неприкосновенности жилища и тайны переписки
- Глава 10. Преступления против права убежища
- Раздел IV. Преступления против авторских прав
- Раздел V. Имущественные преступления
- Раздел VI. Должностные (служебные) преступления
- Раздел VII. Хозяйственные преступления
- Раздел VIII. Преступления против порядка управления
- Глава 1. Преступления против органов власти

- Глава 2. Преступления против нормальной деятельности органов управления
- Глава 3. Преступления, нарушающие деятельность органов правосудия
- Глава 4. Невыполнение государственных повинностей
- Глава 5. Нарушение законов о военной службе
- Глава 6. Нарушение законов о паспортной системе
- Глава 7. Нарушение законов о пользовании природными богатствами
- Глава 8. Преступления в области транспорта и связи
- Глава 9. Нарушение жилищного законодательства
- Глава 10. Незаконное изготовление или сбыт спиртных напитков
- Глава 11. Нарушение постановлений о народном здравии
- Глава 12. Преступления в области общественной нравственности
- Глава 13. Нарушение правил о приобретении и хранении оружия и взрывчатых веществ
- Глава 14. Нарушение правил по технике безопасности
- Глава 15. Нарушение правил о печати
- Глава 16. Сокрытие коллекций и памятников старины
- Раздел IX. Преступления, составляющие пережитки родового быта
- Раздел X. Воинские преступления
- Глава 1. Уклонение от военной службы
- Глава 2. Преступления против порядка военной службы и подчиненности
- Глава 3. Должностные воинские преступления
- Глава 4. Преступления в условиях военных действий

УК РСФСР 1960 года

- Глава 1. Государственные преступления
- Глава 2. Преступления против социалистической собственности (исключена в 1994 году)
- Глава 3. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности
- Глава 4. Преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан
- Глава 5. Преступления против личной собственности граждан (с 1994 года – Преступления против собственности)
- Глава 6. Хозяйственные преступления
- Глава 7. Должностные преступления
- Глава 8. Преступления против правосудия
- Глава 9. Преступления против порядка управления
- Глава 10. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения
- Глава 11. Преступления, составляющие пережитки местных обычаев
- Глава 12. Воинские преступления

Приложение 2. Результаты экспертного опроса

1. Верным ли будет утверждение, что разрешение проблемы источников уголовного права непосредственно связано с влиянием того или иного типа правопонимания?

Да 87%

Нет 13 %

2. Могут ли представления, сложившиеся по вопросу об источниках права в рамках одной отраслевой науки, быть полностью приложимы для познания источников права в иной отраслевой науке?

Да 26%

Нет 74%

3. Можно ли утверждать, что слова «форма права» и «источник права» являются синонимами?

Да 53%

Нет 47%

4. Верным ли будет общее утверждение, что источниками права является система текстов, содержащих предписания, регламентирующие общественные отношения?

Да 100%

Нет 0%

5. Можно ли утверждать, что бланкетное законодательство (нормативные акты, на которые сделаны ссылки в тексте уголовного закона) являются источниками уголовного права?

Да 28%

Нет 72%

6. Исходя из различия понятий конкретизация права (которая осуществляется в нормативных правовых актах) и толкование права (которое осуществляется в судебных актах), считаете ли вы оправданной дифференциацию источников конкретизации уголовно-правового предписания и источников толкования уголовно-правового предписания?

Да 67%

Нет 33%

7. Если выделять категорию социальных источников уголовного права и понимать под ними в общем виде то, что генерирует содержание уголовно-правового предписания, согласны ли вы с уточнением, что таковым источников выступает не столько тот или иной фактор социальной действительности, но прежде всего, его оценка общественным и профессиональным сознанием?

Да 57%

Нет 43%

8. Можете ли вы положительно оценить идею отказа от единого кодифицированного уголовного закона и создания множества законов об уголовной ответственности?

Да 18%

Нет 82%

9. Если признать возможным создание кодекса уголовных проступков, считаете ли вы, что он может быть только федеральным?

Да 98%

Нет 2%

10. Если нормы об ответственности за уголовные проступки размещать в структуре уголовного кодекса, согласитесь ли вы с тем, что в таком случае глава Особенной части должна содержать два отделения – одно об ответственности за преступления, другое – об ответственности за проступки?

Да 59%

Нет 41%

11. Верно ли утверждение, что по вопросам установления преступности деяний не предусмотрено принятие подзаконных актов?

Да 5%

Нет 95%

12. Можете ли поддержать следующее определение постановления Пленума Верховного Суда РФ: формальный источник конкретизации нормативных предписаний, который имеет подзаконный характер, принимается специально в целях уточнения признаков составов преступлений и порядка применения уголовно-правовых норм, распространяется на все потенциально возможные ситуации применения уголовного закона и является общеобязательным?

Да 72%

Нет 28%

13. Согласны ли вы с тем, что определения судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам, хотя и содержат толкование закона, не обладают свойством общеобязательности?

Да 78%

Нет 22 %

14. Верным ли будет утверждение, что уголовно-правовые нормы и уголовно-правовые предписания являются тождественными правовыми образованиями?

Да 37%

Нет 63%

15. Можете ли вы поддержать следующее определение нормативного предписания Особенной части уголовного права: это закрепленное на уровне самостоятельного предложения статьи или части статьи Особенной части УК РФ логически завершённое суждение законодателя о пределах наказуемости преступления, признаки которого определены в этом предписании?

Да 74%

Нет 26%

16. Верным ли будет утверждение что структура уголовно-правовой нормы и нормативного предписания Особенной части уголовного права являются тождественными, включая в себя диспозицию и санкцию?

Да 89%

Нет 11%

17. Согласны ли вы с утверждением о том, что с точки зрения структуры права правовой институт есть «промежуточное» звено между отраслью права и нормой права?

Да 93%

Нет 7%

18. Поддерживаете ли вы суждение о том, что на роль принципов могут претендовать лишь общеобязательные нормативные положения, составляющие фундамент права, и не могут претендовать доктринальные или общественно-политические идеи?

Да 69%

Нет 31%

19. Согласны ли вы с тем, что текст той или иной главы УК РФ не может быть полностью отождествлен с уголовно-правовым институтом?

Да 82%

Нет 17%

20. Поддержите ли вы тезис о том, что уголовно-правовой институт должен строиться на основе правовой конструкции уголовно-правовой охраны того или иного объекта?

Да 73%

Нет 27%

21. Согласны ли вы с тем, что критерий, в соответствии с которым выделяются или объединяются в структуре Особенной части уголовного закона отдельные правовые институты, только один – объект уголовно-правовой охраны?

Да 78%

Нет 22%

22. Поддерживаете ли вы идею теоретической разработки понятия «видового состава преступления»?

Да 96%

Нет 4%

23. Справедливо ли суждение о том, что конструкция видового состава преступления может стать основанием для вычленения в структуре основных институтов Особенной части уголовного права отдельных субинститутов?

Да 64%

Нет 36%

24. Согласны ли вы с тезисом о том, что Особенная часть уголовного права должна восприниматься в качестве составного элемента системы социального управления?

Да 79%

Нет 21%

25. Если признать, что уголовное право находится в состоянии в кризиса, верным ли будет утверждение о том, что главная причина этого кризиса в том что уголовно-правовой приоритет охраны личности, ее прав и свобод, не согласуется с реализуемой в государстве регулятивной стратегией, ориентированной на приоритетную охрану интересов государства?

Да 72%

Нет 28%

26. Верно ли утверждение о том, что уголовно-правовой запрет не может быть сконструирован без предварительного позитивного урегулирования поведения граждан в той или иной области социальных отношений?

Да 69%

Нет 31%

27. Согласны ли вы с утверждением о том, что предписания Особенной части уголовного права всегда должны соответствовать положениям Общей части?

Да 98%

Нет 2%